

Е.А. ТАРАБРИН

НОВАЯ СХВАТКА
за
Африку

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АФРИКИ

Е. А. ТАРАБРИН

НОВАЯ СХВАТКА ЗА АФРИКУ

проблемы межимпериалистической
борьбы
в освободившихся странах
континента

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ"
МОСКВА 1972

Работа посвящена анализу проблем межимпериалистических противоречий в освободившихся странах африканского континента. Новым в данной монографии является исследование межимпериалистической борьбы как части сложной системы сотрудничества и соперничества империалистических держав, развивающейся под воздействием мирового социализма, международного рабочего и национально-освободительного движений, в условиях научно-технической революции. В работе прослеживается нарастание противоречий между империалистическими державами в сфере колониальных проблем с периода второй мировой войны, детально исследуются экономические, политические, идеологические, военные и дипломатические аспекты этих противоречий в освободившейся Африке. Дается оценка перспектив межимпериалистических столкновений и возможностей использования их в интересах революционного и национально-освободительного движений.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В. Г. Солодовников

ВВЕДЕНИЕ
ПРОТИВОРЕЧИЯ
СОВРЕМЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА
И АФРИКА

Мировой империализм прилагает сейчас бóльшие, чем прежде, усилия к объединению отрядов монополистической буржуазии. К этому его вынуждают общие классовые интересы капиталистического мира. В обстановке борьбы двух мировых систем, бурно развивающейся научно-технической революции, подъема международного рабочего и национально-освободительного движений капитализм, несмотря на попытки приспособиться к новым условиям, последовательно утрачивает важнейшие позиции в мировой экономике и политике.

Усиление центростремительных тенденций в лагере империализма не устраняет, однако, межимпериалистических противоречий. Они продолжают развиваться, причем в их характере и динамике отчетливо проявляется столкновение закономерностей, порождаемых борьбой двух систем, с закономерностями внутреннего развития капитализма. К его старым антагонизмам добавляются новые, сплетаясь с ними в единую сеть.

«Ни процессы интеграции, ни классовая заинтересованность империалистов в объединении усилий для борьбы против мирового социализма не устранили противоречий между империалистическими государствами. К началу 70-х годов отчетливо определились основные центры империалистического соперничества: это США — Западная Европа (прежде всего — шестерка стран «Общего рынка») — Япония. Между ними все острее разворачивается экономическая и политическая конкурентная борьба»,¹ — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Сужение сферы господства империализма в сочетании с обострившейся неравномерностью развития отдель-

ных капиталистических стран ведет к тому, что в полной мере дают себя знать такие органически присущие капитализму черты, как неискоренимая рознь экономических интересов монополий, погоня за прибылью, стремление к захвату рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала. В результате в капиталистическом мире возникают многочисленные формы конкретных разногласий, образующих в своей взаимосвязи глобальный комплекс межимпериалистических противоречий с его основными центрами.

Межимпериалистическая борьба, таким образом, является частью целостной системы сотрудничества и соперничества, единства и противоречий империалистических держав.

Противоречиям современного империализма свойствен ряд новых отличительных черт. Во-первых, они развиваются под определяющим воздействием главного противоречия нашей эпохи. Ныне империализм — это одна из двух противостоящих друг другу мировых систем, причем неуклонно теряющая свои позиции в пользу социализма.

Во-вторых, на процессы в капиталистическом мире оказывает сильнейшее воздействие научно-техническая революция. Она ускоряет рост производства, но при этом углубляется разрыв в научно-техническом прогрессе отдельных капиталистических стран, усиливается неравномерность их развития.

В-третьих, современный капитализм — это государственно-монополистический капитализм. Он неразрывен с капитализмом вообще как с социально-экономической формацией. Каким бы модификациям в условиях государственно-монополистического капитализма ни подвергалось капиталистическое общество, его антагонизмы продолжают углубляться. Опираясь на силу и поддержку государства, буржуазия каждой империалистической державы стремится упрочить и расширить свои позиции в конкурентной борьбе на мировом капиталистическом рынке, облегчить соперничество национальных монополий с монополиями других стран.

На современном этапе с особой силой проявляется ленинский закон скачкообразного, неравномерного развития капитализма, причем действие этого закона также неразрывно связано с борьбой двух мировых систем.

Под воздействием соревнования с мировой социали-

стической системой правящие круги капиталистических стран вынуждены еще более усиленно стимулировать экономический рост. Но разный научно-технический и экономический потенциал приводит при этом к углублению неравномерности развития отдельных капиталистических государств, что расшатывает относительное единство империалистического лагеря, обостряет межимпериалистические противоречия.

Важное значение для оценки состояния и перспектив межимпериалистической борьбы имеют вопросы соотношения промышленных потенциалов, внешней торговли и валютных ресурсов основных капиталистических государств. Неравномерность их развития в современных условиях иллюстрирует таблица 1.

Из таблицы видно, что в 1950 г. на США и Англию приходилось 66,2% производства всего капиталистического мира, через 10 лет — 55,1, еще через десятилетие — 48,3%. В то же время суммарный удельный вес стран, потерпевших поражение во второй мировой войне, — ФРГ, Италии и Японии — увеличился с 10,7% в 1950 г. до 17,4% в 1960 г. и 23% в 1970 г.

Еще бóльшую неравномерность обнаруживает динамика экспортной торговли, что особенно симптоматично, учитывая главный девиз деловых кругов капиталистических стран — увеличивать экспорт, сокращая импорт. В 1950 г. на две главные капиталистические державы — США и Англию — приходилось около 30% всего экспорта капиталистического мира. Через 10 лет этот показатель снизился до 27%, а за последующее десятилетие — до 22,7%. Соответствующие суммарные данные для Федеративной Республики Германии, Японии и Италии — 7,3, 17,1 и 24,9%.

Не менее характерны данные о динамике золотых и валютных резервов. В 1948 г. золотые и валютные резервы США в 6 раз превосходили суммарный объем этих резервов Франции, ФРГ, Италии и Японии. К 1959 г. эта группа лишь вдвое отставала по данному показателю от США, а в 1969 г. уже оставила их позади.

Наконец, таблица показывает, что в 1937—1959 гг. США занимали первое место по темпам роста промышленного производства, а в 1960—1970 гг. — предпоследнее. Наибольший разрыв в период 1937—1959 гг. был между США и Англией — 2,7%, а в 1960—1970 гг. между Японией и Англией — 11%.

Таблица 1

Основные экономические показатели
главных империалистических держав

Годы	США	Англия	ФРГ	Франция	Италия	Япония
Доля в промышленном производстве капиталистического мира, в %	54,6 45,8 41,3	11,6 9,3 7,0	6,6 9,6 9,7	4,4 4,7 4,8	2,5 3,4 3,7	1,6 4,4 9,6
Доля в мировом капиталистическом экспорте, в %	18,3 18,1 15,6	11,0 8,9 7,1	3,6 10,2 12,2	5,5 6,1 6,3	2,2 3,3 5,8	1,5 3,6 6,9
Золотые и валютные резервы, в млн. долл. на конец года	24 399,0 19 507,0 16 964,0	2 009,0 2 750,0 2 527,0	295,0 4 533,0 7 129,0	553,0 1 720,0 3 833,0	— 2 953,0 5 005,0	— 1 321,0 3 654,0
Среднегодовые темпы роста промышленного производства, в %	4,8 4,5	2,1 2,9	3,7* 6,1	3,3 5,6	4,0 6,8	3,8 13,9

* 1937—1945 гг. — вся Германия.

Источники: UN «Statistical Yearbook», «Monthly Bulletin of Statistics» за соответствующие годы и месяцы; «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран», обзоры за 1967 г. и начало 1968 г. за 1969 г. и начало 1970 г. Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения»; «International Financial Statistics», March 1950, 1954, 1961, June 1970.

Приведенная выше таблица позволяет сделать вывод, что для системы современного капитализма характерны быстрота изменения темпов экономического роста основных капиталистических стран, а также то, что неравномерность развития достигла сейчас наивысшей в послевоенной истории степени.

Исследуя проблемы межимпериалистической борьбы в системе международных отношений капитализма, необходимо постоянно учитывать сложную диалектическую взаимосвязь базиса и надстройки. Экономические факторы оказывают воздействие на международные отношения лишь через многократное опосредствование, многоступенчатое преломление в ходе классовой борьбы, во внутренней и внешней политике государства. К. Маркс определял международные отношения как *«вторичные и третичные, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения»*². На современном этапе межнациональные отношения в капиталистическом мире представляют особенно сложный комплекс взаимообусловленных отношений экономического и политического порядка, причем эти отношения развиваются при значительно усилившемся воздействии двух противоречивых факторов — объединения и разобщения экономических и политических сил империалистических держав.

Совместную защиту своих классовых интересов империалистические государства пытаются найти в организации военно-агрессивных блоков и союзов, создании международных монополий и в экономической интеграции. Последнее явление заслуживает специального внимания, поскольку в западной литературе нередко можно встретить утверждения, что интеграционные процессы в капиталистическом мире демонстрируют его «стабилизацию», переход в «бесконфликтную стадию». Интеграционные образования, бесспорно, можно рассматривать как результат усиления центростремительных тенденций в лагере империализма. Однако нельзя забывать о том, что интеграция в условиях капитализма — это **империалистическое** средство преодоления узости национальных границ на современной стадии развития производительных сил, фактически мирная форма передела сфер влияния в интересах монополий различных стран. Поэтому неизбежным следствием капиталистической интеграции является не только дальнейшее обострение традицион-

ных противоречий между участниками группировок, но и «порождение ею новых противоречий — как между интегрированными группировками и внешним миром, так и внутри этих группировок»³.

Не ослабляет в существенной мере межимпериалистических противоречий и форсированное создание в последние годы международных монополий, отражающее присущую капитализму тенденцию к усилению взаимозависимости национальных хозяйств и интернационализации производства. И в данном случае интенсификация процесса переплетения капиталов участников этих монополий и неминуемо вытекающее отсюда взаимопроникновение сталкивает интересы соответствующих империалистических государств. Кроме того, обостряется важный антагонизм современного империализма — между интересами государства и международной корпорации. Торгово-таможенные границы начинают служить помехой деятельности этих корпораций, особенно если их предприятия расположены в нескольких странах и связаны системой кооперированных поставок. В этих условиях правительства соответствующих стран становятся перед необходимостью вынужденной «либерализации» торговли, ввода законодательства, наносящего ущерб широким национальным интересам. Даже буржуазные исследователи констатируют, что основной принцип деятельности международных корпораций ведет к ущемлению государственных интересов: «Рассматривая весь мир как свой рынок, они (корпорации. — *Е. Т.*) организуют и размещают производство, а также осуществляют сбыт продукции, невзирая, насколько это позволяют место и время, на национальные (политические) границы»⁴. Естественно, что игнорирование «сверхмонополиями» национального суверенитета служит одной из серьезных причин межимпериалистических противоречий, причем перспективы дальнейшего их обострения очевидны. «Конфликт между многонациональными корпорациями и государствами в предстоящие годы станет еще более рельефным, — отмечает президент американского совета международной торговой палаты К. Филлипс, — национальным властям следует приспособляться к наднациональным требованиям все более взаимозависимого мира»⁵. Трудно, однако, предположить, что все буржуазные государства безоговорочно примут подобные советы, поскольку капитуляция перед экспансией международ-

ных монополий в конечном счете также означает экономический передел мира, причем в пользу более сильного.

В современных условиях межимпериалистическая борьба принимает новые формы, соответствующие изменившейся обстановке. Характерная особенность империалистических противоречий нынешнего периода состоит в том, что на международной арене теперь сталкиваются силы и интересы не только государств, но и экономических блоков капиталистических стран, выступающих как самостоятельный фактор империалистической борьбы за передел мира. Таким образом, к традиционному соперничеству «национальных» империализмов добавляются конкуренция объединенных сил — экономических группировок между собой и с отдельными державами, а также конфликты, происходящие внутри этих группировок.

Новые субъекты конкурентной борьбы в капиталистическом мире оказывают существенное влияние на общее развитие империалистического соперничества и расстановку экономических и политических сил империализма в целом. В общем комплексе межимпериалистических противоречий, в силу этих обстоятельств, выделяется сейчас главный антагонизм — между США и Европейским экономическим сообществом. В этом очаге столкновения носят наиболее острый характер. Вторым по значению следует считать американо-японский узел противоречий. Традиционное соперничество этих двух держав приобретает сейчас новые качественные черты.

Нельзя правильно оценить эволюцию и перспективы межимпериалистических противоречий, учитывая лишь экономические процессы, свойственные капиталистическому миру. Острота противоречий между империалистическими державами не обязательно прямо пропорциональна их экономическому весу и потенциалу. Пример этому — столкновения в последние годы США и Франции, экономические силы которых далеко не равны. В межнациональном общении сейчас все возрастающую роль играет политика. От политики, как внешней, так и внутренней, в значительной мере зависят характер, темпы, формы, особенности соперничества и конкурентной борьбы империалистических государств. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал взаимозависимость внешней и внутренней политики. На современном этапе их взаимодействие становится особенно тесным и вместе с тем сложным, причем именно внешнеполитические факторы

в некоторых случаях оказывают решающее воздействие на ход межимпериалистической борьбы. Не случайно эта борьба все шире охватывает сферу внешнеполитических и военно-политических проблем, что находит отражение в кризисе НАТО и других военно-политических блоков.

Мировая социалистическая система оказывает все возрастающее влияние на межимпериалистические противоречия и во внешнеполитической области. Внешняя политика социалистических стран усиливает разногласия в среде империалистов, способствует развитию центробежных тенденций в их военно-политических союзах. Более того, объектами межимпериалистического соперничества становятся сами политические и экономические отношения со странами социализма. Одни капиталистические группы проявляют заинтересованность в развитии этих отношений, что предопределяется и объективными закономерностями эволюции международного разделения труда и рынка; другие — противодействуют контактам с социалистическими странами, пытаются затормозить внешнеполитическую активность своих соперников. Фактически под воздействием внешней политики стран социалистической системы происходит отмеченный еще В. И. Лениным процесс размежевания между пацифистским и агрессивным крылом в буржуазном лагере. Наглядным примером этому может служить далеко не однозначная реакция различных капиталистических государств и политических кругов на договор между СССР и ФРГ, подписанный в Москве в августе 1970 г., на предложения Советского правительства по вопросам европейской безопасности, на развитие советско-французских отношений и т. д.

Принципиально новый характер соотношения сил на международной арене, определяемый в первую очередь ростом экономической и военной мощи Советского Союза, вносит существенные коррективы и в формы разрешения империалистических противоречий. Хотя империализм по-прежнему отличается «наименьшим миролюбием и свободолубием, наибольшим и повсеместным развитием военщины»⁶ и полностью сохраняет свою политическую особенность — «...реакция по всей линии...»⁷, разрешение главного противоречия эпохи военными средствами, в форме мировой войны, сейчас маловероятно. Империализм вынужден мирно сосуществовать с социалистической системой, ограничиваясь агрессивны-

ми пройсками на периферийных фронтах. Что же касается межимпериалистических антагонизмов, то наличие социалистического содружества также ограничивает возможность военных столкновений между империалистическими державами.

Борьба за передел сфер влияния ведется между империалистическими силами постоянно, носит многообразный характер и территориально охватывает весь капиталистический мир. В настоящее время ареной напряженного соперничества и конкуренции империалистических держав становятся развивающиеся страны.

Бесспорен тот факт, что колониальная система играла в процессе становления мирового капиталистического хозяйства хотя и весьма важную, но подсобную роль. Вместе с тем она в значительной степени благоприятствовала подъему хозяйства в метрополиях. Политическое господство давало им возможность экспроприровать и присваивать материальные богатства колоний, ориентировать их экономику на производство необходимого сырья, расширять сферу приложения капитала и рынки сбыта. Однако по мере дальнейшего развития мировой капиталистической системы появились качественно новые возможности эксплуатации экономически отсталых стран и без прямого политического господства над ними.

Распад колониальной системы стал началом важнейшего процесса ослабления бесконтрольного хозяйничанья бывших колониальных держав в ранее зависимых от них странах, утраты этими державами монополии на поставки освободившимся странам промышленных товаров, машин, оборудования, на импорт их сырьевой продукции, на предоставление им займов, кредитов и технического опыта. Этот процесс распространился и на империализм в целом, поскольку он лишился возможностей официально препятствовать развитию сотрудничества в данных сферах международного разделения труда между социалистическими и освободившимися странами. В итоге, с одной стороны, создается основа для единства политики империалистических держав в отношении молодых государств, но, с другой — и это следует особенно подчеркнуть — резко обостряется конкурентная борьба империалистов за сужающиеся сферы влияния в «третьем мире», который по-прежнему остается для капиталистических государств одним из крупнейших источников

прибылей. Таким образом, и здесь отношения империалистических сил испытывают воздействие двух тенденций — к объединению и разобщению, сплетаясь в сложнейшие комплексы противоречий.

Классовая солидарность обуславливает стремление империалистических держав к объединению в борьбе против дальнейшего роста национально-освободительного движения и укрепления контактов освободившихся стран с социалистическим содружеством. Совпадают их позиции и по вопросам стратегии развития «третьего мира» по капиталистическому пути. Эти общие цели определяют основное содержание неокOLONIALИЗМА в целом и его методов экспансии. Вместе с тем, поскольку в подавляющем большинстве молодые государства остались в системе капиталистического разделения труда и рынка и продолжают подвергаться империалистической эксплуатации, они служат объектом упорной конкурентной борьбы между империалистическими державами и монополистическими группировками.

Межимпериалистическая борьба охватывает сферу бывшего колониального и зависимого мира именно потому, что ключевые отрасли экономики развивающихся стран по-прежнему находятся в руках монополий, а распад колониальных империй открыл доступ в освободившиеся страны конкурирующим империалистическим силам. Естественно, что традиционные методы оттеснения соперников путем применения военных средств сейчас маловероятны. Однако межимпериалистические противоречия, несмотря на изменения в методах их разрешения, не теряют антагонистического характера, и конкурирующие капиталистические державы изыскивают и применяют новые формы экономического и политического передела бывших колониальных империй.

Из всех районов развивающегося мира африканский континент превратился в основное поле столкновений империалистических держав. Это определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, развивающийся мир далеко не однороден. Включаемые в эту категорию страны, а их более ста, находятся на разном уровне социально-экономического и политического развития. По сравнению с Азией и Латинской Америкой Африка в своей подавляющей части — наиболее отсталый континент. Во-вторых, Африка являлась самым ярким воплощением колониальной системы

империализма в целом — на ее территории находились владения шести колониальных империй и междоусобная борьба колонизаторов имеет здесь глубокие исторические корни. В-третьих, на африканском континенте колониальные режимы рухнули в последнюю очередь, а португальский анклав колониализма существует и по сей день. В-четвертых, Африка необычайно богата. Ее сырьевые, энергетические и людские ресурсы представляют для империалистических держав значительный интерес, несмотря на структурные сдвиги в сфере материального производства капиталистического мирового хозяйства. В-пятых, развивающиеся страны других континентов или уже достигли определенной степени самостоятельности, что позволяет национальным правительствам «регулировать» конкурентную борьбу империалистических держав, или остаются зоной монопольного влияния одной державы. Все эти факторы стимулируют экспансию империалистических держав на африканском континенте, а столкновения их интересов порождают противоречия и борьбу. Фактически после распада колониальных империй империалистические державы пытаются осуществить новый экономический и, в известной мере, политический передел Африки.

Эволюция межимпериалистической борьбы на африканском континенте в послевоенный период имеет достаточно четкую историческую периодизацию, тесно связанную с ходом мировых событий и этапами развития национально-освободительного движения. Сильный импульс соперничеству империалистов получило еще в годы войны (1940—1945 гг.). Несмотря на специфику военной обстановки, колониальные проблемы занимали существенное место в системе отношений западных союзников, в числе которых были две главные метрополии — Англия и Франция и их основной конкурент — США. Каждая из этих держав планировала послевоенное переустройство мира в интересах своего монополистического капитала. Этап нарастания национально-освободительной борьбы в Африке (1946—1960 гг.) характеризуется, с одной стороны, совместными усилиями империалистических держав, направленными на предотвращение краха колониализма, а с другой — активным вторжением США, а затем ФРГ, Италии и Японии, воспользовавшихся ослаблением европейских колонизаторов, в зоны их пока еще безраздельного господства на континенте.

С начала 60-х годов освободившиеся страны Африки вступили в этап социально-экономического становления, борьбы за экономическую независимость, преодоление хозяйственной отсталости, все еще оставаясь, однако, источником важнейших видов сырья, рынком сбыта и поставщиком дешевой рабочей силы для капиталистического мира. Ликвидация политических и иных барьеров, которыми бывшие метрополии огораживали свои колониальные владения, открыла возможности более свободного доступа в освободившиеся страны их империалистическим конкурентам.

Межимпериалистические противоречия на африканском континенте можно свести в несколько основных групп:

— противоречия в экономической сфере между бывшими метрополиями, то есть Англией, Францией, Бельгией, с одной стороны, и другими странами монополистического капитала: США, ФРГ, Японией — с другой;

— противоречия между США, преследующими в своей экспансионистской политике главным образом военно-политические цели, и странами Западной Европы и Японией, у которых превалируют экономические интересы;

— противоречия между Европейским экономическим сообществом и Англией, чьи позиции на континенте подрывает экспансия «Ассоциации — Еврафрика»⁸, и США, которым система ассоциации ставит серьезные преграды на пути в большую группу африканских стран;

— противоречия между участниками ЕЭС, в первую очередь между Францией и ФРГ;

— противоречия между Японией, пытающейся в силу быстрого роста своей экономики приобрести прочные позиции на африканском континенте, и странами Западной Европы.

Деление это, в известной мере, условно, поскольку все эти противоречия теснейшим образом переплетаются, создавая сложные комплексы и узлы соперничества. Кроме того, их развитие сопровождается частыми переходами империалистических держав от единства действий в различной комбинации против национально-освободительных сил к острым разногласиям и столкновениям.

Империалистические державы едины в стремлении сохранить освободившиеся страны африканского континента в сфере капиталистического способа производства. Нет среди империалистов и разногласий в том, что эти

страны должны оставаться под контролем промышленно развитого капиталистического государства. Но какого? Именно в этом вопросе и проявляется соперничество, конкуренция и борьба. Американский империализм выдвигает в качестве условия «согласованной» политики в области социально-политического и экономического развития стран Африки предоставление руководящей роли США. ФРГ и Япония претендуют как минимум на полный паритет. Бывшие же метрополии стремятся сохранить за собой монопольное право «регулировать» развитие стран, в которых они еще недавно располагали безраздельным господством. Таким образом, уже основные принципы африканской политики стран империализма несут груз острых противоречий. Кроме того, сталкиваются собственные специфические интересы отдельных государств.

Фактически все конкурирующие в Африке империалистические державы движимы в своей политике аналогичными, а потому и постоянно вступающими в противоречия интересами.

В изданной недавно в Лондоне книге «Англия в завтрашнем мире» говорится: «...Существует очевидный и значительный «классовый интерес» в сфере внешней политики, который обуславливает не только защиту конкретных британских позиций за границей, но и поддержание в иностранных государствах благоприятных условий для свободного поступления дивидендов в Англию»⁹. Если учесть, что на Африку приходится около 20% зарубежных инвестиций Англии, 12% общего объема ее внешней торговли и 27% всех получаемых от «заморских операций» прибылей, то приводимая выше цитата достаточно полно характеризует английскую политику в африканских странах. Необходимо лишь добавить, что в борьбе за сохранение своих позиций в Африке британский империализм руководствуется и политическими соображениями. Большинство бывших африканских владений Англии стало ее «партнерами» по Содружеству наций. Это обстоятельство расценивается как важное условие сохранения Великобританией престижа великой державы.

Франция в еще большей мере, чем Англия, заинтересована в Африке. На франкоязычные страны континента приходится 32% всех французских частных инвестиций за границей. Необходимость защиты интересов французского монополистического капитала от империалистичес-

ких конкурентов послужила немаловажной причиной того, что Франция связала свои освободившиеся колонии системой «Соглашений о сотрудничестве» и одновременно вовлекла их в «общий рынок» на правах ассоциированных членов. «Африка, говорящая на французском языке, является почти неограниченной областью осуществления политики, отражающей национальные интересы...»¹⁰, — заявил 25 июля 1970 г. министр национальной обороны Франции М. Дебре.

Английский ежемесячник «Уорлд тудей» даже отмечал, что «военное присутствие Франции в Африке не ограничивается соображениями престижа. Могут найтись и такие люди, которые сочтут, что эти войска защищают сферу французского влияния от англосаксов»¹¹.

Интересы Соединенных Штатов Америки в Африке также определяются экономическими и политическими соображениями. Для американских монополий значительный интерес представляет африканское сырье. США ввозят из Африки почти 100% импортируемых ими алмазов, литиевых материалов, бериллия, колумбита, кобальта; от 25 до 50% сурьмы, хрома, марганца, тантала; значительное количество каучука, золота, урана, нефти. Частный капитал США соблазняют и высокие прибыли от инвестиций. К 1970 г. прямые американские капиталовложения в африканских странах составили почти 3 млрд. долл., причем официальные цифры не отражают косвенных инвестиций — через участие в европейских компаниях. Доход некоторых американских монополий в Африке достигает 40% на вложенный капитал, то есть около 1 млрд. долл. в год.

Американские правящие круги, распространяя свое политическое влияние на бывшие африканские владения европейских держав, стремятся ослабить позиции вчерашних метрополий в системе международных отношений в целом. Эта тенденция вытекает из претензий США на «мировое лидерство», а также из их убежденности в том, что лишь американское политическое влияние способно оградить молодые государства от «проникновения коммунизма». Между Францией и США уже давно возникли острые политические разногласия. Англия хотя и числится главным партнером США, но уже давно не рассматривается ими как фактор силы.

ФРГ, Япония и Италия на данном этапе преследуют в Африке в первую очередь экономические цели (не от-

казываясь попутно и от решения некоторых политических задач). Западногерманские монополии стремятся восполнить нехватку сырьевых ресурсов на собственной территории, получить доступ к источникам дефицитных полезных ископаемых, создать в африканских странах прочный рынок своим товарам. По свидетельству журнала «Шпигель», через 50 лет после ликвидации германского колониального владычества и через 25 лет после окончания второй мировой войны промышленники с Рейна и Рура сумели «вновь окопаться» уже в более чем 100 развивающихся странах, в том числе всего африканского континента¹².

Япония за последние несколько лет резко увеличила объем товарооборота с Африкой и активно инвестирует частный капитал в основном в горнодобывающую и обрабатывающую промышленность континента. «Усиленное стремление японского монополистического капитала проникнуть в Африку объясняется потребностью в ресурсах, необходимых для расширения капиталистической экономики...»¹³, — отмечал в мае 1970 года еженедельник «Джапан пресс».

Италия играет в Африке далеко не первую роль, однако доля африканских стран в общей сумме экспорта итальянского капитала в «третий мир» составляет 84%. На рынках Северной Африки итальянские компании успешно конкурируют с компаниями Франции, ФРГ и даже США.

Межимпериалистической борьбой охвачены огромные территории Африки. Практически в той или иной степени она ведется во всех освободившихся странах континента, однако можно выделить и основные узлы соперничества.

Англо-американские противоречия концентрируются в странах бывшей британской Африки; американо-французские — во франкоязычных странах континента. Здесь же находится главный африканский узел противоречий США — ЕЭС. В странах Восточной Африки Англия наряду с давлением США начинает сталкиваться со все возрастающим проникновением ФРГ и Японии. Северная Африка — основное поле борьбы капиталов Франции, США и ФРГ. Наконец, те африканские государства, на территории которых сосредоточены запасы полезных ископаемых, стали объектами борьбы крупнейших монополистических объединений всех основных империалистических держав.

Особое место в системе взаимоотношений империалистических государств на африканском континенте занимают страны социалистической ориентации. Стремление свернуть эти страны с избранного пути развития вынуждает империалистические державы к определенному единству действий, однако противоречия между ними не устраняются. Видоизменяются лишь в соответствии с требованиями обстановки методы их разрешения. Так, междоусобная борьба империалистов за политическое и идеологическое влияние отступает на задний план. Но продолжается конкуренция в сфере экономики, идет борьба за источники сырья, за сферы выгодных капиталовложений, рынки товаров и услуг. Тот факт, что межимпериалистическая борьба ведется и в странах социалистической ориентации, объясняется двумя причинами. Во-первых, эти страны еще продолжают, как правило, оставаться в зависимости от мирового капиталистического рынка и иностранного капитала со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во-вторых, противодействие капиталистических монополий тенденциям независимого пути развития главным образом проявляется в их попытках глубже проникнуть в экономику стран социалистической ориентации, что неизбежно порождает конкуренцию и соперничество, поскольку монополии устремляются в одни и те же отрасли, например в добычу алжирской нефти, гвинейских бокситов и т. д.

В определяющем воздействии, которое оказывает социалистическая система на противоречия империалистических держав в Африке, важнейшую роль играет политика Советского Союза и других стран мировой социалистической системы в отношении африканских стран. Под влиянием этой политики, основанной на интернациональной дружбе и сотрудничестве с революционными, освободительными и антиимпериалистическими силами континента, видоизменяются многие закономерности международных отношений империализма. Если прежде монополистический капитал, осуществляя экспансию в развивающиеся страны, считался лишь с силой своих империалистических конкурентов, то теперь ему необходимо принимать во внимание наличие мировой социалистической системы, учитывать ее готовность оказывать освободившимся странам всестороннюю поддержку.

Вопреки противодействию империалистов заметно расширяются связи СССР с многими странами Африки.

Народы освободившихся колоний, лидеры национально-освободительных движений убедились, что социалистические государства — их верные друзья и союзники по борьбе с империализмом и неокOLONиализмом, за социальный и экономический прогресс. Казалось бы, что в этих условиях возможен лишь один результат — под натиском социализма империалисты будут стремиться к консолидации своих сил; наличие общего противника заставит их полностью отодвинуть противоречия на второй план. Но механизм воздействия политики социалистического содружества, и в первую очередь Советского Союза, на межимпериалистические отношения в развивающихся странах, а также итоги этого воздействия оказываются сложнее и не всегда укладываются в привычные формулы. Утрата империализмом территориальной монополии, сужение и ограничение сферы его господства порождают новые противоречия между капиталистическими государствами. Собственные интересы нередко берут верх над империалистической солидарностью.

Ход событий в капиталистическом мире за последние годы показывает, что распад колониальной системы привел к обострению межимпериалистической борьбы за передел сфер влияния и к значительному усложнению ее форм. Утрата империализмом важнейших позиций в мировой экономике и политике в сочетании с неравномерностью развития основных империалистических держав, углублением валютно-финансового кризиса, остротой проблемы экспорта ожесточает соперничество между национальными монополиями, претендующих на доминирующую роль в решении мировых и национальных проблем воспроизводства капитала. В этих условиях межимпериалистические противоречия все шире распространяются и на освободившиеся страны. Идет борьба вокруг «резервных рынков» этих стран, сфер приложения капитала, источников стратегического сырья, за политическое и идеологическое влияние. Характер и динамику развития империалистических противоречий в той части мира, которая еще недавно состояла из колониальных империй, можно отчетливо наблюдать в Африке, где сталкиваются интересы практически всех империалистических держав.

Данная книга не претендует на полный охват и исчерпывающее освещение столь сложной и многоплановой темы, как эволюция и перспективы межимпериалистических противоречий в Африке. Во-первых, автор ограничи-

вает предмет исследования проблемами межимпериалистической борьбы в освободившихся странах континента и не включает в анализ интересные, но самостоятельные вопросы — отношения империалистических держав на расистско-колониальном юге Африки, роль и место в этих отношениях «локального» империализма ЮАР. Во-вторых, некоторые изучаемые процессы еще окончательно не раскрылись, а в отношении других не накопилось достаточного количества достоверных фактических материалов. Поэтому отдельные проблемы затронуты в порядке постановки вопроса и выводы по ним могут иметь лишь предварительный характер.

Методологическая основа книги — марксистско-ленинское учение об империализме, получившее дальнейшее творческое развитие в материалах и решениях съездов и пленумов ЦК КПСС, документах международных Совещаний коммунистических и рабочих партий, выступлениях руководителей КПСС. Поскольку автор в своем исследовании опирался также на научные труды советских ученых, в которых затрагиваются некоторые рассматриваемые им проблемы, читатель в отдельных случаях отсылается к соответствующим источникам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
**НАРАСТАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ
И СОПЕРНИЧЕСТВА**

**ГЛАВА I. КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ЗАПАДНЫХ СОЮЗНИКОВ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

События современности подготавливаются глубокими и длительными историческими процессами. Поэтому определение общих закономерностей истоков и эволюции межимпериалистических противоречий в Африке — необходимый исходный рубеж для последующего исследования их частных аспектов. Новый импульс межимпериалистической борьбе за передел рынков и сфер влияния дала вторая мировая война. Несмотря на специфику военной обстановки, колониальные проблемы занимали существенное место в системе отношений западных союзников, порождая постоянные конфликты. Именно в этот период были заложены многие основы их противоречий, соперничества, конкуренции и борьбы на континенте в настоящее время.

В сентябре 1940 г. после разгрома Франции фашистские страны — Германия и Италия — заключили соглашение, по которому северная и восточная части Африки отходили к Италии, а остальная часть континента к югу от Сахары — к Германии. Одновременно в лагере держав оси был выдвинут лозунг — «Англию вон из Африки».

Учитывая, что это была позиция воюющей стороны, позиция врага, в условиях войны вполне естественная, она вызывала лишь дополнительное раздражение у европейских противников держав оси и одновременно демонстрировала замыслы агрессора. Зато в среде союзников проблема колоний стала поводом острых разногласий и взаимного недоверия. Так, Англия не только не помышляла об уходе из Африки, но, наоборот, пыталась расши-

рить свои колониальные владения на континенте за счет поверженной Франции.

Эту цель, в частности, преследовали предложения английского правительства, выдвинутые летом 1940 г., когда дни Франции, казалось, были уже сочтены, о создании единого англо-французского государства. Планы Лондона нашли тогда свое практическое воплощение в односторонней, не согласованной с Францией акции — директиве, направленной Форин оффисом 17 июня 1940 г. всем английским консулам во французских колониях. Директива обязывала консулов предложить французам «покровительство» в случае поражения Франции.

Французское правительство, естественно, категорически отвергло «интеграционные» идеи Лондона, а по поводу директивы заявило резкий протест¹. Однако и в дальнейшем, в ходе войны, британский империализм неоднократно предпринимал попытки к легальному захвату французских колоний, что вызывало резкие разногласия между английским правительством и руководством «Сражающейся Франции», отголоски которых слышны и по сию пору.

Делая ставку на де Голля, поддерживая его как лидера движения «Свободная Франция», англичане исходили не только из интересов консолидации сил западных союзников. Ставилась и попутная задача — использовать де Голля для захвата Англией французских колоний. Но уже в 1942 г. стало ясно, что, несмотря на военную ситуацию, де Голль оказывает упорное сопротивление этим планам Лондона. Конфликт принял такие масштабы, что английское правительство начало даже подыскивать «замену» де Голлю, который, по словам Черчилля, якобы не вносил «должного вклада» в победу над державами оси. Лишь отсутствие подходящего кандидата помешало осуществлению этого замысла, однако англичане продолжали всячески мешать установлению де Голлем контроля над колониальными владениями Франции. Весной 1942 г. Лондон и Вашингтон отклонили его предложение о признании Национального комитета «Свободной Франции» в качестве временного правительства. В мае 1942 г., не поставив де Голля в известность, англичане высадились на острове Мадагаскар. Более того, с апреля до июля 1942 г. английское правительство не выпускало де Голля из Лондона, запретив ему поездку в Ливан и Сирию — подмандатные территории Франции. Лидеру «Свободной

Франции» удалось все же выбраться на Ближний Восток, где он воочию убедился, что обязательства Англии «не преследовать каких-либо политических целей в государствах Леванта и не посягать в этом районе на позиции Франции» не выполняются.

По возвращении де Голля в Лондон между ним и Черчиллем чуть было не произошел полный разрыв отношений. Но поскольку де Голль нуждался в английской поддержке, а Черчиллю он был нужен в связи с перспективой неминуемой англо-американской коллизии после высадки в Северной Африке, конфликт был локализован.

Наиболее острые противоречия по колониальной проблеме в период войны возникли между основными союзниками — США и Великобританией. Уже в 1940 г. по соглашению, заключенному 2 сентября, то есть ровно через год после начала войны, Англия была вынуждена предоставить в долгосрочную аренду Соединенным Штатам (за 50 эсминцев устаревшего типа) ряд территорий в Западном полушарии (на островах Ямайка, Багамские, Тринидад, Антигуа, Санта-Люсия), а территории под базы на Бермудских островах и на острове Ньюфаундленд были «подарены». Этот беспрецедентный в истории англо-американских отношений факт не только показывал изменившееся соотношение сил в капиталистическом мире, но и имел далеко идущие последствия, разжигая притязания США на колониальное наследство европейских метрополий.

Поначалу, не встречая сопротивления со стороны отступавших под ударами гитлеровской военной машины своих империалистических союзников, США приступили к интенсивному проникновению на их заморские рынки. Американский экспорт в Африку вырос, например, с августа 1940 г. по август 1941 г. по сравнению с предыдущим годом на 178%. Однако Вашингтон стремился устранить и официальные преграды на пути в колониальный мир своих союзников. В августе 1941 г. при первой же встрече Черчилля с Рузвельтом последний поставил вопрос о «равном доступе к рынкам» и потребовал включить это положение в декларацию о целях войны. Фактически речь шла о ликвидации имперской тарифной системы, введенной еще в 1932 г. Не случайно Черчилль реагировал на это требование весьма раздраженно, заявив: «Господин президент, мне кажется, что Вы пытаетесь покончить с Британской империей. Это видно из всего хода

ваших мыслей об устройстве мира в послевоенное время»². Тем не менее в обстановке того периода Черчиллю в принципе пришлось согласиться с американским требованием. И лозунг о «равном доступе к рынкам» был включен в текст совместной декларации.

Эпицентр англо-американских противоречий военного времени сосредоточился на Ближнем Востоке, где предметом соперничества и борьбы была нефть. Накал страстей не снижался в течение двух лет — с июля 1943 г., когда правительство США, создав нефтяную резервную корпорацию, потребовало от Англии в качестве частичной оплаты ленд-лиза треть акций Англо-Иранской нефтяной компании до августа 1945 г., когда было подписано соглашение о созыве международной конференции по нефти. Как подчеркивал А. Иден в меморандуме по этому вопросу от 12 июля 1943 г., адресованном военному кабинету, американцы игнорировали английские интересы, а в госдепартаменте США англичан «почти третировали». В свою очередь, министр по военно-морским делам США Нокс заявил в конгрессе, что англичане пытаются занять полностью монопольное положение в нефтеносных районах Ближнего Востока. Англо-американский антагонизм по вопросу нефти способствовал тому, что в сферу противоречий был вовлечен весь комплекс проблемы колониального будущего Англии.

Тот факт, что именно английские колонии стали объектом соперничества, находит естественное объяснение. В обстановке того времени другие европейские колониальные державы, потерпевшие военное поражение, — Францию, Бельгию, Голландию — Вашингтон попросту «списал со счета», и на его пути стояла лишь Великобритания, тем более что Британская империя была предметом давних вождедений американской буржуазии. Можно напомнить в этой связи, что еще в 1942 г. по инициативе заместителя государственного секретаря США Уэллеса госдепартамент разработал проект о передаче всех колоний под управление международного органа, в котором США намеревались играть основную роль. Англия, естественно, выступила категорически против этого плана, о чем А. Иден прямо заявил Рузвельту во время своего визита в Вашингтон в марте 1943 г.³

С самого начала войны в США стало формироваться мнение о том, что даже в случае победы у англичан не хватит сил, чтобы удержать всю империю, и их естест-

венными «наследниками» являются американцы. Эта точка зрения получала все большее распространение. В 1944 г. влиятельный американский журнал «Форчун» писал, что крах колониальных империй демонстрирует их неспособность существовать самостоятельно. Правительствам метрополий следует пригласить США для разработки новой колониальной политики, а Лондон должен в первую очередь обсудить с Вашингтоном вопрос об Африке.

Проблема колониальных владений, и в частности африканских колоний Англии, в течение всех военных лет служила камнем преткновения в англо-американских отношениях и предметом разногласий на многочисленных встречах Рузвельта и Черчилля.

Начало конфликту было положено еще до вступления США в войну, на совещании Рузвельта и Черчилля в августе 1941 г. в бухте Арджентея, близ берегов Ньюфаундленда. На этой встрече была, как известно, подписана декларация о целях войны, получившая наименование Атлантической хартии. В восьми пунктах хартии, провозглашавших главную цель войны — уничтожение нацистской тирании, были упомянуты и некоторые общие демократические принципы. В ней, в частности, говорилось, что США и Англия уважают право всех народов избирать себе форму правления, а также, что обе державы стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем.

В Африке, как и в Азии, подавляющая часть политически сознательной общественности резонно полагала, что эти положения хартии распространяются и на колонии. Американская пропаганда поддерживала это убеждение. Черчилль, однако, немедленно по возвращении в Англию внес коррективы в толкование хартии. В первом же выступлении в парламенте 9 сентября 1941 г. он заявил: «На атлантической встрече мы имели в виду в первую очередь восстановление суверенитета наций Европы, ныне находящихся под игом нацизма. Таким образом, это совершенно особая проблема, отличающаяся от задачи прогрессивной эволюции самоуправляемых институтов, областей и народов, которые являются подданными британской короны»⁴. Другими словами, Черчилль недвусмысленно исключил из действия Атлантической хартии колониальную империю Англии. Рузвельт, в свою очередь, вскоре опроверг Черчилля, заявив 22 февраля

1942 г., что хартия распространяется на весь мир, а следовательно, и на Британскую империю. С аналогичным заявлением в мае 1942 г. выступил заместитель государственного секретаря США С. Уэллес. «Принципы Атлантической хартии, — подчеркнул он, — должны применяться к миру в целом — на всех океанах и континентах»⁵.

Это «разночтение» Атлантической хартии нельзя рассматривать как случайный эпизод или недоразумение. Американская дипломатия ставила себе задачу — использовать выгодную обстановку для того, чтобы потеснить Англию, открыть американским монополиям доступ в английские колонии. Э. Рузвельт (сын президента) вспоминает, как в ожидании прибытия Черчилля на арджентейскую встречу отец, поделившись с ним соображениями о целях войны, отметил, что США «не намерены быть просто добрым дядюшкой, которого Британская империя может использовать, чтобы выбраться из трудного положения и потом навсегда забыть». Рузвельт, отдавая дань громкой фразе, объяснял свою позицию тем, что в качестве президента США он обязан «ясно сказать англичанам.., что Америка не будет помогать Англии в этой войне только для того, чтобы дать ей возможность по-прежнему беспощадно подавлять колониальные народы». В последующей беседе с Черчиллем этот тезис прозвучал несколько иначе. Речь шла лишь о ликвидации «барьеров» — экономических соглашений, «предоставляющих одним государствам преимущества перед другими». Рузвельт настаивал отнюдь не на отказе Англии от «подавления колониальных народов», а на упразднении имперских торговых соглашений, препятствовавших монополиям США⁶.

В известной мере это был возврат к доктрине «открытых дверей», провозглашенной в США еще в 1899 г. Доктрина эта была призвана облегчить «мирное экономическое» проникновение американского капитала в слаборазвитые страны, с тем чтобы без обвинений в колониализме извлекать огромные прибыли от эксплуатации отсталых народов. «Америка... грабит всех, и она грабит очень оригинально. У нее нет колоний»⁷, — такова ленинская характеристика этой тактики американского империализма.

Некоторые американские историки характеризуют Рузвельта как «необычайно сложного человека, находившегося во власти ошеломляюще противоречивых мотивов», что в сочетании с его замкнутостью и сдержанно-

стью, отсутствием личных записей и дневников делает невозможным получение «надежных и подробных сведений о факторах его внешней политики»⁸. Но в действительности противоречивость скорее относится к качествам Рузвельта как человека, но не политика. Факты показывают, что в расчистке пути Соединенным Штатам в колониальные империи европейских метрополий он был достаточно последователен и настойчив. Фактически его концепции колониальной политики очень близки и к тому, что в последующие годы получило наименование неокOLONИализма. Тому же Черчиллю он, например, заявил, что методы колониальной политики XX века «означают развитие промышленности в колониях и рост благосостояния народа путем повышения его жизненного уровня, путем его просвещения, путем его оздоровления, путем обеспечения ему компенсации за его сырьевые ресурсы»⁹. Другими словами, чтобы «эксплуатировать — надо развивать», причем с участием Соединенных Штатов.

Примером такой тактики может служить позиция Рузвельта в вопросе об африканских колониях Франции, вызвавшая острые англо-американско-французские разногласия на конференции в Касабланке в январе 1943 г. после высадки англо-американских войск в Северной Африке. К этому времени Рузвельт уже полностью рассматривал Англию и Францию не только как союзников, но и как конкурентов. Он говорил тогда, что «англичане не намерены выпускать свои колонии из рук и хотят помочь французам удержать их колонии»¹⁰.

С учетом этой точки зрения еще в ходе подготовки десантной операции американцы пытались оттеснить англичан на вторые роли, предлагая им на первом этапе операции лишь участие в транспортировке войск и их прикрытии с моря и воздуха. В Лондоне, однако, отлично понимали, что высадка первым эшелоном только американских подразделений поможет США утвердить свое влияние на занятых территориях. Сопrotивление Черчилля привело к тому, что была прекращена доставка английских судов, необходимых для транспортировки войск, а в итоге вся операция началась с опозданием на полтора месяца.

Но и после того, как соглашение было достигнуто и высадка успешно осуществлена, со стороны США были приняты меры для отстранения Англии от равного участия в административном руководстве оккупированными

районами. К. Хелл направил специальную директиву американским представителям в Северной Африке, согласно которой за США «сохранялась главная ответственность» в установлении контроля над экономическими ресурсами Северной Африки, стратегическим сырьем, финансовой системой, транспортом, промышленностью, снабжением населения и даже здравоохранением. Как отмечается даже в американских источниках, в основе этих и аналогичных мер лежало стремление «приобрести колонии в Северной Африке» или хотя бы базы ¹¹.

Сообщение Черчилля о том, что де Голль не желает прибыть из Лондона в Касабланку, поскольку «он в бешенстве от тех методов», которые союзники применили, чтобы «взять под свой контроль Марокко, Алжир и Французскую Западную Африку» ¹², Рузвельт расценивал как шантаж с целью вынудить американцев отказаться от поддержки Жиро. Как истинного американского бизнесмена, Рузвельта возмущало не колониальное господство европейцев в Африке, как таковое, а его недостаточная эффективность. «Какие богатства! — заявлял он в беседе с сыновьями в Касабланке. — Они (европейские метрополии. — *Е. Т.*) выкачали из этого континента миллиарды, но по своей близорукости не понимали, что их миллиарды — это медные гроши по сравнению с возможностями, которые открывались перед ними...» ¹³.

На совместной с Черчиллем встрече с султаном Марокко 22 января 1943 г. Рузвельт от теоретических рассуждений перешел к практическим действиям. Поначалу он заявил, что послевоенное положение колоний будет резко отличаться от довоенного. Затем упомянул о связях между французскими и английскими финансистами, объединившимися в синдикаты для эксплуатации колоний. А в заключение отметил, что для освоения природных ресурсов Марокко Соединенные Штаты, во-первых, могли бы организовать обучение и подготовку специалистов из марокканцев в своих лучших университетах, а, во-вторых, для султана не составило бы труда договориться с американскими фирмами о заключении договора о разработке недр страны, предусматривающего процентные отчисления. Султан был в восторге, а разъяренный премьер-министр Великобритании, как свидетельствуют очевидцы, грызя сигару, вышел из комнаты.

Этот эпизод показателен с нескольких точек зрения. Он раскрывает истоки послевоенной экспансии США в

Африку, обнажает межимпериалистические противоречия по колониальному вопросу и, наконец, иллюстрирует методы американского неокOLONиализма, получившие затем широкое развитие.

На будущий статус французских колониальных владений у Рузвельта была точно сформулированная точка зрения. Он не только полагал, что после освобождения Франции Соединенные Штаты при относительно участии англичан сумеют сохранить военную власть над французскими колониями в Северной Африке на много лет, но и вообще не был уверен, насколько будет правильным возврат «когда бы то ни было» Франции ее колоний.

В общем комплексе послевоенных американо-французских отношений эта позиция США сохранилась на многие годы. Генерал де Голль вспоминает в своих мемуарах, что еще в период войны Соединенные Штаты пытались «привязать к себе Северную Африку и тем самым воспрепятствовать Франции вновь возродиться в качестве суверенного государства»¹⁴.

По свидетельству американского историка Лангера, проблема французских колоний в Северной Африке оказала влияние даже на решение правительства США сохранить дипломатические отношения с режимом Виши, несмотря на его бесспорно профашистский характер. Американские правящие круги надеялись, что таким образом будет облегчено проникновение в Северную Африку — район, «явно представлявший жизненный интерес для США»¹⁵.

Претензии США на французское колониальное наследство создавали опасный с точки зрения Англии прецедент. Во-первых, уже в 1943 г. Лондон убедился, что ему не удастся прибрать к рукам французские владения, а, во-вторых, опасался возникновения вопроса и о дележе британских колоний. В этих условиях английское правительство предпочло выступить в принципе против «распада империй». В связи с идеей Рузвельта о том, чтобы Даккар и Бизерта были переданы под базы США и Англии, Иден в меморандуме от 13 июля 1943 г. заявил, что такое предложение противоречит интересам Англии. Ей не нужна никакая французская территория, и она в принципе не одобряет политику, ведущую к разрушению колониальных империй. Попутно Иден констатировал, что США не заинтересованы в наличии сильного французского

правительства и сохранении целостности французской колониальной империи.

При явном одобрении правительства США весьма значительную активность в Африке развили в период войны американские монополии. Специальная миссия, включавшая видных бизнесменов, посетила в 1942 г. английские, французские и бельгийские колонии в Африке, после чего журнал «Лайф» в октябре 1942 г. выступил с резкой критикой английской колониальной политики и порекомендовал Англии «отказаться от империи». Но англичане не остались в долгу. Журнал «Нэшнел ревью» в апрельском номере за 1943 г. в резких выражениях писал о судьбе негритянского населения в США, «живущего хуже, чем колониальные рабы», а журнал «Экономист» 16 сентября 1944 г. призывал правительство «откровенно и со всей ясностью» заявить американцам, что ни Англия, ни другие европейские колониальные державы отнюдь не намерены отказываться от колоний.

По колониальному вопросу откровенно высказывались и государственные деятели, в первую очередь США и Англии. Лидер республиканской партии США Уэнделл Уилки во время войны неоднократно требовал отмены колониальной системы, обещая народам Азии и Африки американские «гарантии» их независимости¹⁶. Английский министр колоний Стэнли в ответ на эти заявления отметил: «Меня больше интересует, что думают о Британской империи в самой Англии, чем в США»¹⁷.

Но особенно настойчиво выступал против американских притязаний сам премьер-министр Черчилль.

Наиболее решительно и резко он сформулировал свою позицию в известной речи, произнесенной на банкете у лорда — мэра Лондона 19 ноября 1942 г. ...заявив, что «стал премьер-министром Его Величества не для того, чтобы возглавить ликвидацию Британской империи»¹⁸.

Не менее резко Черчилль реагировал и на советы Рузвельта сделать политические уступки индийским национальным лидерам. Как вспоминает Г. Гопкинс, за весь период войны никакие другие рекомендации президента США не вызывали подобного взрыва гнева у английского премьер-министра. «Британская политика в Индии — отнюдь не дело Рузвельта»¹⁹, — такова была категорическая отповедь Черчилля. Даже на Ялтинской конференции в 1945 г., когда государственный секретарь США Г. Стетинниус поставил вопрос о будущей роли Организации

Объединенных Наций в отношении зависимых территорий, мгновенно взорвавшийся Черчилль заявил, что ни при каких условиях не даст согласия, чтобы «совали пальцы в самую жизненную суть Британской империи»²⁰.

Несмотря на военную ситуацию и возрастающую финансовую зависимость Великобритании от США, правительство Черчилля не только на словах оказывало сопротивление американским притязаниям. Характерный пример этому — взаимоотношения обеих стран в сфере ленд-лиза.

Правительство США в ходе переговоров об объеме, порядке поставок и расчетах по ленд-лизу настаивало на том, чтобы в обмен на американскую помощь Англия открыла рынки Британской империи для американских товаров и отменила преференциальные таможенные тарифы. Продолжалась дискуссия, начатая еще в бухте Арджентея. США не устроила компромиссная статья по этому вопросу, включенная в Атлантическую хартию. Несмотря на яростное сопротивление Черчилля, безвыходность положения вынудила англичан к отступлению. В англо-американском соглашении по ленд-лизу, подписанном 23 февраля 1942 г., в ст. 7 было зафиксировано, что Великобритания устранит после войны все препятствия в международной торговле и снизит тарифы. Однако согласие Черчилля с американским требованием было лишь маневром. «Впоследствии я неоднократно убеждался, что премьер-министр Черчилль, несмотря на взятое им обязательство, был полон решимости сохранить имперские преференции»²¹, — вспоминает в своих мемуарах К. Хелл.

Серьезную озабоченность в Лондоне вызвала инициатива США в разработке предварительного плана всеобщей международной системы опеки, для чего во второй половине 1942 г. в госдепартаменте был создан специальный комитет под руководством заместителя государственного секретаря Уэллеса. В этой связи в феврале 1943 г. Уайтхолл предложил Белому дому опубликовать совместную декларацию о колониальной политике. В английском проекте документа говорилось, что ответственность за управление колониями и их безопасность остается за соответствующими колониальными державами. Эти державы, исходя из различий в степени развития колоний, должны постепенно подводить их к самоуправлению. Никаких конкретных сроков при этом не устанавливалось.

Единственная уступка, на которую пошла Англия, сводилась к предложению — создать региональные комиссии для обеспечения международного сотрудничества по повышению благосостояния колоний²².

Естественно, что правительство США, стремившееся открыть двери в Британскую колониальную империю, такой документ устроить не мог. В свою очередь, английский кабинет отклонил проект декларации, составленный госдепартаментом, поскольку в нем относительно будущего статуса колониальных народов фигурировал термин «независимость». Несмотря на то что речь шла не о предоставлении независимости, а лишь об установлении сроков ее предоставления, в Вашингтон было сообщено, что «проект декларации в его нынешнем виде для английского правительства не является приемлемым»²³.

А тем временем интерес США к колониям европейских метрополий, особенно в Африке, продолжал возрастать. «Соединенные Штаты с развитием военных действий в Европе вступили в прямой контакт с Африкой»²⁴, — свидетельствует видный американский африканист Р. Эмерсон. Что означал этот «контакт», пояснил в своем публичном заявлении летом 1943 г. помощник заведующего отделом стран Ближнего Востока госдепартаamenta США Генри С. Виллард: «Никогда ранее слово Африка не означало так много для Соединенных Штатов..; война, как мощный прожектор, осветила стратегическую позицию Африки»²⁵.

Действительно, наряду с экономическими и политическими в не меньшей степени и стратегические факторы определяли рост заинтересованности США в Африке.

В последние месяцы войны Йельским институтом международных отношений был подготовлен, а затем опубликован специальный меморандум о стратегическом значении Африки для США. В нем давалась оценка естественным ресурсам континента, рациональное использование которых в состоянии обеспечить потребности «державы мирового значения», а также подчеркивалась роль Африки как стратегического плацдарма, особенно Северной, Северо-Восточной и Западной.

Практические результаты укрепления позиций США в Африке за военные годы иллюстрируют следующие данные: накануне войны американские монополии контролировали на континенте 43% добычи марганцевой руды, а к 1946 г. — 76,8%; контроль над добычей меди возрос с

7,1 до 29,2%, ванадия — с 35,9 до 43,1%. Аналогичное положение сложилось в отношении хрома, кобальта, каучука, колумбита и других ценных ископаемых²⁶. За 1941—1945 гг. объем среднегодового товарооборота США с Африкой возрос в 4 раза: с 250 млн. долл. до 1058 млн. долл. Частные капиталовложения монополий за эти годы возросли на 50%.

Особое значение (в связи с разработкой ядерного оружия) приобрела проблема урана. В 1942 г. между США, Англией и Бельгией было заключено соглашение о вывозе урановой руды из Конго. Доля США составляла 75%, Англии — 25%. Но уже в 1943 г. под предлогом того, что все работы по изготовлению атомной бомбы проводились на американской территории, Соединенные Штаты добились от Англии согласия на отправку за океан всей добываемой руды.

Действия монополий подкреплялись государственными акциями. Еще в декабре 1940 г. в Северную Африку была направлена специальная миссия, возглавлявшаяся представителем государственного департамента Р. Мэрфи и одним из руководителей разведки США Доновеном. 26 февраля 1941 г. Мэрфи подписал с главой администрации Виши в Северной Африке генералом Вейганом соглашение «Об экономической помощи США Северной Африке». Французский генерал Катру, сторонник де Голля, характеризовал эти политические маневры США, а также их последующее решение осуществить высадку войск в Северной Африке как стремление стать хозяином североафриканских колоний Франции²⁷. У самого де Голля не было двух мнений об истинных планах США и Англии. Основу «политического поведения» своих союзников он определял как «проклятый эгоизм» и отнюдь не был склонен «принимать на веру идеологические формулы, которые использовались для его прикрытия»²⁸.

Противоречия по колониальным вопросам между Англией, США и Францией, как было показано выше, резко обострились во время войны и носили в равной мере двусторонний и многосторонний характер. Дальнейшее развитие они получили в первый послевоенный период, предшествовавший освобождению поработанных стран от колониального господства.

ГЛАВА II. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАВЕСА ПРЕТЕНЗИЙ НА ПЕРЕДЕЛ СФЕР КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА

Среди наиболее распространенных, по выражению де Голля, «идеологических формул», которыми США прикрывали свои экспансионистские устремления в Африку, на первое место следует поставить так называемый «антиколониализм». Американская пропаганда и многочисленные высказывания официальных лиц, адресованные странам Африки, постоянно содержат упоминания о «традиционном антиколониализме» США. Поскольку этот тезис служит не только средством обмана африканских народов, но и орудием в борьбе против империалистических конкурентов, в первую очередь бывших метрополий, он заслуживает специального рассмотрения.

Действительно, еще в годы второй мировой войны в политических и научных кругах Соединенных Штатов можно было услышать высказывания, которые могли рассматриваться как проявление антиколониализма, однако лишь по форме. В основе их лежала отнюдь не убежденность в праве колониальных народов на самоопределение. Два фактора определяли в то время антиколониальную окраску некоторых заявлений: удивление в Вашингтоне той легкостью, с которой Япония разделалась с колониальными режимами в Юго-Восточной Азии, и убежденность, в частности Рузвельта и Хелла, в неспособности европейских колониальных держав не только эффективно управлять колониями, но и защищать их. Именно в этом свете следует рассматривать тот, например, факт, что США торопили Великобританию с решением вопроса о предоставлении независимости Индии, а также рекомендовали Франции и Голландии несколько изменить их политику в Индокитае и Индонезии. Основным инициатором создания мифа об «антиколониализме» США был государственный секретарь К. Хелл, несколько раз предлагавший, чтобы европейские метрополии определили конкретные сроки предоставления независимости колониальным народам¹.

Эти и многие другие аналогичные факты могли, вполне естественно, ввести в заблуждение неискушенную аудиторию. Но эти заявления, порожденные интересами межимпериалистической борьбы, к антиколониализму в подлинном значении этого термина никакого отношения не имели. Не было у США и «традиционного антиколо-

ниализма». Философ Кассирер в своей книге «Государственные мифы»² пришел к выводу, что в XX веке, в условиях необычайного расцвета науки и техники, люди научились изготавливать мифы столь же качественно и надежно, а главное с той же целью, что танки и самолеты. Появились высококвалифицированные мастера мифотворчества, и их продукция является опаснейшим оружием, поскольку призвана поражать главную мишень — сознание человека. Эти слова в полной мере относятся и к мифу об «антиколониализме», изготовленному видными представителями государственного аппарата Соединенных Штатов Америки.

Миф об американском «антиколониализме» в немалой степени проистекает из спекуляций историческим прошлым Америки и попыток приписать современному империализму США некоторые прогрессивные черты американской демократии XVIII века. Подобные тенденции можно найти не только на страницах пропагандистских изданий, но и в трудах отдельных ученых. «Чтобы ни заявляли коммунисты об американском империализме, мы, в силу истории и характера нашей системы, заинтересованы в поддержке дела национальной независимости»³, — утверждал, например, занимавший в течение ряда лет ответственные посты в Белом доме профессор Уолт Ростоу. Небольшой экскурс в историю показывает совершенно другую картину. Обратимся лишь к фактам, касающимся африканского континента.

Даже если не учитывать позорную роль в Африке американских работорговцев (хотя до 1865 г. они занимали в этом «бизнесе» первое место в мире), то остаются примеры прямой агрессии США против стран Северной Африки, предпринятой вскоре после провозглашения независимости. С 1801 по 1805 г. продолжалась американо-триполитанская война. В 1805 г. под жерлами корабельных пушек были продиктованы условия капитуляции правителю Туниса. В 1815 г. состоялась военно-морская экспедиция к берегам Алжира. С 1849 по 1852 г. у берегов Африки крейсировала американская военная эскадра под командованием коммодора Перри. Морская пехота систематически высаживалась на берег, грабила и уничтожала африканцев. В 1858 г. под предлогом «защиты американских граждан» военно-морские силы Америки были направлены в Египет. Перечень подобных фактов можно продолжить.

Неубедительны ссылки и на то обстоятельство, что Соединенные Штаты применительно к Африке никогда не являлись колониальной державой. Действительно, США не принимали непосредственного участия в империалистическом разделе африканского континента, однако не из-за их «антиколониальной» позиции. Американский капитализм в то время еще не мог конкурировать с капитализмом Западной Европы, а, кроме того, для экспансионистских устремлений Соединенных Штатов хватало и Западного полушария. Можно напомнить, что именно в эти годы были захвачены Филиппины, аннексированы Гавайские острова, установлен протекторат над Кубой.

Бесспорен и другой исторический факт. За весь период до второй мировой войны США ни разу не демонстрировали в отношении Африки свой «антиколониализм». Примером могут служить конференции по марокканскому вопросу в 1880 г. в Мадриде и в 1906 г. в Алжире, Берлинская конференция 1884—1885 гг., открывшая Бельгии путь к захвату Конго. Президент США Кливленд даже отказался предоставить заключительное коммюнике Берлинской конференции сенату, поскольку в этом документе не были в должной степени учтены коммерческие интересы Америки⁴.

В период англо-бурской войны 1899—1902 гг. США формально придерживались политики невмешательства, но государственный секретарь Хей несколько раз подчеркивал в своих выступлениях, что симпатии США находятся на стороне Великобритании и последняя может рассчитывать на «американскую дружескую поддержку в этой войне»⁵.

Не нашли США возможным проявить свой «антиколониализм» и на Версальской мирной конференции, где решалась судьба африканских колоний Германии. Один из основных авторов Версальского мирного договора — президент США Вудро Вильсон поддержал идею раздела колониального наследия Германии между Англией, Францией, Бельгией и Южно-Африканским Союзом на основе пресловутой мандатной системы — замаскированной формы колониализма.

В отношении итальянской агрессии против Эфиопии в 1935 г. Вашингтон занял позицию фактического поощрения агрессора. Несмотря на очевидный колониальный характер итальянских посягательств на суверенное африканское государство, конгресс США в августе 1935 г.

принял закон о нейтралитете, накладывавший эмбарго на поставки оружия, амуниции и предметов военной техники Эфиопии, а в сентябре 1935 г. итальянские войска вторглись в эту страну. Зато, как и другие империалистические державы, США полностью саботировали проведение санкций против агрессора, а американский экспорт в Италию за месяцы войны значительно возрос. «Нападение Италии на Эфиопию, вызвавшее возмущение среди негритянского населения США, не породило аналогичной реакции со стороны их белых сограждан»,⁶ — пишет Р. Эмерсон.

Некоторые американские историки пытаются утверждать, что в период второй мировой войны США прочно стояли на позициях антиколониализма и «американская точка зрения по колониальному вопросу... состояла в том, что ни один народ не должен быть лишен права на независимость»⁷. В качестве основных доказательств этого тезиса обычно приводятся выдержки из выступления в 1942 г. по проблемам внешней политики государственного секретаря К. Хелла, заявившего, что США намерены «в полной мере использовать свое влияние и поддержать предоставление свободы народам, заслужившим свободу своими действиями и доказавшим готовность ее принять»⁸.

Однако это заявление явно расходится с вышеприведенными словами заместителя государственного секретаря С. Уэллеса о безоговорочном распространении принципов Атлантической хартии на весь мир. Не случайно К. Хелл назвал выступление Уэллеса «преждевременным», а затем вынудил его подать в отставку. Сам государственный секретарь, излагая официальную позицию правительства, говорил, что свободу надо «заслужить» и, более того, «доказать» свою готовность к ней! Следовательно, не все поработанные народы, по мнению Хелла, имели на нее безоговорочное право. В связи с этим возникает вопрос: кто решает, «заслужил» ли тот или иной народ независимости и доказал ли он свою «готовность» к свободе? Ответ может быть лишь один — колониальные державы. Даже упоминание Хелла о намерении США использовать свое «влияние» не позволяет характеризовать его позицию как антиколониальную.

Главное обстоятельство, мимо которого почему-то проходит американская историография, заключается в том, что позиция США по вопросу даже обусловленного многочисленными оговорками предоставления независимости

колониальным народам к концу войны претерпела существенные метаморфозы. Так, на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии в октябре — ноябре 1943 г. американская делегация внесла проект Декларации Объединенных Наций о национальной независимости. Этот документ предусматривал фактический передел колоний, расчистку пути монополиям США в колониальные владения европейских метрополий, допуск США к управлению колониями, замаскированный соответствующим международным органом⁹. Однако истинные устремления американского империализма были искусно прикрыты демократической фразеологией. Проект, в частности, содержал положение об установлении «в кратчайшее время сроков предоставления колониальным народам статуса полной независимости»¹⁰. Демагогический характер этого положения проекта определялся уже тем фактом, что госдепартаменту США было заранее известно отрицательное отношение к нему англичан. Иден напомнил Хеллу, что еще в Лондоне он заявил послу США Вайнанту о несогласии английского правительства со взглядами, изложенными в американском документе, и отказался обсуждать на совещании данный вопрос.

В дальнейшем и сами американцы отбросили какие-либо упоминания о предоставлении независимости колониальным народам даже в ограничительном толковании. Во всех последующих многочисленных документах и заявлениях Вашингтона о целях системы международной опеки был опущен не только пункт о предоставлении независимости колониальным народам, но даже тезис о подготовке их к самоуправлению.

Причина такой метаморфозы, конечно, не «отступление» США под «нажимом» Англии, как утверждают некоторые американские исследователи. Отказ от игры в термин «независимость» определялся несколькими факторами. Во-первых, за годы войны возросло влияние на внешнюю политику США военных кругов, которые рассматривали колониальные владения своих европейских союзников лишь с позиций создания там баз, отнюдь не помышляя об освобождении колониальных народов. Во-вторых, в США активизировались влиятельные группы, в принципе отклонявшие какую-либо систему международной опеки. В-третьих, и это главное, Англия и США, боровшиеся за ведущую роль в послевоенном мире,

обнаружили, что военные успехи Советского Союза, его решающий вклад в неминуемый разгром гитлеровской Германии приводят к тому, что мировая общественность все внимательнее прислушивается к голосу Москвы. В этих условиях Рузвельт и его окружение сочли целесообразным проявлять сдержанность в подходе к проблеме будущего колониальных народов.

Несмотря на явно усилившийся интерес США к Африке за годы второй мировой войны, выразившийся, в частности, в резком увеличении объема торговли с африканскими странами и росте американских инвестиций, в первое послевоенное десятилетие лозунг «антиколониализма» Америки крайне редко фигурировал даже в качестве политического маневра. Африканская политика Вашингтона сводилась в этот период к тому, чтобы, соперничая и конкурируя с европейскими колониальными державами, постепенно вытесняя их из традиционных сфер влияния, не подрывать, однако, их колониального господства на африканском континенте.

«Существование» в Африке с традиционными колонизаторами рассматривалось в Соединенных Штатах как наиболее удобная с политической, экономической и стратегической точек зрения форма проникновения на континент. Для объяснения этой позиции можно найти ряд причин. Во-первых, под впечатлением национально-освободительных революций в Азии правящие круги США сочли, что колониальное господство их европейских союзников по НАТО в Африке — меньшая помеха для экспансии американских монополий, чем возможный приход к власти прогрессивных сил. Во-вторых, требование деколонизации Африки, даже как пропагандистский жест, открыто противопоставлял бы Соединенные Штаты Англии, Франции и Бельгии, а этого правящие круги Америки стремились в то время всячески избегать. В-третьих, поскольку США в действительности никогда не стояли на антиколониальных позициях, в официальных сферах страны никому не приходила в голову мысль декларировать, да еще публично, необходимость освобождения Африки. И, в-четвертых, как отмечает профессор Р. Эмерсон, «в течение длительного периода времени «антиколониализм» США не распространялся на Африку, которая рассматривалась как темный континент, населенный примитивными народами, для которых колониальная опека была в порядке вещей»¹¹.

Поскольку американского профессора, консультанта правительства по африканским делам, трудно заподозрить в преднамеренном искажении этой явно невыгодной Вашингтону истины, его свидетельство можно принять за достаточно точную характеристику африканской политики США в первое послевоенное десятилетие.

Противоречит историческим фактам и исходящая из американских источников версия о том, что европейские колониальные державы в середине 50-х годов стали якобы испытывать «давление» со стороны США, «подталкивавших» их к скорейшему предоставлению независимости африканским колониям. Наоборот, в этом вопросе Вашингтон полностью следовал в фарватере вынужденного колониального реформизма, проводимого Англией, Францией и Бельгией. «Введение Англией неофициального африканского большинства в законодательном Совете Золотого Берега достигало максимума того, что могли бы посоветовать США»¹², — констатирует Р. Эмерсон. Можно привести и другие примеры. В 1953 г. помощник государственного секретаря США Генри Байроуд прямо заявлял, что «преждевременное предоставление независимости (африканским колониям. — *Е. Т.*) может явиться опасным, ретрогрессивным и разрушительным». Не покупившись на похвалу действиям колониальных держав в Африке, включая Португалию, Байроуд призвал к «честному признанию» того факта, что безопасность США непосредственно связана со стабильностью и силой европейских колонизаторов и с их «законной» заинтересованностью в своих колониальных владениях¹³. Как мало это заявление согласуется с эпизодически раздававшимися в период войны предупреждениями со стороны американских представителей колониальным державам, что США воюют не для сохранения их империй!

Имеется в анналах истории и еще один небезынтересный факт: в 1955 г. американские представители в миссии ООН, посетившей Танганьiku, настаивали на двадцатипятилетнем сроке «подготовки» страны к независимости. Как известно, Танганьика стала независимым государством через 6 лет — в 1961 г.

Из многих американских источников с очевидностью следует, что США в течение определенного периода после войны вообще не были заинтересованы в предоставлении независимости африканским народам. Каков в этой связи был ход рассуждений руководителей внешней политики

США того времени? Игнорируя усиление национально-освободительной борьбы на континенте, закрывая глаза на жестокое подавление европейскими державами антиколониальных выступлений, Вашингтон считал, что в Африке «ничего не происходит». Джордж Макги, помощник государственного секретаря США по проблемам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки, публично заявил, например, что в Африке «в широком смысле слова не существует никакого кризиса... Это регион площадью в 10 млн. кв. миль, которому коммунизм не нанес серьезного ущерба, в силу чего Африка может рассматриваться зоной относительной стабильности и безопасности»¹⁴. Из этой посылки следовал естественный вывод — поскольку «стабильность и безопасность» Африки являются прямым продуктом колониального господства, нет смысла для США пытаться нарушать равновесие. Европейский колониализм считался «преградой коммунизму», которую не следовало ослаблять.

Такой позиции официальные круги США придерживались до той поры, пока не стало ясно, что рост национально-освободительного движения — процесс необратимый и неминуемо ведет к освобождению африканских колоний. Уже в 1956 г. видный американский дипломат Честер Боулс писал, что «самая сильная держава мира... не может придерживаться позиции неучастия в делах континента, бурлящего от перемен...»¹⁵.

Боулс призывал правительство США действовать активно и решительно, не принимая во внимание возможные осложнения с европейскими союзниками.

Но даже в конце 50-х годов, когда Африка уже вступила в процесс освобождения, официальная позиция США была далеко не «антиколониальной». Помощник госсекретаря по африканским делам Джозеф Саттертуэйт формулировал ее следующим образом: «Мы поддерживаем политические устремления Африки в той части, где они разумны, не основаны на насилии, конструктивны и учитывают обязательства и взаимозависимость мирового общества. Одновременно мы поддерживаем принципы неразрывности уз, связывающих Африку с Западной Европой. Мы не видим причин, по которым эти две концепции должны были бы вступать в конфликт»¹⁶. Другими словами, США вроде бы и не против политического освобождения Африки, но при условии сохранения ее в сфере влияния империализма.

Одним из первых конкретизировал роль США в условиях краха колониальной системы Уолт Ростоу. Называя национально-освободительное движение и вынужденное отступление колонизаторов «революцией модернизации» и не возражая против утраты европейскими конкурентами прямого господства в бывших колониях, он, однако, настаивал на необходимости для Соединенных Штатов «защищать» происходящие в освобождающихся странах процессы и демонстрировать им образец «нового партнерства». Эта плохо завуалированная претензия на колониальное наследство отражала сформулированную к этому времени «теорию вакуума», согласно которой господство европейских держав в Африке должно быть заменено «активным присутствием», то есть фактическим господством США, а также и определенный пересмотр африканской политики Вашингтона. Образно, но достаточно точно об этом говорит знаток африканской политики США профессор Вернон Маккей: «К тому времени, когда Великобритания сделала критический и создающий прецедент шаг, предоставив 6 марта 1957 г. независимость Гане, самым консервативным чиновникам стало очевидно, что Соединенные Штаты не должны быть большими роялистами, чем английская королева»¹⁷.

Важен и другой аспект появления некоего подобия политической доктрины, регулирующей отношение США к Африке. Этот аспект определялся беспокойством, охватившим Вашингтон в связи с усилением влияния в Африке идей социализма, начавшимся сотрудничеством Советского Союза и других государств социалистического содружества с африканскими странами.

Буржуазная историография и западная периодическая печать систематически возвращаются к утверждению, что после примерно десятилетнего с окончания войны перерыва США «полностью встали» на позиции «антиколониализма». Правда, в отношении точного определения момента этого «поворота» в африканской политике Вашингтона существует разнобой. Одни авторы называют 1956 г., другие — 1957—1958 гг., третьи — 1961 г., то есть дату прихода к власти администрации Дж. Кеннеди, и т. д. В подтверждение каждой из точек зрения приводятся факты: в 1956 г. в госдепартаменте был создан Отдел по африканским делам; в 1958 г. решением конгресса это подразделение было преобразовано в специальное Бюро по африканским делам и для руководства им введена должность

особого помощника госсекретаря; президент Дж. Кеннеди одновременно с возведением Д. Раска в должность государственного секретаря объявил, что помощником последнего по африканской политике назначен Г. М. Вильямс, бывший губернатор штата Мичиган, известный своими «либеральными» взглядами. Напоминают также, что еще в 1957 г. в одном из своих выступлений Дж. Кеннеди, в далеких от амплуа союзника Франции выражениях, призывал к предоставлению независимости Алжиру¹⁸.

Все эти и многие другие факты действительно свидетельствовали об усилении интереса США к Африке. Но, что нередко можно встретить в буржуазных исследованиях, здесь произошла подмена предмета анализа. К антиколониализму ни организационные мероприятия госдепартамента, ни высказывания американских политических деятелей никакого отношения не имели. Маневр с лозунгом «антиколониализма» в африканской политике США, наблюдаемый с середины 50-х годов, надо рассматривать с учетом трех факторов: бурного нарастания на континенте национально-освободительной борьбы, усиления влияния социалистической системы на ход мировых событий, обострения межимпериалистического соперничества в Африке.

Неизбежность освобождения африканских колоний стала очевидной в Вашингтоне, и в этих условиях демонстрация «антиколониализма» явилась необходимым политическим жестом. Альтернативы не было. Открытая поддержка колонизаторов в то время исключалась, а позиция «нейтралитета» могла повредить дальнейшей политике. «Интенсификация африканского национализма (т. е. национально-освободительной борьбы. — *Е. Т.*) и растущая готовность Великобритании, Франции и Бельгии к капитуляции вынудили Соединенные Штаты броситься вдогонку за событиями, которые, как они теперь полагали, им следовало своевременно возглавить»¹⁹, — свидетельствует Р. Эмерсон.

Вопрос о переделе колониальной Африки отпал. Освободительная борьба африканских народов сорвала планы империалистов. На повестку дня встал новый вопрос: какими средствами добиться в освобождающихся странах преимуществ перед уходящими колонизаторами, поднять престиж США в глазах африканских народов?

От внимания европейских метрополий этот маневр Вашингтона не ускользнул. Первыми откликнулись на

него англичане. Представитель Великобритании в Совете по опеке ООН Аллан Бернс издал в 1957 г. книгу «В защиту колоний», в которой едко высмеял утверждения пропаганды, общественных и государственных деятелей США о «традиционном антиколониализме» Америки. На многочисленных примерах колониальных завоеваний, осуществленных американцами, автор показал, что никаких различий в колониальной политике США и европейских держав не было, кроме географии захватов. На страницах своей книги он утверждал, что «в британских колониях было истреблено гораздо меньше населения, чем во время американских войн против индейцев»²⁰.

Крах европейского колониального господства в Африке был в целом с удовлетворением встречен в руководящих кругах Вашингтона. Как подчеркивает, например, бывший американский посол в Гвинее и Кении У. Эттвуд, для США открылись, наконец, перспективы «вторжения в восточноафриканский заповедник» Англии²¹. Эти слова в равной мере можно распространить и на другие регионы континента. Беспокойство вызывала другая сторона проблемы — по какому пути развития пойдут освободившиеся страны, не усилится ли в них влияние прогрессивных сил и социалистических государств. Соединенные Штаты «заинтересованы в том, чтобы эволюция в Африке не была враждебна... нашему государственному устройству, чтобы были исключены враждебные нашему образу жизни влияния, чтобы сохранился доступ к сырью этого континента и были обеспечены наши стратегические нужды», — говорится в докладе посетившей Африку специальной миссии сенатора Ф. Болтона. А для этого моральное руководство Африкой должны осуществлять США²². Аналогичные концепции можно найти и в ряде других официальных правительственных документов США. Так, в докладе специальной рабочей группы по анализу американской политики в Африке, созданной Дж. Кеннеди еще в декабре 1960 г., прямо указывалось, что «пора отказаться от точки зрения, согласно которой Соединенным Штатам не следует вмешиваться в дела африканского континента. Теперь вмешательство необходимо, но его надо осуществлять тонко и практично»²³. Идеологическим обеспечением этого «нового курса» и был призван служить лозунг «антиколониализма». Именно под его прикрытием Соединенные Штаты должны были, как заявлял Дж. Кеннеди, выступить в Африке и Азии против «западного империализма».

лизм»²⁴. Главный замысел США состоял в том, чтобы взять под свой контроль национально-освободительное движение в Африке, «повернуть волну»²⁵ событий на континенте в русло, устраивающее американские монополии.

Следует заметить, что поначалу Соединенные Штаты могли фактически без затруднений пребывать в облике «антиколонизатора», поскольку ход событий на африканском континенте не вынуждал их к какой-либо практической демонстрации этого качества. Не мешал и тот факт, что они официально числились в союзниках колониальных держав, поскольку последние сами были вынуждены идти на уступки национально-освободительным силам и «предоставлять» независимость своим колониям.

В итоге, как отмечают даже американские исследователи, США приобрели в Африке «значительно лучшую репутацию, чем они того заслуживали»²⁶. Но «идиллия» длилась сравнительно недолго. Во-первых, начали активно нарастать противоречия между бывшими европейскими метрополиями и стремящимся занять их место американским империализмом. «Колониальные державы, — заявлял де Голль на пресс-конференции 23 июля 1964 г., — осуществлявшие где в более, где в менее жестких условиях передачу своего суверенитета местным режимам, чувствовали, что повсюду, прямо или косвенно, ощущалось давление Вашингтона»²⁷. А, во-вторых, в самой Африке стали понимать истинную цену американским декларациям. Миф об «антиколониализме» США существенно рассеялся 24 ноября 1964 г., когда с американских самолетов был высажен десант наемников на Стэнливилль. Объединение США с колонизаторами Бельгии наглядно продемонстрировало африканцам сущность намерений и политики Вашингтона в Африке.

В результате этой и ряда других акций «политический капитал, нажитый США в Африке за несколько предыдущих лет в качестве противовеса колониальным державам.., растаял, — не без злорадства отмечал западногерманский журнал «Ауссенполитик». — Африканские страны поняли, что основная цель политики США — препятствовать коммунистическому проникновению. Такая позиция на фоне растущего национального самосознания африканских народов выглядит как патернализм. Это обстоятельство, а также ведущая роль США в НАТО, член которой — Португалия — наиболее ненавистен в Африке,

привели к тому, что США заработали клеймо неокolonизатора»²⁸.

Это обстоятельство, однако, не смутило правящие круги Америки. Более того, появление антиамериканских настроений в большинстве африканских стран не только не помешало дальнейшей экспансии США на континенте, а скорее наоборот — заставило их действовать еще более активно и настойчиво. А это, в свою очередь, усилило межимпериалистическую борьбу за влияние. «На ход событий в африканских странах постепенно стали влиять американская помощь, американский персонал и американское культурное и дипломатическое давление. Перенесение внимания на Соединенные Штаты положило начало ослаблению связей между освободившимися колониями и бывшими метрополиями»²⁹, — указывает африканский ученый профессор Али А. Мазруи.

США и по сей день не отказались от лозунга «антиколониализма», придавая ему новое звучание и оснащая дополнительной аргументацией. Так, например, всячески подчеркивается якобы «антиколониальный» характер деятельности «Корпуса мира». Его бывший директор Д. Худ Вон в июле 1968 г. заявил в конгрессе, что «Корпус мира» не является проводником внешней политики США: «Волонтеры покидают родину, чтобы служить чужой стране, ее народу, а не для того, чтобы проводить американскую внешнюю политику».

Подобные заявления призваны подкрепить тезис об «антиколониализме» США. Это стало особенно необходимо в условиях, когда Африка в основном добилась политической независимости, а экономические позиции бывших метрополий в молодых государствах, как правило, остались достаточно прочными. Данное обстоятельство создавало для США немалые трудности в осуществлении экспансионистских планов. Необходимо было найти ключ, с помощью которого можно было бы «открыть дверь» в Африку. Таким ключом, в частности, явилась пропаганда «антиколониализма». Цель ее — убедить африканские страны в дружеских побуждениях США, в том, что Америке, испытавшей на себе иго английского колониализма, полностью чужды колониальные помыслы. Следует отметить, что популяризация этого мифа имела для США большое практическое значение и оказала определенное влияние на психологию многих представителей развивающегося мира. Характерно в этой связи свидетельство на-

учного сотрудника института Эдлая Стивенсона в Чикаго, уроженца бывшей Британской Индии Экбала Ахмада. «Среди националистов Азии и Африки, — пишет он, — Соединенные Штаты... имели неисчерпаемый резервуар доброй воли. Американцы вели первую успешную борьбу против колониализма, создали государство, провозгласившее прекрасный принцип, что все люди рождаются равноправными. Они вели гражданскую войну в защиту этого принципа. В решающие годы борьбы азиатских и африканских народов за независимость Америка служила для нас образцом. Вера в ее дружбу была частью наших надежд»³⁰.

Тезис «антиколониализма» в современных условиях призван не только подчеркивать «отличие» США от бывших метрополий, но и создавать иллюзию, что США вообще не принадлежат к числу империалистических государств, а потому свои взаимоотношения с развивающимися странами строят на иной основе, нежели традиционные колониальные и империалистические державы, какими являются Англия или Франция.

Рассматривая лозунг «антиколониализма» как одно из важных средств упрочить американское влияние в Африке, пропагандистская машина США не жалеет усилий для его широкой рекламы. Используется даже тот факт, что в последние годы правительство постоянно сокращает ассигнования на «помощь» африканским странам. Аргументы, которые приводят американские представители, могут звучать для неискушенной аудитории убедительно: США — не колонизатор, ответственности за последствия колониального режима они не несут; лишь традиции «антиколониализма» побуждают их принимать «участие» в судьбе освободившихся народов и идти «на жертвы», поскольку оказываемая ими помощь африканским странам не приносит никакой выгоды и «обременительна для американской экономики»³¹. Одновременно деятельность американских монополий изображается не более как «нормальный бизнес». При этом усиленно подчеркивается, что монополиям безразлична политическая ориентация африканской страны, куда вкладываются капиталы. «Американский бизнесмен, — утверждает Ф. У. Квигг, редактор журнала «Форин афферс», — просто заинтересован в африканских рынках. Он признает свою аполитичность, проявляет осторожность во взглядах и мнениях, лояльно относится к любому существующему порядку,

будь он левым или правым. Поскольку у него наверняка есть интересы во многих странах, он может быть заинтересован в связях с Африкой не более, чем того требуют принципы, в силу которых он получает соответствующую прибыль на свои капиталовложения. Он — сила не реакционная, хотя и несколько консервативная»³².

Таким образом не только обосновывается «антиколониализм» США, но и делается попытка опровергнуть положение, что экономическое проникновение американских монополий несет угрозу независимости молодой страны. Африканцам исподволь внушается, что засилье американского капитала не ведет к усилению влияния США.

Политические штабы и идеологические службы бывших метрополий не остаются безучастными наблюдателями того, как США пытаются внедрить в сознание освободившихся народов идею об американском «антиколониализме». Одной из контрмер явилось, например, массовое «переписывание» в Англии и Франции истории колониализма. Его пытаются представить как «движущую силу прогресса», доказывают, что колониализм не был сметен национально-освободительным движением, а, выполнив свою «историческую миссию», ликвидировал себя сам. В английских публикациях можно встретить даже утверждения о том, что Англия, в противоположность США, имеет «большие заслуги» перед африканскими народами, поскольку способствовала их «движению к цивилизации», в то время как США «устранялись» от этой «исторической миссии».

Научное опровержение концепций «антиколониализма» империалистических держав, вне зависимости от того, кому буржуазная апологетика приписывает роль «антиколонизатора», необходимо для правильной ориентации освободившихся от колониального гнета народов.

ГЛАВА III. ТЕОРИЯ «ВАКУУМА» И ПРАКТИКА ЭКСПАНСИИ

Если миф «антиколониализма» противопоставлял США европейским метрополиям в морально-этическом плане, то в другой идеологической формуле — так называемой теории «вакуума» — американский империализм пытался найти политико-юридическое обоснование своим притязаниям на роль опекуна освобождающихся стран.

Резкий подъем национально-освободительной борьбы в первой половине 50-х годов включил в процесс распада колониальной системы империализма и африканский континент. Расчеты колонизаторов на то, что им удастся удержать Африку в стороне от революционных потрясений, не оправдались. В декабре 1951 г. была провозглашена независимость Ливии, в июле 1952 г. произошла революция в Египте, в январе и марте 1956 г. освободились от колониального гнета Судан, Марокко и Тунис. Национально-освободительное движение в нарастающих темпах охватывало и районы к югу от Сахары. В этих условиях политика империалистических держав в Африке стала претерпевать серьезные изменения. Одновременно обострились межимпериалистические противоречия на континенте, особенно между уходящими метрополиями и стремившимися занять их место США и ФРГ. Именно в этот период и появилась на свет пресловутая теория «вакуума», немедленно взятая на вооружение правящими кругами Америки и Западной Германии. Смысл теории заключался в том, что место уходящих колонизаторов должно быть заполнено теми державами, которые способны «защитить» молодые страны от «хаоса» и «потрясений».

Впервые эта теория была сформулирована в коллективном труде, изданном американским Советом по международным отношениям, в руководство которого входили видные представители внешнеполитических ведомств США, в том числе небезызвестный глава ЦРУ Аллен Даллес. Дальнейшее развитие она получила на проведенной университетом Дж. Гопкинса в Вашингтоне в августе 1954 г. конференции по Африке. На ней было заявлено, что «европейские страны оказываются все более неспособными нести ответственность в этом районе»¹.

Авторы теории «вакуума» постарались придать ей империалистическую респектабельность, положив в основу своих рассуждений необходимость противодействия «коммунистической» угрозе освобождающимся странам. Это был вполне естественный прием, поскольку активизация американского и западногерманского проникновения в Африку в середине 50-х годов совпала с резким усилением курса правящих кругов западных держав на развертывание «холодной войны» и с проведением комплексных мероприятий, направленных против Советского Союза, других стран социалистического содружества

и национально-освободительного движения. Подводя антикоммунистическую базу под планы захвата колониального наследства, империализм США и ФРГ рассчитывал если не усыпить бдительность европейских метрополий, то, во всяком случае, локализовать их сопротивление провозглашенной политике. Особое усердие в этом отношении проявляли западногерманские соавторы теории «вакуума», что, впрочем, вполне объяснимо, учитывая соотношение сил в тот период и необходимость для империализма ФРГ прибегать в отличие от США к более тщательной маскировке. Так, в ежегодном докладе «Африканского союза» — объединения торгово-промышленных и банковских кругов Гамбурга — за 1957 г. говорилось, что «все представленные на африканском континенте так называемые колониальные державы — наши друзья и союзники во всемирной схватке между коммунизмом и свободным миром»². Объявив, что главной целью политики ФРГ в Африке является борьба против «распространения коммунизма», боннские идеологи и в дальнейшем постоянно увязывали этот тезис с теорией «вакуума». Влиятельный западногерманский журнал «Ауссенполитик» в статье «Черная Африка — континент без власти» писал: «В глазах заинтересованных неафриканских государств процесс деколонизации создал в Африке «вакуум власти», который должен быть заполнен до того, пока это сделает противник... Западные державы стремятся занять более или менее добровольно освобожденные зоны влияния бывших метрополий с одной целью — обеспечить антикоммунистическую ориентацию молодых стран»³.

В Соединенных Штатах проблема «смены власти» в Африке трактовалась значительно откровеннее как по форме изложения, так и в отношении преследуемых целей. «Англия и Франция покидают Африку. Их репутация там серьезно подмочена. Освободившееся место должна занять широко улыбающаяся и похлопывающая африканцев по плечу Америка, с тем чтобы извлекать из Африки свою выгоду»⁴, — писал в своей книге «Новая Африка» корреспондент вашингтонской газеты «Ивнинг стар» С. Хемстоун.

Европейские колониальные державы, во-первых, отнюдь не разделяли точку зрения, что в Африке может образоваться какой-либо «вакуум», а во-вторых, и не собирались оттуда уходить. Вместе с тем метрополиям

приходилось считаться как с нарастанием национально-освободительного движения на континенте, так и с притязаниями своих союзников-конкурентов. Обострение межимпериалистических противоречий вынуждало их осуществлять заградительные мероприятия и одновременно маневрировать в целях нейтрализации экспансии в Африку США, ФРГ, а затем и Японии. Стремясь заручиться поддержкой других империалистических государств в борьбе против освободительных революций и роста влияния Советского Союза в Африке, колониальные державы были вынуждены идти на различные соглашения со своими коллегами по НАТО и в то же время принимать меры к сохранению и укреплению собственных позиций на континенте.

Наиболее рельефно выступали в первый послевоенный период англо-американские противоречия в Африке. Англия вышла из войны экономически ослабленной, однако сохранившей огромную колониальную империю, включавшую значительную часть Тропической Африки и Ближнего Востока, весь Индийский субконтинент, Малайю и другие районы Юго-Восточной Азии, а также ряд территорий в Океании и Западном полушарии. США, окончив войну в ореоле экономической, политической и военной мощи, естественно, обратили взоры на периферию своих слабых европейских союзников, у которых уже не было достаточных экономических, политических и военных возможностей, чтобы полностью оградить от империалистического конкурента свои заморские владения. Тем не менее один из важных аспектов внешней политики европейских колониальных держав — Англии, Франции и Бельгии — заключался в систематических попытках сохранить свои колонии вне сферы американской экспансии.

Главной целью вашингтонских «антиколонизаторов» стали в первые послевоенные годы колонии Англии. Еще во время войны эта проблема являлась камнем преткновения в англо-американском альянсе. Многочисленные английские документы и материалы, выступления английских лидеров показывают, что в Лондоне минимум до 1946 г. перспективы утраты колониальной империи не только не рассматривались, но, наоборот, сохранение колоний под безраздельным господством Великобритании мыслилось осуществить вне зависимости от позиции Вашингтона.

Однако, когда рост национально-освободительного движения в колониях начал принимать угрожающие английскому господству масштабы, правящие круги Англии поняли, что в одиночку им позиций не удержать. И тогда для английской дипломатии возникла проблема, сохранявшая свою актуальность до начала 60-х годов,— как добиться согласованных с США действий в борьбе против освободительных сил и одновременно сохранить свое господствующее влияние в колониальном мире. Проблема эта так и не была разрешена. Несмотря на настойчивые и последовательные попытки как консервативного, так и лейбористского правительств Англии создать единый англо-американский, но находящийся под английским командованием колониальный фронт, США ни при президенте Г. Трумэне, ни при Д. Эйзенхауэре, ни, тем более, при Дж. Кеннеди упорно не желали «таскать для Англии каштаны из огня».

Позицию США в условиях распада колониальной системы достаточно точно сформулировал заместитель государственного секретаря Юджин Ростоу в статье «Европа и США — партнеры по необходимости»: «Европейские государства вышли из войны серьезно ослабленными и, располагая заморскими империями, оказались перед печальной перспективой более или менее быстрого отступления отсюда. Этот курс, несмотря на связанные с ним финансовые облегчения, влек за собой не только нервные потрясения, но и болезненные переживания. Именно в это время мы осознали груз бремена, который история возлагает на нас. Мы взяли на себя руководство новым миром в Азии, Африке и на Ближнем Востоке, откуда ушла Западная Европа и где образовалось значительное число слабых, уязвимых молодых наций. Англичане и французы должны приспособиться к утрате мировых империй и к своим новым масштабам в мировой политике»⁵.

Но попытки Вашингтона провести в одностороннем порядке «смену караула» в освобождающихся странах отнюдь не устраивали Лондон и Париж. Английское правительство и Форин оффис прилагали значительные усилия к тому, чтобы вовлечь США в русло своей колониальной политики или хотя бы нейтрализовать их.

Активно действовал на этом поприще до своего ухода в отставку Черчилль, в частности по очень острой для Англии проблеме Египта. Так, например, в речи на за-

седании конгресса США 17 января 1952 г., стараясь локализовать оппозицию Вашингтона английской политике в Египте, Черчилль заявлял, что размещенные там британские войска выступают в качестве «слуг и хранителей торговых путей всего мира» и призывал Соединенные Штаты так же ввести свои воинские контингенты в зону Суэцкого канала. «Это было бы проявлением всегда вдохновляющего нас единства»⁶, — резюмировал английский премьер-министр.

Английское правительство и в дальнейшем предпринимало попытки заручиться поддержкой США. 27 июля 1956 г., то есть на следующий день после принятия Египтом решения о национализации компании Суэцкого канала, Иден выступил с заявлением о том, что базировавшиеся на Кипре английские войска в случае необходимости вновь оккупируют зону канала. Иден призвал США присоединиться к Англии, напомнив при этом, что в 1950 г. Англия без колебаний поддержала США в корейской войне⁷. Но принцип «долг платежом красен» в данном случае не смог взять верх над межимпериалистическими противоречиями. Тщетными оказались и усилия лейбористских лидеров оказать давление на США. Там не произвело ни малейшего впечатления выступление в английской палате общин Г. Моррисона, выразившего недовольство лейбористской оппозиции «неудовлетворительным» поведением США, которые «злоупотребляют терпением» Англии⁸. Призыв Моррисона к американскому правительству продемонстрировать «всему миру», что Англия, США и Франция «едины», остался без ответа.

Наиболее ярко глубину англо-американских противоречий в Африке в 50-х годах демонстрирует ситуация, сложившаяся в результате тройственной агрессии против Египта в 1956 г.

Можно без преувеличения констатировать, что Лондон явно недооценил решимость Вашингтона проводить самостоятельную политику в отношении Северо-Западной Африки и отнюдь не руководствоваться интересами своего британского союзника. Готовя совместно с Францией и Израилем нападение на Египет, английское правительство явно заблуждалось, полагая, что США займут как минимум позицию невмешательства. На практике все оказалось наоборот. Американское правительство не только выступило против Англии в Совете Безопас-

ности, но и использовало экономические средства нажима на нее, требуя немедленного вывода с территории Египта вторгнувшихся войск.

Накал англо-американских противоречий в этот период иллюстрирует обмен телеграммами между Иденом и Эйзенхауэром. На личную телеграмму Эйзенхауэра от 30 октября 1956 г., в которой предлагалось провести немедленные и откровенные англо-американские переговоры⁹, Иден положительного ответа, по существу, не дал, заявив, что, «когда пыль уляжется, у обоих государств будет возможность для совместной и конструктивной работы». Даже когда через несколько часов в этот же день Эйзенхауэр заявил протест по поводу англо-французского ультиматума Египту, Иден, по его собственным словам, все еще не видел причин «полагать в этот момент, что США выступят против Великобритании в ООН практически по всем пунктам»¹⁰.

Как известно, решающую роль в прекращении англо-израильско-французской агрессии против Египта сыграла твердая позиция Советского Союза. В специальных посланиях от 5 ноября 1956 г. правительствам Англии, Франции и Израиля Советское правительство потребовало немедленно прекратить агрессию, сделав при этом серьезное предупреждение¹¹, которое, по признанию английского историка Норседжа, явилось «последним ударом по политике Англии в Египте»¹².

Однако главный удар английской критики обрушился на США, чье нежелание защищать интересы Англии в ущерб собственным вызвало в официальных кругах Лондона небывалое раздражение и взрыв антиамериканских настроений даже среди консерваторов. В ноябре 1956 г. 110 консервативных членов парламента внесли в палате общин резолюцию, резко осуждающую политику США, которые в период египетских событий, по их мнению, «подвергли серьезной угрозе Атлантический союз»¹³.

Другим заслуживающим внимания примером англо-американских противоречий в связи с практическим применением США теории «вакуума» могут служить расхождения обеих держав в вопросах, связанных с Багдадским пактом.

Создание по инициативе Англии в 1955 г. Багдадского пакта (позднее переименованного в СЕНТО) имело прямое отношение к проблеме защиты британских владений на Ближнем Востоке и в Африке. Правительство

США в принципе поддержало идею пакта, но затем, когда организация появилась на свет, не только не вступило в нее, но, по словам Идена, «пыталось извлечь политический выигрыш из занятой позиции в таких столицах, как Каир, враждебно относящихся к пакту»¹⁴.

Дело в том, что, несмотря на официально декларированную цель создания СЕНТО — защиту от «коммунистической угрозы», английская дипломатия ставила перед собой в данном случае другие задачи. С помощью этого пакта Лондон в первую очередь рассчитывал обеспечить британские интересы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которым здесь угрожал отнюдь не коммунизм, и, тем более, не арабский коммунизм, а национально-освободительное движение, направленное против британского империализма. Не менее важной представлялась английскому правительству и другая проблема — рост влияния США в этом районе. Создавая многосторонний блок, Лондон полагал, что ему удастся вовлечь США в военно-политический союз, руководимый Англией, и тем самым не только поставить мощь Америки на службу британским интересам, но и локализовать противоречия и разногласия в политике обеих держав в этой части мира. Этот план, как известно, не удалось полностью реализовать. До конца 1958 г. США категорически отказывались от вступления в новый пакт, поскольку такой шаг означал бы поддержку английских претензий на Арабском Востоке и в Северной Африке и тем самым отказ от собственной политики, разработанной госдепартаментом. В последующие годы Соединенные Штаты, став членом основных комиссий пакта и заключив двусторонние военные соглашения с Турцией, Ираном и Пакистаном, полностью оттеснили Англию от руководящей роли в СЕНТО и приступили к планомерному использованию блока в собственных целях. Характерно, что в 1962 г. при обсуждении вопроса об организации военного командования СЕНТО ее участники отклонили предложение Великобритании о назначении английского генерала главой командования и настаивали на том, чтобы этот пост занял представитель армии США.

Маневры США в связи с созданием СЕНТО, а также их открыто негативное отношение к возглавленной Англией агрессии против Египта явились началом англо-американского соперничества в Африке в условиях осво-

бождения континента от господства европейских метрополий. Позицию, занятую США в тот период, точно сформулировал Д. Ф. Даллес. Он заявил, что, несмотря на союз Великобритании и США в рамках НАТО, в отношении колониальных проблем «Соединенные Штаты играют независимую роль»¹⁵.

Английскую оценку этой «независимой роли» США дал впоследствии министр иностранных дел Англии Селвин Ллойд в частном послании представителям стран Содружества наций. Перечисляя «ошибки», допущенные Англией на Ближнем Востоке и в Северной Африке, к числу которых он отнес и вывод английских войск из зоны Суэцкого канала, Ллойд с горечью отмечал, что «ошибки» эти явились результатом «сильнейшего давления со стороны США» и провалом английских попыток добиться единства англо-американской политики. «Теперь мы должны подумать о себе»¹⁶, — констатировал в заключение Ллойд.

Резко активизировавшееся со второй половины 50-х годов национально-освободительное движение в Африке, принимавшее не только антиколониальный, но и антиимпериалистический характер, последовательное появление на континенте освободившихся стран и развитие их сотрудничества с государствами социалистической системы поставили перед империалистическими державами новую задачу — сохранить бывшие колонии в орбите капитализма. Это обстоятельство вынудило их временно отодвинуть на второй план противоречия и соперничество, но, как показывают факты, отнюдь не ликвидировало межимпериалистическую борьбу, а лишь придало ей новые формы, соответствующие изменившейся обстановке.

Принципиальные разногласия между США, с одной стороны, и европейскими метрополиями — с другой, не затрагивали проблемы — каково должно быть место деколонизованной Африки в капиталистическом мире. Здесь особых расхождений во взглядах не было. Но вопрос — кто должен обеспечивать «руководство» молодыми странами? — встал на повестку дня отношений империалистических держав и не снят фактически сегодня.

В то время как Англия, Бельгия и в известной мере Франция в конце 50-х — начале 60-х годов придерживались точки зрения, что сотрудничество с США в «третьем мире» не только желательно, но и необходимо, Вашинг-

тон занимал диаметрально противоположную позицию. Господствующим было мнение, что для интересов США «совместные усилия» с любой колониальной державой будут не помощью, а помехой. Свое воплощение эта позиция нашла в теории «вакуума». Эта теория явилась своеобразной находкой для американского империализма. Не случайно за нее так ухватились ФРГ, Япония и некоторые другие страны. В самом деле, речь шла не о вытеснении конкурентов, а лишь о заполнении «вакуума». Придерживаться такого курса было гораздо удобнее, чем открыто следовать, например, рекомендациям Р. Эмерсона, согласно которым США должны строить отношения с африканскими странами и решать проблемы Африки полностью самостоятельно, не допуская того, чтобы их политика в этой сфере находилась под влиянием европейских союзников¹⁷.

Теория «вакуума», какую бы антикоммунистическую окраску ей ни придавали, была в первую очередь направлена против европейских союзников США — колониальных держав. Авторы этой теории исходили из того, что борьба за сохранение колониальных режимов бесперспективна и шансов на успех не имеет. Они, естественно, не ставили цель — ускорить освобождение колоний, а, наоборот, стремились задержать этот процесс, но неминучесть его развития была им ясна. Как заявлял помощник государственного секретаря по африканским делам М. Уильямс, США поддерживают «нарастающую волну самоопределения», однако лишь в плане «осмотрительной подготовки к самоуправлению»¹⁸, причем при американских консультациях. При этом имелось в виду «консультировать» не уходящие метрополии, а силы, которые приходили к власти в возникавших на месте колоний молодых государствах. Таким образом, «заполнение вакуума» означало вступление США в сан «духовного» руководителя освободившейся страны и полное отстранение от этой роли претендовавших на нее метрополий.

Другая примечательная сторона теории «вакуума» заключалась в том, что она отражала не только скептицизм правящих кругов США в отношении своих европейских союзников, но и убежденность американцев в неспособности африканских народов самостоятельно решать свою судьбу и строить новую жизнь. Этот тезис и по сей день во многом определяет африканскую политику Вашингтона.

Возникновение второй мировой войны и ее характер продемонстрировали не только тот факт, что межимпериалистические противоречия в ходе борьбы за передел сфер влияния способны достигать катастрофической степени остроты и временно отодвигать на второй план главный классовый антагонизм современной эпохи. Сдвиги, вызванные ходом войны в соотношении и расстановке сил в лагере западных союзников, стали импульсом к активизации старых и основой появления новых противоречий между капиталистическими странами, которые, казалось, наличие общего противника должно было бы прочно объединять. То обстоятельство, что среди этих противоречий одно из основных мест заняли колониальные проблемы, характеризует неотъемлемое качество империализма — постоянное стремление к переделу по силе территорий и рынков. Таким образом, выявляется относительность единства империалистических сил даже в кризисных для них ситуациях.

Вместе с тем проведенный анализ показывает характер воздействия на межимпериалистические отношения военного и первого послевоенного периода главных внешних факторов — укрепления могущества Советского Союза в результате одержанной над фашизмом победы и роста национально-освободительного движения. Эти два фактора лимитировали развитие межимпериалистической борьбы за передел колониального мира, модифицировали формы этой борьбы и вынуждали конкурентов прибегать к маневрированию, маскировке своих подлинных планов и намерений. Отсюда и проистекает появление лозунгов «антиколониализма», теории «вакуума» и других аналогичных идеологических формул. Последовательная утрата капитализмом роли решающей силы мирового развития, меняющаяся структура мира вносят существенные коррективы и в методы разрешения межимпериалистических противоречий.

ГЛАВА IV. «ВТОРОЙ ФРОНТ» КОЛОНИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ

Начавшееся во время войны вторжение империализма США в некогда «заповедную» зону колониальных владений европейских метрополий в Африке в нарастав-

ших темпах продолжалось в послевоенные годы. В 50-х годах возобновилась экспансия в Африку западногерманского империализма, а затем и японского. Попытки передела африканских колоний стали одним из важных факторов империалистической борьбы на «черном континенте».

Для оправдания в глазах союзников своих притязаний на Африку Соединенные Штаты привлекали самую разнообразную аргументацию, и не в последнюю очередь военно-стратегического характера. Примером этому может служить секретный доклад американского адмирала Фехтлера, опубликованный французской газетой «Монд»¹. Американцы, правда, пытались опровергнуть подлинность этого документа, заявляя, что речь идет лишь о статье, ранее помещенной в «Публикациях Американского флотского института». Такая форма опровержения фактически подтверждала как наличие, так и содержание доклада. Адмирал Фехтлер, исходя из оценки положения в Западной Европе, предлагал избрать Северную Африку в качестве главной стратегической базы НАТО. При этом под контроль США должны были бы перейти Гибралтар, Суэц и Ливия. Одновременно Англии и Франции рекомендовалось пойти на «уступки» арабским странам — Марокко, Алжиру, Тунису, Египту и Ливии и вместе с тем подчеркивалось, что арабский национализм, безусловно, будет «услышан и понят американскими руководителями»². Другими словами, Фехтлер предложил заменить европейское колониальное господство во всей Северной и Северо-Восточной Африке американским «патронажем».

Подобные планы не только излагались на бумаге, но частично проводились в жизнь. Еще в 1950 г. США добились согласия Франции на строительство пяти крупных военно-воздушных баз в Марокко, совместно с Англией провели в 1951 г. ряд военных мероприятий в Кении, создали военные базы в Ливии и т. д. Но главное наступление Соединенных Штатов на колониальную Африку развернулось в сфере экономики.

20 января 1949 г. при вступлении в должность президента США Трумэн провозгласил широкую программу передела колониального мира и сфер влияния. «4-й пункт» этой программы, в котором под флагом «оказания помощи отсталым районам мира в их развитии» шла речь об усилении экспорта американского ча-

стного капитала, имел прямое отношение и к Африке. Торговая палата США поспешила объявить африканский континент наиболее привлекательной сферой «приложения американских капиталов», а деловые круги заявили, что в ближайшие 10—15 лет в Африку будет инвестировано 6 млрд. долл. На практике, как известно, этого не произошло. Американские прямые капиталовложения в Африке возросли за 1950—1961 гг. с 300 млн. лишь до 1 млрд. долл. Однако в тот период планы финансово-экономической экспансии США в Африку вызывали в столицах европейских колонизаторов серьезное беспокойство.

Проникновение в Британскую колониальную Африку США осуществляли с трех плацдармов: из ЮАР, где сравнительно легко обосновались филиалы крупнейших американских монополий, из Лондона, поскольку в лондонском Сити широко представлены американские монополии, и непосредственно с территории США. Приведем некоторые наиболее характерные примеры этого проникновения. В Гане (тогда еще Золотой Берег) компании США, несмотря на сопротивление английских фирм, внедрили в эксплуатацию залежей бокситов и марганцевой руды; в Нигерии «Америкен смелтинг энд рифайнинг корпорейшн» организовала весной 1952 г. смешанный синдикат по разработке цинковых, свинцовых и серебряных руд; в Танганьике американский капитал в 1952 г. принял участие в расширении добычи свинца и меди. Началось проникновение США в Северную Родезию (Замбия) и Южную Родезию. В августе 1950 г. по приглашению американской стороны США посетила миссия правительства Южной Родезии. Было достигнуто соглашение о предоставлении американскому капиталу одинаковых условий с британским. Вскоре «Америкен метал компани» взяла под свой контроль капитал двух крупнейших мсдерудных компаний — «Роан антилоп» и «Муфулира», а в 1959 г. американцы добились перевода правления «Родезиен селекшн траст», руководившего этими и рядом других компаний, из Лондона в Северную Родезию³.

В 1955 г. родезийский филиал «Ванадиум корпорейшн оф Америка» — «Родезиен ванадиум корпорейшн», занимавшийся добычей хромитов в Южной Родезии, скупил акции компании «Уидонс минерал», добывавшей марганцевую руду в Северной Родезии.

Американский концерн «Ньюмонт майнинг корпорейшн» создал в 1957 г. в Танганьике компанию «Вестерн Рифт эксплорейшн» для поиска и добычи радиоактивных элементов, драгоценных и цветных металлов.

Появились в Африке и нефтяные монополии США. Концерн «Сокони мобил» начал разведку нефти в Нигерии, а затем там же пытался получить в концессию нефтеносную территорию площадью 4000 кв. миль. Аналогичный шаг предприняла корпорация «Стандард ойл (Нью-Джерси)». «Галф ойл корпорейшн» в 1956—1957 гг. усиленно занималась поисками нефти в Гане. Характерно, что общая сумма капиталовложений американских нефтяных монополий в Британской Восточной и Британской Западной Африке составила к 1956 г. около половины всех прямых частных инвестиций США в этой группе английских колоний.

В Бельгийском Конго американский капитал приобрел позиции еще в годы войны в связи с добычей урановой руды для производства атомных бомб. Следующим шагом явилось приобретение группой американских монополий весной 1950 г. крупного пакета акций английской «Танганьика консешнз», что вызвало серьезное недовольство в правящих кругах Англии. По требованию английского правительства в ноябре 1950 г. «Танганьика консешнз» дала обязательство не уступать кому-либо на протяжении минимум десяти лет своей доли в акционерных капиталах других компаний без согласия министерства финансов⁴. А тем временем американские монополии получили прямой доступ к урановым и медным рудникам, а также железным дорогам Бельгийского Конго.

В 1954 г. американцы вовсе отстранили бельгийцев от управления урановыми рудниками. Реакция Брюсселя на эту акцию была резко отрицательной. Министр иностранных дел Бельгии направил президенту США специальное послание, в котором указал на нарушение американской стороной ранее достигнутого соглашения и потребовал признания за Бельгией права на совместное руководство добычей урана. Против действий США выступили и многие депутаты бельгийского парламента. Вашингтон, однако, отклонил все эти и последующие протесты.

В 1949 г. по инициативе США были организованы франко-американская корпорация для стимулирования совместных капиталовложений во французские колонии

и Северо-Африканское нефтяное общество, в котором главенствующее положение заняла нефтяная корпорация «Стандард ойл (Нью-Джерси)». Одновременно американские монополии, используя ослабленное положение Франции, добились концессий в Сенегале, Камеруне, Французской Гвинее, Дагомее, Марокко и Алжире. В двух последних странах обосновались представители цветной металлургии США — «Ньюмонт майнинг корпорейшн», «Майнз инкорпорейтед», «Джозеф Лейд». Их заинтересовали разработки свинцовых руд и других полезных ископаемых. В Зеллидже (Марокко) этим фирмам удалось поставить под свой контроль комбинат цветной металлургии. В Габоне американский концерн «Юнайтед стейтс стил корпорейшн» захватил 50% акций компании «Сомифер», эксплуатирующей залежи железной руды и 65% акций «Компани миньер де л'Огуэ», добывающей марганец. Лишь после резких протестов во Франции американская доля в последней компании была сокращена до 49%. В Того и Сенегале американские группы добились соответственно 31 и 12% капиталов предприятий, добывающих фосфаты в Бенине и Тайбе. Перечень подобных примеров может быть продолжен.

Фактически американский капитал стремился, хотя и в разных масштабах, открыть себе двери во все африканские страны. «США хотят сохранить свое право на равные экономические возможности на африканских территориях»⁵, — так сформулировал политику США в Африке помощник государственного секретаря по делам Ближнего Востока и Африки Макги, выступая в мае 1950 г. в Оклахома-сити. За этими словами скрывались претензии США не столько на «равные возможности» в Африке, сколько на монопольное положение. Такой курс Америки не мог, естественно, устроить европейские колониальные державы, и их сопротивление американской экспансии на континент возрастало. Не случайно в конгрессе США и в американской печати не прекращались в то время нападки, в частности, на Лондон, который на словах соглашался с привлечением американского капитала в свои колонии, а на практике ставил одну преграду за другой. Влиятельный орган деловых кругов США — Национальный совет по внешней торговле — в ноябре 1951 г. даже принял специальную резолюцию, в которой потребовал от правительств европейских

колониальных держав создания нормальных условий для американских капиталовложений.

Англия, однако, несмотря на свой военно-политический союз с США, была отнюдь не склонна сдавать без боя колониальные позиции. Показательна в этом отношении речь Черчилля в американском конгрессе 17 января 1952 г. В ней он предупредил США и других претендентов на британское наследство, что им не следует «недооценивать существующую мощь Британского содружества и империи, которые... не готовы к тому, чтобы стать штатом или группой штатов в любой континентальной федеральной системе по ту или иную сторону Атлантики»⁶. Эта отповедь подкреплялась и конкретными действиями. В 1950—1955 гг. английское правительство провело целую серию конференций премьер-министров стран Содружества, на которых пытались как можно больше расширить систему имперских преференций.

Проникновение в Африку Западной Германии в период, предшествовавший освобождению континента, происходило главным образом в сфере торговли. Уже в 1951 г. экспорт ФРГ в африканские страны существенно превысил довоенный уровень, а за последующие пять лет увеличился в 2,3 раза. За эти же годы в 1,7 раза возрос западногерманский импорт.

Наиболее быстрыми темпами возрастал вывоз в Западную Германию из африканских стран сырьевых и продовольственных товаров. Например, импорт нигерийского каучука увеличился с 1949 г. по 1956 г. соответственно с 0,02 тыс. т до 5,2 тыс. т, леса — с 127 тыс. куб. футов до 3,4 млн. куб. футов, какао-бобов — с 0,4 тыс. т до 8,2 тыс. т; ввоз железной руды из Сьерра Леоне — с 0,2 тыс. т (1950 г.) до 464 тыс. т, кофе из Кении, Уганды и Танганьики — с 21 тыс. т до 280 тыс. т, хлопка из Танганьики — с 0,7 тыс. т (1953 г.) до 5,9 тыс. т и т. д. Одним из главных направлений африканской торговли ФРГ стали страны Британской Восточной Африки. Существенно отставая в 1950—1957 гг. по объему экспорта в эти страны от Англии, США и Японии, по темпам его роста ФРГ заняла первое место. «Англия получила за последние два-три года все основания к тому, чтобы с беспокойством и даже ревностью наблюдать за западногерманским проникновением», — писала 7 мая 1957 г. газета «Таймс».

В Бонне, однако, вынашивались далеко идущие планы⁷. Небезызвестный Я. Шахт призывал «восстановить в новой форме германскую колониальную империю»⁸. Вслед за торговыми фирмами в Африку устремились западногерманские монополии — «Крупп», «Хейнкель», «Хеншель», «Фольксвагенверке». В Египте получил концессии на строительство промышленных предприятий концерн «Сименс». В ряде африканских стран начали осуществляться инвестиции западногерманского капитала. Объем их, однако, в колониальный период был невелик — во всех странах Африки составил на 1958 г. лишь 108 млн. марок, поскольку Англия и Франция жестко ограничивали инвестиции традиционного противника в свои колонии. И, тем не менее, ежегодный прирост западногерманских капиталовложений в Африке (в среднем 55,6%) был выше, чем в Европе (38%) или в Азии (25%).

Естественно, что в силу своего положения в первой половине 1950 г. ФРГ еще только «набирала силы» и следовала в фарватере США, Франции и Англии. Западногерманские дипломатия и монополии были вынуждены проявлять осторожность и маскировать свои подлинные цели. Шредер, занимавший пост министра иностранных дел в правительстве Аденауэра, даже заявил: «У нас нет африканской политики»⁹. Однако такая политика была и проводилась под прикрытием лозунгов, отнюдь не устраивавших другие империалистические державы. Так, западногерманские представители подчеркивали, что, поскольку колонии были потеряны немцами еще после первой мировой войны, они свободны от «психологического бремени», лежащего на европейских колониальных державах; от ФРГ, потерпевшей поражение в войне, не может исходить «империалистическая угроза, как, например, от Соединенных Штатов»; судьба Западной Германии во многом сходна с судьбой африканских стран — отсутствие привилегий и роль «статиста на сцене мировой политики» и т. д. Бонн явно стремился к тому, чтобы Африка считала ФРГ «зависимой» страной, которую «держат в узде» западные союзники.

Такая тактика на определенном этапе приносила результаты. Например, консулу, а позднее послу ФРГ в Сенегале удалось без ведома французской колониальной администрации установить важные контакты с наиболее видными африканскими деятелями Французской

Западной и Экваториальной Африки. Аналогичным образом действовал генеральный консул ФРГ в Восточной Африке, незаурядная активность которого распространялась на Кению, Танганьiku, Занзибар и Уганду. Не выступая с публичными заявлениями, немецкие дипломаты, однако, успешно выражали «свое понимание желаний африканцев тайком или же в беседе с глазу на глаз». Несмотря на то, что политические возможности западногерманского империализма в Африке в этот период оставались еще ограниченными, ему удалось существенно компенсировать свое тридцатидвухлетнее отсутствие на континенте.

Японская торговая экспансия началась с Британской Восточной Африки, где дешевые изделия японской легкой, в основном текстильной, промышленности стали серьезно теснить английские товары. Затем японские бизнесмены появились и в странах Западной Африки, торговля с которыми, как отмечало агентство Киото Цусин, складывалась с «чрезмерной» выгодой для Японии. К 1960 г. японский экспорт в Нигерию превышал импорт в 7 раз, а в Сьерра Леоне — в 80 раз. Ряд западноафриканских стран был вынужден ввести ограничения на импорт японских товаров. Отличительная черта японского проникновения в Африку заключалась в том, что оно осуществлялось под прямым покровительством США. Американские монополии рассматривали в то время японский капитал как союзника в борьбе с европейскими конкурентами.

Поскольку империалистические конкуренты европейских метрополий прикрывали свои экспансионистские устремления в африканские страны лозунгами «антиколониализма», «либерализации торговли», «совместной помощи развитию колоний» и т. д., что в тот период находило, естественно, благоприятную почву в Африке, то старые колонизаторы были вынуждены прибегать к разнообразным оборонительным приемам. Фактически им пришлось вести «войну на два фронта»: против растущего национально-освободительного движения и против натиска империалистических конкурентов. Отсюда и происходила двойственность многих проводимых мероприятий.

Англия, Франция и Бельгия противопоставили американским программам «помощи отсталым районам» собственные «планы развития колоний». И по этому во-

просу происходили столкновения колонизаторов и «пре-тендентов».

Лейбористы, придя к власти в 1945 г., провозгласили лозунг строительства «социализма» в колониях. Принятый правительством закон об ассигнованиях в течение 10 лет (1946/47—1955/56) 120 млн. ф. ст. на развитие должен был способствовать «прогрессу колониальных территорий». В 1948 г. появился новый «Закон о развитии заморских ресурсов», в соответствии с которым были созданы «Корпорация развития колоний» («Колониэл девелопмент корпорейшн») и «Заморская корпорация по продовольствию» («Оверсиз фуд корпорейшн»). В их распоряжение правительство предоставило вначале 110 млн., а затем 150 млн. ф. ст. в качестве оборотного капитала, а деятельность этих корпораций направлялась и контролировалась министерством колоний Великобритании.

Выступая в палате общин 22 января 1948 г., министр иностранных дел Англии Бевин недвусмысленно подчеркнул, что проводимые правительством мероприятия преследуют в первую очередь интересы европейских колониальных держав. «Прежде всего мы обращаем наш взор к Африке, где мы делим великую ответственность с Южной Африкой, Бельгией и Португалией... Организация Западной Европы должна быть поддержана экономически. Это предполагает ее возможно более тесное сотрудничество с Содружеством и другими заморскими территориями, причем не только британскими, но и французскими, бельгийскими, португальскими, голландскими...»¹⁰. И никакого упоминания о заокеанском союзнике, чей капитал упорно добивался равноправного участия в английских программах эксплуатации колоний! Реакция конгресса США была бурной. С его трибуны раздались упреки и окрики в адрес Англии, которая получает от США значительные суммы, вкладывает их в колонии, извлекает прибыли, а самим американцам ставит преграды на пути в колониальный мир. В 1950 г. Лондон под нажимом Вашингтона был вынужден согласиться на переговоры между «Корпорацией развития колоний» и Международным банком реконструкции и развития (МБРР), которые, однако, закончились провалом. Лишь в феврале 1953 г. МБРР удалось подписать соглашение с Англией о займе в 60 млн. ф. ст. на реализацию планов колониального развития.

Естественно, что политика Англии по отношению к своим африканским колониальным владениям в послевоенные годы была главным образом направлена на борьбу с национально-освободительным движением. Этому курсу придерживались как находившиеся у власти с 1945 по 1951 г. лейбористы, так и сменившие их консерваторы¹¹. Однако существенное место в этой политике отводилось и защите колониальной империи от посягательств империалистических конкурентов.

Лондон, зависимый от Вашингтона, не мог уклоняться от диалога по колониальной тематике. Вопрос о доступе американского капитала на имперские рынки был постоянным предметом обсуждения при любом случае — шла ли речь о «плане Маршалла» или о «программе взаимного обеспечения безопасности», о новых займах для Англии или о совместном строительстве военных баз и т. д. Великобритания неизменно соглашалась, правда с оговорками, на привлечение американского капитала и обещала обеспечить его участие в реализации своих «колониальных программ», однако на практике всячески этому препятствовала. Журнал «Экономист» писал в этой связи: «Если развитие Содружества будет финансироваться преимущественно из США, то Британским содружеством оно не останется»¹².

Исходя из нежелательности подобной перспективы, английские правящие круги разработали и применили на практике маневренную тактику. Смысл ее сводился к тому, что руководящая роль в колониях должна быть оставлена за английским капиталом. Для сохранения преобладающих позиций необходимо усилить его вывоз. Американский капитал следует привлекать, однако под строгим контролем и руководством Сити.

В марте 1953 г. на переговорах в Вашингтоне Иден и Батлер подтвердили согласие Англии на привлечение американского капитала. Предварительно этот вопрос был обсужден на конференции Содружества по экономическим вопросам, состоявшейся в декабре 1952 г. Но одновременно с вашингтонскими переговорами, также в марте 1953 г., в Лондоне было объявлено о создании «Финансовой компании развития Содружества» («Коммонуэлс девелопмент файненс компани») — «КДФК». Ее возглавили представители крупнейших финансовых учреждений и монополий Англии — директора «Английского банка», «Ройял датч-Шелл», «Юнилевер», Британского

табачного треста, а также золотопромышленных и алмазных компаний, в частности сам Оппенгеймер. Первоначальный капитал «КДФК» составлял всего 15 млн. ф. ст. Итоги ее деятельности оказались, однако, весьма плодотворными. Так, чистая прибыль компании в 1966/67 г. выразилась в сумме 457 тыс. ф. ст. Компания решала две задачи: поощрение частного сектора в экономике членов Содружества и обеспечение контроля над его развитием со стороны английского капитала. Этот сектор, по словам главы компании лорда Годберга, «строит новые связи и отношения, которые обнаруживают естественную тенденцию к существованию, как бы радикально ни менялись окружающие условия»¹³.

Английские планы «развития колоний» преследовали цель оградить империю не только от экономического, но и от военно-политического проникновения конкурентов. «Стратегическим» декларациям США по поводу Африки английское правительство противопоставило собственную программу военного строительства на континенте. В начале 1953 г. в Лондоне было, например, объявлено о трехлетнем плане формирования колониальных войсковых частей в Западной Африке, которую специально с этой целью посетил начальник имперского генерального штаба Хардинг. Консервативное правительство Англии следовало курсом, проложенным еще лейбористами и направленным на сохранение в Африке сферы «собственного военно-политического преобладания». Ведь еще Бевин в упомянутой речи 22 января 1948 г., имея в виду США, заявлял, что Англия «тоже имеет право установить порядок на своей улице»¹⁴.

Программы и планы «развития» африканских колоний, с одной стороны, являлись в руках метрополий оборонительным оружием, но с другой — сами порождали межимпериалистические противоречия. Причина этому — исключительно благоприятные условия, которые эти мероприятия создавали для деятельности частных монополий. Немаловажную роль играло и то, что крах колониальной системы в Азии привел к определенному перемещению интересов частного капитала в Африку. Многие английские и французские фирмы, действовавшие в Юго-Восточной Азии, начали переводить свои капиталы в африканские колонии. Так поступили, например, каучуковые компании «Кепонг (Мэлэй) раббер эстейтс» и «Куала Муда раббер эстейтс», ограничившие свои операции

в Малайе и на Цейлоне, но зато развернувшие их в Нигерии, и ряд других фирм.

В связи с программами развития в Африке активизировалась деятельность и старых колониальных хищников. Так, инвестиции «Бритиш Саут Африка компани» возросли с 4 млн ф. ст. в 1946 г. до 25,7 млн. ф. ст. в 1957, или в 6,5 раза.

Естественно, что монополии колониальных держав отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы делить сферы приложения капитала с конкурентами из США или ФРГ, чьи программы «развития» африканских стран также предусматривали расширение поля деятельности для собственного монополистического капитала.

Французские и бельгийские «планы развития» африканских колоний преследовали в целом те же цели, что и английские — укрепить собственное влияние в колониальных владениях и локализовать проникновение туда конкурентов.

Первый закон о разработке планов «модернизации метрополии и заморских владений» был принят французским правительством еще в 1946 г. Для этой цели были специально созданы Совет плана и Генеральный комисариат плана.

По «10-летнему плану развития заморских территорий Франции», принятому в 1949 г., предусматривалось израсходовать по 1953 г. 125 млн. франков. Но подавляющая часть этой суммы была ассигнована на портовое строительство — расширение и сооружение портов Дакара (Сенегал), Джибути (Сомали), Дуала (Камерун), Таматаве (Мадагаскар), Абиджан (Берег Слоновой Кости) и Порт-Жантиль (Экваториальная Африка). Таким образом, от реализации плана «развития заморских территорий» оказались в выигрыше монополии, в первую очередь колониальные, получившие лучшие условия для транспортировки грузов.

В качестве меры, ограничивающей и контролирующей экспансию американского капитала, французы практиковали совместные «программы развития». Так был разработан проект создания с участием компаний США горно-рудного комбината в районе Уджа, на границе Марокко и Алжира, и ряд других проектов.

Поскольку США активно использовали слабость экономических позиций Франции в колониях (до войны туда направлялись лишь 10% экспорта капитала), Париж

принял ряд мер к тому, чтобы ликвидировать эту диспропорцию. К 1955 г. уже 60% французских капиталовложений за границей приходилось на колониальные владения. Однако главным средством защиты своих позиций французский колониализм избрал военное подавление. Фактически после окончания второй мировой войны и вплоть до 1962 г. Франция непрерывно вела колониальные войны. Причина такой политики заключалась не только в том, что французский империализм столкнулся с мощной волной национально-освободительного движения. В аналогичном положении оказались и другие колониальные державы. Но в отличие, например, от Англии, которая могла оказывать на свои заморские владения сильнейшее экономическое давление, Франция такой возможностью не располагала, поскольку соответствующих условий для этого за годы колониального господства не создала. В итоге, оказавшись перед фактом мощного подъема освободительной борьбы колоний и одновременно ощущая давление империалистических конкурентов, французский империализм взялся за оружие. Париж рассчитывал сохранить прямой политический контроль над колониальными странами военными средствами.

Соединенные Штаты не замедлили воспользоваться этим просчетом своего союзника-конкурента, в частности близорукой и ультраконсервативной политикой французских властей в Тунисе, Марокко и Алжире¹⁵. Американские представители в ООН, официальный Вашингтон и пресса США, исходя, естественно, из своекорыстных интересов, осуждали французское правительство. В его адрес даже раздавались обвинения в том, что такими действиями наносится ущерб не только интересам Франции, но и всех западных держав. Влиятельный американский политический ежегодник писал, например, в этой связи: «Из всех конфликтов политического характера, из всех столкновений интересов, разделяющих некоммунистический мир, ничто не нанесло большего вреда Западу с материальной и моральной точек зрения, чем гражданская война, которая вспыхнула во французских департаментах Алжира 1 ноября 1954 г.»¹⁶. Несколько раз, еще до своего избрания президентом США, с осуждением французской политики в Северной Африке, в частности в Алжире, выступал Дж. Кеннеди. А газета «Нью-Йорк геральд трибюн» 3 марта 1957 г. с иронией отмечала «повышенную чувствительность» французов к взаимоотно-

шениям с Марокко и разговорам о том, что США могут «вытеснить» их из этой страны. В сочетании с пропагандой «антиколониализма» такая тактика позволила США нажить себе определенный политический капитал в Северной Африке, проценты с которого поступали в течение ряда лет¹⁷.

Вместе с тем — об этом американская историография умалчивает — США в известной мере сами финансировали колониальную войну французского империализма против алжирского народа. Ведь действовавшие в Алжире военные подразделения Франции ранее входили в контингенты НАТО и частично были оснащены американским оружием. Союзнические отношения с Парижем не мешали, однако, Вашингтону выступать с антифранцузскими заявлениями и использовать в своих целях порождаемые колониальной политикой экономические и военные трудности Франции, ее морально-политическую изоляцию на международной арене.

С приходом в 1958 г. к власти де Голля правящие круги Пятой республики заняли в отношении США по ряду вопросов, в том числе и по колониальным, значительно более твердую позицию, чем ранее. Такой курс подкреплялся и организационными мероприятиями. Конституция 1958 г. упразднила Французский союз. Его место заняло Франко-африканское сообщество, в основу которого была положена фиктивная концепция равноправия его членов. Таким шагом Франция стремилась не только затормозить национально-освободительное движение, но и ответить на «антиколониализм» США, опровергнуть их утверждения о бесправном положении населения франкоязычной Африки.

Бельгией также был разработан «10-летний план развития Конго», предусматривавший ассигнования в сумме 500 млн. долл. Эти средства пошли на аэродромное и железнодорожное строительство, а также на расширение добычи редких и цветных металлов, в первую очередь урана. Бельгийские монополисты, стремясь удержать свои позиции, блокировались с традиционным партнером — английским капиталом, но ввиду неравенства сил были вынуждены идти на допуск в страну и американских компаний.

Европейские колониальные державы были вынуждены даже временно отодвигать на второй план собственные противоречия и прибегать к коллективным мерам борьбы

против экспансии более динамичных конкурентов. По инициативе Лондона в 1950 г. была, например, учреждена Комиссия по техническому сотрудничеству в странах Африки южнее Сахары в составе Англии, Франции, Бельгии, Португалии, ЮАС, Либерии и Золотого Берега (Ганы). В 1953 г. в комиссию вошли Федерация Родезии и Ньясаленда. Основная задача комиссии сводилась к тому, чтобы повысить эффективность освоения ресурсов африканских колоний силами старых колониальных держав, то есть фактически противодействовать проникновению в эту сферу американских монополий. В феврале 1958 г. при комиссии был создан «Фонд взаимопомощи в Африке южнее Сахары». Его официально декларированной целью было «содействие в предоставлении технической помощи странам южнее Сахары — посылка экспертов, инструкторов, советников, обучение местного персонала предприятий, поставки оборудования для учебных целей»¹⁸.

Эти мероприятия явились прямым ответом европейских колонизаторов на аналогичную деятельность, развернутую в Африке с начала 50-х годов американскими фондами Рокфеллера, Форда, Карнеги, на принятие конгрессом США в 1948 г. международной общеобразовательной программы и последующие программы американской «помощи» африканским странам. Не случайно помощник государственного секретаря США по делам Африки и Ближнего Востока охарактеризовал отношение европейских держав к американским программам «развития отсталых стран» как «критическое и подозрительное»¹⁹.

В результате конкурентной борьбы за передел африканских колоний в период, предшествовавший их освобождению, произошли значительные изменения в расстановке сил на континенте между колониальными и соперничавшими с ними державами, в первую очередь США. «Удельный вес» американского империализма в Африке увеличился, а позиции Англии, Франции и Бельгии ослабли. Однако сопротивление колонизаторов экспансии извне дало свои результаты. Метрополиям удалось сохранить, несмотря на масштабы вторжения США, преобладающее влияние в экономике своих африканских владений. Капиталовложения США на континенте увеличились с 1950 до 1960 г. — «года Африки» — с 352,4 млн. долл. до 1 млрд. долл., и, тем не менее, они значительно уступали по объему инвестициям Англии в английских

колониях и ЮАР и Франции — во французских колониях. Торговый оборот США с Африкой возрос с 1950 по 1960 г. с 863 млн. до 1300 млн. долл., но составил лишь 10% африканского импорта и экспорта, в то время как на долю Англии и Франции приходилось по 60—70%. Вышеприведенные цифры относятся к континенту в целом и включают страны, в которых США фактически не испытывали противодействия, — ЮАР и Либерию. Что же касается чисто колониальных регионов, то здесь разница в силе позиций основных конкурентов — США и европейских метрополий — была еще ощутимее. Колониальные барьеры сыграли свою роль. Так, хотя товарооборот США с Нигерией возрос с 1946 по 1960 г. примерно в 7 раз, а Англии — в 4 раза, но по объему американо-нигерийская торговля составляла в 1960 г. лишь 18% от англо-нигерийской. Аналогичное положение сложилось и в других африканских странах.

Европейские державы препятствовали и распространению американской «помощи». «В колониальный период, — пишет Р. Эмерсон, — даже в вопросах помощи развитию зависимых территорий колониальные державы отнюдь не приветствовали иностранное вторжение в свои колониальные владения»²⁰. Действительно, английские власти под любыми предлогами оттягивали, например, допуск американских экспертов в Конго и Танганьiku. В докладе американской сенатской комиссии, посетившей Африку в 1956 г., отмечалось, что население Ганы вообще не было информировано, что в строительстве железнодорожной линии Такоради — Аккра принимали участие специалисты из США. Такой же тактики придерживалась и Франция. Не удивительно, что суммарная американская «помощь» Африке составила за 1946—1960 гг. менее 40% английской и 30% французской «помощи».

Однако, несмотря на контрмеры колониальных держав, их конкурентам — США, а также в известной степени ФРГ и Японии, удалось за первый послевоенный период создать в Африке немаловажные плацдармы, с которых в дальнейшем осуществлялась экспансия, но уже в новых условиях.

Проникновение американского империализма в Африку и обострение межимпериалистической борьбы на континенте имело и другой результат — усилилась эксплуатация народов Африки, что в сочетании с другими факторами способствовало неуклонному нарастанию со-

противления колонизаторам, бурному подъему национально-освободительного движения. В ходе освобождения колоний империалистическое соперничество стало видоизменяться, принимать новые формы.

В конце 50-х — начале 60-х годов, когда под ударами национально-освободительного движения стремительно рушились колониальные системы Великобритании, Франции и Бельгии, правящие круги США, а также ФРГ заняли в отношении африканских народов позицию «бескорыстного друга», сочувствовавшего их борьбе за ликвидацию господства старых колониальных держав. Этой линии придерживались как пропаганда, так и официальные лица. Примером может служить визит М. Уильямса, помощника госсекретаря США по африканским делам в Восточную Африку в начале 1961 г. Вашингтон попытался в данном случае нажить политический капитал, противопоставив свою позицию маневрам Лондона, направленным на оттяжку предоставления независимости Кении, Уганде, Танганьике и ряду других колоний. Так, в Кении М. Уильямс заявил, что Соединенные Штаты «поддерживают концепцию: Африка для африканцев», а в Танганьике на вопрос об его мнении относительно английской политики предоставления независимости странам Восточной Африки он ответил, что «не может считать ее удовлетворительной»²¹.

В несколько модифицированном виде этот прием США продолжали использовать и позднее. М. Уильямс подчеркнул, например, в марте 1965 г. «естественность» того обстоятельства, что освободившиеся африканские страны стремятся «избежать исключительности отношений с бывшими метрополиями» и в этой связи США могут предоставить им «сотрудничество с другой великой державой, что усилит сознание независимости и укрепит их позиции перед бывшими метрополиями»²².

Демагогическое «противостояние» США европейским метрополиям в колониальной сфере явилось одним из факторов, вынудивших Англию и Францию пересмотреть свои взгляды на перспективы колониальной политики и приступить к разработке новых концепций в отношении с существовавшими и освободившимися колониями. Американской тактике «бескорыстного друга» африканских народов, от которой был лишь один шаг до роли «духовного руководителя», необходимо было противопоставить эффективную политику, опирающуюся на соответствующую

ций идеологический фундамент. Кроме того, такая позиция Вашингтона при огромном неравенстве сил США, с одной стороны, Англии и Франции, с другой стороны, крайне затрудняла принятие последними решительных мер против национально-освободительного движения. В то же время рост этого движения принимал угрожающие для колонизаторов масштабы и вызывал цепную реакцию. В этих условиях сохранение старых порядков делалось невозможным.

Главное внимание США было сосредоточено в эти годы на английских колониях, где, как представлялось Вашингтону, шансы на захват политического влияния были выше, чем во Французской Африке. Контрмеры Лондона, оказавшегося между Сциллой и Харибдой, преследовали двойную цель: найти модус вивенди с империалистическим соперником и затормозить или несколько нейтрализовать национально-освободительное движение.

В соответствии с этими задачами мероприятия проводились по трем основным направлениям, включавшим попытки заручиться поддержкой США, представить процесс деколонизации как «добровольный» шаг метрополии и, наконец, найти эквивалент колониальному господству, чтобы сохранить решающее влияние в африканской части бывшей империи.

Английские правящие круги, усматривая в совместных акциях с империалистическими конкурентами реальную возможность укрепления собственных позиций в освобождающихся странах, приступили к планомерной пропаганде «объединения» усилий европейских колониальных держав и США. В 1956 г. лондонская «Таймс» отмечала, что Англия, организуя «на законной и планируемой основе» переход своих колоний в Западной Африке к самоуправлению, «нуждается во всемерной поддержке со стороны Соединенных Штатов Америки»²³. Этот мотив звучал и со страниц других английских газет. В 1959 г. Лондон официально внес предложение Вашингтону о согласовании английской и американской политики в Африке южнее Сахары. Белый дом, однако, ответил отказом. Как сообщала газета «Чикаго сан энд таймс», «американские должностные лица считают, что, несмотря на общие интересы, у Соединенных Штатов и у Англии различный подход к Африке»²⁴.

По мере распада колониальной системы английские призывы к коллективным действиям империалистических

держав стали еще настойчивее. «Есть все основания для того, чтобы мы координировали свои усилия, — писал в американском журнале английский консерватор Квинтин Хогг. — Совершенно недопустимо, что Франция, Англия и Америка проводят различную политику..., и все мы рассматриваем проблемы Конго, Родезии, Кении, Кипра, Адена и Сомали изолированно и только с собственной точки зрения»²⁵.

Это уже точка зрения английского монополистического капитала, одним из крупных представителей которого являлся Хогг, призыв к проведению совместного политического курса в условиях распада колониальных империй, к отказу от разногласий якобы во имя общих интересов империализма.

Такая тактика свидетельствовала об ослаблении позиций Англии, которая была уже не в состоянии одновременно выдерживать удары национально-освободительного движения и бороться с империалистическими конкурентами. Война на два фронта оказалась не по силам некогда крупнейшему колонизатору.

Отрицательная реакция Вашингтона на английские призывы к сотрудничеству в Африке в сочетании с тем, что занятая США позиция в общем встречала положительный отклик в африканских странах, вынудила правящие круги Англии к дальнейшему маневрированию и поиску новых аргументов в пользу своих предложений.

С развернутой программой выступил Эндрю Коэн, пользовавшийся авторитетом в США крупный государственный чиновник, занимавший посты руководителя африканского управления министерства колоний, губернатора Уганды, представителя Англии в Совете по опеке ООН. Взгляды, предложения и аргументы Коэна, отражавшие позицию правительства Англии, четко изложены в его книге «Британская политика в меняющейся Африке». Коэн не сомневается в том, что Англия могла бы самостоятельно справиться с решением колониальных задач, если бы не вмешательство США. «Благодаря нашим прошлым отношениям с этими странами, знанию их проблем и нашей дружбе с их народами мы, естественно, хорошо подготовлены к тому, чтобы оказывать им всестороннюю помощь, — писал он в своей книге. — Однако я полагаю, что в возрастающей мере они будут ориентироваться и на Соединенные Штаты...».

Исходя из этой посылки, Коэн предлагал «западному миру как единому целому» заниматься вопросами помощи африканским странам. При этом он настоятельно подчеркивал, что «Соединенные Штаты и Великобритания должны осознать, что их интересы в Африке в конечном счете совпадают». Эти интересы, по словам Коэна, сводятся в три группы: «морально-гуманную» — необходимость «помощи» африканским народам в их развитии, что было якобы еще начато колониальными державами; «экономическую» — потребности Запада в африканском сырье и рынках сбыта своих товаров и, наконец, «политическую» — обеспечение «дружественного» отношения Африки к западному миру. Коэн призывал некоторые круги Англии и главным образом правительство США покончить с разногласиями в вопросах африканской политики, «отрубить вышедшие из моды придатки». Он отмечал, что по обе стороны Атлантического океана имеется значительное количество недостаточно информированных лиц, которые не понимают серьезности африканской проблемы и продолжают придерживаться устаревших позиций, выдумывая противоречия, в действительности не существующие. Эндрю Коэн писал по этому поводу: «В Англии еще есть люди, которые смотрят на Африку через призму патернализма и расценивают политическое освобождение колониальных народов как собственное поражение. В Соединенных Штатах, в свою очередь, многие рассматривают антиколониализм в качестве теплого одеяла, которым можно прикрыться в нашем холодном мире».

Таким образом, Коэн, во-первых, в косвенной форме предлагает в обмен на американское сотрудничество английский опыт колониального правления; во-вторых, подчеркивает единство экономических и политических интересов империалистических держав в Африке; в-третьих, недвусмысленно оценивает «антиколониализм» США как политическую близорукость. Попутно он реабилитирует колониальную систему, которая, оказывается, заключалась в «помощи развитию» поработанных народов, слегка запугивает заокеанского соперника перспективой утраты «дружественного» отношения Африки, а главное — предлагает организовать на новой основе совместную эксплуатацию народов и ресурсов континента. В английской научной литературе трудно найти более яркий пример столь лаконично изложенной, но насыщенной

ной программы защиты интересов Англии в «меняющейся Африке»²⁶.

Основным практическим мероприятием правящих кругов Англии в период распада колониальной системы явились модификация Содружества — политической структуры, призванной заменить колониальную империю. Лондон придерживался четко выраженной стратегической линии — любой ценой удержать освобождающиеся страны в Содружестве или на правах доминиона, или в качестве суверенных государств.

Эта стратегия преследовала несколько целей: сохранить молодые страны в системе международных связей современного капитализма; получить формальное основание для утверждений, что распад Британской империи — естественный процесс ее трансформации в «Свободное содружество наций»; обеспечить в бывших колониях решающее влияние Англии; воспрепятствовать попыткам Соединенных Штатов Америки занять место уходящей метрополии.

Такой курс Лондона не устраивал правящие круги Америки. Кроме препятствий политического и экономического характера Содружество порождало важный, не совпадающий с порядками в США принцип расового равенства. В силу этих причин Вашингтон стремился, хотя и в осторожной форме, помешать реализации английских планов. Ч. Боулс после визита в Африку в 1955 г. писал: «Золотой Берег, получив независимость, потребует членства в Содружестве. Однако щепетильный в расовых вопросах ЮАС дал ясно понять, что в случае приема в Содружество Золотого Берега Южная Африка выйдет из него. У меня нет сомнений в том, что британцы примут правильное решение»²⁷. Боулс не поясняет, какое решение он считает правильным, но его дальнейшие рассуждения о значении для Англии ЮАС выявляют истинные приоритеты. С рекомендациями английскому правительству, сводившимися к тому, что необходимо искать «новые формы» военного, экономического и политического сотрудничества с освобождающимися колониями, а не замыкаться рамками Содружества, выступали и американские «специалисты» по колониальным проблемам — профессора С. Посони, В. Маккей и др.

Тем не менее Англия последовательно проводила избранную политику — в Содружество вошли почти все ее бывшие колонии в Африке, а официальные представи-

тели Британии не упускали случая, чтобы подчеркнуть значение Содружества.

Майкл Стюарт — министр иностранных дел лейбористского правительства Вильсона — в интервью западно-германскому журналу «Шпигель» на прямой вопрос, считает ли он, что Великобритания, потеряв империю, еще не нашла своей новой роли в мире, ответил: «...Утверждение, что мы «потеряли империю», является глубоким заблуждением. Можно согласиться с тем, что империя или, по крайней мере, большая часть ее трансформировалась в нечто иное. Это уже не империя в первоначальном смысле данного термина... она превратилась в Содружество, которое для нас не пустое понятие, а живая реальность»²⁸.

Мероприятия английских правящих кругов в Африке породили дополнительные противоречия между Великобританией и США. «Тот факт, что английские и американские взгляды на проблемы Центральной Африки резко между собой расходятся, теперь стал очевидным»²⁹, — констатировала в этой связи лондонская «Таймс».

Поскольку Франция в отличие от Англии применяла в своих африканских владениях методы прямого управления, ее оборонительные мероприятия носили несколько иной характер. Созданный еще в 1944 г. Французский союз был заменен по конституции 1958 г. Франко-Африканским сообществом. Целью этого мероприятия было удержать колонии от полного разрыва отношений с метрополией и предотвратить образование крупных федеральных государств под эгидой других империалистических держав.

Таким образом несколько развивался закон от 1956 г., предоставлявший ограниченную автономию колониям в Западной и Экваториальной Африке. Согласно этому закону, правительство могло принимать декреты, расширявшие полномочия территориальных ассамблей, причем вся полнота власти оставалась в руках французских губернаторов. Принятые меры не могли, однако, предотвратить крушение колониальной империи, и в 1960 г., когда независимости добились практически все африканские колонии Франции, сообщество прекратило свое существование.

В этот период французские империалисты, стремясь сохранить влияние в бывших колониях, пошли даже дальше своих английских коллег. Франция связала моло-

дые суверенные государства специальными двусторонними соглашениями о сотрудничестве, которые обеспечили ей решающий контроль над их дальнейшим развитием. Под флагом так называемого «обновления Франко-Африканского сообщества» была, по существу, создана конфедерация государств. Члены сообщества, лидером которого стал президент Франции (он возглавил совет, состоявший из глав африканских стран), обязывались координировать внешнюю политику, оборонные, экономические и финансовые мероприятия.

Дополнительные возможности сохранения своей роли в Африке правящие круги Франции усмотрели в создании политико-экономических группировок франкоязычных стран. Так, в 1960 г. появилась Браззавильская группировка бывших французских колоний, получившая после вступления в нее в 1961 г. Малагасийской республики наименование Афро-Малагасийского союза (АМС). В Западной Африке еще в 1959 г. был создан Совет согласия в составе Берега Слоновой Кости, Верхней Вольты, Дагомеи, Нигера и Того. Большая экономическая зависимость стран — участниц этих группировок от Франции обеспечивала бывшей метрополии прочные политические позиции.

Наиболее эффективным мероприятием французских правящих кругов, направленным против экспансии монополий США на африканский континент и против американской политики «помощи» в целом, явилось создание «ассоциации» 18 африканских стран и Европейского экономического сообщества. Еще в 1957 г. Франция и Бельгия включили свои африканские колонии в создававшийся в то время «общий рынок» в качестве ассоциируемых территорий. Затем, в 1963 г., на основании Яундской конвенции была учреждена Ассоциация государств Африки и Малагасийской Республики с Европейским экономическим сообществом (ЕАМА)³⁰. Практическая реализация лозунга «единства Европы и Африки», открывая для европейских неокolonизаторов, в первую очередь для Франции, дополнительные возможности эксплуатации ассоциированных стран, создавала помехи проникновению в них американского капитала.

Крах на подавляющей части африканского континента режимов прямого колониального господства создал здесь совершенно новую обстановку и для межимпериалистической борьбы, изменил ее характер и формы. Во-первых, отпала проблема передела колониальных владений в связи с их ликвидацией. Во-вторых, африканские страны из объекта колониальной политики превратились в самостоятельную активную силу и борьба империалистических держав за политическое влияние и экономические позиции уже не могла вестись старыми приемами. В-третьих, в полной мере стало оказывать воздействие на формы и методы этой борьбы развитие сотрудничества с Африкой Советского Союза и других социалистических государств.

Раньше объединяющим империалистов фактором была лишь необходимость противодействовать росту национально-освободительной борьбы африканских народов. Теперь добавился еще один фактор — проблема сохранения освободившихся стран в системе мирохозяйственных связей капитализма, связанная с ограждением этих стран от влияния социалистических идей и локализацией их контактов с государствами социалистического содружества. Таким образом, в империалистическом лагере обострился антагонизм между классовыми интересами монополистической буржуазии в целом и своекорыстными интересами ее отдельных отрядов, поскольку освобождение колоний не только не ослабило, но, наоборот, усилило их заинтересованность в переделе сфер влияния.

Распад колониальной системы способствовал дальнейшей нивелировке в развитии империализма отдельных держав. Многие прежние специфические черты «национальных» империализмов (ростовщический характер — французского, колониальный — английского и т. д.), в известной мере определявшие средства их экспансии и приемы борьбы с конкурентами, сгладились и утратили свое значение. Этот фактор в сочетании с тем обстоятельством, что практически ушел в прошлое «классический» метод передела мира — междоусобные войны метрополий, привел к формированию в основном идентичного для всех империалистических держав нового комплекса средств, методов и приемов борьбы за собственные инте-

ресы теперь уже в освободившихся странах. Этот комплекс включает экспорт капитала, империалистическую «помощь», вовлечение бывших колоний в различные блоки, ассоциации и группировки, обеспечение привилегий в области торговли, средства приобретения политического влияния и т. д. Как было показано выше, процесс формирования этого комплекса проходил в течение всего послевоенного периода, причем отдельные методы и приемы борьбы постоянно апробировались и совершенствовались.

Осуществленный в первой части книги анализ позволяет сделать еще один вывод, имеющий важное значение для научно-исторического понимания последующих частей исследования. В буржуазной исторической и политической литературе в последние годы наблюдается тенденция рассматривать противоречия между западными державами в развивающихся странах в качестве временных и случайных эпизодов, не имеющих исторических корней. Так, противоречия между Францией и ее партнерами по НАТО изображаются лишь как результат внешней политики генерала де Голля; англо-американские разногласия объясняются «печальными недоразумениями»; англо-западногерманские — «заблуждениями» руководителей ФРГ и т. д. В предыдущих главах показано, что межимпериалистические противоречия в сфере колониальных проблем нарастали на протяжении всех военных и послевоенных лет. Именно этот объективный процесс и обусловил дальнейшее развитие межимпериалистической борьбы в освободившихся странах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
МЕЖИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
В ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАНАХ АФРИКИ**

**ГЛАВА V. СТОЛКНОВЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ
ЧАСТНЫХ КАПИТАЛОВ**

В вывозе капитала В. И. Ленин открыл новую экономическую категорию высшей и последней стадии капитализма, показал, что в эпоху империализма это явление достигает «гигантского развития», приобретает особо важное, выдающееся значение, становится одной из «самых существенных экономических основ империализма»¹.

Исторически экспорт капитала неразрывно связан с экономическим и политическим разделом мира. В современную эпоху, оставаясь одним из главных средств империалистической эксплуатации, он приобрел ряд дополнительных качеств, особенно опасных для развивающихся стран. Иностранные монополии, инвестируя капитал в их основные отрасли промышленности, захватывают над этими отраслями, а иногда и над экономикой в целом в силу ее монокультурного характера почти полный контроль; осуществляется, по определению В. И. Ленина, экономическая аннексия без аннексии политической². Монополии добиваются в молодых государствах господствующего влияния даже при сохранении последними юридического суверенитета.

Политика иностранных инвесторов ставит преграды к достижению развивающимися странами экономической самостоятельности и потому, что иностранный капитал является антагонистом по отношению к государственному сектору в экономике этих стран, стремится к локализации их внешнеэкономических связей и захвату внутренних рынков. Вместе с тем экспорт капитала обеспечивает ускоренное развитие капитализма в освободившихся

странах, но капитализма подчиненного, «второсортного», выступая тем самым в качестве материальной основы неокOLONИализма.

Таким образом, в современных условиях к прежним функциям экспорта капитала добавился ряд новых функций, имеющих важное значение для определения перспектив дальнейшей эволюции этого явления. Экспорт капитала призван ныне: содействовать сохранению развивающихся стран в системе капиталистического мирового хозяйства, служить средством борьбы против национально-освободительного движения и мирового социализма, способствовать усилению финансовой эксплуатации молодых государств. Все эти новые функции в сочетании со старыми определяют место экспорта капитала среди средств межимпериалистической борьбы в развивающихся странах.

Как и в других сферах экспансии империализма, в вывозе капитала вступают в противоречие общие и специфические интересы отдельных империалистических держав, порождая их соперничество и конкуренцию. Способствует обострению противоречий и то обстоятельство, что изменилась структура экспорта капитала. Значительную долю в инвестициях составляют капиталовложения по государственной линии. Этот факт, с одной стороны, демонстрирует усиление государственно-монополистических тенденций в сфере экспорта капитала, а с другой — указывает на все более приобретаемую им политическую природу: развивается процесс, связанный с модификацией межимпериалистических противоречий. Если еще до второй мировой войны главным стимулом борьбы монополий на мировом рынке были прибыли, а формы этой борьбы включали захват сфер приложения избыточного капитала, то теперь прямые капиталовложения, равно как и предоставление займов, кредитов и субсидий, осуществляются не только для извлечения прибылей. Важный фактор активизации вывоза капитала в развивающиеся страны — стремление опередить соперника, приобрести дополнительные рычаги политического влияния.

Общие проблемы экспорта капитала, характер этого явления в целом и его роль применительно к развивающимся странам глубоко освещены в ряде трудов ученых Советского Союза и других социалистических стран. Рассмотрим на примере африканского континента лишь один аспект проблемы — как вывоз капитала выступает в ка-

честве средства межимпериалистической борьбы в развивающихся странах, причины и результаты столкновений иностранных капиталов. Исследование этих вопросов представляет интерес и является актуальным в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, в буржуазной научной литературе экспорт капитала (и само понятие «иностранный капитал») изображается как технико-экономическая категория — вывоз средств из высокоразвитой страны в слаборазвитую, причем лишь с целью «помощи» последней. Таким образом из анализа исключаются эксплуататорская сущность иностранных инвестиций, проблема столкновения интересов «помогающих» стран и тот факт, что экспорт капитала служит прежде всего инструментом экспансии конкретной империалистической державы. Во-вторых, наблюдается явная тенденция вообще приуменьшить значение экспорта капитала, в частности в развивающиеся страны Африки, на основании того факта, что в настоящее время в бывшие колониальные и зависимые страны из общей массы экспортируемых финансовых средств вывозится относительно меньшая доля, чем раньше. В этом случае вопрос о межимпериалистическом соперничестве в этой сфере также отодвигается на последний план, поскольку речь фактически идет о нарастающей утрате империалистическими державами заинтересованности инвестировать капитал в развивающиеся страны. В-третьих, проблема иностранных инвестиций увязывается лишь с потребностями освободившихся стран в капиталах на цели развития, и инвестиционная деятельность империалистических держав рассматривается как ответ на эту потребность. И в этом варианте делается попытка подменить эксплуатацию филантропией, исключаящей, естественно, возможность конкуренции.

Попытки придать экспорту капитала благотворительный характер комментариив не требуют. Это распространенный прием политики империализма в отношении развивающихся стран, основанный на спекуляции их насущными нуждами. Действительно, приток внешних средств занимает важнейшее место в структуре народного хозяйства освободившихся стран. За этот счет оплачивается, например, 12—16% импорта развивающихся государств и финансируется значительная часть их капиталовложений. Что же касается уменьшения доли этих стран в общей массе инвестируемых средств, то на этом вопросе

необходимо остановиться подробнее. Статистика показывает, что в настоящее время примерно $\frac{2}{3}$ прямых частных капиталовложений США, Англии, стран ЕЭС и Японии направляются в развитые капиталистические государства и лишь $\frac{1}{3}$ — в развивающиеся страны. Главная причина этого явления — сдвиги в структуре экономики промышленно развитых стран, открывшиеся в них в результате достижений научно-технической революции новые возможности для крупных капиталовложений и быстрого получения прибылей, в то время как в развивающихся районах мира сфера приложения капитала еще остается ограниченной. Другой немаловажный фактор — владельцы капиталов усматривают в росте национально-освободительного движения реальную угрозу экспроприации принадлежащей им собственности.

Но следует ли отсюда вывод, что роль экспорта капитала, в частности, в страны Африки снижается, империалистические державы теряют интерес к инвестициям на африканском континенте и накал борьбы между ними за сферы капиталовложений угасает? Анализ убеждает, что такой вывод, а он часто встречается в зарубежных публикациях, в корне неверен.

В. И. Ленин особо подчеркивал тот факт, что монополии вывозят капитал в отсталые страны, поскольку в них «прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы»³. Он также указывал, что к многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу «за вывоз капитала, за „сферы влияния“»⁴. Эти ленинские положения не только полностью сохраняют свою актуальность в современных условиях, но и позволяют лучше понять новые функции экспорта капитала в развивающиеся страны Африки.

Противоречия империалистических держав в вопросах частных капиталовложений на африканском континенте являются частью их общего глобального соперничества в сфере вывоза капитала. Несмотря на тот факт, что на современном этапе формируется интернациональное единство капитала, характерное для «зрелого» капитализма⁵, развитию этой тенденции сопутствует межимпериалистическая борьба, поскольку внешнеэкономическая политика любого буржуазного государства в первую очередь направлена на укрепление и расширение

его собственных позиций в других странах. Кроме того, создаваемая с помощью вывоза капитала капиталистическая собственность на средства производства по своей природе ведет к размежеванию сил монополий в развивающихся странах.

Даже вывоз капитала из одной развитой страны в другую, то есть взаимные инвестиции, отражающие объективный процесс международной интеграции капиталов, переплетения их интересов, далеко не свободен от межимпериалистических противоречий. Расстановка сил в области взаимного обмена частным капиталом между США и европейскими государствами и Японией показывает, что доминирующее положение США остается здесь почти непоколебленным в отличие от сфер промышленного производства и внешней торговли. А это предоставляет американским монополиям существенные преимущества перед соперниками. В. И. Ленин подчеркивал, что «капитал стал вывозиться при империализме и в старые страны, и не только ради *сверхприбылей*»⁶. Американский империализм получает в Западной Европе и Японии немалые политические дивиденды. Именно финансовое проникновение в значительной степени обеспечивает ему сохранение политического влияния, особенно если учесть сокращение удельного веса США в мировой торговле или золотых запасах.

В отношении молодых государств африканского континента вывоз капитала играет в этом плане еще большую роль, поскольку выступает на иных основах, чем для развитых государств. Капиталовложения империалистических держав в Африке нельзя рассматривать как часть обычного для практики экономических отношений капиталистического мира явления — обмена «избыточными» капиталами. Здесь никакого обмена нет. Вывозимый из Африки иностранными монополиями капитал представляет собой лишь прибавочную стоимость, созданную трудом африканских рабочих. Таким образом, экспорт капитала из империалистических держав в страны африканского континента расширяет сферу эксплуататорских отношений между первыми и вторыми, а «национальные» империализмы всегда вели борьбу друг с другом за господство в этой сфере.

В развивающихся странах в несопоставимо большей степени, чем в развитых, иностранные инвестиции связаны с проблемой политического влияния. Если вторже-

ние американского частного капитала в Западную Европу уже вызывает в этом отношении недовольство и тревогу значительной части буржуазии бывших метрополий, то перспектива утраты политического влияния в традиционных зонах господства на африканском континенте за счет перехода «контрольного пакета» капиталовложений в руки конкурента вызывает особую озабоченность в первую очередь монополий Англии и Франции.

Одна из основ межимпериалистических противоречий — национальные монополии стремятся вкладывать капиталы в решающие, а следовательно, одни и те же отрасли экономики молодых стран. О «разделении труда» здесь речь не идет. По меткому замечанию американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», главное — это не количество действующих в той или иной стране американских предприятий, а тот факт, что они размещены на стратегических позициях — «в ключевых отраслях промышленности»⁷. Поэтому соперничество монополий развивается не за возможности капиталовложений в принципе — в освободившихся странах африканского континента сфер приложения капитала более чем достаточно, — а за инвестиции в те отрасли, захват которых обеспечит помимо прибылей достижение политических целей.

В комплексе противоречий империалистических держав наиболее отчетливо проявляется соперничество между США, Англией и Францией — основными вкладчиками капиталов в Африке. В последнее время в конкурентную борьбу все активнее втягивается ФРГ, а также Япония.

Анализ проблемы иностранных инвестиций в Африке и столкновений интересов империалистических держав в этой сфере нельзя осуществлять, ориентируясь лишь на количественную сторону явления. Действительно, в освободившиеся страны континента ныне поступает относительно меньшая доля экспортируемых капиталов, чем в развитые государства. Но зато гораздо большее, чем раньше, значение приобрела качественная сторона инвестиций, и роль экспорта капитала непрерывно возрастает. Теперь он направляется не только в аграрно-сырьевую сферу. Важным объектом капиталовложений стала обрабатывающая промышленность. Существенно расширился и контингент инвесторов. Среди них появились химические, машиностроительные, электротехнические, ав-

томобильные, строительные и другие монополии, ранее не проявлявшие интереса к развивающимся странам.

Абсолютный объем капитала, ввозимого из главных империалистических держав в африканские страны, систематически увеличивается, причем динамика роста для отдельных держав различна, как и доля африканских капиталовложений в общем объеме инвестированного ими за границей капитала.

Таблица 2

**Прямые частные инвестиции (за вычетом амортизационных расходов)
США, Англии и Франции в Африке**
(в млн. долл.)

Страны	1960 г.	1968 г.	% от общей суммы инвестиций за границей на 1968 г.
США	586,2	1477,0	3,9
Англия	959,2	1408,0	8,8
Франция	614,1	1295,0	32,0

Источники: Рассчитано по «Survey of Current Business», Sept. 1965; «Board of Trade Journal», Jan. 26, 1968; «Africa Report», No 1, 1969; «La Moniteur afrikaine», July 3, 1969.

Таблица показывает, что за последнее десятилетие прямые частные капиталовложения в Африке английских монополий увеличились в полтора раза, французских — в два раза, а американских — почти в три раза. В итоге, занимая в 1960 г. последнее после Франции и Англии место по объему инвестиций, в 1968 г. США уже вышли на первое место. Данное обстоятельство наглядно демонстрирует тщетность попыток некоторых американских экономистов доказать, что для США инвестиции в Африке якобы не играют существенной роли⁸. Действительно, прямые капиталовложения американских монополий на континенте составляют пока около 4% всех их инвестиций за рубежом. Однако причина этому — не столько «отсутствие заинтересованности», сколько преграды, которые стояли и все еще в известной мере сохраняются на пути заокеанских капиталов в Африку. Подтверждение этому тезису можно найти и в американских источниках. Так, профессор Р. Эмерсон пишет: «Поскольку колониальные державы, как правило, оказывали сопротивление широкому экономическому проникновению

США в африканские страны и стремились сохранить зависимые от них территории за собой, до конца 50-х годов основной поток американских инвестиций направлялся в ЮАР...»⁹. Ликвидация официальных колониальных барьеров изменила это положение, что иллюстрируется нижеследующей таблицей.

Таблица 3

Динамика прямых капиталовложений США в Африке
(в млн. долл.)

Годы	ЮАР	Остальные страны Африки	Всего	% от общей суммы инвестиций за границей
1950	140	155	287	2,4
1957	301	363	664	2,1
1961	311	753	1064	2,8
1962	357	914	1271	3,1
1963	411	1014	1426	3,5
1964	467	1219	1685	3,8
1965	529	1380	1918	3,9
1966	600	1474	2074	3,8
1967	667	1611	2278	3,8
1968	692	1986	2678	4,1

Источники: Составлено и рассчитано по «Balance of Payments» 1963; «Survey of Current Business», Sept. 1965, Sept. 1967, Oct. 1968, Oct. 1969; «Africa Report», No 1, 1969; «Christian Science Monitor», Apr. 22, 1970.

Из таблицы видно, что еще в 1957 г. объемы американских капиталовложений в ЮАР и остальной Африке были примерно одинаковы, а в 1968 г. на долю ЮАР приходилось лишь 27% всех африканских инвестиций США. За восемь лет, с 1961 по 1968 г., в добившихся независимости странах континента частные прямые капиталовложения Соединенных Штатов выросли почти в три раза, достигнув к концу 1968 г. суммы 1986 млн. долл. Ежегодный прирост в среднем составлял 14%. Возросла и доля Африки в общем объеме заграничных инвестиций США — с 2,1% в 1957 г. до 4,1% в 1968 г.

Статистика полностью опровергает и утверждения о том, что монополии США «почти не получают прибылей» от своих инвестиций в Африке. Именно здесь наиболее высокая норма прибыли (немаловажный фактор конкурентной борьбы!). Так, за 1957—1968 гг. американ-

ские корпорации получали прибыль на каждые 100 долл., вложенных за границей: в Канаде — 6—8 долл., в Западной Европе — 6—14, в Латинской Америке — 10—16, а в Африке — 26—31 долл. Сумма прибылей, полученных монополиями США в Африке в 1967 г., была на 65% выше суммы новых капиталовложений, сделанных в этом же году. О конкурентном характере американских инвестиций в Африке свидетельствуют их структура и географическое распределение. 54% прямых капиталовложений приходится на нефтедобывающую промышленность, 17 — на горнодобывающую, 16 — на обрабатывающую и 7% — на торговлю. Таким образом, американский капитал устремляется именно в те сферы, где основные позиции уже заняты бывшими метрополиями.

С английским частным капиталом американский конкурирует главным образом в тех странах бывшей британской Африки, где сосредоточены запасы минерального сырья, — в Нигерии, Замбии, Уганде и Гане, а также в Кении, поскольку в условиях этой страны значительные прибыли приносят капиталовложения в земледелие и животноводство.

В Нигерию, например, после завоевания ею независимости помимо капитала нефтяных монополий США (о чем речь пойдет ниже) устремился капитал более чем ста различных американских компаний и ряда банков. Английские фирмы были вынуждены потесниться со своих позиций в сфере добычи свинцовых, цинковых, оловянных, ниобиевых и серебряных руд, куда были осуществлены крупные капиталовложения американскими компаниями «Америкен смелтинг энд рифайнинг» и «Кеннекот коппер». В текстильную промышленность Нигерии проник банковский капитал США в лице филиала рокфеллеровского «Чейз Манхэттен бэнк» — «Арктурус инвестмент энд дивелопмент». Даже «Юнайтед Африка компани» утратила монополию в ряде отраслей — из прибыльной сферы торговли прохладительными напитками ее оттеснила «Пепси-кола».

Широким фронтом наступает американский капитал на английские позиции и в Восточной Африке, в первую очередь в Кении. Если до 1960 г. Англия безраздельно господствовала в экономике этой страны, то к 1969 г. на США уже пришлось примерно $\frac{1}{3}$ всех иностранных инвестиций, чему в немалой степени способствовало заключение между США и Кенией соглашения о гарантии ка-

питаловложений. Посольство США в Найроби официально заявило, что «хороший инвестиционный климат в Кении широко известен в Соединенных Штатах и американские компании рассматривают кенийский рынок как один из наиболее перспективных в Африке»¹⁰. Характерно, что американские монополии вытесняют английские из наиболее прибыльных отраслей капиталовложений. Так, компании «ЭССО» и «Кальтекс» скупили половину акций английской фирмы «Ист Африкен рифайнериз», сделав попытку тем самым монополизировать сбыт нефтепродуктов в Кении. В качестве ответной меры «Бритиш петролеум» и «Ройял датч-Шелл» построили в Момбасе крупнейший в Африке нефтеперегонный завод. Анасная монополия США — «Калифорния пэкинг корпорейшн» еще в 1965 г. вложила в консервную промышленность Кении около 15 млн. долл., вызвав немалое раздражение в кругах лондонского Сити, поскольку подорвала господство в этой сфере английской компании «Маршаллз юниверсал». Поддержку последней оказала «Букер груп» — сахарная монополия Англии. В 1968 г. она соорудила в Кении крупный сахарный завод, что дало возможность английским фирмам «регулировать» деятельность конкурента. Подобные примеры можно привести в отношении всех африканских стран — членов Содружества наций.

Особое место в англо-американской конкуренции в сфере экспорта частного капитала на африканском континенте занимает банковское дело. В колониальный период английские банки безраздельно господствовали в британской Африке. «Ллойдс бэнк», «Вестминстер бэнк» и «Нэшнел провиншиал» совместно со «Стандард бэнк» образовали в свое время «Бэнк оф Уэст-Африка», доминировавший на всем африканском западе. В южном и восточном регионах континента разветвленной сетью филиалов располагали «Бэрклейз бэнк Дко (Доминион, Колониал энд оверсиз)», «Стандард бэнк оф Саут-Африка» и «Нэшнел энд гриндлейз». С начала 60-х годов в англоязычную Африку устремились американские банки; филиалы «Чейз Манхэттэн бэнк» были открыты в Нигерии; в Южной Африке помимо «Чейз» появились отделения «Фэрст нэшнел сити бэнк» и «Бэнк оф Америка». Они же развернули операции в Восточной Африке. Пассивное сопротивление, которое лондонское Сити оказывало вторжению американского банковского капитала в зону своих интересов, существенных результатов не

дало. Тогда Лондон принял ряд более серьезных мер, преследовавших цель, с одной стороны, консолидировать силы английских банковских учреждений, а с другой — ограничить деятельность американских конкурентов.

Основной из таких мер является создание в Англии мощной банковской коалиции для операций в развивающихся странах, и в первую очередь в странах Африки. Осенью 1969 г. слились два действующих вне Европы крупных английских банка — «Стандард бэнк» и «Чартеред бэнк». Активы нового объединенного банка составляют 6 млрд. долл. Он будет располагать 1300 филиалами в развивающихся странах с персоналом около 30 тыс. человек. Более половины этих филиалов находятся в африканских странах.

Учитывая, что в совете «Стандард бэнк» представлены «Мидлэнд бэнк» и «Нэшнел Вестминстер бэнк», а 13% капитала «Чартеред бэнк» принадлежит «Бэрклейз бэнк» — некогда крупнейшему колониальному банку Англии, в новой банковской группе фактически представлена вся «пятерка» английских банков. Это обстоятельство существенно повышает конкурентоспособность новой группы. Французская печать с явной тревогой встретила известие о проведенном слиянии: «Английские банки имеют опыт и навыки, превосходящие эти качества финансовых учреждений континентальной Европы. Кроме того, они по традиции располагают иностранными капиталами в десять раз большими, чем французские банки»¹¹. Отмечалась и другая характерная черта нового объединения — привлечение к участию американских банков: «Это американское участие является, несомненно, тем способом, с помощью которого Сити считает возможным лучше всего сопротивляться расширению самостоятельной деятельности в заморских странах американских банков, в частности «Фэрст нэшнел сити бэнк» и «Бэнк оф Америка».

Обеспокоенность Франции следует признать обоснованной. Анализ показывает, что наиболее острое соперничество иностранных капиталов происходит в странах франкоязычной Африки. Монополии США, ФРГ, Японии, а последнее время и Англии усиленно пробиваются к сосредоточенным в этих странах запасам ценного сырья. Но, конкурируя друг с другом, они одновременно встречают все возрастающее сопротивление со стороны французского капитала. Вице-президент одного из финансовых

гигантов США — «Чейз Манхэттен бэнк» Эрве де Кармуа недавно отмечал в этой связи, что «французские промышленники начинают все больше понимать крупные преимущества прямых капиталовложений за границей..., открывающих возможность завоевания некоторых рынков, в противном случае недостижимых из-за протекционизма или трудностей доступа»¹². Но, что касается перспектив французских капиталовложений в США, то Кармуа прямо сослался на необходимые для этого условия: «Следует выявить те американские фирмы, которые могли бы заинтересоваться сделками с французскими фирмами... в обмен на доступ во франкоязычные страны Африки»¹³. Замечания авторитетного американского финансиста не только раскрывают значение, которое США придают инвестициям за границей, но и подчеркивают усиливающееся внимание американского империализма к сферам приложения капиталов в Африке и указывают на прямое соперничество в этом отношении с Францией. Фактически французскому частному капиталу предлагается не сделка, а предъявляется ультиматум — предоставить американским компаниям свободный доступ во франкоязычную Африку. Лишь выполнение этого требования откроет французским фирмам двери в США.

Причины такой постановки вопроса будут понятны, если учесть, что, вступив в борьбу за восстановление своих международных позиций, утраченных в результате второй мировой войны, французские монополии в широких масштабах возобновили экспорт капитала в Африку и одновременно стали возводить препятствия инвестиционной деятельности конкурентов. Коренным образом изменился характер этого экспорта. Капитал теперь вывозится в основном не в ссудной, а в производительной форме, причем основной поток капиталовложений направляется в зону франка, то есть в основном в африканские страны.

В настоящее время Франция — наиболее активный экспортер капитала в Африку, и большая часть французских частных инвестиций сосредоточена в странах, входивших в состав африканской части французской колониальной империи. По оценке на 1969 г., суммарный объем прямых частных инвестиций французских фирм на африканском континенте составлял примерно 32% всех французских капиталовложений этого вида за границей, достигающих 4 млрд. долл. Хотя по объему прямых частных капиталовложений в Африке Франция занимает, как

видно из таблицы 2, третье место после США и Англии, надо учитывать, что удельный вес американских и английских прямых частных инвестиций, размещенных в Африке, составляет соответственно 4 и 9% всей суммы их прямых частных капиталовложений за границей против 32% французских, что подчеркивает значение для Франции экспорта капитала в Африку.

При анализе состояния и перспектив конкурентной борьбы необходимо принимать во внимание и различие в распределении инвестиций США, Англии и Франции по отраслям экономики африканских стран. Так, например, общий объем всех прямых частных инвестиций в нефтяную промышленность стран континента составляет примерно 2041 млн. долл., или 41% всей суммы иностранных капиталовложений. Доля же французских инвестиций в эту наиболее «конкурентоёмкую» отрасль промышленности Африки составляет лишь 35% всей суммы ее капиталовложений на континенте. Еще меньше удельный вес французских частных прямых инвестиций, размещенных в горнодобывающей промышленности, — 10% или 130 млн. долл., в то время как капиталовложения других держав в эту сферу производства достигают (исключая ЮАР) 792 млн. долл.

Если учесть, что нефтяная и горнодобывающая промышленность являются наиболее прибыльными сферами капиталовложений, а также острую потребность Франции в минеральном сырье, то из приведенных данных видно, что французские монополии оказываются в менее выгодном положении, что не может не вызывать конкурентной борьбы.

Французские частные инвестиции в африканскую горнодобывающую промышленность в основном сосредоточены в странах Тропической Африки¹⁴. Наиболее крупные суммы приходятся на Габон (разработка месторождений железной и марганцевой руды), Гвинею (бокситы), Центральноафриканскую Республику (уран), Мавританию (железная руда). Именно в этих странах африканского континента наблюдается наиболее ожесточенное соперничество между французским и другими иностранными капиталами.

В Габоне, например, американский частный капитал, представленный монополиями «Бетлехем стил» и «Юнайтед Стейтс стил», существенно потеснил французские фирмы в добыче железной и марганцевой руды, захватив

половину акционерного капитала действующих в этих отраслях смешанных компаний. В Мавританию, несмотря на сопротивление Франции, усиленно вторгается западногерманский капитал. Инвестиции фирм ФРГ в этой стране превысили к 1969 г. 15 млн. западногерманских марок.

54% всех французских прямых частных инвестиций вложены в обрабатывающую промышленность африканских стран (около 275 млн. долл.) и в «индустрию» обслуживания — транспорт, торговлю, услуги (425 млн. долл.), и в эти сферы капиталовложений (распространяются на БСК, Сенегал, Камерун, Габон, Малагасийскую Республику, а также на страны Северной Африки) сейчас устремился частный капитал других империалистических держав.

Таким образом, и здесь усиливается конкурентная борьба империалистических держав.

В Северной Африке, например, еще недавно французский капитал полностью доминировал в такой прибыльной сфере обслуживания, как строительство и эксплуатация отелей, мотелей и т. д. Сейчас острую конкуренцию французским фирмам здесь оказывают американские и западногерманские компании. Перечень подобных примеров может быть легко продолжен.

В свою очередь, французский частный капитал не только обороняется, но и переходит в ожесточенное наступление на позиции монополий США и ФРГ.

В 1967 г. на Африку пришлось 56% (207 млн. долл.) всех французских частных инвестиций за границей, причем французские инвесторы значительно расширили географию своей деятельности. Так, помимо Алжира (77 млн.), Туниса (14,5 млн.), Марокко (10,1 млн.) и Ливии (27,4 млн.) в списке появились Конго (Киншаса), Нигерия и Гана, в которые было вложено 11,6 млн. долл. Вторжение французского частного капитала в традиционные зоны влияния Англии явилось как бы ответом на аналогичную политику Лондона в отношении франкоязычной Африки.

Частные капиталовложения ФРГ и Японии в Африке по объемам еще значительно уступают американским, английским и французским. Однако темпы роста инвестиций монополий этих стран и география вторжения уже превращают их в конкурентов, причем не только бывших метрополий.

Частные капиталовложения ФРГ в Африке
(в млн. западногерманских марок)

1960 г.	179,9	1965 г.	449,3
1962 г.	228,4	1966 г.	484,6
1963 г.	295,8	1967 г.	564,1
1964 г.	316,4	1968 г.	676,2

Источники: «Bun^desanzeiger», 30. VI. 1965; 18. XI. 1967; 19. IV. 1968; «Statistisches Jahrbuch für BRD 1969».

Данные показывают, что за восемь лет объем капиталовложений увеличился почти в четыре раза, а средний годовой прирост составлял 4,7%. На Африку приходится около 16% всех частных инвестиций ФРГ за рубежом, то есть меньшая доля, чем у Франции, но бóльшая, чем у США и Англии.

Несмотря на тот факт, что монополии ФРГ продвигаются в Африку широким фронтом — к 1968 г. западногерманские частные капиталовложения имелись уже в 31 африканской стране, — выявляются направления и «главных ударов», определяющих основные зоны межимпериалистического соперничества. К 1969 г. по освободившимся странам Африки наиболее значительные инвестиции монополий ФРГ распределялись в следующих странах (в млн. з. г. м.):

Либерия	134,1	БСК	20,0
Ливия	56,1	ОАР	18,8
Алжир	50,6	Мавритания	15,4
Эфиопия	47,6	Марокко	12,2
Гвинея	30,0	Конго (Киншаса)	8,0
Нигерия	25,7	Того	4,0

Источник: «Übersee Rundschau», 1969, No. 18.

Эти данные четко указывают на интересы западногерманских монополий в Африке — железная руда Либерии и Мавритании, нефть Ливии и Алжира, бокситы Гвинеи, тропическая древесина БСК, фосфаты Марокко и т. д. Но эти же сферы капиталовложений привлекают монополии и других держав. Поэтому в Либерии ФРГ соперничает с США, в БСК и Марокко — с Францией, а в Гвинее, Ливии и Алжире она активный участник комплексных столкновений империалистов.

Экспансия в Африку японских монополий началась сравнительно недавно, но принимает все более ощутимые масштабы. «Африка — все еще далекая для среднего японца — притягивает к себе внимание японских монопо-

листов, ищущих свободных сфер для помещения капиталов»¹⁵, — отмечал японский еженедельник «Джапан пресс». И действительно, несмотря на сопротивление, в первую очередь Англии и США, японский частный капитал за последние годы интенсивно проникает на континент, причем главным образом в англоязычные страны. С 1951 по 1968 г. японские капиталовложения были сделаны в 57 предприятий, из которых 23 — текстильные, на общую сумму свыше 60 млн. долл. К 1970 г. общие частные инвестиции Японии в Африке уже превысили 200 млн. долл. Японские нефтяные компании «Мицуи сэкию», «Тэйкоку сэкию» и «Тэйдзин» вкладывают капиталы в добычу нигерийской нефти, конкурируя при этом с «Бритиш петролеум» и американскими монополиями. Развивают в Нигерии активность текстильные фирмы Японии. При этом с целью блокировать противодействие английского капитала они кооперируются с французскими вкладчиками. Аналогичный японо-французский альянс, направленный против монополий США, можно наблюдать в Нигере, где консорциум японских компаний совместно с французскими приступает к добыче урана, отеснив американских претендентов.

Следует отметить, что привлечение партнеров — характерная черта японской инвестиционной деятельности в Африке. В этом приеме японские монополии усматривают альтернативу англо-американской конкуренции, которую они постоянно испытывают, причем не только в африканских странах. В свою очередь, исходя из аналогичных побудительных мотивов, французские, итальянские и даже западногерманские капиталовладельцы охотно принимают японские предложения. В этом отчетливо проявляются свойственные современному положению коллективные формы межимпериалистической борьбы.

Проникновение японского частного капитала в Африку, несомненно, будет усиливаться. Об этом открыто говорят и в самой Японии. Президент компании «Мицубиси дзюкогио» Фумихико Коно, посетивший во главе японской правительственной делегации в феврале 1970 г. девять стран Тропической Африки — Эфиопию, Кению, Танзанию, Замбию, Конго (Киншаса), Нигерию, Гану, БСК и Сенегал, в докладе, представленном правительству, подчеркнул, что «Африка — многообещающее поле деятельности для японских вкладчиков капитала». При этом Коно указал на три фактора, которые могут способство-

вать успеху экспансии японского капитала: «необычайно большой интерес», проявляемый африканцами к быстрому экономическому росту Японии; почти полное «отсутствие антагонизма» в отношении Японии, что объясняется ее «незначительным присутствием» в Африке, и, наконец, наиболее примечательный фактор — «сильное желание африканских народов освободиться от сохраняющегося засилья своих бывших сюзеренов»¹⁶. Констатация того факта, что народы Африки стремятся к полной экономической независимости, не нова. Но представляет интерес другое — попытка японского монополистического капитала использовать это стремление в своих целях, опереться на антиколониальные настроения африканской общественности в конкурентной борьбе за сферы приложения капиталов на континенте. Прием этот уже применялся. Американский империализм неоднократно прибегал к нему в ходе соперничества с бывшими метрополиями. Вместе с тем нельзя не признать, что в силу своих экономических успехов и высокого технологического уровня производства Япония может рассматриваться многими африканскими странами в качестве более перспективного партнера, чем, скажем, увязшая в трясине финансово-экономических трудностей Англия. Все эти обстоятельства обеспечивают японским монополиям некоторые преимущества перед конкурентами в наступлении на Африку, но одновременно способствуют и усилению межимпериалистической борьбы, обострению соперничества Токио с Лондоном и Вашингтоном. Японские монополистические круги учитывают такую перспективу и готовятся к ней. «Может быть, рано гадать, как Африка и Ближний Восток будут реагировать на запланированные Японией крупные капиталовложения, — пишет «Джапан пресс», — однако можно отметить, что в предвидении местной оппозиции и конкуренции со стороны американского и английского капиталов японцы намерены сотрудничать с Францией, Италией или Западной Германией...»¹⁷. Таким образом, журнал не только раскрывает планы наступления японского частного капитала на Африку, но и четко определяет его противников и возможных союзников, подчеркивая одновременно наличие глубоких противоречий между странами «общего рынка», с одной стороны, и Англией и США — с другой. Подобные заявления не часто встречаются на страницах буржуазных изданий. Высказывание японского журнала лишний раз подтверждает, что в капитали-

стическом мире происходит постоянная перегруппировка сил; бывшие противники становятся союзниками и наоборот. Соглашения между монополиями носят временный характер, а конкуренция — постоянный.

Японские монополии, безусловно, внесут свой вклад в дальнейшее обострение межимпериалистической борьбы на африканском континенте в сфере экспорта частного капитала. Однако главным фактором этой борьбы явится, по-видимому, нарастающее вторжение в Африку «частного бизнеса» США, получающего все усиливающуюся государственную поддержку. Анализ коррективов, которые правительство Р. Никсона вносит в свою африканскую политику, показывает, что, хотя существующие методы государственной экономической, политической и социальной экспансии США в Африку еще полностью сохраняют свою роль важнейших инструментов межимпериалистической борьбы, уже намечается иная тенденция — стремление переложить основной груз на плечи монополий. Аналогичные явления можно наблюдать в Англии, Франции и ФРГ. В этих условиях одним из решающих орудий борьбы становится вывоз частного капитала.

Появление и развитие этой тенденции определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, систематические и глубокие кризисы платежного баланса главных империалистических держав вынуждают их к сокращению государственных расходов. Во-вторых, меняется отраслевая структура заграничных инвестиций этих держав. Происходит повышение удельного веса прямых инвестиций в обрабатывающую промышленность. Это значительно расширяет круг частных экспортеров капитала в развивающиеся страны. В-третьих, изменяются цели экспорта финансовых средств. Доля финансирования военной и прочих непроектируемых сфер снижается, а доля развития экономики увеличивается. Займы последовательно вытесняют субсидии. Таким образом расширяется поле деятельности частного капитала. В-четвертых, во многих развивающихся странах государственно-монополистический капитализм за счет совершенствования инфраструктуры и других вспомогательных мероприятий уже создал определенные экономические предпосылки, обеспечивающие доходность и надежность частных капиталовложений.

Об американских планах дает достаточно полное представление доклад государственного секретаря Роджерса

президенту Никсону «Соединенные Штаты и Африка в 70-х годах», опубликованный в Вашингтоне 29 марта 1970 г., спустя полтора месяца после поездки главы государственного департамента по десяти африканским странам.

Лейтмотив доклада Роджерса — необходимость дальнейшего увеличения объема частных американских капиталовложений в Африке, которые, по его словам, «могут и должны играть все возрастающую роль» в развитии африканских стран. При этом он утверждает, что, исходя лишь из интересов этих стран, необходимо, чтобы африканцы отвечали полной «взаимностью», однако фактически Роджерс выдвигает ультимативные условия, цель которых поставить американских вкладчиков капиталов в привилегированное положение по сравнению с европейскими и другими конкурентами. Так, для создания благоприятного инвестиционного климата частным вкладчикам США Роджерс предлагает правительствам стран Африки разработать «специальные программы», издать законы о капиталовложениях, гарантировать их целостность, ввести «разумные правила о въезде, работе и налогах» и т. д. В том случае, если этот акт о безоговорочной капитуляции будет принят африканскими правительствами, Роджерс обещает предпринять попытку «пробудить у средних американских вкладчиков интерес к изучению возможностей» инвестиций с целью развития обрабатывающей промышленности, в том числе мукомольной, производства фанеры и даже... ловли креветок.

В этом заявлении обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, государственный секретарь США обращается непосредственно к правительствам африканских стран, полностью игнорируя при этом их связи с бывшими метрополиями, существующие договоры и соглашения, ассоциацию с ЕЭС и т. д. Апелляция к суверенитету молодых государств также входит в число средств конкурентной борьбы империалистов. Во-вторых, речь идет о «средних вкладчиках», которым доступ в наиболее прибыльные сферы инвестиций — добывающую промышленность — прочно закрыт крупными монополиями. Напомним, что из общей суммы американских прямых частных инвестиций в Африке, составившей в 1968 г. 2678 млн. долл., 75% приходится на добычу полезных ископаемых и нефти, в том числе 692 млн. долл. вложено в ЮАР и 678 млн. долл. в добычу нефти в Ливии до при-

хода в последней к власти революционно-демократических сил.

Таким образом, Роджерс ставит вопрос о расширении экспансии в Африку американского капитала, о подключении к ней и «среднего вкладчика» США, а его рассуждения об «интересах» африканских стран — не более чем маскировка истинных намерений. Расчистка пути частному капиталу, оттеснение конкурентов — вот одна из главных задач правительственных органов США, поскольку вывоз капитала был и остается основным средством империалистической экспансии. «Американские монополии, — говорится в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве, — внедрились в хозяйство десятков стран, увеличивают там свои капиталовложения, добиваются установления контроля над ключевыми позициями в экономике»¹⁸.

Усиливая вывоз частного капитала в Африку, США не ограничиваются призывами и заявлениями, но осуществляют практические мероприятия. Так, в 1969 г. в США была создана Корпорация заморских частных инвестиций (о ней Роджерс упоминает в таком контексте, будто своим рождением она обязана лишь заботе Вашингтона о народах развивающихся стран). Корпорация эта — типичное детище государственно-монополистического капитала. Формально она принадлежит государству, однако руководство ею поручено представителям частного бизнеса — они составляют большинство в Совете директоров, из их среды назначен президент. Характер финансирования деятельности корпорации подчеркивает унию государственных и частных интересов. Ее средства слагаются из резерва в 100 млн. долл., полученных от Управления международного развития (УМР), дополнительных государственных ассигнований в сумме 75 млн. долл., еще 100 млн. долл., которые ей выплатит УМР в течение пяти лет из сумм, поступающих в погашение процентов по ранее предоставленным займам. Государство, однако, никаких потерь не понесет, ибо доход корпорации в ближайшее пятилетие составит не менее 150 млн. долл.

Корпорация — важное средство усиления конкурентоспособности инвестиционной деятельности американских капиталовладельцев. Она будет предоставлять не только гарантии, но и займы в местной валюте, консультации в отношении тех или иных проектов, связанных с капиталом-

вложениями, а также сама участвовать в инвестициях. По словам Роджерса, корпорация послужит базой «для более эффективного, гибкого и энергичного подхода к американским капиталовложениям» и «стимулирования новых американских частных инвестиций в Африке».

В США принимаются и другие меры по усилению капиталовложений в развивающиеся страны и изысканию сфер инвестиций. Помимо УМР и новой корпорации этим занимаются банки и многочисленные частные организации. При этом возможности для приложения капиталов не только выясняются, но и создаются. Государство финансирует деятельность специальных экспертных групп, оперирующих в этой сфере. «Мы организуем группы из руководителей инвестиционных и других банков и направляем их для выяснения возможностей, скажем, в Кению или Эфиопию», — пояснял конгрессменам администратор УМР У. Год. Кроме того, УМР систематизирует и продает деловым кругам США информацию по проблемам капиталовложений в виде «Каталога инвестиционной информации и возможностей». В 1969 г. «исследованиями» УМР было охвачено 20 африканских стран; кроме того, 27 «исследований» провели сами американские компании. Услугами УМР систематически пользуются крупные американские монополии. Так, на основе полученных рекомендаций компания «Филип Морис» вложила 4 млн. долл. в производство табачных изделий в Нигерии, «Сиборд Эллайд» — в мукомольные предприятия Сьерра Леоне, потеснив соответствующих английских конкурентов, и т. д.

С государственной помощью (расходы оплачивает УМР) создаются и постоянные представительства американского частного капитала в африканских странах. Такие наблюдательные пункты уже организованы в Аддис-Абебе, Кампале, Найроби, Аккре, Абиджане, Касабланке и Рабате. Примечательно, что в этом списке имеются четыре страны бывшей британской Африки, остающиеся в сфере интересов английских монополий, а также Эфиопия и Марокко — объекты особого внимания США.

Все эти факты свидетельствуют о том, что американский монополистический капитал намерен расширить масштабы своего экономического вторжения в Африку, причем по тщательно разработанному стратегическому плану. При этом два обстоятельства указывают на неминуемое обострение столкновений США с бывшими метро-

полями, а также с Японией и ФРГ. Первое — центр тяжести в экспорте американского капитала в Африку перемещается в область долгосрочных прямых инвестиций, обеспечивающих монополиям США контроль над иностранными филиалами и дочерними компаниями в африканских странах, в которых пока доминируют монополии Англии или Франции. Второе — американские планы предусматривают захват позиций в развивающейся обрабатывающей промышленности Африки, а также в торговле и сфере услуг. Это приведет к усилению соперничества США, в первую очередь с Францией, а также с Японией и ФРГ.

Воздействие межимпериалистических противоречий ощущается и в таком процессе, как возникновение в Африке интернациональных монополистических объединений. Буржуазные экономисты пытаются представить рождение таких объединений лишь как результат ослабления соперничества национальных монополий, их стремления к «коллективным» усилиям в деле «помощи» развитию молодых государств. Бесспорно, что этот процесс отражает объединительную тенденцию в лагере империализма. Но он ни в коей мере не свидетельствует о спаде конкурентной борьбы. Наблюдается как раз обратное явление. Именно обострение конкуренции в новых условиях существования мировой капиталистической системы приводит к образованию международных монополий¹⁹. Ниже будет показано, что возникновение в Африке в последние годы ряда международных консорциумов, в которых принимает участие монополистический капитал нескольких империалистических государств, явилось прямым следствием усиления их борьбы за рынки и источники сырья освободившихся стран и одновременно необходимости поисков компромисса. В. И. Ленин, указывая на разобщенность в среде международных монополистов, подчеркивал, что «их внутренняя связь по сути дела их же разъединяла»²⁰. Это ленинское замечание дает ключ к пониманию специфики противоречий, развивающихся внутри международных консорциумов.

Соперничество частных капиталов проявляется и в такой форме, как создание смешанных компаний. В принципе это явление отражает изменения, которые произошли в развивающихся странах. Монополиям стало все сложнее осуществлять экспансию традиционными методами — путем организации филиалов и дочерних предприятий.

Во многих африканских странах усиливаются требования покончить с засильем в экономике иностранного капитала, национализировать его собственность. Эти требования успешно претворяются в жизнь рядом африканских правительств. В изменившихся условиях монополии вынуждены маневрировать, менять тактику. Смешанные компании с участием иностранного и национального — частного и государственного капиталов постепенно приходят поэтому на смену филиалам, являющимся полной собственностью монополий.

Создание такого рода компаний, безусловно, свидетельствует о некотором отступлении иностранного капитала и укреплении позиций молодых государств. Но нельзя не видеть, что этот процесс в той форме, в которой он протекает в настоящее время, выгоден для монополий. Сфера их проникновения в экономику развивающихся стран фактически расширяется. Они берут под свой контроль национальный капитал, используют его в своих интересах, а главное — экспансия маскируется национальной вывеской. Монополии стремятся обзавестись союзниками в развивающихся странах, не допустить национализации, обезопасить себя от ограничительных мер местных правительств. Если бы дело обстояло иначе, то трудно было бы объяснить ожесточенное соперничество крупнейших корпораций и фирм США, Англии, Франции, ФРГ и Японии за место «партнера» в смешанных компаниях по добыче нигерийской нефти, гвинейских бокситов, замбийской меди, габонского и нигерского урана и т. д.

Нет необходимости доказывать, какой вред наносит вторжение иностранного частного капитала развивающимся странам и к каким последствиям этот процесс ведет. Марксистская наука уже дала на все вовлеченные сюда вопросы исчерпывающие ответы. Но, вместе с тем, было бы ошибкой закрывать глаза на тот факт, что в настоящее время подавляющее большинство освободившихся стран не располагает собственными возможностями накопления и расширенного воспроизводства и нуждается в помощи извне. Поэтому речь может идти о «коренном изменении условий, на которых должен инвестироваться иностранный капитал в развивающихся странах»²¹. Однозначное решение этой задачи, видимо, найти невозможно. Необходим глубокий анализ конкретной обстановки в каждой развивающейся стране и дифференцированный подход к различным видам частного

капитала и его национальной принадлежности. Только при этом условии можно ответить на вопросы — в каких размерах привлекать иностранный капитал, какими мерами ограничивать и контролировать его деятельность, когда приступать к активному вытеснению из национальной экономики.

Что же касается межимпериалистических противоречий в сфере экспорта капитала, то африканские страны должны использовать их в своих интересах. В современных условиях под воздействием мировой социалистической системы на международные экономические отношения империалистические державы уже идут на некоторые уступки освободившимся странам в области кредитования. Многообразные возможности, облегчающие решение этой задачи, предоставляет и углубление межимпериалистических противоречий — между США и блоком ЕЭС, а также нарастание соперничества в Африке Японии и США, Японии и Англии, Франции и Англии и т. д. Отдельные африканские государства, и в первую очередь вставшие на некапиталистический путь развития, уже извлекают пользу из столкновений иностранных монополий.

Вывоз капитала остается одним из основных элементов системы международных экономических отношений современного капитализма, и расширение экспорта капитала усиливает борьбу за экономический раздел мира, выступая одновременно одним из орудий этой борьбы. Этот вывод полностью подтверждается анализом состояния и тенденций межгосударственного движения капиталов. Развивающиеся страны, несмотря на уменьшение их доли в общем объеме инвестируемых средств, будут и в дальнейшем являться важнейшей сферой приложения иностранного капитала. Можно даже предположить, что по мере их экономического роста, расширения добывающей и становления обрабатывающей промышленности будет происходить известная нивелировка в распределении экспортируемых средств между развитыми и развивающимися странами.

Вместе с тем процесс создания самостоятельной национальной экономики в молодых государствах, неразрывно связанный с сужением возможностей хозяйничанья империалистических держав, окажет стимулирующее воздействие на их соперничество и конкуренцию в сфере экспорта капитала.

Оценивая роль и место частных инвестиций среди средств межимпериалистической борьбы в развивающихся странах, необходимо учитывать еще один фактор, определяющий объемы и направления капиталовложений, — перспективы извлечения прибылей. Статистика показывает, что уже сейчас новые инвестиции полностью обеспечиваются доходами от ранее сделанных капиталовложений. Финансовая эксплуатация развивающихся стран усиливается. По подсчетам, к середине 70-х годов их суммарная задолженность составит не менее 100 млрд. долл., а ежегодные выплаты — 10 млрд. долл. Другими словами, отток средств в счет погашения задолженности превысит приток новых средств из-за границы. Этот процесс порождает две тенденции, вступающие в противоречие. С одной стороны, перспектива роста прибылей стимулирует экспансию частных капиталов и их конкуренцию, но с другой — опасность «банкротства» получателя капиталов сдерживает деятельность инвесторов. Приоритет первой или второй тенденции зависит от конкретных условий в каждой развивающейся стране и характера гарантий, предоставляемых вкладчику капиталов, как его собственным государством, так и правительством той или иной освободившейся страны.

ГЛАВА VI. ГОСУДАРСТВЕННАЯ «ПОМОЩЬ» КАК СРЕДСТВО КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЫ

Империалистическая «помощь» развивающимся странам — одно из новых и наиболее противоречивых явлений мирового капиталистического хозяйства и одновременно главный инструмент политики неокOLONIALИЗМА. Само появление понятия «помощь» связано с крахом колониальной системы. «До второй мировой войны, — отмечает западногерманский журнал «Интернационалес Африкафорум», — ни одно государство не осенила бы идея вкладывать собственные средства в развитие другой страны или ее колоний»¹. И действительно, идея «помощи» появилась в умах правящих кругов бывших метрополий и их империалистических партнеров-конкурентов тогда, когда возникла необходимость сохранения системы капитализма, сферы империалистического господства в обширных регионах земного шара.

В задачу данного исследования не входит подробный анализ сущности империалистической «помощи». Эта про-

блема глубоко освещена в советской и прогрессивной зарубежной научной литературе. Ей посвящено немалое количество обстоятельных статей в научных и политических журналах. Исчерпывающая оценка «помощи» империалистических держав дана в материалах и решениях съездов КПСС, в документах международных совещаний коммунистических и рабочих партий, в выступлениях руководителей КПСС и Советского правительства.

Противоречивый характер «помощи» определяется тем, что это не только коллективная стратегическая операция империализма. Национальные империализмы объединяет в этой сфере лишь одна цель — сохранить освобожденные страны в орбите капиталистического способа производства, взять под свой контроль их экономическое развитие, локализовать дальнейший рост национально-освободительного движения. Вместе с тем каждая империалистическая держава преследует и собственные цели, отражающие интересы своих монополистических групп. Поэтому в политике предоставления «помощи» резко проявляются межимпериалистические противоречия в целом и противоречия неоколониализма в частности. Эта сторона проблемы, учитывая роль «помощи» в процессе развития молодых государств, представляет значительный теоретический и практический интерес.

Основная борьба в сфере «помощи» африканским странам разворачивается между бывшими метрополиями, стремящимися использовать ее для сохранения своих позиций и влияния в «традиционных зонах» господства, и США, для которых «помощь» служит главным орудием передела сфер влияния в свою пользу.

Уже в определениях и оценках «помощи», сформулированных авторами разной национальной принадлежности, можно обнаружить истоки противоречий и соперничества. Так, американец Дж. Монтгомери пишет, что «помощь — это комплексный инструмент внешней и внутренней политики», который «выполняет много различных функций в американской дипломатии»², а его соотечественник Д. Балдуин считает «помощь» основным «орудием для достижения целей внешней политики США»³. Один из активных апологетов английского неоколониализма — Б. Крозье, констатируя, что «бывшие колонии, ставшие независимыми, — за немногим исключением — бедны» и нуждаются в «помощи», задает риторический вопрос:

«Откуда помощь может прийти?». А затем, «разделавшись» с американскими благотворителями («От правительства США?! Посмотрите на Лаос...»), прямо заявляет, что «подлинная помощь, имеющая действительную ценность», может проистекать только «от бывшей метрополии, искренне вникающей в нужды освободившихся стран и говорящей на понятном для их политических деятелей и официальных лиц языке»⁴. Видный деятель правящей партии Франции ЮНР/ЮДТ Бернар ле Калок настаивает на том, чтобы «помощь» приносила «в экономическом плане, например, заказы на французскую технику, занятость французских специалистов; в культурном плане — предпочтение, отдаваемое французскому языку»⁵. Западногерманский экономист К. Эрдман, ссылаясь на тот факт, что ФРГ «несравненно больше, чем США, Франция и Великобритания, зависит от экспорта», усматривает в «помощи» орудие торговой и экономической политики Бонна. По его словам, «помощь развитию» обеспечивает ФРГ «солидные заморские рынки», помогает «делать там капиталовложения, завоевывать доверие», причем, в первую очередь, это «относится к Африке, которая расположена близ Европы, связана с ней исторически и культурно». Поэтому в последнее время «помощь» африканским странам стала для ФРГ «первоочередной задачей»⁶.

Все эти высказывания объединяет одна черта. Каждый автор, а среди них профессора, политические и государственные деятели, рассматривает проблему «помощи» лишь с позиций интересов своей страны. Это обстоятельство дает дополнительное подтверждение важному факту, что, сохраняя общеимпериалистическое, классовое содержание, на практике «помощь» в большинстве случаев выступает как средство экспансии конкретного империалистического государства. Совершенно справедлив в этой связи вывод советского ученого К. Н. Брутенца о том, что «осуществление общеимпериалистических функций «помощи» может совершаться лишь в форме борьбы за укрепление позиций и влияния определенного империалистического государства и, как правило, в ущерб специфическим интересам его империалистических партнеров»⁷.

Если рассмотреть содержание, основные цели и функции империалистической «помощи», то можно обнаружить, что именно в них заложены корни конкурентной

борьбы и соперничества империалистических «доноров». В первую очередь, надо исходить из того, что «помощь» — это экспорт капитала как в его натуральной, так и в стоимостной форме. Однако своеобразие предоставляемых развивающимся странам государственных займов, субсидий и даров заключается в том, что их природу определяют не столько экономические, сколько политические и социальные мотивы. Но, таким образом, к общему комплексу межимпериалистических противоречий в сфере экспорта капитала (о чем было рассказано выше) добавляется и борьба за политическое влияние. Этот вывод подтверждает характерная особенность иностранных инвестиций в африканских странах за последние годы — преобладание государственной доли над частной. Усиление государственно-монополистических тенденций в сфере экспорта капитала полностью соответствует интересам монополистической буржуазии, поскольку повышает конкурентоспособность ее собственных мероприятий. Важно и другое обстоятельство. Если в прошлом межимпериалистические противоречия в конечном счете разрешались в виде войн, то в современных условиях, как отмечалось выше, такой исход маловероятен. Но антагонизмы накапливаются, принимают затяжной характер. Отсюда появляется необходимость в долговременной стратегии, следовать которой частный капитал не в состоянии по своей природе. Он не идет туда, где экономический эффект заставит себя ждать, какие бы ни преследовались при этом политические цели. Поэтому функцию основного орудия в долговременной межимпериалистической борьбе за позиции в освободившихся странах берет на себя государственно-монополистический капитал, выступающий в форме различных видов «помощи».

Несмотря на очевидную политическую природу империалистической «помощи», нельзя умалять и ее функцию источника финансовых прибылей. Этот фактор дополнительно усиливает роль «помощи» как орудия межимпериалистического соперничества. Державам-«донорам» «помощь» приносит существенные барыши. Отток из ряда развивающихся, особенно африканских, стран средств в форме процентов, прибылей и дивидендов уже превышает приток нового капитала. По явно заниженным данным, сумма задолженности развивающихся стран составила в 1970 г. 60 млрд. долл., причем долг продолжает возрастать. Но одновременно увеличивается и сумма платежей

в погашение займов, кредитов и процентов по ним. Таким образом, «доноры» ничего не теряют, а лишь приобретают. Как заявил, например, на конференции стран Содружества наций в январе 1969 г. бывший английский министр по делам заморских территорий Прентас, почти все средства, которые Англия предоставила в качестве «помощи» Замбии, теми или иными путями вновь вернулись в Англию.

Характерно, что даже проценты по займам и кредитам используются империалистическими державами в конкурентной борьбе. Маневрируя сроками погашения, они пытаются отеснить соперника, получить политический выигрыш. Так, Англия заняла жесткую позицию в отношении «рефинансирования» долга Ганы и продления моратория на платежи (уместно упомянуть, что Гана должна Англии 180 млн. долл., из которых основной капитал составляет 125 млн., а проценты — 55 млн.). Другие империалистические кредиторы Ганы воспользовались этим фактом и проявили «великодушие». В итоге, как отмечала газета «Файнэншл таймс», «среди высокопоставленных чиновников правительства Ганы намечается явная тенденция отхода от Англии к США, Франции и ФРГ, проявляющих большее сочувствие в вопросе о долгах»⁸.

Таким образом, «помощь» как орудие финансовой эксплуатации бывших колоний и зависимых стран в прямой и косвенной форме служит целям межимпериалистической борьбы.

Империализм заинтересован в том, чтобы усилить роль развивающихся стран как одного из крупнейших источников прибылей. Но возможно это лишь на основе внедрения современных методов производства, что помимо капиталовложений предполагает широкий экспорт в эти страны технического опыта. Именно отсюда и происходит значительная активизация в последние годы так называемой «технической помощи» — направление в развивающиеся страны Африки экспертов, консультантов, специалистов, преподавателей и т. д. Этот вид «помощи» тесно связан и с соперничеством империалистических сил, поскольку открывает перед конкурирующими государствами широкие возможности для проникновения практически во все сферы социально-экономической и политической жизни освободившихся стран континента. Для бывших метрополий «техническая помощь» в известной мере выступает эквивалентом колониальной надстройки,

а для их империалистических конкурентов служит средством оттеснения соперника и создания в молодых государствах собственных рычагов влияния и контроля. Показательно в этой связи, что, например, в структуре французской «помощи» доля средств, направленных на «культурное и техническое сотрудничество», возросла с 1963 по 1969 г. с 36,2 до 51,7%, а в английской — с 14 до 22,7%, причем в общих ассигнованиях на техническую «помощь» доля Африки составляет 89%. Не отстают и конкуренты. В настоящее время ФРГ расходует на эти цели 23% всей двусторонней «помощи», США — 15%.

Важнейшая функция империалистической «помощи» — способствовать насаждению и развитию в освобожденных странах капиталистических отношений. Но решение и этой главной общеимпериалистической задачи осуществляется в борьбе и столкновениях капиталистических держав. Каждая из них стремится, используя «помощь», интенсифицировать свои экономические и торговые связи с той или иной развивающейся страной или группами таких стран. Бывшие метрополии заинтересованы в том, чтобы закрепить традиционные отношения со странами, ранее входившими в составы колониальных империй, не допустить изменения рыночной ориентации этих стран, крепче связать их экономику с собственным монополистическим капиталом. Конкурирующие империалистические державы, в свою очередь, пытаются, маневрируя средствами «помощи», переориентировать происходящее на капиталистической основе развитие производительных сил в молодых государствах на себя, привязать их к собственным поставщикам оборудования и потребителям сырья. В этих целях «помощь» нередко используется как инструмент непосредственного воздействия на отдельные национальные правительства и даже как средство подкупа влиятельных представителей правящих кругов. Известный английский эксперт в вопросах «помощи» У. Кларк подчеркивает, например, что «помощь» может предоставляться исходя из «необходимости приведения в соответствие с новой обстановкой бывших колониальных отношений»⁹, а, по мнению его американских коллег, «помощь» является «практикой подкупа» в политических целях и часто приобретает «форму взятки»¹⁰.

Одна из основных функций «помощи» — расчищать путь частному капиталу — непосредственно связана с

проблемами межимпериалистической борьбы. Поскольку иностранные капиталы интенсивно соперничают в наиболее выгодных и перспективных сферах приложений, то, естественно, конкурируют и средства, способствующие их экспансии, в первую очередь «помощь». Нет недостатка в примерах, показывающих, что соглашения о «помощи» обязывают страну-получательницу обеспечить «благоприятный климат» и различные гарантии лишь капиталу страны-кредитора. Такие соглашения заключены Францией с рядом ее бывших колоний, Соединенными Штатами с Кенией и т. д. Нередки случаи, когда «помощь» носит характер премии за услуги, оказанные частному капиталу конкретного империалистического государства. Столкновения между «донорами» происходят и в выборе объектов «помощи», распределения ее по сферам и отраслям.

Усиление роли государственной «помощи» как средства поддержки частного капитала ведет не только к тому, что она совместно с ним используется в финансировании перспективных объектов и предприятий в освободившихся странах, но и выступает равноправным «партнером» монополий, что еще глубже втягивает ее во все перипетии межимпериалистической борьбы. «Помощь», особенно американская, все более сливается с частными капиталовложениями в единый поток экспорта капитала. Это дает дополнительные основания рассматривать ее как орудие межимпериалистической борьбы и соперничества. Переплетение этих видов инвестиций было подмечено в свое время даже экспертами ООН: «Приток правительственного капитала в слаборазвитые страны во многих различных формах настолько смешивался с притоком частного капитала, что их трудно различить статистически, тем более что политика поощрения соответствующего притока частного капитала идет рука об руку с политикой предоставления правительственного капитала»¹¹.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что империалистическая «помощь» вне зависимости от ее формы и распределения по объектам и сферам служит интересам «донора», то есть конкретной империалистической державы, обеспечивает привилегии ее монополиям, укрепляет позиции ее капитала в экономике данной развивающейся страны, способствует расширению ее экспорта, укрепляет ее политическое влияние. Подтверждение этому выводу можно найти и в высказываниях зарубеж-

ных ученых, особенно тех стран, которые или с особой остротой испытывают нажим конкурентов, или пока еще принадлежат к числу «аутсайдеров» в соперничестве за позиции в «третьем мире». Приведем лишь два примера. Бывший советник Генерального комиссара по вопросам планирования, руководитель рабочей группы по разработке планов развития заморских территорий Франции Морис Гернье в книге «Последний шанс „третьего мира”» прямо пишет, что при оказании «помощи» великие державы руководствуются политическими соображениями и стремятся к «установлению своего контроля над определенным районом, вытеснению из него политического или торгового противника»¹². Еще определеннее формулирует эту мысль западногерманский экономист К. Эрдман: «Помощь великих держав развивающимся странам связана с претензиями на господство и власть. Они, собственно, не предоставляют помощи развитию, а проводят посредством этого инструмента политику. Поэтому свою помощь развитию они охотно называют политикой в области развития»¹³.

Для оценки соотношения сил участников межимпериалистической борьбы в сфере «помощи» Африке обратимся к статистическим данным.

Таблица 4

«Помощь» африканским странам (без ЮАР и ОАР)
(в млн. долл.)

Годы	Бывшие метрополии (Франция, Англия, Италия, Бельгия)	Международные организации	Другие страны Западной Европы (в основном ФРГ)	США	Итого
1959	791	80	40	185	1096
1960	862	198	26	211	1297
1961	1003	64	169	460	1697
1962	1016	94	163	488	1761
1963	890	95	155	490	1630
1964	791	179	138	359	1467
1965	818	258	218	330	1624
1966	895	274	216	384	1769
1967	729	271	223	388	1611

Источники: W. Nielsen, *The Great Powers and Africa*, N. Y., 1969, p. 145; «Agency for International Development», Wash., 1968.

Таблица раскрывает ряд заслуживающих внимания процессов в области оказания капиталистическими государствами «помощи» африканским странам. Во-первых, в 1961 г. резко увеличилась «помощь» США — почти в три раза по сравнению с 1959 г., а европейских стран — не метрополий — более чем в четыре раза. Во-вторых, если в 1961 г. на долю уже бывших метрополий приходилось примерно 60% всей «помощи», то в 1967 г. — лишь 47%. В-третьих, в 1960 г. «помощь» США составляла 1/4 от «помощи» колониальных держав, а в 1967 г. — свыше половины. Эти расчеты демонстрируют наступательный характер американской «помощи» освободившимся странам Африки, несмотря на тот факт, что до середины 1960 г. этот континент официально не числился в перечне районов первоочередных интересов США.

Еще более показательно сравнение «помощи» африканским странам основных конкурентов — США, Англии, Франции и ФРГ — и доли, которую Африка занимает в общем объеме их «помощи» развивающимся странам.

Таблица 5

«Помощь» главных империалистических держав развивающимся странам и доля в ней Африки
(в млн. долл., за 1960—1965 гг.)

Страны	Суммарная «помощь»	Доля страны, в %	«Помощь» Африке	Доля страны, в %	Доля Африки, в % от суммарной «помощи»
США	19 596	54	2 625	26	13
Франция	5 609	16	4 038	40	72
Англия	2 893	8	1 515	15	53
ФРГ	2 586	7	505	5	20

Источники: «Internationales Afrika-Forum», Aug. 1967; «Britain and the developing countries. Economic Aid: A Brief Survey», 1968; «Survey of British and Commonwealth Affairs», 1968—1970.

Из таблицы видно, что ко второй половине 60-х годов США уже вышли на второе после Франции место по объему «помощи» Африке, но, вместе с тем, доля африканских стран в общей «помощи» «третьему миру» у Франции и Англии значительно больше, чем у США. Бывшие метрополии упорно стремятся сохранить приоритет в использовании этого средства экспансии за собой.

«Помощь Англии главным образом предоставляется ее бывшим колониям, ныне входящим на положении суверенных государств в Содружество наций. Этот канал влияния британские правящие круги тщательно оберегают, несмотря на испытываемые Великобританией финансовые трудности. Характерно, что сокращение расходов по многим статьям бюджета не затрагивает «помощь» вообще и Африке в частности. Так, с 1966 по 1970 г. общая «помощь» Англии развивающимся странам составляла ежегодно в среднем 207,2 млн. ф. ст., а доля Африки в ней — 73,1 млн. ф. ст., или 38,1%, причем доля Африки из года в год увеличивается. Если в 1966 г. на первом месте среди получателей находились страны Азии, то в 1969 г. африканские страны вышли вперед с разрывом в 4%. Это свидетельствует о значении, которое правительство Англии придает использованию «помощи» в целях сохранения своего влияния в африканской части Содружества, а также о том, что «помощь» рассматривается Лондоном как важное средство конкурентной борьбы. В публикации основного английского теоретического центра по проблемам «помощи» — Института развития заморских территорий — содержится красноречивое признание: «Помощь — оружие в соревновании между «донором» и другой державой за получение политических и коммерческих выгод в данной конкретной стране»¹⁴. В этой связи представляет интерес список стран Черной Африки — членов Содружества, которым в 1970 г. Англией преимущественно оказывалась «помощь» (в млн. ф. ст.): Замбия — 3,2, Кения — 10,2, Уганда — 4,8, Танзания — 4, Малави — 7,8, Нигерия — 8 и Ботсвана — 5,9. Как видим, список возглавляют Кения и Нигерия — две «ключевые» для английского империализма страны на восточном и западном побережье Африки, в которых Лондон ведет особо упорную борьбу за сохранение политических позиций.

Конкурентный характер английской «помощи» подчеркивает и ее структура. За 1963—1969 гг. в общем объеме английской «помощи» ассигнования на поддержку денежной системы стран-получательниц составили примерно 33%, финансирование импорта — 19, техническое сотрудничество — 17, развитие инфраструктуры — 15, развитие промышленности — 9,3, социальные мероприятия — 6,7%. Высокая доля средств на поддержку денежной системы показывает заинтересованность английских правящих

кругов в укреплении выгодных им режимов. Финансирование импорта также проводится в интересах самой Англии, учитывая состояние ее платежного баланса. Развитие инфраструктуры, с одной стороны, необходимо молодым государствам, но с другой, и это главное, — оно расчищает путь для дальнейшей деятельности монополий, не заинтересованных в инвестициях в непроемкие сферы. Авторитетные органы английской печати неоднократно подчеркивали, что «помощь» — инструмент долговременной стратегии бывшей метрополии, защищающей в первую очередь собственные интересы. Журнал «Нью стейтсмен» определял английскую «стратегию помощи» африканским странам следующим образом: «Цель нашей помощи — далеко идущие экономические результаты. Свержение режимов и возникновение новых социальных групп не должно нам препятствовать в реализации наших программ, хотя бы нас и обвиняли в политическом вмешательстве».

Журнал даже призывал не обращать внимания «на возражения некоторых африканских правительств», поскольку Англия перед ними «не несет ответственности за свои действия»¹⁵.

Франция еще в большей степени, чем Англия, опирается на «помощь» в своей борьбе за сохранение позиций на африканском континенте. 40% всех видов западной «помощи» Африке поступает из Франции, и свыше 70% всей французской «помощи» развивающимся странам приходится на ее бывшие африканские колонии. Эксперт в вопросах французской политики в Африке, профессор Рэне Жандарм отмечает в этой связи: «Помощь в развитии стала эффективным элементом внешней политики, она является удобным средством для проведения деколонизации без нарушения традиционных экономических связей и изменения соотношения сил»¹⁶. Нетрудно догадаться, что французский профессор подразумевает под «соотношением сил».

В отличие от Англии Франция концентрирует свою «помощь» на небольшой части африканского континента, включающей главным образом страны Афро-Малагасийской группировки. Одно из объяснений этому факту — опасения Парижа, что данная часть бывшей французской Африки может уйти из-под влияния Франции в связи с нарастающей конкуренцией иностранного капитала — американского, японского и западногерманского, соблаз-

няющего местные правительства «выгодными» предложениями.

Французская «помощь» в основном концентрируется на заморских департаментах и территориях и группе стран Черной Африки. В первом случае речь идет о стремлении Франции удержать еще сохранившиеся колонии и создать в них к моменту неминуемого освобождения максимально прочные позиции. В процентном отношении «помощь» странам Афро-Малагасийской группы довольно стабильна. Уменьшение доли Алжира — прямой результат социально-экономических преобразований в этой стране, ее ориентации на некапиталистический путь развития и сокращения там сферы деятельности французского частного капитала. Уменьшение и увеличение в разные периоды доли Марокко и Туниса отражают уровень отношений между этими странами и Францией, а также степень межимпериалистической борьбы за влияние в них. Сокращение французской «помощи» совпадает с периодами, «когда в действие вступают американский и западногерманский империализм»¹⁷. Как известно, по ряду причин, в частности из-за невыполнения марокканским правительством требования Парижа об отставке министра внутренних дел генерала Уфкира, виновного в похищении Бен Барки, Франция резко сократила финансовую «помощь» Марокко (с 300 млн. франков в 1964 г. до 53 млн. в 1968 г.)¹⁸. Этим не преминули воспользоваться США и ФРГ, на которые в 1967 г. пришлось 55,5% общего объема иностранной «помощи» Марокко, а в 1968 г. — 67,7%. Доля Франции уменьшилась с 37% до 16,2. Лишь в 1969 г. в связи с общим пересмотром своей средиземноморской политики французское правительство приступило к интенсивной реставрации отношений с Марокко и Тунисом и предоставило им «помощь» на сумму около 200 млн. франков.

Следует отметить, что, маневрируя средствами «помощи», правящие круги Франции добились определенных успехов. Хотя в результате завоевания политической независимости странами — бывшими французскими колониями межимпериалистические противоречия там обострились, соотношение сил не действовало механически в пользу американского или западногерманского империализма. До сего времени, когда речь идет о «помощи» или техническом сотрудничестве, франкоязычные страны Африки в подавляющем большинстве обращаются к быв-

шей метрополии. Недаром как Франция, так и Англия, несмотря на все финансовые потрясения, не подвергают серьезным сокращениям расходы на «помощь» и «сотрудничество». Как подчеркнул государственный секретарь Франции по иностранным делам Ивон Бурж, любые обстоятельства «ничего не изменят в привилегированных отношениях Франции с государствами Африки. Тем более не будет внесено никаких изменений в деятельность Фонда помощи и сотрудничества»¹⁹.

ФРГ, несмотря на значительное отставание от США, Франции и Англии в оказании «помощи» африканским странам, тем не менее активно включается в конкурентную борьбу. В оценке роли ФРГ надо исходить из того, что ее «стаж» на этом поприще еще невелик — впервые государственные ассигнования на «помощь развитию» были включены в бюджет Бонна лишь в 1956 г., причем не только из экономических, но и из политических соображений. Выступая в свое время в бундестаге, нынешний министр сельского хозяйства ФРГ Эртль подчеркивал: «Возможно, „третий мир“ не во всех вопросах играет решающую роль, но, как следует из дискуссий в ООН, за ним остается решающее слово. Там, конечно, может быть по достоинству и в соответствующей форме оценен и германский вопрос, и именно в этом мире нам следует заводить друзей»²⁰. Таким образом, «помощь» рассматривается в правящих кругах ФРГ как инструмент политического влияния, посредством которого возможна реставрация былых позиций германского империализма.

К 1969 г. ФРГ уже имела соглашения о предоставлении финансовой и технической «помощи» с 94 развивающимися странами, в том числе с 36—африканского континента. В 1968 г. на цели «помощи» Бонн ассигновал по государственному бюджету 2188 млн. марок (в 1956 г. — 50 млн.). В итоге, опираясь на «помощь», Западной Германии удалось в ряде африканских стран несколько потеснить Англию, Францию и даже США. Так, например, предоставление в 1968 г. кредита Марокко на сумму 100 млн. марок было обусловлено обязательством марокканцев отдавать предпочтение закупкам западногерманских товаров, что вызвало резкое недовольство у ряда американских и французских фирм. Оказав значительную финансовую и техническую «помощь» Тунису, ФРГ к началу 1970 г. заняла второе после Франции место в списке его торговых партнеров, потеснив при этом США. Среди

основных африканских получателей «помощи» ФРГ фигурируют Гана, Кения, Либерия, Того, Сенегал, Берег Слоновой Кости, Марокко, Тунис, Нигерия, Конго (Киншаса), то есть те страны, где интересы Западной Германии неминуемо сталкиваются с интересами бывших метрополий, или США, или тех и других вместе.

Объем американской «помощи» Африке стал прогрессивно возрастать с начала 60-х годов. До этого времени, в колониальный период, как отмечает Р. Эмерсон, даже в вопросах «помощи» на развитие зависимых территорий «колониальные державы отнюдь не приветствовали иностранное вторжение в свои владения». Провозглашение независимости колоний коренным образом изменило ситуацию. «Хмурые и неодобрительные взгляды бывших метрополий уже не смогли иметь решающего значения, хотя США избегали создавать впечатление, что они выпихивают своих союзников из их бывших владений»²¹. Красноречивое признание американского профессора убедительно свидетельствует о том, что «помощь» с самого начала стала предметом соперничества империалистических держав и орудием их борьбы за влияние в развивающихся странах.

Экономической основой американской политики «помощи» африканским странам с самого начала стала задача формирования товарного экспорта и расширения экспансии частного капитала. Не случайно более 90% всех средств, предоставляемых в качестве «помощи», предназначается для закупок развивающимися странами товаров в самих США, а получение «помощи» обуславливается заключением соглашений о гарантиях частных капиталовложений. Политический аспект американской «помощи» в значительной мере определялся стремлением США оттеснить бывшие метрополии и стать верховным распорядителем судеб африканских стран. Таким образом, как экономические, так и политические цели США вступали в противоречие с интересами европейских держав.

Характерно, что, несмотря на вывод, содержащийся в докладе комитета по политике «помощи» развивающимся странам (Комитет генерала Клея) президенту Дж. Кеннеди, о том, что «в силу отсутствия непосредственной угрозы безопасности США... Африка может рассматриваться как зона, где основное бремя помощи логически должны нести западноевропейские страны»²², были

сделаны исключения для Ганы, Конго (Киншаса), Нигерии, Марокко, Туниса, Эфиопии и Ливии, то есть для тех стран, где США или хотели повернуть ход социально-экономического развития, или вели борьбу за влияние с бывшими метрополиями, или совмещали решение обеих задач. При этом, по словам Р. Эмерсона, в отношении бывших английских колоний Вашингтон решил действовать полностью самостоятельно, а в бывших французских владениях — в координации с Парижем. Такой дифференцированный подход был не случаен и объяснялся тем обстоятельством, что Франция значительно более ревниво, чем Англия, встречала проникновение США в зоны своего влияния. В то время как французское правительство в «помощи» США усматривало прямое посягательство на свои позиции в Африке, Лондон исходил из того, что по сравнению с «угрозой коммунистического проникновения» в его бывшие африканские владения вторжение «помощи» США — меньшее зло. Такая позиция Англии, а Лондон придерживался ее примерно до 1966 г., ослабляла, естественно, в тот период англо-американское соперничество в сфере оказания «помощи» африканским странам и в значительной мере развязывала Вашингтону руки.

Авторы, анализирующие американскую «помощь» Африке, обычно обращают внимание читателя на тот факт, что с конца 60-х годов в ней стал доминировать так называемый выборочный подход, то есть «помощь» представлялась в основном небольшому числу отобранных стран. Фактически же США прибегали к такому методу с самого начала, а во второй половине 60-х годов лишь официально его декларировали и еще более усилили дифференциацию.

В качестве основных объектов американской «помощи» Африке с первых же послевоенных лет были избраны наиболее важные для экономических и политических интересов США страны: Тунис и Марокко, где Вашингтон соперничал за влияние с Парижем; Нигерия, Конго (Киншаса) и Ливия, владеющие запасами стратегического сырья, за доступ к которым вели борьбу с конкурентами американские монополии; Либерия — «причал» США на континенте; Эфиопия и Гана — важные опорные пункты на восточном и западном побережье. В 1965 г. на семь африканских стран пришлось 64% всей «помощи» США, причем на первом месте находилась Нигерия, получившая

26 млн. долл. Именно в это время там были открыты новые нефтяные месторождения.

В 1967—1968 гг. по программам УМР «помощь» формально оказывалась 33 африканским странам, однако главными получателями были Конго (Киншаса), Нигерия, Эфиопия, Марокко и Тунис. Немалую роль в этой концентрации «усилий» США сыграли противоречия с бывшими метрополиями, значительно к этому времени усилившиеся. По авторитетному свидетельству Р. Эмерсона, вопрос оказания «помощи» другим африканским странам — прежним колониям Англии и Франции «осложнялся нежеланием бывших метрополий выпустить эти страны из собственной экономической сферы»²³. Не в этом ли кроется одна из причин усиления в США тенденции к «выборочному» подходу?

И действительно, в 1966—1968 гг. в официальных кругах Вашингтона, в конгрессе, на страницах печати и даже в научной литературе начали усиливаться голоса, утверждающие, что за свою «помощь» африканским странам США не получают «достаточной компенсации». Так, профессор Бостонского университета Ч. Уолф призывал правительство «не проводить такие программы помощи, стоимость которых будет выше, чем суммарная прибыль»²⁴. Эксперт Сиракузского университета М. О'Лири отмечал, что американская общественность проявляет «антипатию в отношении помощи странам, не являющимся союзниками США»²⁵. А. Р. Эмерсон констатировал, что программы оказания «помощи» африканским странам вообще выдвигают перед Соединенными Штатами серьезные политические проблемы, поскольку как увеличение, так и сокращение программы вызывает в их адрес нарекания. В первом случае «бывшие колониальные державы обвиняют США в стремлении вытеснить своих европейских союзников из традиционных сфер влияния, а левые круги — в неокOLONIALИЗМЕ. При сокращении же программ все утверждают, что Америка не желает помогать развивающимся странам». Мнение «левых кругов» бывший советник Белого дома по африканским вопросам оставляет без комментариев, что же касается европейских союзников США, то к ним он обращается почти с ультимативным предупреждением: «Если со стороны бывших метрополий сохранится тенденция держать США на вторых ролях в вопросах помощи, то цена, которую последние должны будут заплатить за сотрудничество, окажется

ся слишком высокой. Америке следует проводить в отношении африканских стран независимую политику, а не смотреть на них через призму отношений с бывшими колониальными державами»²⁶.

Дальнейшая эволюция политики США в вопросах «помощи» африканским странам показывает, что подобные рекомендации были приняты во внимание. Можно выделить три основных направления, по которым пошло дальнейшее развитие этой политики, причем во всех случаях оно сопровождалось обострением межимпериалистической борьбы.

Во-первых, еще больше сузился круг стран — основных получателей американской «помощи». В 1969 г., например, 90% «помощи» по линии УМР пришлось на 15 стран, 80% «займов развития» — на 8 стран и 95% «помощи в целях поддержки» — на 4 страны. В перечне этих стран — Либерия, Конго (Киншаса), Марокко, Тунис, Эфиопия, Гана и некоторые другие, где США пытаются создать неоколониалистскую витрину своей политики, оттеснив европейских партнеров или поставив их деятельность под свой контроль.

Во-вторых, американская «помощь» все более переводится на региональные основы. В 1969 году 40% ассигнований по программам УМР для Африки было вложено в региональные проекты. В то же время количество двусторонних африканских программ УМР сократилось с 35 в 1968 г. до 21 в 1969 г. и 12 в 1970 г. Такая тактика преследует несколько целей — вынудить молодые государства к объединению в устраивающие США регионы; экономически связать прогрессивные режимы с реакционными; создать условия, облегчающие экспансию частного капитала; ослабить рычаги влияния бывших метрополий, мешающих установлению американского лидерства в Африке.

В-третьих, в стратегии американской «помощи» возрастает тенденция использования международных финансово-экономических учреждений типа МБРР, УМР, АМР и т. д., то есть замены двусторонней «помощи» многосторонней. Поскольку в этом вопросе межимпериалистические противоречия выступают наиболее рельефно, остановимся на нем подробнее.

В течение всего послевоенного периода бóльшая часть империалистической «помощи» развивающимся странам предоставлялась на двусторонней основе, что,

естественно, обеспечивает «донору» наибольшие возможности использования «помощи» в своих интересах. В первую очередь, такой тактики придерживались бывшие метрополии. У Франции, например, многосторонняя «помощь» составляет менее 5% всей суммы «помощи». Англия, выделявшая на многостороннюю «помощь» до 10%, за последние 3 года сократила свое участие в многосторонней «помощи» на 15%. Даже ФРГ упорно пропагандирует идею двусторонней «помощи», усматривая в ней наиболее реальную возможность обеспечить свое проникновение на африканский континент.

Привязанность европейских неокolonизаторов к двусторонней «помощи» определяется не только экономическими причинами. Опираясь на нее, Англия, Франция и Бельгия стремятся использовать двусторонние связи с африканскими странами для сохранения в них своих политических позиций, а ФРГ — для приобретения рычагов экономического и политического влияния. Расширение каналов многосторонней «помощи» лишает эти страны существенных преимуществ. Как отмечал западногерманский журнал «Интернационалес Африка-форум» в августе 1967 г., средства, которые страны, оказывающие «помощь», распределяют через международные каналы, «потеряны для политического применения в двусторонних отношениях».

В свою очередь, Соединенные Штаты, настаивая на приоритете многосторонней «помощи», стремятся локализовать использование конкурентами ее двустороннего варианта как орудия антиамериканской борьбы. В рамках международных органов они рассчитывают, опираясь на свое господствующее положение, взять под контроль эту деятельность других империалистических держав, подчинить ее своим интересам и одновременно, что также является немаловажным обстоятельством, заставить партнеров увеличить ассигнования на «помощь» при сокращении американской доли.

Европейские союзники Вашингтона прямых возражений против предложений США не выдвигают, но фактически саботируют их. Затянувшаяся дискуссия еще более усиливает межимпериалистические противоречия в сфере предоставления «помощи» развивающимся странам. В докладе Комитета содействия развитию (ДАК) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) прямо отмечалось, что в решении проблемы ко-

ординации «помощи» «вся трудность состоит в том, чтобы определить формы сотрудничества, которые экономически и политически были бы приемлемы» для стран—участниц комитета²⁷. Однако, несмотря на констатацию того факта, что «некоординированная помощь может быть не только бесполезной, но даже вредной для экономики страны-получательницы» и в программах «помощи» необходимо ликвидировать «беспорядок и конкуренцию», попытки добиться согласованных решений терпят неудачу. Межимпериалистическое соперничество не дает возможности найти «политически приемлемые» формы координации «помощи».

Продолжая дискуссию с конкурентами, США, вместе с тем, упорно претворяют в жизнь свой курс в политике «помощи», что делает неизбежным дальнейшее обострение в этой сфере межимпериалистических противоречий. В то время как английское правительство, например, сохранив в 1970 г. общий фонд «помощи» на уровне 1968—1969 гг., урезало ассигнования на многостороннюю финансовую «помощь», США поступили наоборот. В послании президента Никсона конгрессу о «помощи» иностранным государствам на 1969/70 финансовый год особо подчеркивалось, что использование международных каналов «помощи» должно быть и будет усилено с расширением участия других государств. «Американская помощь необходима для выражения и достижения наших национальных целей в международном сообществе, а именно — мирового порядка...»²⁸, — заявил при этом президент США.

Применительно к африканским странам перспективы межимпериалистических столкновений в вопросах «помощи» видны из другого документа — упоминавшегося выше доклада государственного секретаря Роджерса президенту Никсону «Соединенные Штаты и Африка в 70-х годах». Подлинная классовая суть тезиса о том, что «американская программа экономической помощи Африке соответствует национальным интересам Соединенных Штатов», раскрывается в докладе исчерпывающим образом, хотя нет недостатка в попытках придать ему «общечеловеческое», «гуманное» звучание. Поскольку доклад Роджерса претендует на роль своеобразного манифеста, обосновывающего развитие африкано-американских отношений на десятилетие вперед, рассмотрим некоторые его положения.

Роджерс не обещает увеличения в 70-х годах объема американской финансовой «помощи» африканским странам; ее «львиную долю» он возлагает на бывшие метрополии ввиду «их прочных исторических связей с Африкой». Зато государственный секретарь настаивает, чтобы в этой сфере были приняты условия и принципы Соединенных Штатов. Американский специалист в вопросах «помощи» Д. Балдуин в своей книге «Иностранная помощь и американская внешняя политика» писал: «Помощь — это средство... принуждать другие страны действовать в желаемом направлении»²⁹. Программа американской помощи Африке, изложенная в докладе, дает этому тезису практическое подтверждение. На 70-е годы Роджерс предусматривает: сохранение выборочного подхода к странам Африки; усиление использования многосторонних каналов «помощи»; упор на региональные проекты; использование займов почти исключительно для оплаты американских товаров и услуг; широкое вовлечение частного бизнеса Соединенных Штатов Америки в «процесс развития».

Наступательный характер программы отражает растущую конкуренцию Америки со странами ЕЭС, Англией и Японией, стремление США укрепить свои ослабленные мирохозяйственные позиции, усилить давление на национально-освободительное движение в Африке, а в целом — обеспечить интересы американского империализма путем координации всех форм экспансии: «помощи», экспорта капитала, торговли, политических и социальных мероприятий.

Смысл усиления политики выборочного подхода ясен. США «помогают» тем, на кого в силу тех или иных причин делается главная ставка. Но другие пункты программы Роджерса заслуживают внимания, особенно планы широкого использования международных организаций, и в частности активизации Международной ассоциации развития (МАР).

Как известно, МАР, которую США собираются в 70-х годах активизировать, входит в систему Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Тот факт, что МБРР служит орудием империалистической политики, с помощью которого решаются тактические задачи монополистического капитала и предпринимаются попытки достижения его стратегических классовых целей, отнюдь не исключает розни интересов членов его руково-

дящей группы. Главной силой в МБРР и МАР являются США. Их доля в капиталах этих организаций наиболее весома. В силу этого при распределении займов по районам и сферам деятельности обе организации, как правило, следуют американским рекомендациям. Приоритеты Вашингтона становятся и приоритетами МАР; главные получатели средств, причем на самых льготных условиях, — это те страны Африки, которые выбраны Соединенными Штатами. Естественно, что планы дальнейшего расширения этого канала, устраивая Америку, вызывают сопротивление со стороны европейских империалистов. Роджерс отмечает, что США под руководством МБРР начиная с 1969 г. ведут упорные дискуссии с другими участниками МАР, склоняя их на свою точку зрения. Однако в Лондоне, Париже, Бонне отлично понимают, что навязываемая им система движения капиталов выгодна экономически и политически в первую очередь Соединенным Штатам Америки.

Внедряя коллективно в освободившиеся страны капиталистические нормы хозяйствования, эта система ломает традиционные связи молодых государств с бывшими метрополиями. Поэтому маловероятно, чтобы западноевропейские державы приняли предложения США, и дальнейшее обострение противоречий в этом вопросе, видимо, неминуемо.

Есть и другие причины тяги Америки к коллективным действиям по линии международных организаций. Дело в том, что в американских деловых кругах резкое недовольство вызывают участвовавшие случаи использования «мягких займов» из фондов США для выплат по задолженности развивающихся стран другим империалистическим государствам, а также тот факт, что расширение многосторонних операций через МАР обеспечивалось до последнего времени закупками американских товаров лишь примерно на 20% от взносов США. Отдельные группы финансового капитала Америки раздражены и «конкуренцией» со стороны МБРР и МАР, ведущейся, по их мнению, в интересах европейских участников банка.

Естественно, что Вашингтон поспешил внести соответствующие коррективы в деятельность МБРР и МАР. С 1969 г. банк, принимая решение о предоставлении займов, стал следовать поправкам к американскому закону о «помощи», а МАР расширила географию оказания «по-

мощи». Очередной взнос в фонд МАР в период до 1972 г. США сделают лишь по израсходовании взносов других участников и той части, которая останется после вычета американских товарных взносов. Таким образом, американские планы активизации международных каналов «помощи» в значительной мере определяются межимпериалистической конкуренцией. Отсюда и сопротивление, которое оказывают им европейские соперники США.

Стремясь найти альтернативы сложившемуся положению, Вашингтон разработал новые планы. Специальная оперативная группа по проблемам «помощи», созданная по указанию президента Никсона, во главе с бывшим председателем «Бэнк оф Америка» Р. Петерсоном предложила полностью ликвидировать систему двусторонней «помощи», упразднить Управление международного развития США (АИД), осуществляющее двусторонние программы США, и все фонды «помощи» передать в «международный пул». Такой «пул» должен быть учрежден в составе США, западноевропейских государств и Японии. Эти и другие идеи группы Петерсона были изложены в докладе, врученном Никсону в марте 1970 г. Доклад, естественно, предусматривал, что другие капиталистические державы также откажутся от двусторонней «помощи» развивающимся странам. Характерно, что предложение Петерсона касается только экономической и технической «помощи». Военная «помощь» остается индивидуальной прерогативой США. Такое разделение, по мнению группы, положит конец длительной коллизии в данном вопросе. Одновременно группа Петерсона предлагала создать американский международный банк развития с капиталом в 4 млрд. долл. и институт «технической помощи» с капиталом в 1 млрд. долл. Финансирование международного «пула» и МБРР осуществлялось бы в этом случае через органы, находящиеся вне контроля конгресса Соединенных Штатов.

Нетрудно обнаружить, что все эти предложения являются дальнейшим развитием тенденции США установить абсолютно американскую монополию в сфере оказания «помощи» развивающимся странам. Европейские союзники Вашингтона, равно как и Япония, вряд ли пойдут на добровольный отказ от двусторонней «помощи», поскольку по своей сути она является тем же экспортом капитала, как и частные инвестиции, но приносит не только финансовые, но и политические дивиденды.

Для развивающихся стран в целом и африканских в частности империалистическая «помощь» полностью сохраняет свой неокOLONиалистский характер, какие бы организационно-технические изменения в ее предоставлении ни проводились. Но было бы упрощением игнорировать и другую сторону проблемы — независимо от конечных планов империалистов финансовые средства и технические ресурсы, предоставляемые ими освобожденным странам, могут способствовать некоторому развитию производительных сил. Поскольку правительства африканских стран, заявляя о своей заинтересованности в помощи, рассчитывают использовать в своих интересах именно эту ее сторону, то альтернативой подчинения неокOLONиализму держав-«доноров», вне зависимости от того, выступают они коллективно или порознь, может служить лишь твердая и разумная позиция национальных правительств, исключая империалистический диктат при получении всех видов помощи, ее распределении по сферам и объектам.

Межимпериалистические противоречия в области «помощи» не обнаруживают тенденцию к затуханию. Скорее наоборот. Обостряется борьба вокруг проблемы «двусторонняя — многосторонняя помощь»; видимо, будут еще туже затягиваться узлы соперничества в «ключевых» с точки зрения империалистических держав странах Африки. Росту противоречий будет способствовать и наметившаяся тенденция стабилизации, а для некоторых западных держав — даже сокращения размеров «помощи». Эта тенденция вызвана, с одной стороны, финансово-валютным кризисом капиталистического мира, а с другой — известным разочарованием «доноров» в достигнутых результатах «помощи». Политические дивиденды оказались ниже запроектированных. В этих условиях империалистические державы, наряду с попытками усилить роль «традиционных» источников внешнего финансирования «третьего мира» — частных инвестиций, предпринимают меры к повышению эффективности «помощи». Поскольку каждая из них преследует при этом собственные цели, неминуем и дальнейший рост противоречий. Это обстоятельство, при продуманной тактике, может быть использовано развивающимися странами для дальнейшего изменения в своих интересах условий получения помощи от империалистических держав и усиления отпора ее неокOLONиалистским тенденциям.

Единой программы действий для всех развивающихся стран в данном вопросе, видимо, быть не может, поскольку исходный уровень и внутренние условия в них отличаются значительным разнообразием, равно как и стоящие задачи. Но изменение характера отношений с промышленно развитыми капиталистическими державами, в том числе и в сфере помощи, необходимо всем молодым государствам. Представляется, что одну из перспективных возможностей в этом направлении для них, в частности, открывает углубляющееся противоречие между империалистическими державами по проблеме «двусторонняя — многосторонняя помощь». Стремясь доказать преимущества отстаиваемого варианта, соответствующие империалистические державы будут вынуждены идти на дальнейшие уступки освободившимся странам. В первую очередь это относится к бывшим метрополиям.

ГЛАВА VII. ТОРГОВАЯ ВОЙНА В СКРЫТЫХ И ОТКРЫТЫХ ФОРМАХ

Африканский континент является одним из важных фронтов глобальной торговой войны, ведущейся между империалистическими державами. Особое значение этот фронт приобрел с конца 50-х — начала 60-х годов, когда в Африке рухнули барьеры, ограждавшие колониальные рынки метрополий. Ликвидация колониальных режимов совпала по срокам с несколькими явлениями: относительным перенасыщением внутренних рынков и сближением номенклатуры продукции основных капиталистических стран, что приводит к усиленной реализации конкурентных преимуществ; с пошатнувшимся положением США в капиталистическом мире; возникновением в Западной Европе замкнутых экономических группировок; наконец, с активным вторжением на мировой рынок Японии. Оказалось также, что колониальные державы, «уходя» из Африки, не бросили внешнюю торговлю своих бывших владений «на произвол судьбы». Наоборот, они связали эти страны цепью индивидуальных и коллективных договоров и соглашений. Остались английская система имперских преференций и стерлинговая зона, укрепилась зона франка, появилась ассоциация «Еврафрика», оградившая почти половину континента таможенными барьерами.

Противоречия империалистических держав на африканском континенте в сфере торговли выступают как часть их общих экономических противоречий и достигают по сравнению с другими сферами наибольшей остроты. В африканской торговле сталкиваются интересы США, Англии и стран «общего рынка», Японии и Англии, ФРГ и Англии, Франции и США, то есть практически конкурентная борьба ведется во всех коллективных и индивидуальных сочетаниях. Ослабление внутреннего спроса и кризисное положение с платежными балансами Англии и США усилили с середины 60-х годов их экспортное наступление на Африку и привели к острым конфликтам в англоязычных странах континента. В этих же странах опасным конкурентом Англии стала Япония. С каждым годом обостряются противоречия в области торговли между ЕЭС и США. Отношения «шестерки» с ассоциированными странами Африки — постоянный объект критики Вашингтона. Углубляются противоречия и внутри «общего рынка», несмотря на быстрый рост взаимной торговли и наличие общих тарифов. «В Западной Европе идет борьба за гегемонию, напоминающая о самых мрачных периодах в жизни нашего континента»¹, — заявил бывший председатель Комиссии ЕЭС В. Хальштейн. Борьба эта переносится и на африканскую почву.

Межимпериалистическое соперничество в сфере торговли африканских стран нельзя рассматривать лишь в свете «здоровой конкуренции», к чему прибегают буржуазные экономисты. Еще В. И. Ленин, разоблачая реформистские измышления К. Каутского, указывал, что если одна империалистическая держава опережает другую в торговле с районами традиционного влияния последней, то это «вовсе не доказывает «перевеса» свободной торговли, ибо борется не свободная торговля с протекционизмом., а борется один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого»². Примеры столкновений бывших метрополий и их конкурентов в Африке полностью подтверждают это ленинское положение.

Один из главных узлов межимпериалистических противоречий в вопросах торговли с Африкой — отношения США и ЕЭС, причем от имени сообщества наиболее активно выступает Франция. Американско-французский диалог на эту тему происходил, как известно, и на «высшем уровне».

В январе 1970 г. помощник министра сельского хозяйства США официально предупредил страны ЕЭС, что всякие протекционистские тенденции в их внешнеторговой политике, а также использование ими торговых барьеров, мешающих развитию экспорта, могут вызвать со стороны США ограничения на импорт сельскохозяйственных и промышленных товаров. Почти одновременно с аналогичными заявлениями выступили представитель США в сообществе посол Щетцель и помощник министра торговли Девис. Они предъявили странам «общего рынка» три обвинения: общий внешний тариф этих стран слишком высок, сельскохозяйственная политика мешает развитию американского экспорта на европейский рынок и рынки третьих стран и, наконец, преференциальный режим, который «шестерка» устанавливает для африканских стран, нарушает правила международной торговли.

Еще более определенно позиция США была сформулирована в упоминавшемся выше докладе государственного секретаря США У. Роджерса президенту Р. Никсону «Соединенные Штаты и Африка в 70-х годах». «Мы также настоятельно рекомендуем ликвидировать дискриминационные тарифы — иногда их называют «обратные преференции», — которые ставят наши товары в невыгодное положение с точки зрения конкуренции на многих африканских рынках, — пишет Роджерс. — Мы надеемся, что европейские страны не устанавливают связи между ликвидацией преференций, которыми они в настоящее время пользуются примерно в 20 африканских странах, и уровнем их помощи этим странам»³.

Отпор американским претензиям дважды дал министр иностранных дел Франции М. Шуман. Выступая 25 апреля 1970 г. в национальном собрании с правительственным заявлением о внешней политике, он указал, что, несмотря на «помощь» США Африке, «долг Европы, как и долг Франции, заключается в том, чтобы оказывать африканским государствам содействие на привилегированных условиях»⁴. Второй раз к этой теме Шуман вернулся в интервью французскому еженедельнику «Антреприз» 18 июля 1970 г. На вопрос — не считает ли он, что «недовольство США в связи с успехами «общего рынка» может перерасти в возмущение, — Шуман ответил: «Американцы утверждают, что система преференций, которые африканские страны предоставляют членам ЕЭС в виде компенсации за их усилия, противоречит

создаваемой системе общих преференций, идет вразрез с правилами ГАТТ и этому нужно положить конец. Мы даем категорический ответ: нам не только не приходится краснеть за эту политику, но она, на мой взгляд, является одним из лучших достижений сообщества». Ответ Шумана не только демонстрирует остроту противоречий Франции с США, но и показывает, что на разрешение их в ближайшие годы вряд ли можно рассчитывать.

Обострение противоречий США с ЕЭС, и в частности с Францией, в сфере торговли с Африкой — прямой результат процессов, происходивших в течение последнего десятилетия.

Внешняя торговля США, в том числе с Африкой, в первые послевоенные годы развивалась в условиях острого англо-американского соперничества, поскольку важнейшие позиции на внешних рынках занимали английские монополии. С конца 50-х годов в конкурентную борьбу вступили также Франция, ФРГ и Япония, что привело к существенному уменьшению доли США во внешней торговле капиталистического мира.

В первые послевоенные годы, используя временный уход с мирового капиталистического рынка Германии и Японии, а также ослабление позиций Англии и Франции, США удалось значительно потеснить своих конкурентов, однако затем картина начала изменяться. Начиная с 1960 г. доля США во внешней торговле многих стран снижается, особенно под усилившимся нажимом монополий ФРГ и Японии. Поэтому американские экспортеры все активнее пытаются захватить африканские рынки. Но аналогичной тактики придерживаются и бывшие метрополии, что и порождает конкурентную борьбу в сфере африканской торговли.

Как видно из приводимой ниже таблицы, показатели общего объема и, соответственно, удельного веса американо-африканской торговли в торговом обороте стран Африки обгоняют по темпам роста аналогичные показатели для Англии и Франции.

Таблица выявляет и ряд других, заслуживающих внимания обстоятельств. Во-первых, США постепенно ликвидируют свое абсолютное отставание от Англии и Франции по объему экспорта в Африку. Во-вторых, начиная с 1963 г. Англия и Франция имеют пассивное сальдо в торговле с африканскими странами, в то время как у США экспорт на протяжении всех лет превышает импорт. Эта

Торговля с Африкой США, Англии и Франции
(в млн. долл.)

Годы	Общий импорт Африки	Экспорт в Африку			Общий экспорт Африки	Импорт из Африки		
		США	Англия	Франция		США	Англия	Франция
1960	7 860	750	1 360	2 024	565	1 260	1 418	
1961	7 790	810	1 360	1 856	620	1 320	1 504	
1962	7 510	970	1 280	1 498	680	1 310	1 621	
1963	8 370	980	1 412	1 606	710	1 435	1 671	
1964	9 656	1 200	1 510	1 644	810	1 561	1 808	
1965	10 359	1 224	1 690	1 660	875	2 001	1 769	
1966	10 504	1 320	1 593	1 680	820	1 750	1 909	
1967	10 860	1 155	1 600	1 627	770	1 740	1 849	
1968	11 460	1 245	1 540	—	855	2 010	—	
1969	13 110	1 370	1 720	—	900	2 170	—	

Источники: «Monthly Bulletin of Statistics», June, 1962, 1965, 1968, 1970; W. A. Nielsen, The Great Powers and Africa, N. Y., 1969, pp. 39, 100, 101.

картина типична для торговли США с развивающимися странами. Пассив торгового баланса они вынуждены покрывать займами и кредитами, предоставляя которые США расширяют возможности своей торговой экспансии и приобретают орудие политического влияния.

Рост товарооборота США с африканскими странами, сопровождаемый напряженной борьбой с конкурентами, является одним из результатов общей модернизации системы внешней торговли Америки.

В начале 60-х годов в американской внешнеторговой политике произошли значительные изменения, не только предусматривавшие сохранение господствующего положения США на западноевропейских рынках, но и ставившие целью облегчить их торговую экспансию в освободившиеся страны, в том числе африканского континента. Президентом Дж. Кеннеди была выдвинута новая торгово-политическая программа, в ходе реализации которой закон о торговых соглашениях на основе взаимности (действовал с 1934 г.) был заменен в октябре 1962 г. законом о расширении торговли. Затем последовала серия переговоров стран — членов ГАТТ, получившая наименование «раунд Кеннеди». Вашингтон пытался добиться от стран ЕЭС полной отмены пошлин на товары, 80% которых в мировой торговле приходилось на США и «шестерку», и снижения на 50% пошлин на все остальные товары. Принятие такого решения ликвидировало бы, по замыслу США, таможенные барьеры на пути американской торговли как в Европе, так и в Африке.

Однако планам этим не суждено было сбыться. Межимпериалистические противоречия взяли верх, и соглашение было достигнуто о взаимном снижении таможенных пошлин к 1972 г. в среднем лишь на 35%, причем члены ЕЭС, в частности Франция, это соглашение не распространили на Африку, что служит поводом для постоянных разногласий и споров Парижа с Вашингтоном.

В русле общих мероприятий по оздоровлению торговли в США принимались специальные меры и для активизации товарооборота с Африкой. В 1964 г. в Нью-Йорке была учреждена афро-американская торговая палата, в которую вошли представители крупнейших банков, горнорудных и промышленных компаний — «Фэрст нэшнел сити бэнк», «Олин Мэтисон», «Америкен метал клаймэкс» и др. Палата собирает и распространяет коммерческую информацию об Африке, организует семинары

для служащих экспортных фирм, устанавливает контакты с торговыми атташе африканских посольств, направляет в Африку свои миссии и даже принимает глав африканских государств. Деятельность палаты не замедлила принести результаты. Уже через год после ее создания американский экспорт на континент увеличился на 21%, а импорт африканских товаров в США — на 19%.

Нарастающий интерес США к торговле с Африкой иллюстрирует тот факт, что в начале 1969 г. было создано три специальные экспортные ассоциации для стимулирования вывоза американских товаров в страны континента. В эти ассоциации вошли 28 экспортных компаний. Государство предоставило им «фонд поддержки» в сумме 437,5 тыс. долл.

Хотя на развивающиеся страны Африки приходится в среднем лишь 2,5% американского экспорта и импорта и США по объему товарооборота с континентом еще отстают от Англии и Франции, с 1950 г. американо-африканская торговля возросла почти в три раза и доля США в общем внешнеторговом обороте африканских стран к 1969 г. составила уже 10%.

Важность торговли с Африкой определяется для США не только тем, что континент представляет собой быстро расширяющийся рынок для сбыта американских товаров и источник дефицитного сырья. Торговля — это и один из главных инструментов политики американского неокOLONиализма, средство установления политического влияния. Еще в 1960 г. в одном из официальных американских исследований говорилось, что «внешнеторговая политика США должна... стимулировать и поддерживать везде, где это возможно, цели внешней политики США в слаборазвитых странах»⁵. На прямую связь торговли с политическими отношениями между Соединенными Штатами и африканскими странами указал в упомянутом выше докладе президенту Р. Никсону и государственный секретарь У. Роджерс. Таким образом, форсирование американской торговли с Африкой диктуется не только экономическими, но и политическими задачами. А это обстоятельство, в свою очередь, еще больше ожесточает межимпериалистическую борьбу.

Несмотря на относительное уменьшение доли африканских стран, в том числе входящих в зону франка, во французской внешней торговле (прямой результат участия Франции в «общем рынке»), в абсолютных масшта-

бах ее товарооборот с Африкой возрастает, и бывшие колонии по-прежнему служат важными рынками сбыта многих французских товаров и крупными поставщиками продовольственного и промышленного сырья.

В 1968 г., например, на африканские страны пришлось 54% французского экспорта фармацевтических товаров, 47—инструментов, 43—моющих средств, 40—металлоизделий и продукции хлопчатобумажной промышленности, 30 — сахара и железнодорожного оборудования, от 20 до 30 — одежды, бумаги и картона, трикотажных изделий, около 20% — электрооборудования, обуви и автомобилей. В свою очередь, Франция вывезла из Африки в том же году 80% импортируемого сахара, 65 — вина и какао, 50 — кофе, чая, фруктов, пищевого масла, масличных культур и овощей, 41 — свинца, 30% — металлических руд и т. д. Цифры эти показывают, что африканский рынок не только сохраняет свое значение для Франции, но роль его в связи с общей тенденцией увеличения экспорта даже возрастает. Именно в отношении африканского рынка Франция в первую очередь применяет прямое и косвенное субсидирование экспорта, и для его форсирования — вывоз капитала.

Несмотря на некоторый рост французской торговли с англоязычной Тропической Африкой и ЮАР, основным торговым контрагентом Франции остается франкоязычная Тропическая и Северная Африка. На эти два региона в 1967 г. приходилось свыше 90% общего африканского товарооборота Франции. Именно поэтому свои торговые позиции во франкоязычной Африке, на которую падает примерно 15% всей французской внешней торговли, Париж защищает всеми имеющимися в его распоряжении средствами. При этом партнерам по ЕЭС Франция оказывает в целом пассивное сопротивление, а Англии, Японии и особенно США ставит прямые преграды.

Если рассмотреть географическое распределение экспорта США в Африку, то нетрудно заметить, что помимо ЮАР и Либерии главные торговые партнеры Америки — это англоязычные страны континента, а из бывших французских владений можно выделить лишь Марокко, Тунис, Габон и БСК, причем в двух последних странах экспортеры США вынуждены преодолевать высокие таможенные барьеры. Американская печать заявляет в этой связи, что рынки стран франкоязычной Африки превращены во «французские резервации», а официальные

представители Вашингтона грозят Парижу репрессиями. Так, на Второй конференции ООН по торговле и развитию (Дели, февраль 1968 г.) американский представитель Е. Росту резко выступил против торговых привилегий, которыми Франция пользуется в Африке, и заметил, что США, в свою очередь, могут ограничить свой рынок для стран, воздвигающих препятствия на пути американских товаров.

Правительство США подкрепляет свои угрозы практическими мероприятиями. В проект закона по торговым вопросам, направленном в ноябре 1969 г. президентом Р. Никсоном в конгресс, были включены специальные пункты, расширяющие права президента в отношении принятия контрмер против стран — торговых конкурентов, которые ограничивают импорт американских товаров или субсидируют свой экспорт в третьи страны и в результате вытесняют США с их рынков. Р. Никсон выразил также пожелание, чтобы конгресс принял специальное заявление о деятельности правительства, направленной на ликвидацию или сокращение нетарифных барьеров другими странами. Эта акция имеет, естественно, не только антифранцузскую направленность. В определенной мере она относится и к другим странам Европейского экономического сообщества, а также к Японии и Англии. Однако главное направление удара — франкоязычная Африка.

Следует отметить, что нажим Вашингтона в отдельных случаях приносит результаты. Страны Таможенного и экономического союза Центральной Африки (ЮДЕАК) в 1970 г. вопреки сопротивлению Парижа предприняли шаги к снижению на 50% своих общих тарифов на большинство импортных товаров. В упоминавшемся выше докладе президенту государственный секретарь У. Роджерс специально подчеркнул, что США «было очень приятно узнать» об этом и «данная мера открывает перспективу для более широкой американской торговли с этими странами»⁶.

Не менее активно, чем Франция, ведет борьбу за торговые позиции в Африке Англия, причем английские монополии стремятся не только оградить свои интересы в бывших британских владениях, но и расширяют сферу экспансии.

В результате распада колониальной системы Англия потеряла гарантированные рынки сбыта своих товаров.

Кроме того, в 60-х годах резко обострился постоянный дефицит ее платежного баланса. В этой связи главная задача Лондона в области внешней торговли — всемерное форсирование экспорта. Тенденция эта легко объяснима. С 1960 по 1970 г. удельный вес Англии в мировой капиталистической торговле сократился по экспорту почти на 3%, а по импорту — на 2,5%. Внешнеторговый дефицит составил в 1969 г. 1017 млн. ф. ст. (в 1968 г. — 1488 млн., в 1967 г. — 1220 млн., в 1966 г. — 706 млн. ф. ст.). Основной причиной падения роли Англии в мировой торговле, помимо общего ослабления ее экономического потенциала в силу закона о неравномерности развития капиталистических стран, является интенсивное проникновение на рынки бывшей британской империи монополий США, ФРГ, Японии, Италии и ряда других стран.

В этих условиях Англия, увеличивая товарооборот с развитыми капиталистическими странами (их удельный вес возрос с 1955 по 1969 г. в английском экспорте с 64 до 75%, а в импорте — с 63 до 70%), одновременно принимает меры к защите своих традиционных рынков. С середины 60-х годов Лондон приостановил ослабление системы имперских преференций, осуществлявшееся в послевоенный период в рамках общего процесса либерализации торговли. Это явилось важным средством успешной конкурентной борьбы Англии на рынках Содружества с другими странами, поскольку совпало с расширением торговли готовыми изделиями, размер преференций по которым выше, чем по остальным товарам. Все африканские страны — члены Содружества (кроме Родезии) входят в стерлинговую зону, которую Лондон, несмотря на свою тягу к «общему рынку», продолжает тщательно оберегать. Наличие стерлинговой зоны дает Англии существенные привилегии как в отношении закупок товаров и продовольствия, так и для обеспечения рынков сбыта в странах — участницах зоны. Именно поэтому, несмотря на девальвацию в ноябре 1967 г. фунта стерлингов и ухудшение валютно-финансового положения, Лондон в целях сохранения зоны предоставил входящим в нее странам долларовую оговорку на валютные резервы их центральных банков. Вопреки неоднократным рекомендациям США, Англия не отказывается и от системы двусторонних договоров об общих принципах ведения торговли и предоставления взаимных тарифных ус-

тупок с африканскими странами Содружества, и ее торговля с ними возрастает.

В период, предшествовавший девальвации фунта стерлингов, со всеми странами и регионами Африки, кроме ЮАР, торговый баланс Англии был пассивен. Это диктовало Лондону настоятельную необходимость форсирования экспорта. Главные торговые партнеры Великобритании — страны Тропической Африки (англоязычной) и ЮАР, где английские экспортные компании испытывают нарастающую конкуренцию монополий США, ФРГ и Японии. Отсюда вытекает тенденция увеличения английской торговли с франкоязычной Африкой. Лондон расширяет тем самым не только фронт своей торговой экспансии, но и конкурентной борьбы.

Характерный пример столкновения торговых интересов Англии с империалистическими конкурентами в Тропической Африке можно наблюдать в Нигерии, некогда основном бастионе английского колониализма в Западной Африке.

В 1964 г. Англия занимала абсолютно монопольное положение в нигерийском импорте. Еще в 1963 г. английский экспорт превышал суммарный ввоз в Нигерию США, ФРГ и Японии. К 1968 г. выявляется отставание Англии от конкурентов по темпам увеличения экспорта и в совокупности их экспорт уже превышает английский. В Англии на это обстоятельство было обращено серьезное внимание. Лондонская торговая палата опубликовала 24 июля 1969 г. отчет специальной торговой делегации, посетившей в марте того же года Нигерию, Гану и Сьерра Леоне с целью изучить возможности увеличения в эти страны английского экспорта. В отчете отмечалось, что особо выгодным торговым партнером Англии может явиться Нигерия, поскольку программа экономического развития, подготовленная федеральным правительством, открывает перед английскими экспортёрами широкие возможности участия в ее осуществлении. Вместе с тем в отчете содержится серьезное предупреждение о возрастающей конкуренции на рынке Нигерии со стороны Японии и других государств, что должно побудить английское правительство и торговые фирмы к принятию соответствующих мер.

Одной из таких мер стала активизация торговли с франкоязычной Африкой. Начиная с 1963 г. наблюдается значительный рост английского товарооборота с Алжи-

ром. Поставки алжирских товаров в Англию увеличились в 1968 г. по сравнению с 1967 г. на 38%, а английский экспорт в Алжир вырос на 50%. Французский еженедельник «Энформасьон эндюстриэль э коммерсиаль» в номере от 16 апреля 1969 г. заметил в этой связи, что Алжир «стал заповедником международной конкуренции». Увеличилась торговля Англии за этот период и с другими странами франкоязычной Африки. Английский экспорт в Конго (Киншаса) вырос на 14%, в Марокко — на 37, в БСК — на 48%. Аналогичная тенденция наблюдается и в отношении Малагасийской Республики, Туниса, Камеруна, Бурунди, Того, Республики Чад, Руанды и Дагомеи.

Характерно, что в Северной Африке Англия встречает сопротивление своей экспансии со стороны не только Франции, но и ФРГ. Председатель секции Ближнего и Среднего Востока Лондонской торговой палаты У. Роуз в докладе на ежегодном заседании секции в марте 1969 г. заявил, например, что достигнутое в 1968 г. увеличение английского экспорта в страны Северной Африки недостаточно для успешной конкуренции там в первую очередь с ФРГ, «стремящейся вытеснить Англию с занимаемого ею места — второго по значению экспортера в страны Северной Африки»⁷. Роуз отметил, что, хотя английские поставки в этот регион возросли на 25%, Франция, ФРГ, Италия и Япония имеют лучшие показатели. «Английским фирмам необходимо вести борьбу за расширение позиций на рынках Северной Африки», резюмировал докладчик.

Для ФРГ внешняя торговля с африканскими странами имеет особое значение, поскольку она не располагает достаточными запасами собственных сырьевых ресурсов. Кроме того, развитие промышленности страны значительно опережает рост внутреннего рынка, что вынуждает форсировать экспорт, в основном промышленных изделий. В то же время внешнеторговая статистика свидетельствует о том, что крупнейшие торговые партнеры ФРГ сами являются высокоразвитыми промышленными странами. Поэтому западногерманские экспортеры упорно стремятся закрепить на перспективных рынках Африки. Несмотря на то что за последнее десятилетие резко возрос западногерманский товарооборот с развитыми капиталистическими странами, особенно с членами ЕЭС, доля развивающихся стран составляет около 20%,

а в абсолютных цифрах обнаруживает явную тенденцию к росту.

Во второй половине 60-х годов ФРГ заключила межправительственные соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, торговле, финансовой помощи и защите инвестиций с Республикой Берег Слоновой Кости, Верхней Вольтой, Гвинеей, Дагомеей, Либерией, Ливией, Нигером, Сенегалом, Сомали, Тунисом, Ганой, Замбией, Габоном, Кенией, Республикой Чад, ЦАР, Малави, Марокко, Танзанией, Того, Угандой, Камеруном. С конкуренцией западногерманских торговых фирм в Африке сталкиваются не только бывшие метрополии — Англия и Франция, но даже США и Япония.

Таблица 7

Торговля ФРГ с Африкой (без ЮАР)
(в млн. западногерманских марок)

	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.
Импорт	4561	4940	4724	5900	7717
Экспорт	2227	2283	2397	2645	4721

Источник: «Statistisches Jahrbuch für BRD, 1969», S. 295.

Таблица показывает существенное превышение импорта над экспортом. С одной стороны, это выгодно африканским странам, поскольку приносит им в торговле с ФРГ активное сальдо. Но, с другой стороны, здесь обнаруживается тенденция Западной Германии рассматривать Африку лишь как сырьевой придаток мировой капиталистической системы хозяйства.

Главные объекты торговой экспансии ФРГ на африканском континенте — страны, располагающие запасами необходимого для западногерманской промышленности сырья. В Западной Африке — БСК, Гана, Нигерия, Либерия; в Центральной и Восточной Африке — Конго (Киншаса) и Замбия. Это именно те страны, за позиции в которых ведут борьбу и бывшие метрополии, а также США и Япония. Так, товарооборот ФРГ с БСК за 1961—1968 гг. вырос с 59 млн. до 352 млн. марок, с Нигерией — с 433 млн. до 642 млн. марок, импорт из Либерии увели-

чился с 45 млн. до 293 млн. марок, экспорт в Конго (Киншаса) и Замбию утроился.

В Северной Африке ФРГ активизирует торговлю с Алжиром, Марокко и Ливией (в 1969 г. прирост импорта из Алжира составил 67,5 млн. марок, из Ливии — 185,2 млн. марок), а на юге континента — с ЮАР, на которую приходится около 35% всего западногерманского экспорта в Африку.

В целом доля Африки в общем экспорте ФРГ составляет (1969 г.) 4,1%, а доля импорта — 8,5%. Экономическая экспансия западногерманских монополий в Африку проходит в острой конкурентной борьбе с монополиями других империалистических держав, причем в зависимости от страны соперник меняется. Так, с Алжиром группа фирм ФРГ заключила в 1969 г. соглашение о поставках оборудования для моторного завода на сумму 200 млн. марок, оттеснив американских, английских и французских претендентов на эту сделку. На рынках Марокко и Туниса западногерманские экспортеры успешно соперничают с американскими и японскими фирмами, поскольку с этими странами заключено соглашение о беспощинном ввозе ряда товаров из ФРГ. В ассоциированных с ЕЭС африканских государствах ФРГ опирается в торговой конкуренции с США и Англией на преференциальные соглашения с «общим рынком». В англоязычной Африке — странах Содружества Бонни широко применяет в целях форсирования экспорта предоставление кредитов для закупки товаров в Западной Германии. На 1969 г. около 35% всех кредитов (по стоимости) было предоставлено на этих условиях, в том числе Замбии, Кении, Уганде, Танзании и Нигерии.

Конкуренция ФРГ с другими империалистическими державами, и в первую очередь с США и Англией, на африканских рынках будет в 70-х годах обостряться, поскольку нет оснований полагать, что произойдет ослабление общих экономических противоречий между капиталистическими странами; кроме того, сами боннские руководители не скрывают своих намерений усилить экономическую экспансию в Африку. Федеральный министр экономического сотрудничества Э. Эпплер прямо заявил 26 июня 1969 г., что на 70-е годы предусматривается широкое экономическое «внедрение» ФРГ в африканские страны⁸. Но аналогичные планы имеются у правительств США и Японии, а бывшие метрополии отнюдь не намере-

ны уступать свои позиции. Следует, однако, учитывать, что если ФРГ удастся сохранить высокие темпы развития экономики, особенно экспортных отраслей промышленности, а также свои преимущества в валютно-финансовой области, то западногерманские монополии, а также японские будут выступать в Африке как все более опасный торговый конкурент монополий других государств Старого и Нового Света.

Видимо, в первой половине 70-х годов сложится именно такое положение. ФРГ продолжает укреплять свои экономические позиции. Ее экспорт уже в 1969 г. составил около 80% экспорта США, тогда как объем промышленного производства — лишь 20% американского уровня. Важно и другое обстоятельство. У ФРГ огромное активное сальдо торгового баланса. За 1967—1969 гг. экспорт превысил импорт на 52 млрд. западногерманских марок. В стране скопились крупные инвалютные и золотовалютные резервы. В этих условиях ФРГ может позволить себе ради завоевания африканских рынков сохранять в торговле с Африкой пассивный баланс, предлагать африканским странам более выгодные условия торговли, чем империалистические конкуренты.

Возрастают масштабы торгового вторжения на африканский континент и еще одной бывшей метрополии — Италии, в первые послевоенные годы практически вытесненной из Африки. По данным итальянского журнала «Сучессо» (июль 1970 г.), с 1961 по 1969 г. товарооборот между Италией и Африкой увеличивался более быстрыми темпами, чем вся внешняя торговля Италии. Так, итальянский экспорт в африканские страны вырос с 266,9 млн. долл. в 1961 г. до 719 млн. долл. в 1969 г., причем средний ежегодный прирост составлял 14,5%, в то время как всего экспорта — 13,5%. Еще более показательны данные по импорту. За эти же годы вывоз Италии из Африки увеличился с 330 млн. долл. до 1114,5 млн. долл., давая средний ежегодный прирост 15,4%, а прирост всего импорта — 10,2%. Удельный вес товарооборота с Африкой в общей внешней торговле Италии составляет свыше 7% (9% — по импорту и 6,1% — по экспорту). Основные торговые партнеры Италии на африканском континенте — те страны, в торговле с которыми заинтересованы и другие империалистические державы. Это — ЮАР, БСК, Ливия, Нигерия, Алжир, Марокко.

Борьба Японии за внешние рынки резко активизировалась в последние годы в результате значительно выросшего уровня ее промышленного производства. Высокая конкурентоспособность товаров позволяет Японии существенно увеличить экспорт в развитые капиталистические страны, однако здесь она встречает серьезные препятствия — дискриминацию, различные таможенные барьеры и, наконец, прямой запрет в отдельных случаях импорта японской продукции. В последнее время к этим мерам стали прибегать даже США — основной торговый партнер Японии. В этой связи японские монополии все активнее направляют свою экспортную экспансию в развивающиеся страны, в том числе африканского континента. Так, только в 1969 г. по сравнению с 1968 г. японский экспорт в Африку вырос на 16,4%, а импорт из Африки — на 17,1%. В отличие от США, Англии и Франции, Япония при общем увеличении объема своей внешней торговли не снизила в ней удельный вес африканских стран. С 1960 по 1968 г. доля экспорта в Африку уменьшилась всего на 1,4%, а доля импорта даже возросла на 3,28%.

Если учесть, что с 1960 по 1969 г. внешнеторговый оборот Японии в целом увеличился примерно в четыре раза, причем почти в равной мере как по экспорту, так и по импорту, то сохранение в нем без существенных изменений доли африканских стран наглядно демонстрирует интенсивность ее торговой экспансии на «черный» континент. Абсолютные показатели торговли Японии с Африкой также подтверждают этот вывод.

За период с 1960 по 1970 г. экспорт Японии в Африку вырос более чем в три с половиной раза, а импорт из Африки — в шесть раз, в то время как за эти же годы США и Англия увеличили африканский экспорт и импорт в среднем лишь в полтора раза, а у Франции при некотором росте импорта экспорт даже сократился. Таким образом, Япония, значительно опережая своих основных конкурентов по темпам развития торговли с Африкой, постепенно догоняет их и по абсолютным показателям. С учетом все еще ограниченной емкости африканского рынка этот факт надо рассматривать как серьезную угрозу торговым интересам в Африке других государств.

Важно отметить, что основной рост японского товарооборота приходится на Тропическую Африку, то есть на тот регион континента, где межимпериалистическая борьба ведется наиболее интенсивно и бывшие метрополии

особенно упорно отстаивают свои позиции. Здесь японские компании в первую очередь обращают внимание на страны, располагающие запасами полезных ископаемых. Объем японской торговли с Конго (Киншаса) вырос, например, в 1969 г. по сравнению с 1968 г. на 98,5%, а с Нигерией — на 68,7%. В этой связи весьма характерен маршрут японской правительственной делегации, посетившей Африку в феврале 1970 г. Он пролегал через Кению, Танзанию, Замбию, Конго (Киншаса), Нигерию, Гану, Берег Слоновой Кости и Сенегал. По возвращении в Токио глава делегации — президент компании «Мицубиси дзюкогио» Коно явился одним из инициаторов создания при Федерации экономических организаций Японии специального комитета по африканским делам. Одновременно Коно «посоветовал правительству выработать собственно африканскую политику и активно проводить ее в жизнь»⁹. В свете того факта, что на компанию «Мицубиси» приходится 10% экспорта и 13% импорта страны, рекомендации Коно выглядят достаточно весомо.

Японский монополистический капитал делает в Африке еще только первые шаги, но уже становится там опасным конкурентом, особенно для Англии и США. Япония сталкивается с ними, поскольку имеет аналогичную структуру своей торговли с континентом и примерно одинаковую «географию вторжения». Следует ожидать дальнейшего обострения соперничества этой группы империалистических держав на африканских рынках, в первую очередь в англоязычных странах континента.

* *
*

Торговая война империалистических держав на африканском континенте как в скрытых, так и в открытых формах получит, видимо, в ближайшие годы дальнейшее развитие.

Этот вывод определяется рядом обстоятельств. Несмотря на снижение удельного веса развивающихся стран в мировом экспорте, в абсолютных объемах их участие в мировом товарообороте возрастает, и они все активнее включаются в систему мирового капиталистического рынка, причем уже непосредственно, а не через метрополии, как это было в колониальный период. Таким образом, на молодые государства усиливается воздейст-

Торговля Японии с Африкой
(в млн. долл.)

	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.
Экспорт										
Вся Африка	350	380	330	470	600	810	720	835	920	1155
Северная Африка	—	—	55	65	36	52	56	43	45	69
Тропическая Африка	245	270	215	325	449	530	534	637	705	811
Южная Африка	—	—	60	80	115	140	130	155	170	275
Импорт										
Вся Африка	120	155	175	215	285	265	350	545	640	695
Северная Африка	—	—	25	36	21	25	21	27	37	44
Тропическая Африка	50	56	50	80	144	140	209	273	328	441
Южная Африка	—	—	100	99	120	100	120	245	290	210

Источники: Составлено по «Monthly Bulletin of Statistics», June, 1963, 1965, 1967, 1969, 1970.

вие противоречивых закономерностей этого рынка и полностью распространяется его основная особенность — он является ареной острой борьбы между государственно обособленными группами монополистического капитала. В силу уровня своего экономического развития освобожденные страны пока еще могут выступать в основном в качестве объектов этой борьбы. Вместе с тем на новом этапе национально-демократической революции, предусматривающей достижение молодыми государствами экономической независимости, борьба империалистических держав за сокращающиеся сферы господства на рынках «третьего мира» будет неминуемо принимать более острые формы.

Основные разногласия возникнут, видимо, между странами ЕЭС, Англией и Японией, с одной стороны, и США — с другой, поскольку торговые противоречия между ними обостряются в глобальных масштабах, что неминуемо вовлечет в дальнейшее соперничество и Африку. Сделанное в 1970 г. Соединенными Штатами предупреждение, что всякие протекционистские тенденции во внешнеторговой политике других стран, а также использование ими торговых барьеров, мешающих развитию экспорта, могут вызвать со стороны США ограничения на импорт, превратилось в реальность. Финансовый комитет палаты представителей США одобрил проект закона о торговле, предусматривающий одностороннее введение пошлин и квот на ряд товаров. Переговоры по этим вопросам, состоявшиеся между представителями США, стран «общего рынка», Англии и Японии, окончились безрезультатно.

Эти события — отнюдь не эпизод во взаимоотношениях держав. Несмотря на процесс интернационализации мирохозяйственных связей системы капитализма, империалистический протекционизм не теряет своего агрессивного характера. Защищая свои внутренние рынки в индивидуальном порядке (как это делают США) или коллективно (страны ЕЭС), монополии одновременно расширяют экспансию в развивающиеся страны. Конкуренция и острота экономических противоречий между ними в этих странах усиливается. В соперничество монополий все в большей степени втягивается государство, и африканский континент, выступающий как огромный и перспективный рынок сбыта экспортной продукции, не остается в стороне от этой борьбы.

ГЛАВА VIII. СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ АФРИКИ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Чем выше развитие капитализма, указывал В. И. Ленин, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, тем острее конкуренция в погоне за его источниками. «К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья...»¹. Эти ленинские положения не только объясняют одну из причин образования колониальной системы империализма, но и служат прочной методологической основой для анализа новых явлений, наблюдаемых в капиталистическом хозяйстве современного периода и в политике империалистических монополий на африканском континенте.

Характерная черта современной эпохи — стремительное развитие науки и техники. Это явление непосредственно связано с соревнованием двух мировых систем и распадом колониальных империй. Оба процесса в значительной мере стимулировали интенсивность научно-технической революции.

Тенденции интернационализации современной науки ведут к тому, что научно-технические достижения охватывают в той или иной мере производство всех развитых капиталистических стран, но одновременно порождают ряд сложнейших проблем. Усиливается неравномерность развития капитализма, вызывающая острые экономические и социальные потрясения. Научно-техническая революция явилась одним из факторов изменения соотношения экономических сил империалистических держав. Так, Англия была отодвинута на третье, после США и ФРГ, место, а затем второе место заняла Япония, оттеснив ФРГ и Англию. Обострившиеся в результате этих перестановок межимпериалистические противоречия, а также значительные успехи науки в социалистическом мире вынуждают правящие круги капиталистических стран прилагать огромные усилия как к форсированию развития науки и техники, так и к обеспечению производства необходимыми исходными продуктами. Научно-техническая революция дает, таким образом, новый импульс межимпериалистической борьбе за источники стратегического и дефицитного сырья.

Структурные сдвиги, которые технический прогресс вызвал в сфере материального производства, изменили

место бывших колоний — ныне независимых развивающихся стран в мировом капиталистическом хозяйстве. Ослабла их роль как экспортеров аграрно-сырьевой продукции. Эта тенденция носит устойчивый характер и свидетельствует о кризисных явлениях в структуре системы международного капиталистического разделения труда. Вместе с тем развивающиеся страны продолжают оставаться для империалистических держав важным источником многих видов сырья.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что научно-техническая революция, изменив технологию производства, привела к уменьшению доли потребления естественного сырья. Кроме того, относительное снижение удельного веса сырьевых товаров в мировом экспорте сопровождается увеличением абсолютных объемов экспортируемого сырья, в том числе и из развивающихся стран (за исключением первичных продуктов питания). Наконец, синтетические заменители конкурируют главным образом с растительным сырьем, например джутом, сизалем и хлопком. Что же касается минерального сырья, то оно служит исходным продуктом именно для тех отраслей производства, которые особенно быстро развиваются на основе последних научных достижений.

Таблица 9

Рост добывающей промышленности в развивающихся странах и империалистических государствах (1963 г. = 100)

Годы	Добывающая промышленность				Доля Африки в добыче основных видов минерального сырья в капиталистическом мире (без нефти и газа)*, в %
	развивающиеся страны	нефть и газ		империалистические страны	
		империалистические страны	развивающиеся страны		
1938	18	54	10	36	29,5
1948	27	68	20	59	32,5
1958	61	88	56	85	33,4
1968	148	115	160	120	39,7

* Расчет автора.

Источники: «Monthly Bulletin of Statistics», May 1969; «Африка, Статистический сборник», М., 1969, стр. 129—143.

За двадцать лет — с 1938 по 1958 г. — добывающая промышленность развивающихся стран выросла на 43%, а за последующее десятилетие — на 87%. За эти же десять лет добывающая промышленность империалистических государств выросла лишь на 27%. Доля Африки в добыче минерального сырья в капиталистическом мире увеличилась на 7%.

Несмотря на то что конкурирующие монополии стремятся к сокращению потребления естественного сырья, увеличивают использование вторичных материалов — утилизируют отходы (лом металлов и пр.), снижают содержание сырья в готовом продукте, в частности материалоемкость в машиностроении и других отраслях промышленности, общее потребление сырья в связи с ростом производства увеличивается. Повышение удельного веса синтетических продуктов и других заменителей усиливает спрос на исходное сырье — нефть и газ. Добыча нефти даже в развитых капиталистических государствах выросла за последние двадцать лет в два раза, а в бывших колониях и полуколониях — почти в десять раз. В сферу промышленного производства сейчас широко вовлечены расщепляющиеся материалы, руды тугоплавких металлов, некоторые редкие металлы и элементы, ранее не применявшиеся.

Важным фактором, определяющим роль развивающихся стран как поставщиков минерального и топливно-энергетического сырья на мировой капиталистический рынок, служит милитаризация экономики империалистических держав. Возросшие возможности производства, науки и техники монополии используют не только в своих эгоистических целях — для увеличения прибылей, усиления эксплуатации масс, укрепления аппарата насилия над ними. Большая часть научных открытий и огромные материальные ресурсы обращаются на военные цели. Степень милитаризации научных достижений составляет в США 62%, в Англии — 40, во Франции и ФРГ — свыше 30%. Одновременно большое внимание уделяется проблемам мобилизации сырьевых ресурсов как на собственной территории, так и в зависимых от империализма развивающихся странах. Сырье требуется не только для текущих нужд военной промышленности. Отдельные его виды накапливают и складировать. В США, например, уже в первые послевоенные годы была принята программа о создании стратегических резервов сырья и в соответствии

с ней до сих пор ввозится сырье из многих стран мира, в том числе африканского континента. Аналогичную политику проводят Англия, Франция и Бельгия. Все возрастающий интерес к африканским источникам сырья проявляют монополии ФРГ и Японии.

По официальным данным, из 99 видов сырья, имеющих жизненно важное значение для американской экономики, США импортируют более 30 видов, а из 97 видов сырья, активно используемого промышленностью, самостоятельно обеспечивают себя только 23 видами. США вынуждены ввозить: хром — 100%, кобальт — 95, марганец — 94, никель — 86, бокситы — 95, олово — 78% и т. д. Марганец поступает из Габона и ЮАР, хром — из ЮАР и Родезии, медь — из Замбии и Конго (Киншаса).

О месте сырьевого импорта в американской экономике говорят и следующие цифры. США экспортируют товаров примерно на 30 млрд. долл. в год и на такую же сумму импортируют сырья. Зависящая от ввозимых сырьевых материалов американская металлургическая промышленность производит в год продукции на 22,3 млрд. долл., в том числе алюминиевая промышленность — на 3,9 млрд. Еженедельник «Гардиан» в номере от 12 ноября 1963 г. подчеркивал в этой связи, что «капиталовложения корпораций и внешняя политика должны быть тесно связаны, чтобы обеспечивать политически надежные и дешевые источники сырья».

Характерно, что проблема африканского сырья так или иначе затрагивается во всех официальных документах и научных исследованиях, посвященных политике США в Африке. В 1961 г. в докладе группы американских специалистов президенту Дж. Кеннеди подчеркивалось, что «Африка играет решающую роль в деле обороны Запада — она обеспечивает южный фланг НАТО. В Африке обнаружены 20 видов стратегического сырья»². Р. Эмерсон в упоминавшейся книге «Африка и политика Соединенных Штатов» отмечает, что во многих американских источниках делается попытка приуменьшить экономическое значение Африки для США, с чем нельзя согласиться, если детально рассмотреть хотя бы американский импорт из африканских стран. США ввозят из Африки почти 100% импортируемых ими алмазов, литиевых материалов, бериллия, колумбита, кобальта, пальмового масла; более 50% — какао, ванили, длиноволокнистого хлопка, красного дерева; 25% — сурьмы, хрома, графита,

марганца, тантала; значительное количество каучука, золота, урана и нефти.

Пробивая себе дорогу к сырьевым ресурсам африканских стран, монополии США сталкиваются с жесткой конкуренцией английского, французского, бельгийского капиталов, в течение многих десятилетий эксплуатировавших сырьевые богатства Африки и удерживающих до сих пор важные позиции, а также с монополиями ФРГ и Японии. Англия, не располагающая собственными полезными ископаемыми, еще в большей степени, чем США, зависит от импорта сырья. Поставки из Африки составляют 45% английского импорта марганца, 50 — хромитов, 45 — меди, 60 — бокситов, 60% — олова. Франция ввозит из африканских стран 100% урана, 30 — нефти, 95 — фосфатов, 33 — железной руды, 30 — цветных металлов, 66 — сырого леса и 80% — тропической древесины. ФРГ также становится важнейшим потребителем африканской нефти, железной руды, цветных и редких металлов. Резко увеличивает закупки сырья в Африке для черной и цветной металлургии Япония. Примерно 80% японского импорта падает на сырьевые материалы и продовольствие. В 1968 г. в общем объеме импорта (12 971 млн. долл.) доля минерального топлива и сырья составила 5340 млн. долл. Япония импортирует почти всю необходимую ей нефть и железную руду. Ввоз железной руды в 1967—1968 гг. держался на уровне 57 млн. т, а в 1969 г. вырос до 68 млн. т. Доля Африки — 7,82 млн. т — превышает 10% всего японского импорта и имеет тенденцию к дальнейшему росту. Специально для доставки руды из Западной Африки японские фирмы строят гигантские рудовозы.

Африканский континент уже в течение многих десятилетий служит поставщиком минерального сырья для капиталистического мира. С распадом колониальной системы эта роль Африки усилилась, что обусловлено следующими причинами. Рухнули многие барьеры, которыми метрополии ограничивали доступ к африканским сырьевым источникам другим империалистическим державам. Несмотря на еще слабую геологическую изученность континента, некоторые из открытых запасов уже поставили ряд африканских стран на одно из первых мест в мировом списке «кладовых» минерального сырья. Условия добычи и наличие дешевой рабочей силы в Африке предоставляют горнорудным и нефтяным компаниям

возможности извлечения наиболее высоких в мире прибылей на вложенные капиталы. Из всех районов «третьего мира» империализм сохранил в Африке наиболее прочные политические и экономические позиции. Экономическая отсталость большинства африканских стран, фактическое отсутствие собственной промышленности и острая нужда в капиталах облегчают проникновение иностранных монополий в сферу природных богатств континента. Все эти факторы действуют в разных соотношениях в различных странах, но не разрозненно, а вместе. Главный из них, естественно, — уже обнаруженные в Африке огромные запасы дефицитного минерального сырья: нефтяные и газовые месторождения — в Ливии, Алжире, и Нигерии, бокситы — в Гвинее, уран — в Габоне, Нигере и ЦАР, железная руда — в Либерии и Мавритании, медь — в Замбии и Конго (Киншаса), марганец — в Габоне, редкие металлы — в Нигерии, Юго-Западной Африке и Конго, золото и алмазы — в Сьерра Леоне и т. д.

В отношении сырьевых ресурсов в послевоенные годы произошло фактически «второе открытие» Африки. Еще в 1953 г. Сахару считали бесплодной пустыней. Так, известный французский исследователь, профессор Робер Капо-Рей утверждал, что еще «рано говорить» о наличии там нефти³, но уже в 1959 г. на пятом нефтяном конгрессе в Нью-Йорке эксперты пришли к выводу, что в скором времени Северная Африка как источник нефти будет иметь для мирового рынка не меньшее значение, чем Ближний и Средний Восток. Примерно аналогичная ситуация сложилась в Нигерии, где огромные запасы нефти были открыты лишь в 1965 г. В ЦАР и Нигере в 1967 г. были обнаружены большие запасы урана; в Гвинее дополнительные изыскания 1962 г. выявили крупнейшие в мире залежи бокситов и др.

Даже если учесть, что к публикуемым сведениям о достоверных и вероятных запасах минерального сырья в Африке необходим осторожный подход, поскольку эти сведения часто оказываются неточными, тем не менее они убедительно свидетельствуют о значительном удельном весе Африки в мировых ресурсах. Показателен и другой факт. Несмотря на интенсивную эксплуатацию запасов минерального сырья в большинстве районов континента, запасы эти не только не сократились, но по многим видам сырья даже возросли. Характерно также, что рост происходит не только в абсолютных масштабах.

Одновременно увеличивается доля Африки и в общих запасах капиталистического мира, например по нефти и газу, соответственно, с 2 и 8% в 1961 г. до 12% в 1970 г.

Таблица 10

Запасы минерального сырья
(оценка на 1967 г.)

Виды сырья	Единица измерения	Все капиталистические и развивающиеся страны	Африка	Удельный вес Африки, в %
Нефть	млн. т	47 968,60	4 377,6	9,0
Газ	млрд. куб. м	25 252,70	4 479,2	17,0
Уголь	млн. т	2 694 544,00	88 156	4,0
Железная руда	»	212 397,00	22 825	11,0
Марганец	»	984,00	393,2	41,0
Медь	»	253,20	95,7	39,0
Цинк	»	129,80	7,1	6,0
Хромиты	»	1050,20	761,5	72,0
Графит	»	158,60	23,7	15,0
Кобальт	»	2,40	2,0	87,0
Бокситы	»	9682,00	3350	30,0
Асбест	»	93,50	13,7	14,0
Титан	»	659,50	401,5	60,8
Олово	»	5,90	0,8	14,0
Свинец	»	79,90	4,4	5,5
Сурьма	»	1,56	0,34	21,5
Ниобий	тыс. т	9692,00	1975,0	20,3
Тантал	»	69,40	57,9	83,0
Бериллий	»	521,00	68	13,0
Литий	млн. т	18,40	2,7	15,0
Уран	тыс. т	587,00	142,8	27,8
Фосфаты	млн. т	44 498,20	26 028,8	60,0

Источник: «Африка, Статистический сборник», М., 1969.

Эти данные показывают, что в настоящее время в Африке сосредоточено свыше 80% всех известных в капиталистическом мире ресурсов кобальта и тантала, 72 — хромитов, 60 — титана, 40 — меди и марганца, 30 — бокситов, 27 — урана, 20 — ниобия и сурьмы, 13 — лития, бериллия, олова, графита и асбеста.

Сведения о запасах золота и алмазов не публикуются, однако, судя по уровню их добычи, составившей за последние годы, соответственно, 75 и 98% добычи всего капиталистического мира, в Африке находится подавляющая часть запасов и этих полезных ископаемых⁴.

Исходя из имеющейся оценки запасов топливно-энергетического и минерального сырья в Африке и принимая во внимание объем добычи на уровне 1969—1970 гг., можно примерно рассчитать, на какое количество лет хватит этих запасов.

**Ориентировочные сроки эксплуатации
некоторых сырьевых ресурсов Африки**

Нефть	30 лет	Фосфаты	1625 лет
Уголь	1600 лет	Титан	6700 лет
Газ	300 лет	Графит	1186 лет
Железная руда	570 лет	Бокситы	1000 лет
Марганец	80 лет	Хромиты	500 лет
Медь	100 лет	Кобальт	70 лет
Ниобий	760 лет	Уран	40 лет
Олово	40 лет	Свинец	15 лет
Цинк	25 лет	Литий	41 год
Бериллий	52 года	Асбест	34 года
Тантал	193 года	Сурьма	25 лет

Источник: Подсчеты Института Африки АН СССР.

Эти цифры, естественно, условны в связи с неминуемым приростом добычи, открытием новых месторождений, тем более что континент еще хранит многие нераскрытые богатства. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что поисковые работы и геологическая разведка в Африке почти полностью находятся в руках западных компаний, контролирующих одновременно конъюнктуру мирового рынка сырья. В этой связи они нередко искажают подлинные данные о месторождениях или вообще скрывают их, как это было, например, в Гвинее относительно залежей бокситов в районе Боке.

Роль минерального сырья Африки в мировой капиталистической экономике характеризуют, естественно, не только его запасы, но главным образом динамика добычи. Анализ показывает, что происходит абсолютное возрастание объема добываемого сырья и одновременно увеличивается удельный вес Африки в мировом капиталистическом производстве важнейших видов этой продукции.

Рост добычи в африканских странах за последние десять лет увеличился: нефти — более чем в двадцать раз, природного газа — в пятнадцать, бокситов — на 250%, медной руды — на 60, марганцевой руды — на 100, фосфатов — на 85, кобальта — на 70, хромитов —

Таблица 11
Доля Африки в добыче основных видов минерального сырья в капиталистическом мире

Вид сырья	Единица измерения	Все капиталистические и развивающиеся страны			Африка			Удельный вес Африки, в %		
		1960 г.	1965 г.	1970 г.*	1960 г.	1965 г.	1970 г.*	1960 г.	1965 г.	1970 г.*
Нефть	млн. т	882,9	1 233,0	1 800,0	13,7	106,9	280,0	1,5	8,7	15,5
Газ	млрд. куб. ж	516,6	587,4	800,0	0,6	5,9	8,5	0,1	1,1	1,1
Уголь	млн. т	1 090,0	1 120,0	1 090,0	43,2	53,6	54,0	3,9	4,9	4,9
Железная руда	»	341,4	401,3	460,0	15,8	39,5	45,0	4,6	9,8	9,0
Уран	тыс. т	47,0	18,7	28,0	9,0	3,4	6,0	19,2	18,7	22,0
Марганец	млн. т	6,4	8,5	11,4	3,1	4,6	6,4	48,0	54,0	56,0
Хромиты	»	3,1	3,0	7,5	1,4	2,6	4,2	45,0	52,0	54,0
Кобальт	тыс. т	15,4	16,3	18,0	11,5	12,4	13,5	75,0	76,0	77,0
Ванадий	»	—	14,8	18,5	—	4,6	6,0	—	31,0	32,0
Медь	»	3 548,4	4 086,7	5 300,0	977,5	1 115,0	1 480,0	26,9	27,1	27,9
Свинец	»	1 675,0	1 896,8	2 700,0	207,4	231,0	325,0	12,4	12,0	12,1
Олово	»	137,6	154,4	180,0	20,7	20,7	23,5	15,0	13,4	13,1
Бокситы	»	21 400,0	29 300,0	35 000,0	1 600,0	2 400,0	3 400,0	7,4	7,2	9,7
Сурьма	»	29,1	35,5	40,0	13,5	14,9	16,0	46,2	41,7	40,0
Литий	»	—	130,9	180,0	—	66,0	90,0	—	50,0	50,0
Бериллий	»	10,1	4,3	8,0	4,1	1,4	2,8	40,6	32,6	35,0
Фосфаты	млн. т	30,5	47,6	64,0	10,7	16,1	22,0	35,2	34,1	34,0
Асбест	тыс. т	1 416,5	1 914,6	2 750,0	297,9	409,9	550,0	21,0	21,4	20,0
Золото	т	1 053,0	1 275,3	1 625,0	726,5	1 001,1	1 300,0	69,0	80,0	80,0
Платина	»	22,6	35,8	65,0	10,9	20,2	35,0	48,4	56,0	58,0
Алмазы	млн. карат	—	32,2	35,0	26,1	31,7	35,0	98,5	98,0	98,0

* Оценка.

Источники: Составлено и подсчитано по: «Африка. Статистический сборник», М., 1969; R. K. A. G. Ager, Research for Economic and Social Development in Africa. Second International Congress of Africanists, Dakar, Senegal, Dec., 11—12, 1967, p. 9; «Monthly Bulletin of Statistics», May 1969, 1970; национальная статистика.

на 40% и т. д. Несмотря на эти показатели, по темпам роста валового национального продукта Африка остается на последнем месте в мире. За годы независимого развития африканских стран среднегодовой прирост валового национального продукта на душу населения не превышал 1,2%. Этот факт еще раз свидетельствует о том, что интенсивное развитие горнодобывающей промышленности пока еще в основном служит интересам иностранного капитала.

Данные, приведенные в таблице 11, позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, по добыче некоторых видов сырья Африка занимает доминирующее положение в капиталистическом мире, причем именно того сырья, спрос на которое в связи с развитием новых отраслей промышленности на базе достижений научно-технической революции растет — медь, сурьма, литий, кобальт, марганец, хром и др. Во-вторых, суммарно по 21 основному виду минерального и топливно-энергетического сырья доля Африки в добыче капиталистического мира составляет 35%. Эта доля имеет тенденцию к росту в связи с открытием и вводом в эксплуатацию новых месторождений, особенно нефти, газа, железной руды и бокситов. В-третьих, если проследить динамику добычи минерального сырья за последние десять лет, то выяснится, что происходит абсолютный рост добычи по всем видам сырья и расширяется номенклатура сырьевых товаров. В-четвертых, таблица показывает объем вывозимого в настоящее время из Африки сырья капиталистическими странами, поскольку основной поток этой продукции идет именно туда.

Империалистические державы проявляют большой интерес к минеральным ресурсам Африки. Они рассматривают их как стратегический резерв, призванный компенсировать в будущем (по некоторым видам) истощающиеся запасы на территориях капиталистических стран и в тех районах мира, где добыча уже ведется долгие годы. Кроме того, они являются источником текущих поступлений сырьевых материалов промышленного и стратегического назначения. И, наконец, африканские страны с их богатыми запасами минерального сырья могут заменить «сырьевые зоны», выходящие из-под контроля капиталистических держав. Так, для США значение Африки в этом отношении усиливается в связи с процессами, происходящими в Латинской Америке.

Теряя свои позиции в Перу, Чили, Боливии, Венесуэле, горнорудные и нефтедобывающие монополии США усиливают свою экспансию на африканский континент, который, по их мнению, является в перспективе более «монокристаллическим и стабильным», что дает дополнительный стимул межимпериалистической борьбе за сырьевые ресурсы Африки.

Если в первые послевоенные годы основной поток топливно-энергетической и горнорудной продукции Африки направлялся главным образом в Англию, Францию и Бельгию, то к середине 60-х годов к этим странам прибавились США, ФРГ и Япония. Американский рынок стал поглощать значительное количество добываемых в африканских странах марганца, кобальта, хромитов, технических алмазов, редких металлов, бокситов и даже нефти. Железная руда, нефть, цветные металлы и редкие земли привлекли внимание западногерманских промышленников. Японский капитал отвоевывает позиции в сфере добычи сырья для черной и цветной металлургии. В этой связи представляет интерес сопоставление географии добычи и экспорта основных видов африканского минерального сырья, поскольку таким образом выявляются узлы противоречий, очаги соперничества и конкуренции империалистических держав в Африке.

Таблица 12 показывает, что список основных потребителей африканского сырья включает лишь главные империалистические державы. Это положение, учитывая существующий характер внешнеэкономических связей африканских стран и тенденции их развития, будет, видимо, еще продолжительное время сохраняться. Конкуренция может изменить лишь удельный вес того или иного капиталистического потребителя.

Для определения перспектив дальнейшей расстановки сил капиталистических государств в сфере добычи и потребления африканского сырья рассмотрим, какова общая картина их участия в основных отраслях горнодобывающей промышленности Африки в настоящее время. При этом надо принимать во внимание следующее обстоятельство. Горнодобывающую промышленность Африки можно условно разделить на две категории — традиционную, сложившуюся еще в колониальный период, и новую, получившую развитие в последние годы в результате интенсивных геологических изысканий и

Основные поставщики и потребители минерального сырья Африки

Виды сырья	Страны-поставщики	Страны-потребители	Возможный объем ежегодных поступлений к середине 1970 г.
Нефть	Ливия, Алжир, Нигерия	Англия, США, Франция, ФРГ, Италия	230 млн. т
Железная руда	Либереия, Мавритания, ЮАР	ФРГ, Англия, Япония	50 млн. т
Газ	Алжир, Ливия	Англия, Франция, Италия, ФРГ	15 млрд. куб. м
Марганец	ЮАР, Габон, Гана, Конго (Киншаса), Марокко	США, Англия, Франция	6 млн. т
Хромиты	ЮАР, Родезия	США, Англия, Франция	4 млн. т
Кобальт	Конго (Киншаса), Замбия, Марокко	США, Бельгия, Франция	15 тыс. т
Медь	Замбия, Конго (Киншаса), ЮАР	Англия, Франция, Бельгия, Япония	1,5 млн. т
Свинец	Марокко, Намибия	Англия, Франция	350 тыс. т
Цинк	Конго (Киншаса), Замбия, ЮЗА, Алжир	Франция, Бельгия	300 тыс. т
Бокситы	Гвинея, Гана	Англия, США, Канада, ФРГ, Италия, Япония	3,5 млн. т
Сурьма	ЮАР	США	15 млн. т
Германий	ЮАР, Конго (Киншаса)	США	50 т
Литий	Родезия, Намибия	США, Англия	70 тыс. т
Фосфаты	Марокко, Тунис	Англия, Франция, Бельгия, ФРГ	15 млн. т
Уран	ЮАР, Габон, ЦАР, Малагасийская Республика, Замбия	США, Франция, Англия, ФРГ	6 тыс. т
Графит	Малагасийская Республика, Уганда, Мозамбик, Малагасийская Республика	США, Франция	окиси урана
Бериллий		Англия, США	20 тыс. т
			2,5 тыс. т

Источник: Подсчеты автора.

повторного комплексного обследования ранее открытых месторождений.

Так, в конце 50-х — начале 60-х годов были открыты и введены в эксплуатацию новые имеющие мировое значение источники нефти и газа в Северной и Западной Африке (Ливия, Алжир, Нигерия), железной руды в Западной Африке (Либерия, Мавритания, Гвинея), хромитов (Родезия), марганца и урана (Габон, ЦАР), бокситов (Гвинея, Камерун) и т. д.

Если в традиционных отраслях действуют в основном старые колониальные горнорудные монополии, главным образом бывших метрополий, то в новые отрасли активно внедряется капитал и других держав — США, ФРГ, Японии, Италии, Канады. Именно здесь наряду с объединением монополистических капиталов происходят и наиболее упорные империалистические столкновения.

Характерно, например, что из общей суммы американских и западногерманских капиталовложений в Африке на новые отрасли горнорудной и нефтедобывающей промышленности приходится около 75%, а для Англии и Франции этот показатель составляет, соответственно, 50 и 45%.

Несмотря на то что в сфере добычи африканского минерального сырья происходит переплетение интересов монополий различных стран, развивается система участков и организуются смешанные компании, тем не менее в каждом районе и даже на отдельных крупных месторождениях преобладающее влияние удерживает определенный иностранный капитал или же наблюдается борьба за позиции между монополистическими объединениями конкурирующих держав.

Деятельность горнодобывающих компаний, контролируемых английским капиталом, сосредоточена в Южной и Центральной Африке. Здесь представлены сырьевые, энергетические, транспортные, сбытовые и прочие фирмы и компании, входящие в монополистическую группу Оппенгеймера — Ротшильда. В целом группа объединяет более 150 различных корпораций, компаний и фирм, осуществляющих добычу золота, алмазов, меди, кобальта, угля, редких металлов, асбеста, марганца, хрома, а также сбыт этой продукции на мировом рынке. Крупнейшие представители этой группы — «Англо-Америкен корпорейшн оф Саут Африка», «Де Беерс консолидейтед майнз», «Танганьика консешнз», «Рио-Тинтоцинк

корпорейшн», «Замбиен, Англо-Америкен, Лтд.» — «ЗАМАНГЛО» и ряд других. Все эти компании — почти чисто английские и наличие в наименованиях некоторых из них словосочетания «Англо-Америкен» — лишь дань традиции. Американский капитал, в частности банки Моргана, был в них представлен в 20-х годах, а затем доля американцев была приобретена лондонскими банками. Более того, как будет показано ниже, «Замбиен, Англо-Америкен» выступает в качестве основного соперника и конкурента в сфере добычи меди американской группы «Роэн селекшн траст» («РСТ»).

Американский капитал на африканском континенте по своему объему все еще значительно уступает английскому, но границы его деятельности значительно шире, поскольку проникновение осуществляется как в бывшую британскую Африку, так и в страны, ранее находившиеся под контролем других европейских метрополий. Практически объектами экспансии монополий США в той или иной мере являются все африканские страны, располагающие запасами ценного сырья. На первом этапе американский капитал проникал в Африку в основном через уже действующие там европейские сырьевые компании, приобретая акции и организуя смешанные дочерние общества. Именно этим путем закрепились, например, в Замбии горнорудные монополии США «Америкен металл клаймэкс» («АМАКС»), «Ньюмонт майнинг» и др. Так, в свое время «АМАКС» приобрела 50,6% акций в «РСТ», «Ньюмонт майнинг» — 56% акций в медедобывающей компании ЮАР «О'Кип корпорейшн» (в ней же «АМАКС» захватила 20% акций). Обе монополии скупили почти 60% акций сырьевой компании «Цумб корпорейшн», разрабатывающей месторождения полиметаллических руд в Юго-Западной Африке.

Экспансия американского капитала в зоны английского влияния послужила немаловажной причиной того, что в 1964 году среди английских монополий произошла определенная перегруппировка сил, направленная на укрепление их позиций. В Замбии многие годы хозяйничала английская колониальная компания «Бритиш Саут Африка компани» («БСАК»). Ее деятельность строилась на основе привилегий, предоставленных по соглашениям с английским правительством, включавшим исключительные права на разведку минералов. С провозглашением независимости Замбии эти права были аннулированы, а

«БСАК» получила компенсацию на 4 млн. ф. ст., причем половину этой суммы выплачивает правительство Замбии. Новые условия существенно подорвали конкурентоспособность «БСАК», и тогда было принято решение о слиянии трех английских компаний — «БСАК», «Сентрал майнинг энд инвестмент корпорейшн» и «Консолидейтед майнз селекшн». Две последние компании входят в группу «Англо-Америкен». Новая монополия, названная «Чартер консолидейтед», располагает капиталовложениями в ЮАР, Намибии, Замбии, Родезии, Конго (Киншаса), Анголе и ряде других стран.

С конца 50-х — начала 60-х годов в Африке начали создаваться новые компании по эксплуатации вновь открытых месторождений железной руды, марганца, бокситов, меди, нефти и газа и других полезных ископаемых. Поскольку к этому времени во многих странах рухнули колониальные барьеры, американский капитал развернул свою деятельность уже на равных началах. Монополии США захватили половину всей добычи марганцевой руды в Габоне («Юнайтед Стейтс стил оверсиз корпорейшн»), значительную часть добычи гвинейских бокситов («Харвей алюминум» и «АЛКОА»), мавританской меди и т. д.

Для иллюстрации расстановки сил монополий главных империалистических держав в горнодобывающей промышленности Африки приведем долю участия иностранного капитала по некоторым странам (в %) ⁵. *Габон*, добыча марганцевой руды: Франция — 51, США — 49; добыча железной руды: США — 50, Франция — 34, ФРГ — 10, Италия — 3,5, Бельгия — 2, Голландия — 0,5; добыча урана: Франция — 100. *Мавритания*, добыча железной руды: Франция — 55,8, Англия — 19, Италия — 15,2, ФРГ — 5; добыча меди: Англия и ЮАР — 54, Франция — 21. *Сенегал*, добыча фосфатов: Франция — 84,3, США — 12. *Намибия*, добыча полиметаллических руд: США — 82, Швеция — 24, Франция — 19, Англия — 17, Италия — 15. *Ливия*, добыча нефти: США — 90. *Алжир*, добыча нефти: Франция — 68, Англия — 22, США — 7. *Нигерия*, добыча нефти: Англия — 80, США — 10, Франция — 5. *Гана*, добыча марганцевой руды: Англия — 80, США — 12. *Родезия*, добыча хромитов: США — 78, Англия — 14. *Конго (Киншаса)*, добыча кобальта: Бельгия — 45, Англия — 30, США — 20. *Уганда*, добыча медно-кобальтовых руд: Англия — 60, Голландия — 10 и т. д.

Даже этот краткий перечень показывает, что позиции монополий основных капиталистических стран в сфере добычи африканского минерального сырья далеко не равнозначны и основная доля участия по-прежнему остается за бывшими метрополиями — Англией и Францией. Такое положение усиливает межимпериалистическую борьбу за сырьевые ресурсы континента.

Особенно обостряют конкурентную борьбу монополий за сырьевые богатства Африки и сужают поле деятельности иностранного капитала следующие два фактора. В ряде молодых государств Африки, в первую очередь социалистической ориентации, принимаются меры по ограничению эксплуатации их ресурсов капиталистическими странами. Национализируется иностранная собственность или устанавливается над ней действенный контроль, создаются государственные и смешанные сырьевые компании. Такого рода мероприятия были проведены в Алжире (добыча нефти), в Гвинее (разработка бокситовых месторождений), в Замбии (эксплуатация рудников медного пояса) и т. д.

Другой важный фактор — укрепление экономического сотрудничества молодых стран с Советским Союзом и другими государствами социалистического содружества — оказывает комплексное воздействие. Во-первых, усиливаются позиции национальных правительств и государственного сектора. Во-вторых, социалистические страны существенно помогают местным властям в оценке запасов отдельных видов полезных ископаемых. Так, работа, проведенная советскими геологами в Африке, внесла серьезные коррективы в составленные западными специалистами геологические карты отдельных стран. В-третьих, в добыче отдельных видов африканского сырья начинают принимать участие, причем полностью на паритетных и взаимовыгодных началах, организации социалистических государств.

Оттеснение иностранных капиталов, казалось бы, с незыблемых позиций усиливает их борьбу за влияние на сузившихся плацдармах.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что многие природные ресурсы освободившихся стран африканского континента играют важную роль в экономике основных капиталистических государств, и такое положение в ближайшие 10—15 лет, видимо, сохранится. Вместе с тем высокие темпы развития добывающей про-

мышленности Африки в сочетании с крайне слабым ростом других отраслей и тем обстоятельством, что почти все добываемое сырье вывозится на Запад, ведут к тому, что в рамках мирового капиталистического разделения труда освободившиеся страны продолжают оставаться на положении сырьевых придатков империалистических держав. Таким образом, сохраняются условия не только для эксплуатации молодых государств, но и для межимпериалистической борьбы за сырьевые богатства континента. Эти условия изменяются не в пользу империализма лишь в тех африканских странах, которые укрепляют дружественные экономические отношения с мировой социалистической системой.

ГЛАВА IX. БОРЬБА МОНОПОЛИЙ ЗА ИСТОЧНИКИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СЫРЬЯ

Многие промышленно развитые капиталистические государства, особенно Западной Европы, постоянно испытывали острую нужду в сырье из-за ограниченности или отсутствия его запасов. Сейчас нехватку сырья ощущают даже те страны, собственные ресурсы которых ранее считались удовлетворительными. В первую очередь они нуждаются в нефти, цветных металлах, редкоземельных минералах.

Наметившаяся во второй половине 60-х годов тенденция к превышению спроса над предложением на рынке цветных металлов приобрела к 1970 г. устойчивый характер. Основная причина нехватки этого вида сырья — высокий уровень деловой активности в промышленности капиталистических стран и отставание производства от темпов роста спроса. Аналогичное положение сложилось на рынке нефти и некоторых других сырьевых материалов. В результате этих процессов борьба монополий за источники сырья, в том числе в африканских странах, в 60-х годах нарастала.

В этой связи представляет интерес анализ конкретных примеров межимпериалистической борьбы за источники сырья в Африке. Естественно, что подвергнуть детальному разбору все факты столкновений невозможно. Остановимся на главных схватках, наиболее ярко иллюстрирующих эту борьбу, ее средства, формы и методы и дающих ключ к пониманию сути многих событий на кон-

тиненте, а также причин некоторых важных аспектов политики империалистических держав в Африке.

Противоборство в «медном поясе» Замбии и в Катанге (ДРК). На Замбию приходится свыше 60% добычи меди в Африке, примерно 16% добычи всех капиталистических и развивающихся государств. Эта страна занимает третье место в мире по производству «красного металла» после США и Чили. «Медный пояс» входит в так называемый Катанго-Родезийский горнорудный комплекс — одну из богатейших зон минерального сырья капиталистического мира. Он имеет протяженность свыше 300 км и занимает территорию в 30 тыс. кв. км. Запасы медной руды составляют здесь свыше 2 млрд. т (в пересчете на металл — не менее 60 млн. т), причем эта руда самого высокого качества в мире — содержание металла до 5%. В 1969 г. Замбия поставила на мировой рынок свыше 680 тыс. т меди. «Медный пояс» уже в течение многих лет служит объектом острой конкурентной борьбы монополий, главным образом Англии и США.

Добычу меди в Замбии осуществляют две крупнейшие монополистические группы — «Англо-Американ корпорейшн оф Саут Африка» (далее: «Англо-Американ»), представляющая английский капитал, и «Роэн селекшн траст», принадлежащая банкирам Уолл-стрита. Суммарные инвестиции обеих групп в «медный пояс» составляют около 900 млн. долл., а чистая прибыль в среднем превышает 50 млн. долл. в год.

Борьба английских и американских монополий за господство в «медном поясе» всегда определялась фактором прибыли и конкуренцией на мировом рынке. США обеспечивали свои потребности в меди за счет собственных ресурсов и импорта из Чили, одновременно американские компании являются крупным экспортером этого металла, главным образом в Западную Европу. Но здесь американская медь сталкивается с замбийской, поставляемой монополиями Англии, причем более дешевой и лучшего качества. Естественно, что концерны США — производители меди стремились к захвату новых позиций в «медном поясе», что дало бы им возможность регулировать цены на рынках сбыта в своих интересах.

Еще до освобождения Замбии, в 1962 г., «Роэн селекшн траст» поглотила одну из крупнейших корпораций «медного пояса» — «Роэн антилоп», в которой до этого она располагала лишь 32,65% акционерного капитала.

Эта акция расширила меднорудные резервы «РСТ» на 86 млн. т, а ежегодные поставки металла — почти на 100 тыс. т. В свою очередь, контролируемая «Англо-Америкен» корпорация «Нчага» приобрела в 1964 г. весь пакет акций компании «Бэнкрафт», которой принадлежали рудники с запасами руды примерно 85 млн. т.

В связи с провозглашением независимости Замбии американцы еще более усилили натиск на позиции английских конкурентов, причем наступление велось под лозунгом «антиколониализма» компаний США, «не связанных», в противоположность «Англо-Америкен», с расистами ЮАР. Американская пропаганда, адресованная Замбии, неоднократно подчеркивала тот факт, что штаб-квартира «Англо-Америкен» находится в Йоганнесбурге, на территории ЮАР, а в ее правление входят известные расисты, в то время как руководители «РСТ» — убежденные «противники» расовой дискриминации, питающие чувства «искренней симпатии» к президенту Замбии Кеннету Каунде. Руководству «РСТ» приписывалось постоянное стремление к пересмотру системы оплаты горняков-африканцев, повышению их квалификации, чему мешало лишь сопротивление английских компаний. «Группа «РСТ», примеру которой крайне редко и в ограниченной степени следовала «Англо-Америкен», всегда прилагала героические усилия к тому, чтобы обеспечить доступ африканцев к квалифицированным профессиям»¹, — утверждал, например, американский ежемесячник «Форчун». Демагогический характер подобных заявлений очевиден, если учесть, что, несмотря на «героические усилия», монополистам США так и не удалось продвинуть хотя бы одного африканца на ведущую должность в своих компаниях, эксплуатирующих богатства «медного пояса», а из числа занятых там местных рабочих лишь 3% посещали среднюю школу. Президент группы «ЗАМАНГЛО», контролирующей деятельность английских компаний в «медном поясе», южноафриканский мультимиллионер Гарри Оппенгеймер ответил на подобные заявления американских конкурентов в лаконичной и категорической форме: «Изменения нас не беспокоят. Нет сомнения в том, что мы сможем сотрудничать с будущими правительствами»². Несмотря на уверенный тон Оппенгеймера, дальнейшие перспективы деятельности английских монополий в Замбии вызывали в Лондоне и Йоганнесбурге серьезное беспокойство. Вла-

дельцам «Англо-Америкен» было ясно, что придется вести борьбу на два фронта — против империалистических конкурентов и руководства новой Замбии, которое не скрывало своих намерений поставить богатства страны на службу народу. Беспокойство монополий разделяло и английское правительство. Гарольд Вильсон прямо заявил в парламенте 1 декабря 1965 г.: «Медь, производимая в Замбии.., жизненно необходима для Соединенного Королевства»³. Премьер-министр Англии не оставил и тени сомнений в том, что за эти «жизненные интересы» Великобритания намерена вести борьбу всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

Южнородезийский кризис — провозглашение расистским режимом Яна Смита «независимости» — и все последующие события оказали своеобразное воздействие на конкурентную борьбу в «медном поясе». С одной стороны, как английские, так и американские монополии были заинтересованы в том, чтобы обеспечить бесперебойную работу своих рудников и заводов, что вынуждало их к проведению совместных мероприятий; но, с другой — каждая группа стремилась извлечь из сложившегося положения выгоду за счет партнера. Так, до 1966 г. вывоз продукции «медного пояса» осуществлялся по железной дороге, проходящей через территорию Родезии до порта Бейра (Мозамбик). Бескомпромиссная позиция правительства Замбии в отношении южнородезийских расистов сделала невозможным использование этой железнодорожной артерии. Американцами был предложен вариант транспортировки меди воздушным путем — на самолетах «Геркулес» компании «Локхид» из Ндолы (центр «медного пояса») в Дар-эс-Салам (Танзания). Поскольку «Локхид» — компания американская, то в накладе остались английские монополии, и этот воздушный мост просуществовал непродолжительное время. Основным каналом для перевозки замбийской меди стала пересекающая Анголу и принадлежащая «Танганьика консешнз» железная дорога Бенгала.

Перебои в поставках продукции «медного пояса» нанесли ущерб в первую очередь английским монополиям — потребителям и экспортерам замбийской меди. Производство рафинированной меди в Англии сократилось в 1966 г. на 12%, а в 1967 г. еще на 5%, чем не преминули воспользоваться поставщики «красного металла» из США, начавшие захватывать традиционные рынки английских

экспортеров в Европе. Шансы «уравнялись» лишь благодаря мощной забастовке 1967 г. в медной промышленности Соединенных Штатов, сократившей производство почти на 30%.

Последнее обстоятельство, а также мероприятия правительства Чили по ограничению деятельности американских компаний, эксплуатирующих чилийскую медь, заставили металлургических магнатов США усилить борьбу за позиции в «медном поясе» Замбии. Значительный пакет акций группы «РСТ» — 42,3% принадлежит крупнейшей металлургической монополии Уолл-стрита «Америкен метал клаймекс» («АМАКС»). Ее интересы представлены как в Северной Америке (США и Канада), так и на других континентах, главным образом — африканском, откуда поступает свыше 50% ее доходов. В марте 1970 г. в столице Замбии Лусаке стало известно, что «АМАКС» намеревается взять «РСТ» под свой полный контроль⁴. В случае осуществления этой операции американские монополии одержали бы крупную победу в конкурентной борьбе с английскими компаниями не только в «медном поясе», но и во всей Центральной Африке. В известной мере разобренным силам лондонского Сити здесь противостоял бы мощный кулак Уолл-стрита. Поскольку окончательное решение зависит от позиции замбийского правительства, Лондон приложил все усилия к тому, чтобы сорвать реализацию этого плана. Маневренная борьба вокруг этого вопроса продолжается.

Дополнительный импульс межимпериалистическому соперничеству в «медном поясе» дало решение правительства Замбии о частичной национализации медной промышленности и введении новых правил предоставления лицензий на разработку недр страны, о чем было объявлено в августе 1969 г. Согласно этому решению, государство выкупает за 500 млн. долл. 51% акций «Англо-Америкен» и «РСТ», за которыми, однако, сохраняется участие в управлении и повседневный контроль над производственным процессом.

В связи с переходом контрольного пакета акций к замбийскому правительству горнорудные компании принимают новые названия. «ЗАМАНГЛО» будет именоваться «Нчанга консолидейтед коппер майнз, Лтд.», а «РСТ» — «Роэн консолидейтед майнз, Лтд.». В первую входят компании «Бэнкрофт», «Нчага», «Рокана» и «Рокана коп-лер рифайнериз»; во вторую — «Муфулира», «Луаншия»,

«Чибулума», «Чамбиши», «Каленгва». Акции будут передаваться замбийскому правительству постепенно: для «Англо-Американ» срок передачи установлен в 12 лет, для «Роен селекшн траст» — 8 лет. Весьма важная часть постановления — новые правила аренды территории. Площади, ранее предоставленные этим компаниям для проведения геологоразведочных работ, урезаются до $\frac{1}{16}$ их теперешних размеров.

Решение правительства Замбии существенно меняет обстановку в «медном поясе». Во-первых, подрывается монопольное положение «Англо-Американ» и «РСТ», а, во-вторых, сужение сферы действий еще более обостряет их взаимную конкурентную борьбу за закрепление и расширение оставшихся позиций. Планы «АМАКС», о которых говорилось выше, — наглядное тому подтверждение. Последнее важнейшее обстоятельство вытекает из новых правил предоставления лицензий на разработку недр страны и одновременного сокращения площадей, ранее закрепленных за «Англо-Американ» и «РСТ». Эта мера открывает доступ в «медный пояс» другим компаниям, что также резко усиливает конкурентную борьбу. Немедленно после опубликования постановления к правительству Замбии с просьбой о предоставлении лицензий на разработку полезных ископаемых обратилось более двадцати горнорудных компаний, в том числе три японские, две американские и одна канадская. Как сообщало агентство Франс Пресс из Замбии 26 января 1970 г., «Лусака напоминает город, переживающий бум. Группы горных инженеров из Японии и Америки оттесняют представителей старых, ранее утвердившихся здесь фирм».

Таким образом, межимпериалистическая борьба в «медном поясе» обостряется, а круг ее участников становится шире. В этих условиях, при умелом использовании средств контроля, Замбия может извлечь для себя несомненные выгоды.

Если соперничество монополий в «медном поясе» Замбии протекает в сравнительно спокойных формах, то их борьба за медь и другие природные богатства Катанги (Демократическая Республика Конго) уже однажды привела к трагическим последствиям.

Район Верхней Катанги образует с «медным поясом» Замбии единый горнопромышленный комплекс. Здесь добывается 30% всей африканской меди. Кроме того, Конго ежегодно дает до 10 тыс. т кобальта (80% ми-

ровой добычи), 120 тыс. т цинка, 500 т кадмия, а также значительное количество олова, германия, тантала и другого ценного минерального сырья. Алмазные рудники бассейна реки Касаи поставляют на мировой рынок 12 млн. каратов промышленных алмазов в год, или 65% добычи капиталистического мира.

Недра Конго в течение многих десятилетий эксплуатировались англо-бельгийским капиталом. В бельгийской компании «Юнион миньер дю Катанга» до 1967 г. 14,47% акционерного капитала принадлежало английской «Танганьика консешнз». Алмазодобывающая промышленность Конго в значительной степени зависит от английской алмазной монополии «Де Беерс консолидейтед майнз». Горнопромышленные центры Катанги обслуживает принадлежащая «Танганьика консешнз» бенгальская железная дорога.

Сырьевые богатства Верхней Катанги стали в послевоенный период объектом усиливающегося соперничества империалистических держав. Как было показано выше, США уже с конца 40-х годов всячески пытались проникнуть в этот район, но колониальные барьеры преграждали путь американским монополиям. Предоставления Конго независимости с тревогой ожидали в лондонском Сити и с надеждой на Уолл-стрит. Англо-бельгийские промышленные круги готовились защищать свои интересы, а американские монополии стремились использовать это положение для вторжения в «заповедную зону». Дэвид Рокфеллер, посетивший Конго за год до предоставления стране независимости, заявил на пресс-конференции в Леопольдвиле, что «США проявляют большой интерес к Конго», поскольку через десять лет они будут «импортировать 30% сырья, от которого зависит вся экономическая жизнь по ту сторону Атлантики»⁵. Не удивительно в этой связи, что накануне конголезского кризиса, несмотря на финансовую панику на биржах, группа Рокфеллера приобрела на 1,3 млн. долл. акций конголезской фирмы «Компани дю Конго пур ле комерс э л'индустри», контролируемой бельгийской финансовой группой «Сосьетэ жернераль де Бельжик». В Лондоне эта сделка вызвала взрыв негодования.

Провозглашение 30 июня 1960 г. независимости Конго явилось своеобразным сигналом к началу ожесточенной борьбы империалистов за позиции в горнорудной промышленности страны.

В советской исторической литературе неоднократно освещалась империалистическая агрессия против Демократической Республики Конго. В опубликованных в СССР работах раскрыт классовый характер конголезского кризиса, рассмотрены операции ООН в Конго и позиции по этому вопросу империалистических держав и государств социалистического содружества, в первую очередь Советского Союза. Поэтому в задачу данного исследования не входит подробный разбор конголезских событий. Предметом анализа служат лишь межимпериалистические противоречия в Конго, столкновения интересов монополистических кругов США, Бельгии и Англии. Этот аспект конголезской проблемы заслуживает серьезного внимания. Соперничество и прямая борьба империалистических группировок достигли в Конго значительной остроты и принимали разнообразные формы. Многие средства и методы оттеснения конкурентов, применявшиеся в ходе конголезских событий, заняли прочное место в дальнейшей политике капиталистических государств на африканском континенте.

По вполне понятным причинам в буржуазной историографии этот вопрос почти полностью обойден. Конголезские события получили на Западе искаженную оценку, призванную оправдать действия США, Англии, Бельгии и поддерживавших их стран. Исключение составляет лишь известная книга представителя ООН в Катанге Кеннона О'Брайена «В Катангу и обратно»⁶. Многочисленные факты, приведенные автором, показывают, что между Англией и США не только имелись глубокие разногласия, но шла прямая борьба за Катангу и влияние в Конго.

Напомним кратко основные вехи первого этапа событий. 4 июля 1960 г. Бельгия напала на Конго. 11 июля от Конго «отделилась» Катанга, где был создан сепаратистский марионеточный режим Чомбе, вдохновляемый и финансируемый «Танганьика консешнз» и «Юнион миньер». Эта акция не только наносила огромный ущерб молодой республике (Конго лишалось 60% всех доходов), но и преграждала прямой доступ в Катангу монополиям США. 14 июля 1960 г. началась «операция ООН», длившаяся до 1 июля 1964 г. 17 января 1961 г. были злодейски убиты премьер-министр Конго Патрис Лумумба и его соратники Окала и Мполо, выданные Чомбе агентами колонизаторов. 18 сентября 1961 г. в авиационной катастрофе погиб генеральный секретарь ООН Даг Хаммар-

шельд. Его самолет при до сих пор невыясненных обстоятельствах разбился на территории Родезии, в 15 км от города Ндола, куда он летел для встречи с Чомбе. Хаммаршельд намеревался убедить Чомбе в необходимости ввода войск ООН в Катангу. Согласие последнего с этим предложением было бы равносильно переходу главы сепаратистов на сторону США. Хаммаршельд уже имел санкцию Вашингтона на использование войск ООН в Катанге, если Чомбе не изменит своей позиции и не согласится на альтернативный вариант «воссоединения мирным путем». Эти планы, однако, не устраивали Англию и Бельгию, да и самого Чомбе. Посредничество Хаммаршельда не состоялось.

Таким образом, особенно рельефно межимпериалистические противоречия проявились на первом этапе конголезского кризиса в 1960—1961 гг. Несмотря на то что задача не допустить укрепления прогрессивного режима, возглавлявшегося П. Лумумбой, не вызвала разногласий в лагере империалистов, конечные цели их были различны. Отсюда и проистекали столкновения тактических приемов. Англия, заинтересованная в сохранении инвестиций в компании «Юнион миньер», поддерживала Чомбе и сепаратистов Катанги. Аналогичной линии придерживались Франция и Бельгия. США, намеревавшиеся значительно расширить позиции своих монополий в Конго, ориентировались на центральное правительство, возглавлявшееся Адулой. Такая тактика в тот период обеспечила Вашингтону не только поддержку общественного мнения большинства африканских стран, но и дала возможность использовать ООН для маскировки подлинной американской политики в конголезском вопросе⁷.

Противоречия между США и европейскими колонизаторами проявились с самого начала кризиса. На заседании Совета Безопасности 14 июля 1960 г. США проголосовали за резолюцию, призывавшую к выводу бельгийских войск из Конго, в то время как Франция проголосовала против, а Англия воздержалась.

В ноябре 1961 г. представители афро-азиатских государств в Совете Безопасности (ОАР, Либерия и Цейлон) внесли проект резолюции, предусматривающей устранение главной причины конголезского кризиса — ликвидацию военной интервенции колониальных держав в Катанге⁸. Резолюция содержала требования укрепить политическую независимость и обеспечить территориаль-

ное единство Конго, прекратить сепаратистские действия. Англия, Бельгия и Франция выступили против основных положений этой резолюции. США ее в основном поддержали, но внесли ряд поправок. Резолюция была принята 24 ноября 1961 г. 9 голосами при 2 воздержавшихся (Англия и Франция).

Англо-американский конфликт достиг кульминации в декабре 1961 г. В один и тот же день (13 декабря) Лондон, стремясь спасти Чомбе, направил специальное послание исполняющему обязанности генерального секретаря ООН с требованием немедленного прекращения огня в Катанге, а Вашингтон заявил, что категорически возражает против перемирия, «пока не будет достигнут минимум целей ООН в Конго»⁹. В результате под прямым нажимом США 19 декабря 1961 г. состоялось «примирение» Адулы с Чомбе на военной базе Китона. Организация их встречи, переговоры и составление текста соглашения проходили при участии заместителя генерального секретаря ООН Р. Банча и американского посла в Конго Галлиона. Формально Китонское соглашение выглядело как капитуляция Чомбе, но по существу это был временный компромиссный сговор между империалистическими державами. Англия, Бельгия и Франция поддерживали Чомбе, не желая передавать Катангу под власть центрального правительства. США, взяв под свой контроль действия Адулы, стремились теперь подчинить себе и Чомбе. «Главная сила, стоящая за Адулой, — писал Уолтер Липпман, — это правительство США. Главная сила, стоящая за Чомбе, — это частные круги Англии и Бельгии»¹⁰.

Военные операции в Катанге, развернутые США под флагом ООН осенью 1961 г., не принесли быстрых результатов. Малоэффективным оказался и экономический бойкот. Тогда монополии и дипломатия США предприняли ряд маневров в Лондоне и Брюсселе, но одновременно активизировали и военные действия. «Вмешательство вооруженных сил в Катанге — это, прежде всего, эпизод экономической войны, начатой в Конго некоторыми американскими группами, желающими захватить новый рынок»¹¹, — констатировала французская газета «ЭКО». В итоге англо-бельгийская коалиция была вынуждена пойти на компромисс. В Лондоне и Брюсселе поняли смысл заявления главного советника президента Кеннеди по африканским делам Честера Боулса о том, что если

ООН не сможет «воссоединить Конго», то Соединенные Штаты, «вероятно, сделают это сами».

Но если рассмотреть конечные результаты, то становится ясным, что «первый раунд» империалистической борьбы за Катангу американцами был проигран. Поставленных целей они не добились, в то время как английские монополии извлекли в ходе событий немалые барыши. «Танганьика консешнз» заработала, например, около 10 млн. долл. на бенгельской железной дороге, по которой с июля 1960 г. осуществлялась транспортировка минерального сырья Катанги, поскольку железнодорожное сообщение между «независимой» провинцией и остальными районами Конго было прервано — сепаратисты взорвали мосты. Кроме того, в результате операций бельгийских участников «Юнион миньер» по переводу своих акций в Бельгию английская группа существенно укрепила свои позиции в Катанге, что также принесло ей несколько десятков миллионов франков дополнительных прибылей. Заводы и рудники «Юнион миньер» практически не пострадали от военных действий, и с марта 1962 г. производство меди и кобальта стало даже увеличиваться.

В этих условиях правительство США вновь вернулось к идее экономических санкций против сепаратистов Катанги, а фактически — против «Юнион миньер». На страницах американских изданий стали систематически появляться сообщения о прибылях «Юнион миньер» и доходах «правительства» Чомбе, получаемых с помощью Англии и Бельгии. Однако в руководящих кругах Англии, Бельгии и Франции планы экономических санкций против Катанги встретили отрицательную реакцию. Тогда в Конго была направлена американская военная миссия во главе с генералом Трумэнном. Итогом ее визита явилось вступление в декабре 1962 г. войск ООН на территорию южной Катанги. Несмотря на «негодование» в Лондоне — 65 депутатов-консерваторов потребовали в парламенте немедленного предоставления Катанге «права на самоопределение», — третий раунд сражения за Конго американская сторона вела с бескомпромиссной последовательностью. «Почти $\frac{3}{4}$ производственных мощностей «Юнион миньер» уже находятся под контролем войск порядка...»¹², — с удовлетворением отмечала «Нью-Йорк таймс».

Угроза серьезного материального ущерба вынудила английских и бельгийских монополистов на новые уступ-

ки. Соппротивление сепаратистов, равно как и выступления в парламентах Англии, Бельгии и Франции за «независимость» Катанги, прекратились. В конце февраля 1963 г. территориальная целостность Конго была восстановлена. Нет сомнений в том, что если бы не империалистические противоречия, то проблема Катанги была бы разрешена значительно раньше, а прогрессивные силы Конго сами справились бы с ней и конголезский народ не понес бы столько напрасных жертв. Доказательством этому служат дальнейшие события в стране. Народное движение патриотических сил за подлинное освобождение от господства империалистов было, как известно, подавлено в результате коллективной интервенции империалистических держав, поддержавших марионеточного диктатора Чомбе.

В итоге всех перипетий борьбы с конкурентами американские монополии обеспечили себе участие в прибылях концерна «Юнион миньер», продолжавшего эксплуатировать Катангу до января 1967 г. В образованной на его месте конголезской компании «Жекомин» («Женераль конголез де минерэ») 40% акционерного капитала принадлежит компаниям Бельгии, Англии и США. Но соперничество монополистических групп за участие в эксплуатации природных ресурсов отнюдь не прекратилось, а лишь вступило в новый этап. Английский и бельгийский капитал стремится вернуть утраченные позиции, американский — расширить зону влияния. Кроме того, в экономическую битву за конголезское сырье включились монополии Франции, ФРГ и даже Японии, причем последние проявляют особую активность. «Иностранные компании продолжают бороться друг с другом за большие прибыли. Конго — страна, где можно быстро разбогатеть»¹³, — отмечает орган деловых кругов ЮАР газета «Ранд дейли мейл».

Факты подтверждают этот вывод южноафриканской газеты. Причем наблюдается постоянная перегруппировка сил империалистических держав. Так, в апреле 1968 г. журнал «Африкен уорлд» констатировал, что, взяв власть в свои руки, Ж. Мобуту «реорганизовал свой кабинет таким образом, чтобы вывести из его состава всякого, кто слишком подвержен американскому влиянию»¹⁴, в результате чего последовало ослабление напряженности в отношениях с Бельгией. Но уже в июле 1968 г. Конго посетил помощник государственного секретаря США по

африканским делам Д. Пальмер. В Киншасе он выразил надежду, что «американский частный сектор увеличит свои капиталовложения в Конго»¹⁵. Одновременно США предоставили конголезскому правительству заем за 30 лет в сумме 15 млн долл. из 3,5% годовых. Эта и аналогичные акции Вашингтона дали основание управляемой из Лондона южноафриканской газете «Стар» (Йоганнесбург) заявить в номере от 7 февраля 1969 г., что, «по сути дела, Мобуту — пленник американской политики, поскольку 70% всей иностранной помощи Конго исходит из США. Удивительно, что одновременно он все больше и больше подчиняется диктату Бельгии».

Американо-бельгийское соперничество в Конго не остается вне внимания западных наблюдателей. Отмечая, что в Конго быстро возраждаются частные бельгийские общества, а число бельгийских служащих в стране превысило к 1969 г. 3 тыс., влиятельный французский ежемесячник «Монд дипломатик» заметил: «американские... капиталисты весьма обеспокоены возможной «реколонизацией»¹⁶.

В Конго сталкиваются интересы и бывших союзников — Англии и Бельгии. Английская компания «Лонро», деятельность которой охватывает многие страны Африки, упорно пытается приобрести позиции и в Конго. В апреле 1968 г. «Лонро» удалось захватить контрольный пакет акций крупной компании «Коминьер», объединяющей более 20 различных конголезских предприятий. Затем совместно с японской группой «Нико Иваи» она приступила к предварительным работам по строительству железной дороги, которая должна связать Катангу с портом Матада, на берегу Атлантического океана. Характерно, что в этом проекте хотели принять участие и американские фирмы, но были оттеснены. Главный интерес «Лонро» — это «медный пояс» Катанги. В 1969 г. представители «Лонро» вели, казалось бы, успешные переговоры с конголезским правительством о подписании контракта стоимостью в 300 млн. ф. ст. на разработку медных рудников, принадлежащих «Жекомин». Заключение такой сделки поставило бы «Лонро» в первые ряды монополий «медного пояса». Со стороны Конго в переговорах принимал участие сам министр иностранных дел. Дж. Бомбоко. Но в июле 1969 г., когда дело осталось лишь за юридическим оформлением соглашения, конголезское правительство внезапно отклонило предложение «Лонро» в пользу глав-

ного партнера «Жекомин» — бельгийской компании «Сосьетэ женераль де минере», а Бомбоко был снят с занимаемого поста.

«В Конго основное экономическое соперничество в настоящее время происходит между французами, немцами, англичанами, японцами и итальянцами — все они проявляют особую заинтересованность в инвестициях»¹⁷, — писал английский журнал «Африкэн уорлд». И действительно, в этой сфере конкуренция нарастает. Консорциум из пяти японских фирм создал в 1968 г. специальную компанию по развитию горнорудной промышленности Конго. 85% ее капитала принадлежат японской стороне, 15% — правительству Конго. Английская фирма «Лейланд моторз» строит в Конго новые заводы и переоснащает старые. Ее капиталовложения в стране составили в 1969 г. 350 тыс. ф. ст. Все средства связи и коммуникации Конго захвачены частной американо-бельгийской компанией «Белл-телефон». В свою очередь, английская фирма «Бритиш Конго даймонд дистрибьюторз» добилась исключительного права на экспорт алмазов из страны, отеснив претендентов из США. Выгодный контракт на строительство мостов в Восточной провинции также остался за английской стороной.

Анализ многочисленных фактов конкуренции и прямых столкновений компаний империалистических держав в Конго позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, обнаруживается, что межимпериалистические противоречия в ходе борьбы за источники сырья способны достигать такой остроты, что они временно отесняют на второй план основной классовый антагонизм современного мира. Во-вторых, выявляется непрочность империалистических коалиций. Если в начале 60-х годов английские и бельгийские монополии выступали единым фронтом против компаний США, то в настоящее время они ожесточенно конкурируют и друг с другом. В-третьих, наглядно видны пагубные последствия межимпериалистического соперничества для судеб народа освободившейся страны.

Уран и бокситы Центральной Африки — объект острой конкуренции монополий. Соперничество империалистических монополий в сфере добычи африканского урана за последние годы существенно активизировалось. «Поскольку мировое потребление урана непрерывно растет, борьба империалистических держав за африканский уран

становится все более ожесточенной»¹⁸, — отмечает лондонский журнал «Африка конфидэншл». Точных данных о запасах урана в Африке, как, впрочем, и в целом по капиталистическому миру, статистика не дает. Но, исходя из отдельных опубликованных данных, можно подсчитать, что на Африку приходится свыше 25% разведанных запасов урана капиталистических и развивающихся стран и примерно 20% его добычи. Помимо ЮАР на африканском континенте добывают уран или располагают его запасами главным образом страны Центральной Африки»¹⁹.

С момента открытия месторождений урана в Африке всю добычу и вывоз продукции монополизировали крупнейшие империалистические державы — США, Англия, Франция. В первый период между ними был установлен своеобразный раздел сфер контроля над урановыми месторождениями, определяемый зависимостью той или иной африканской страны от конкретного иностранного капитала, а также ее бывшей колониальной принадлежностью. Однако по мере развития национальной экономики стран, владеющих запасами урана, а также в связи с ростом спроса на урановое сырье во второй половине 60-х годов «джентльменские соглашения» стали нарушаться. Конкуренция переросла в соперничество, а в отдельных случаях — и в прямую борьбу. Бюллетень «Форин рипорт», издаваемый с пометкой «конфиденциально» в качестве приложения к английскому журналу «Экономист», даже озаглавил статью, посвященную этой проблеме, «Центральная Африка, битва за уран»²⁰.

Расстановка сил капиталистических монополий в сфере африканского урана выглядит следующим образом. В ЮАР оперирует американский и английский капитал в соответствии с соглашением от 1950 г., по которому США и Англии было предоставлено исключительное право на добычу и сбыт этого сырья. Затем к ним присоединились Франция и ФРГ. Западногерманский капитал представляет компания «Декусса», заключившая в 1958 г. контракт с правительством ЮАР на закупку урановых концентратов. В Габоне, ЦАР, Малагасийской Республике и Нигере доминируют французские компании. В Сомали наибольшую активность проявляют Италия и ФРГ. Таким образом, кроме южной части континента перспективные запасы урана находятся в странах Центральной Африки, причем под монопольным контролем Франции.

Согласно прогнозам статистических служб ООН, мировое потребление урана будет возрастать. В 1975 г. оно составит около 34—46 тыс. т, а в 1980 г. — 65—86 тыс. т. Поскольку Африка уже в настоящее время дает не менее $\frac{1}{5}$ мирового производства урана, а в недалеком будущем доля континента в добыче этого сырья существенно увеличится, соперничество империалистических держав в сфере добычи африканского урана возрастает.

Изменяется удельный вес отдельных стран в общеафриканском производстве урана. В начале 60-х годов почти 90% добычи приходилось на ЮАР. К 1970 г. примерно 50% уже составляла доля других государств. Так, в Габоне ежегодная добыча урана доведена до 1600 т, в ЦАР — до 500 т, в Нигере — к 1973 г. достигнет 1000 т. Значительные запасы урана и тория обнаружены в Сомали. Изыскания здесь ведутся компаниями США, ФРГ и Италии. Филиал итальянской нефтяной монополии «ЭНИ» — группа «Сомирэн» занята поисками урана в Кении. В Мозамбике и Намибии действуют португальские и южноафриканские фирмы.

В борьбе за атомное сырье Франции пока удалось отстоять свои позиции в Габоне, Нигере и ЦАР. Ныне французские компании пытаются расширить зону влияния за счет «атомного сотрудничества» с ЮАР. Небезынтересно, что в этом вопросе правительство ЮАР идет навстречу Франции, а также и ФРГ, вызывая раздражение в США и Англии. Что касается запасов урана в «португальской» Южной Африке, то их разработку компании Португалии и ЮАР намереваются вести совместно, без участия фирм других стран.

В 1970 г. наиболее крупные запасы урана обнаружены в африканских странах — бывших колониях Франции. Поэтому именно здесь и находится сейчас центр империалистического соперничества, главным образом между Францией и США. Уместно напомнить характерный эпизод франко-американской борьбы за влияние в Габоне, где помимо урана имеются значительные запасы марганца, нефти и природного газа. Еще в 1964 г. посол США в этой стране был публично обвинен в подстрекательстве к мятежу против президента Леона Мба, ориентированного на Францию. Попытка государственного переворота была подавлена десантными частями французских войск, а «местные французы, вооруженные винтовками и ручными гранатами, атаковали американское посольство

в Либревиле, столице Габона»²¹. В 1968 г., после того как в Габоне распространились слухи о планах нового переворота, оттуда были высланы все представители американского «Корпуса мира».

Не менее острая борьба между Вашингтоном и Парижем развернулась в 1968 г. в других странах Центральной Африки. Объектом стали обнаруженные в Центральноафриканской Республике значительные месторождения урана. «Вся картина сложной политической борьбы в Центральной Африке и возвращение ЦАР в экономический союз — ЮДЕАК убедительно демонстрируют соперничество между Францией и Соединенными Штатами в этом районе. На первый взгляд кажется, что бороться вроде бы и не из-за чего, пока не осознаешь масштабы найденных месторождений урана и возможных будущих открытий урановых залежей в этом районе»²², — отмечает «Форин рипорт».

События развивались следующим образом. Первоначально ЦАР вместе с Габоном, Конго (Браззавиль), Республикой ЧАД и Камеруном входили в Таможенный и экономический союз Центральной Африки (ЮДЕАК). Франция пользовалась в этой группировке решающим влиянием. В апреле 1968 г. ЦАР и Республика Чад вышли из ЮДЕАК и совместно с Конго (Киншаса) образовали новую экономическую группировку — Союз государств Центральной Африки (ЮЕАК). Официально это решение объяснялось недовольством ЦАР и Чада тем, что, не имея выхода к морю, они не получали своей доли таможенных доходов, которые собирали в портах Конго (Браззавиль) и Камеруна. Но в Париже, как подчеркивает «Форин рипорт», считали, что данная акция — очередной результат деятельности США, затеявших «антифранцузскую интригу»: «Американские компании пытаются проникнуть из Киншасы, где они прочно окопались, в традиционные французские сферы влияния... и установить контроль над... производством урана, который имеет важнейшее значение для французской ядерной программы»²³.

Проблема была слишком серьезна, чтобы французские монополии отступили. В Банги — столицу Центральноафриканской Республики в ноябре 1968 г. был направлен государственный секретарь по иностранным делам Ивон Бурж, а в декабре с ответным визитом Париж посетил президент ЦАР Бокасса. В итоге ЦАР вышла из новой группировки и возвратилась в лоно ЮДЕАК. Одновре-

менно было заключено соглашение, по которому совместная компания приступила к сооружению на территории ЦАР завода по выпуску урана. Первая очередь строительства должна быть введена в эксплуатацию в 1972 г. с производительностью 500 т урана в год. Аналогичное соглашение, обеспечивающее контроль французских фирм над производством урана, подписано Францией с Нигером.

Свои интересы в располагающих стратегическими минеральными ресурсами странах бывшей французской Африки Париж охраняет не только дипломатическими средствами. Французские военные гарнизоны, общей численностью в 6500 человек, находятся в настоящее время в Сенегале, БСК, Нигере, Чаде, Габоне и в Малагасийской Республике. Эти воинские подразделения оснащены современными видами вооружения и располагают воздушным транспортом, позволяющим осуществлять быструю переброску из одного пункта в другой. Этой же цели служат воздушнодесантные «силы вмешательства», насчитывающие 25 тыс. человек и базирующиеся на юге бывшей метрополии. Как отмечал швейцарский журнал, «экономические и финансовые круги Франции знают, что многие территории — Малагасийская Республика, БСК, а в отношении урана — Габон, Нигер, ЦАР — располагают разведанными или предполагаемыми ресурсами, представляющими большой интерес»²⁴.

После ухода генерала де Голля с поста президента в связанных с Африкой французских деловых кругах возникли опасения — не попытаются ли США, воспользовавшись новой ситуацией, укрепить свои позиции, «продвинуть свои пешки на шахматной доске франкоязычной Африки»²⁵. Уход де Голля не изменил, однако, характера отношений между Францией и США, и перспектива дальнейшего обострения француско-американских столкновений в Африке весьма реальна.

Борьба империалистических держав за уран, как и за другие виды стратегического сырья, порождает внутриафриканские конфликты, служит одним из источников раскола континента. Американско-французское столкновение в Центральной Африке привело к обострению отношений между ЦАР и Конго (Киншаса), а также между ЦАР и Республикой Чад. Радио Киншасы, например, выразило резкое недовольство «кампанией провокаций» со стороны ЦАР, «совпавших по времени с пребыванием в Банги Ивона Буржа». В свою очередь, ЦАР запретила

самолетам «Эр-Конго» приземляться в Банги. Начались пограничные инциденты и т. д. В масштабах мировой политики эти факты выглядят мелкими. Но в условиях Африки они играют существенную негативную роль.

Особенно это отрицательно сказывается на экономике африканских государств. Для стран Африки, располагающих залежами урана, их разработка имеет огромное значение. Эти страны могли бы получать доходы, исчисляемые в миллионах долларов, в частности Нигер и ЦАР на это и рассчитывают. Практика, однако, показывает, что основная прибыль оседает в сейфах иностранных компаний, захвативших право монопольного контроля над эксплуатацией сырьевых ресурсов. Так, в 70-х годах стоимость окиси урана в концентратах составит на мировых рынках примерно 20 долл. за 1 кг. От реализации своей продукции Нигер планирует получить ежегодно 4 млн. долл., в то время как общая выручка будет не менее 20 млн. Следовательно, 80% дохода попадает в руки монополий. Аналогичные подсчеты можно привести и применительно к другим странам. Молодые африканские государства еще только учатся использовать межимпериалистические противоречия в собственных интересах.

Несмотря на то что многие промышленно развитые страны, в частности США и Франция, располагают значительными запасами отечественных бокситов, крупнейшие алюминиевые монополии мира проявляют все большую заинтересованность в африканских источниках этого вида сырья. Это объясняется не только увеличением спроса на алюминий в капиталистических странах. Африканские бокситы отличаются высоким качеством, их залежи географически расположены выгодно, легко доступны для разработок, вложенные капиталы быстро окупаются.

Алюминиевое сырье обнаружено более чем в десяти странах, континента, но основная доля добычи падает на Гвинею — свыше 80% общеафриканской и около 10% мировой добычи. Общие запасы бокситов в этой стране, по большинству оценок, превышают 3 млрд. т, то есть, если ежегодная добыча даже значительно возрастет, выявленных запасов хватит на 300 лет.

Африканские страны, на территории которых имеются запасы алюминиевого сырья, становятся ареной столкновений капиталистических держав. Приведем лишь один пример борьбы — за гвинейские бокситы, в которой приняли участие монополии США, Франции, ФРГ и Италии.

До завоевания Гвинеей независимости геологической разведкой и разработкой расположенных в этой стране крупнейших в мире месторождений бокситов с начала 50-х годов занималась французская компания «Сосьетэ де боксит дю миди», а с 1957 г. к ней присоединился международный консорциум «Фриа» (48,5% американского капитала, 26,5 — французского, 10 — английского, 10 — швейцарского и 5% — западногерманского). В конце 1961 г. правительство Гвиней приняло решение о прекращении деятельности «Сосьетэ де боксит дю миди», однако итоги ее изысканий, тщательно скрывавшиеся от гвинейцев, стали известны ряду западноевропейских и американских фирм. В результате предложения о передаче в концессию района Боке, где были обнаружены богатейшие запасы бокситов, почти одновременно внесли алюминиевые монополии Франции, ФРГ и Соединенных Штатов.

Посредником американских компаний выступил прибывший в это время в Гвинею новый посол США Уильям Эттвуд. «Перед отъездом в Гвинею,— вспоминает он,— я встретился с несколькими администраторами из алюминиевой промышленности, которые настаивали на том, чтобы правительство дало... гарантии для разработки гвинейских бокситов». В результате ряда маневров Эттвуду удалось в 1963 г. добиться передачи концессии сравнительно малоизвестной американской компании «Харвей алюминий». Однако конкурирующие иностранные монополии не отступили, а Эттвуду, по его словам, пришлось выдержать «поток обвинений в фаворитизме, вероломстве и еще более худших вещах»²⁶. Соперничество порождалось рядом обстоятельств. Во-первых, крупнейшие алюминиевые компании мира оказались оттесненными от важного источника бокситов; во-вторых, эти компании опасались конкуренции на мировом рынке со стороны гвинейских бокситов, а, в-третьих, учитывая рыночную конъюнктуру, они были заинтересованы в том, чтобы новый источник алюминия временно находился в резерве. Заручившись поддержкой Международного банка реконструкции и развития, они блокировали деятельность «Харвей алюминий», и крупнейшее месторождение бокситов было фактически законсервировано. «Харвей алюминий» не приступила к работам, ссылаясь на неуступчивость МБРР, в то время как при подписании контракта в 1963 г. одним из ее основных аргументов было якобы

полученное согласие банка предоставить субсидии на строительство коммуникаций для перевозки бокситов от места добычи к портам. Закулисная борьба продолжалась пять лет — до осени 1968 г., пока не была реализована идея интернационализации проекта.

Гвинейское правительство было вынуждено пойти на этот шаг, поскольку МБРР требовал надежных гарантий, а Вашингтон соглашался их дать лишь при условии участия в добыче бокситов основных американских монополий. Этой ситуацией воспользовался и западногерманский капитал. Президент ФРГ Любке лично поддержал идею привлечения к проекту и западногерманских фирм. Пайщиками новой международной компании, получившей наименование «Халко майнинг», помимо «Харвей алюминимум», продавшей 80% своих акций, стали еще две контролируемые американским капиталом монополии — «Алкан алюминимум компани» и «Алкоа», захватившие по 27%, французские компании «Пешинэ» и «Южин Кюльман» — 10%, западногерманская «Ферейнигте алюминимум верке» — 10% и итальянская «Монтекатини Эдисон» — 6%. «Халко майнинг» и гвинейская сторона совместно составляют смешанную компанию «Компани де боксит де Гине» («КБГ»).

Империалисты заключили «перемирие», а потерпевшей стороной оказалась Гвинея, лишенная почти на десять лет дополнительных доходов от разработки новых месторождений бокситов. Что касается американо-французских отношений в этой стране, то, как свидетельствует Эттвуд, — «французские официальные лица и дельцы в Гвинее, считая, что мы (т. е. США.— Е. Т.) вмешиваемся в чужие дела, стремились дискредитировать нас в глазах своих гвинейских партнеров даже в мелочах»²⁷.

Этот пример демонстрирует также методы, с помощью которых империалистические державы пытаются разрешать свои противоречия за счет слаборазвитой страны. По соглашению, подписанному осенью 1968 г. в Вашингтоне, МБРР предоставил Гвинее заем для деятельности «КБГ» под весьма высокий процент — 6,5 в год. Несмотря на то что доля гвинейского правительства в доходах «КБГ» должна составлять 65%, реальные поступления начнутся не ранее чем через 25 лет, поскольку платежи по займу будут идти лишь за счет части доходов Гвинеи. По проекту начало добычи бокситов намечено на 1972 г., участники «Халко майнинг» взяли на себя обязательство

закупать всю продукцию в течение 20 лет по цене 7 долл. за тонну. Но уже в 1969 г. рыночная цена поднялась до 11 долл. В итоге, как показывают подсчеты, чистая прибыль иностранных компаний только от разницы в мировых ценах будет в четыре раза больше, чем все прибыли Гвинеи.

Вместе с тем есть и другой аспект рассмотренного выше примера — как развивающаяся страна может извлекать пользу из межимпериалистических противоречий. Гвинейскому правительству удалось, в частности, ограничить монопольное хозяйничанье иностранного капитала в бокситодобывающей промышленности, получить в свои руки важные рычаги контроля над его деятельностью, ликвидировать доминирующее положение капитала одной национальной принадлежности. Несомненно также, что реализация проекта Боке будет способствовать развитию экономики страны и росту численности рабочего класса, — соглашение с «Халко майнинг» предусматривает постепенное увеличение числа гвинейцев, занятых на работах по проекту. Кроме того, достигнутая договоренность с МБРР и «Халко майнинг» сделала более уступчивым занимавший «нейтральную» позицию консорциум «ФРИА». Правительство Гвинеи длительное время безуспешно настаивало на том, чтобы «ФРИА» увеличил добычу бокситов. В октябре 1968 г. соглашение было достигнуто. В условиях конкурентной борьбы «ФРИА» не мог не пойти на компромисс и дал обязательство расширить с 1970 г. производство глинозема с 500 тыс. до 700 тыс. т в год, а также сократить число иностранных экспертов и организовать центр профессиональной подготовки гвинейских кадров.

Не только медь, уран или бокситы служат объектом острой конкуренции империалистических держав в Африке. Борьба развертывается и вокруг источников других полезных ископаемых, начиная с железной руды и кончая алмазами. Применяя дозволенные и недозволенные средства, компании США, Англии, ФРГ, Франции, Италии и Японии стараются перехватить друг у друга концессии на разработку месторождений марганца и тантала, ниобия и циркония, колумбита и ванадия. Но основные схватки происходят в классической сфере межимпериалистической борьбы — нефтедобыче.

Клубок противоречий в области нефтедобычи. В традиционную борьбу капиталистических монополий как за

старые, так и за еще не поделенные нефтяные источники в послевоенные годы оказались втянутыми и африканские страны, на территории которых были обнаружены запасы нефти. В середине 60-х годов эта борьба получила дополнительные импульсы в связи с тем, что представление о месте африканского континента среди нефтеносных районов мира необычайно расширилось. По данным VII Международного нефтяного конгресса, состоявшегося в 1966 г. в Мексике, возможные запасы нефти в Африке оцениваются в 175 млрд. куб. м, превышая Ближний Восток (143 млрд. куб. м) и США (159 млрд. куб. м) ²⁸.

Борьба империалистических держав за нефтяные богатства Африки имеет, таким образом, старую и новую историю. Упорно и последовательно протекали столкновения из-за сахарской нефти. Противодействуя наступлению нефтяных монополий США, Англии, ФРГ и Италии, французское правительство еще в 1958 г. запретило предоставление самостоятельных концессий на добычу нефти в Сахаре иностранным компаниям и ограничило долю их участия в смешанных фирмах ²⁹. Последовали энергичные протесты и угрозы со стороны американских нефтяных магнатов, но они не имели успеха, по крайней мере пока Алжир оставался колонией. Монополии Франции на уступки не шли. Не возымело действия и серьезное предупреждение, сделанное французским компаниям американской корпорацией «Стандард ойл (Нью-Джерси)» о том, что она будет всячески препятствовать продаже излишков на мировых рынках сырой сахарской нефти. Последний ответный удар был нанесен французам осенью 1968 г. Американская «Гетти петролеум компани» заключила 19 октября 1968 г. соглашение с алжирской компанией «Сонатрак», по которому уступила ей 51% своих сахарских акций, но получила право продавать алжирскую нефть, причем по более высокой цене, чем это делали французы. Французское нефтяное объединение «ЭРАП» выступило с резким протестом, не без основания подозревая, что монополии США стремятся вытеснить нефтяные фирмы Франции из Северной Африки.

Примеров, иллюстрирующих историю и состояние соперничества монополий капиталистических стран в попытках обеспечить себе позиции в нефтедобывающей промышленности африканских государств, более чем достаточно. Их интересы сталкиваются в Алжире, Ливии,

Конго и Марокко, Анголе и Нигерии. Конкуренцию усиливает и то обстоятельство, что еще до открытия нефтяных месторождений в каждой из этих стран преобладающие позиции занимал определенный иностранный капитал. Поэтому первоначальный контроль над разведкой и добычей нефти в Алжире захватила Франция, в Ливии — США, в Нигерии — Англия и т. д. Однако раздел сфер влияния оказался весьма условным, а после достижения африканскими странами независимости и вовсе перестал приниматься во внимание, тем более что африканские государства взяли курс на самостоятельную политику в отношении своей нефти.

Особого внимания заслуживает борьба нефтяных монополий в Нигерии.

Не разбирая детально сложный комплекс причин нигерийского кризиса, остановимся на одном весьма важном его аспекте — роли межимпериалистических противоречий в этой стране.

«В центре спора, конечно, находится нефть»³⁰, — так оценивает корни гражданской войны в Нигерии английская газета «Файнэншл таймс». С этим выводом трудно не согласиться.

В 1965 г. разведка нефти в дельте реки Нигер дала многообещающие результаты. Обнаруженные в Восточной области запасы выдвинули Нигерию на одно из первых мест в списке стран-нефтевладельцев. Достоверные запасы нефти в Нигерии до 1965 г. оценивались в 130 млн. т, а к 1969 г. — уже в 547 млн. т. Добыча в 1970 г. увеличилась по сравнению с 1964 г. почти в девять раз — с 6 млн. до 53 млн. т.

Межимпериалистическая борьба за влияние в Нигерии обострилась еще в 1964 г., когда обсуждался вопрос об ее вступлении в «общий рынок», с которым на тот период из африканских стран ассоциировались лишь бывшие французские колонии. Нигерийская национальная буржуазия усмотрела в ассоциации с «общим рынком» большие выгоды, чем от традиционных связей с Содружеством. Эти настроения усиленно подогревались некоторыми кругами в западных государствах континентальной Европы и в первую очередь нефтяными компаниями, внимательно следившими за ходом проводившихся в Нигерии поисков нефти. Англия же предпринимала значительные усилия к тому, чтобы не допустить реализации противоречащих ее интересам планов.

Активным противником ассоциации Нигерии с «общим рынком» выступили и США. В главе XIV будет подробно рассказано о побудительных мотивах англо-американского сопротивления некоторым интеграционным процессам на африканском континенте. Что же касается Нигерии, то помимо всех других соображений в основе протестов Англии и США лежали, как стало впоследствии ясно, главным образом интересы нефтяных монополий.

А тем временем закулисная борьба вокруг нигерийской нефти приобретала все больший накал. Нефтяные компании Европы и Америки упорно пробивали себе дорогу в зоны пока еще сохранившегося господства английских монополий. В частности, в мае 1966 г. французская нефтяная компания «САФРА» получила разрешение проводить дополнительные изыскания, бурение и добычу нефти. Новые концессии были предоставлены и американским нефтяным магнатам.

Активность конкурентов серьезно обеспокоила Англию, возлагавшую на нигерийскую нефть большие надежды и намеревавшуюся к 1974 г. обеспечить свои потребности в сырой нефти на 25% за счет Нигерии.

Обнаружение крупных запасов нефти в Нигерии можно сравнить с открытием месторождений алмазов в Южной Африке, меди — в Замбии, урана — в Конго, не только вызвавших экономический бум в ряде капиталистических стран, но и послуживших началом очередных этапов межимпериалистической борьбы в Африке. Главными нефтеносными районами страны оказались южные (именно те, на которые претендовала «БИАФРА»). «Дельта реки Нигер, — отмечала английская газета «Дейли телеграф», — с территорией около 400 тыс. кв. миль потенциально представляет собой второй Кувейт»³¹. При сохранении темпов добычи нефти, достигнутых в 1966 г., Нигерия могла бы перегнать многие традиционные нефтедобывающие страны и занять место в десятке ведущих. Прогнозы предусматривали, что в 1970 г. добыча составит не менее 50 млн. т, а к 1980 г. — 100 млн. т. «Вряд ли нужно подчеркивать потенциальное значение для Англии и других западных стран в связи с кризисом на Ближнем Востоке этой сырой нефти с атлантического побережья»³², — писала «Файнэншл таймс».

Суммарные иностранные капиталовложения в нигерийскую нефтедобывающую промышленность в 1966 г.

составили более 500 млн. долл. Нефтедобыча стала самой крупной сферой приложения иностранного частного капитала. В ней было занято к середине 1966 г. более 10 тыс. иностранных специалистов. Рост добычи нигерийской нефти, ее высокое качество, выгодные условия разработки и транспортировки резко увеличили прибыли иностранных компаний. В 1966 г. они заработали не менее 100 млн. ф. ст. (280 млн. долл.), то есть прибыль составила более 50% на вложенный капитал.

Погоня за нигерийским «черным золотом» привела к острым противоречиям между английскими, американскими, французскими и итальянскими нефтяными монополиями. Львиную долю удалось захватить английской и англо-голландской компаниям «Бритиш петролеум» и «Шелл», которые вложили в нигерийскую нефть около 200 млн. долл. и контролировали 80% всей добычи. Американская «Галф ойл корпорейшн» получила 10%, а французская группа «САФРА» («ЭРАП») — около 5%. Кроме того, в 1966 г. изменилась система налогообложения нефтяных компаний. Плата стала взиматься не за добытую нефть, а с разведанных запасов. Естественно, что от этой реформы выиграл тот, кто уже добывал в значительных количествах нефть, то есть английская группа «Шелл-БП», а проиграли только еще приступившие к промышленной добыче французы, американцы, итальянцы и др. Соперничество нефтяных монополий в этих условиях усиливалось с каждым месяцем и явилось одной из главных причин углубления внутривнутриполитического кризиса в Нигерии и последующих событий.

В сложном клубке межимпериалистических противоречий в Нигерии в период, предшествовавший гражданской войне, наиболее отчетливо выделялись англо-французские разногласия. Несмотря на все усилия монополий Франции, их позиции в стране из-за постоянного сопротивления английских компаний оставались относительно слабыми. Общие французские капиталовложения в Нигерии составляли на 1967 г. лишь 5,5% всех иностранных инвестиций. Но половина французского капитала была вложена в нефтяную промышленность Восточной области, где до войны добывалось 65% всей нигерийской нефти. Французская нефтяная компания «ЭРАП» в 1966 г. добыла здесь 610 тыс. т нефти и намеревалась со временем довести добычу до 2 млн. т, что составило бы примерно 10% всей закупаемой Францией нефти. Однако на пути

реализации этих планов стояли конкуренты, и в первую очередь «Шелл-БП». Кроме того, еще 7 крупных иностранных нефтяных монополий рвались к нигерийской нефти, из них 6 американских и 1 итальянская. В итоге французская группа оказалась в наихудшем положении. Нигерийские власти шли на уступки Англии и США, а для Франции получение новых концессий на выгодных условиях было крайне затруднено.

С начала 1967 г. французские фирмы стали осторожно, но последовательно сворачивать свои операции в Нигерии. Западные наблюдатели впоследствии объясняли эту тактику тем, что руководители французских фирм знали о готовящихся событиях и стремились их ускорить. Тенденции сепаратистов полностью устраивали Францию и помогали ей в конкурентной борьбе с Англией и США, поскольку французские нефтяные концессии и промыслы располагались в основном к северу от Порт-Харкорта и к западу от Аба и Оверри, то есть в районе, который хотели отделить от Нигерии сепаратисты.

Англо-американские противоречия в Нигерии проявлялись не столь рельефно, как англо-французские, однако также сыграли роль в разрастании кризиса. США проявляли открытое недовольство своей скромной долей (10%) в добыче нефти. Американские нефтяные компании всячески добивались новых концессий на разведку и добычу нефти, в частности у побережья недалеко от Порт-Харкорта. Поскольку они имели больший опыт морской нефтедобычи, чем «Шелл-БП», англичане шли на уступки, сопровождая их многочисленными оговорками.

Крупнейшие представители нефтяного бизнеса США — «Мобил ойл», «Техас ойл», «Стандард ойл оф Калифорния», «Филипс петролеум компани» — инвестировали в Нигерии свыше 150 млн. долл., приобретая таким образом достаточно прочные стартовые позиции для конкурентной борьбы. Но, выступая вначале против «Шелл-БП», они затем предпочли договориться с англо-голландской группой о совместной политике против французской «Компани Франсез де петроль» («Альжери»), в лице которой на данном этапе усмотрели основного противника.

Антифранцузский альянс американских и английских нефтяных компаний объясняется тем, что в борьбе империализма за нефть ведущее место занимают противоречия англо-французские и американо-французские. В то же время наличие «особых отношений» Англии и США

вынуждало их в Нигерии, как и в других районах, избегать открытых столкновений. Определенную роль сыграло и то, что американский капитал делает пока на нигерийскую нефть меньшую ставку, чем английский или французский. В Нигерии монополии США предпочитают в первую очередь прибираться к рукам источники другого сырья, в частности олова и колумбита.

Во вспыхнувшем в Нигерии конфликте все нефтяные монополии вне зависимости от временных союзов усмотрели реальную возможность передела сфер влияния. Именно поэтому западные державы фактически способствовали разрастанию кризиса, а их отношения с враждующими сторонами в известной мере определялись географическим положением контролируемых той или иной монополией нефтеносных площадей или возможностями получить новые нефтяные территории. Как известно, Англия официально поддерживала федеральное правительство. Тем не менее в июле 1967 г., когда наступил срок уплаты нефтяными компаниями нигерийскому правительству его доли прибылей, «Шелл-БП» выплатила 250 млн. ф. ст. лидерам отделившейся в мае Биафры. Характерно, что это было сделано вопреки твердому заявлению федерального правительства о своих правах на концессионные отчисления. Военные действия еще не начинались, но провокационный шаг «Шелл-БП» обострил обстановку. Вскоре сепаратисты развязали гражданскую войну.

Характерно также, что после отделения Восточной области ее власти, согласно появившимся сообщениям печати, предложили в аренду американской компании «Геотермал рисерч интернэшнл» 6 млн. акров нефтеносной территории³³, а в госдепартаменте США была создана специальная «ударная» группа по проблемам Биафры во главе с заместителем государственного секретаря Робертом Муром. В этой же связи можно напомнить, что еще в марте 1967 г. в Нью-Йорке был открыт информационный центр под названием «Отдел связи правительства Восточной Нигерии», развернувший затем активную пропаганду в пользу Биафры. Его деятельность всячески поощрялась различными учреждениями США.

В то время как Англия осуществляла поставки военной техники федеральному правительству, самолеты США с американскими экипажами на борту обслуживали «воздушный мост» Португалия — Биафра, по которо-

му перебрасывалось оружие сепаратистам. Американские благотворительные организации помогали Биафре продовольствием, медикаментами, а также крупными денежными суммами. Весьма заметно было участие и Франции в снабжении Биафры оружием.

Заслуживает внимания и тот факт, что по мере развертывания военных действий буржуазная печать все реже стала рассматривать события в Нигерии как результат внутренних распрей. Появились другие оценки. Английская газета «Сан», например, прямо писала, что в Нигерии происходит «гигантская битва послеколониальных времен между Англией и Францией за политические и экономические дивиденды в Западной Африке»³⁴. «Таймс» подчеркивала, что «успех Биафры оценивается в деголлевских кругах как успех Квебека. Основной враг — это Британская империя, фунт стерлингов и доллар»³⁵. Лейбористский еженедельник «Трибюн» утверждал, что лидер Биафры Оджукву «обещал продать захваченные им нефтяные промыслы французским и итальянским компаниям»³⁶, а «Дейли миррор» характеризовала позицию Франции в отношении Биафры как «часть политики, направленной на проникновение в бывшие английские владения в Африке»³⁷.

Французская пресса, в свою очередь, в известной мере солидаризировалась с этими заявлениями. Правая газета «Орор» признавала, например, что «обвинения Лондона не лишены оснований»³⁸. «Монд», задавая вопрос, «диктуется ли позиция Франции нефтяными интересами и желанием подорвать влияние Англии в Африке», давала на него положительный ответ³⁹.

Подобные заявления информированных газет, в отличие от высказываний официальных представителей, достаточно убедительно раскрывали подлинную подоплеку отношения западных держав к нигерийским событиям.

Заслуживают внимания и другие факты, иллюстрирующие стремление империалистических держав «помочь» улаживанию конфликта. Одновременно с визитом в Лагос в конце марта 1969 г. английского премьер-министра Г. Вильсона Биафру посетил специальный представитель президента США Р. Никсона профессор Фергюсон, после чего глава сепаратистов Оджукву на предложение Вильсона о встрече ответил категорическим отказом. Тактика Соединенных Штатов в отношении Нигерии вызвала в Лондоне сильное раздражение.

По свидетельству парижской газеты «Трибюн де Насьон», в британских кругах «проявляют безусловное недовольство» позицией американских коллег в связи с нигерийскими событиями⁴⁰. Издающаяся в Сан-Франциско газета «Пиплз уорлд» отмечала, что «американские нефтяные компании и банки поддерживают откол Биафры от Федерации Нигерии с целью ослабить и раздробить Нигерию и вырвать богатую нефтью Восточную провинцию из-под британского господства... Если Биафра добьется отделения от Нигерии, англичанам придется убраться, а «союзники» Биафры будут контролировать один из крупнейших мировых источников нефти»⁴¹.

Гражданскую войну в Нигерии нельзя, естественно, объяснять лишь происками международных нефтяных монополий. Следуя стратегии и тактике неокOLONИализма, они использовали сложившуюся в стране ситуацию, подогревали страсти и в итоге затянули кризис на два с половиной года. Лишь убедившись в бесперспективности попытки неокOLONИального раздела Нигерии, финансово-монополистические круги Запада были вынуждены отступить, тем более что начались разногласия и в руководящих сферах основных держав. В то время как, например, американские сенаторы Эдвард Кеннеди и Роберт Бэрд призывали президента Р. Никсона обратить внимание на необходимость оказания помощи Биафре, а сенатор Ричард Рассел заявлял, что напрасно «Соединенные Штаты допускают, чтобы Англия диктовала свою политику в отношении отделившейся Биафры»⁴², правительство США занимало выжидательную позицию. Президент Франции Ж. Помпиду, поддерживаемый премьер-министром Шабан-Дельмасом, отдал распоряжение о постепенном сокращении французских контактов с Биафрой, а министр обороны М. Дебре настаивал на сохранении политики генерала де Голля, направленной на усиление французского влияния «к югу от Сахары». В Англии взяли верх силы, выступающие с позиций глобальных интересов бывшей метрополии, общеафриканской политике которой затянувшийся нигерийский кризис создавал существенные помехи.

Но и после того, как в январе 1970 г. мятежники были разгромлены, а сепаратистская Биафра прекратила свое существование, взаимные обвинения причастных к кризису империалистических держав продолжались. Лицемерно выражая свое сочувствие Нигерии и предлагая

разные виды «помощи», они без обиняков возлагали друг на друга ответственность за события в стране.

В статье, многозначительно озаглавленной «Нечистая совесть», французская газета «Монд» писала, что «Великобритания вела себя лицемерно во всем этом деле, поставляя оружие Лагосу и в то же время выражая сожаление о судьбе жертв, которых это оружие убивало в другом лагере»⁴³. «Нью-Йорк таймс» проводила аналогию между французской политикой в Нигерии и Конго: «В обоих случаях Франция пыталась оторвать от англосаксонской зоны влияния огромные и процветающие куски — Катангу с ее медью и ураном от проамериканского Конго, а Биафру с ее нефтью — от проанглийской Нигерии». И далее: «Победа Нигерии кладет конец надеждам Франции попасть в этот быстро развивающийся нефтяной пул. А это обращает взоры Парижа в сторону ливийской нефти»⁴⁴. В свою очередь, английская «Санди экспресс» прямо констатировала, что «ответственность за положение в Нигерии несут правительства тех стран, которые, стремясь получить нефть Биафры, снабжали ее оружием»⁴⁵.

Между монополиями не может быть прочного мира, а наступают лишь временные вынужденные перемирия. В случае же с Нигерией, как показывают факты, межимпериалистические противоречия так разрешены и не были. И в этом заслуга федерального правительства, проявившего незаурядную маневренность как внутри страны, так и на международной арене.

В период гражданской войны интересы нефтяных монополий в целом не ущемлялись. Правительство заявляло, что по освобождении районов нефтедобычи от мятежников будет обеспечено все необходимое для их восстановления и нормального функционирования. Такие гарантии были даны не только «Шелл-БП», но и другим иностранным компаниям. Угрозы ликвидировать концессии высказывались лишь в адрес компаний тех стран, чьи правительства открыто проводили политику поддержки Биафры и склонялись к ее дипломатическому признанию. Это относилось прежде всего к Франции, которая с самого начала войны наложила официальное эмбарго на поставки французского оружия обеим сторонам, а через Габон и БСК снабжала деньгами и оружием Биафру. Было сделано предупреждение и Италии, парламентские и католические круги которой выступали за признание

Биафры и помогали ей материально через международные благотворительные организации. Посол Нигерии в Риме Джон Гарба в интервью газете «Стампа» был вынужден заявить 31 мая 1969 г., что если Италия признает Биафру, то Нигерия предпримет энергичные действия: разорвет дипломатические отношения, вышлет 10 тыс. итальянцев, работающих в Нигерии, национализирует итальянские нефтяные компании.

Твердая позиция федерального правительства, а главное — его успехи в ведении военных операций, возымели свое действие. «Друзья Биафры» отступили, и, как только районы нефтепромыслов были освобождены, все компании возобновили нефтедобычу.

Таким образом, вопреки планам монополий, какого-либо существенного перераспределения их квот в ходе борьбы за нигерийскую нефть не произошло. Другой вопрос — политическое влияние.

Англия экономически ничего не выиграла, но удержала то, что имела. Вместе с тем Лондон пытался использовать гражданскую войну и для сохранения своих политических позиций в Нигерии: осуществлялись поставки оружия федеральному правительству, предоставлялись займы и кредиты, организовывались многочисленные визиты в Нигерию английских министров, парламентариев, профсоюзных и религиозных деятелей, бизнесменов, включая приезд самого премьер-министра Г. Вильсона. Тем не менее в политическом отношении Англия проиграла многое. Пагубной для престижа Лондона и разоблачительной оказалась его выжидательная тактика в первые месяцы войны, метко названная прессой «сидением на заборе».

Экономически позиции Франции в Нигерии, естественно, не укрепились, однако не оказались и подорванными. Предпринимательская деятельность французских фирм не пострадала. Во время войны даже не проводился бойкот французских товаров. Некоторое сокращение объема французского экспорта и импорта было связано с временным прекращением деятельности нефтяной фирмы «САФРА» в июне 1967 г. (из-за боевых действий в районе ее концессий) и ограничениями, введенными федеральным правительством на импорт иностранных товаров в целом. В последние месяцы войны французские нефтяные компании активизировали свою деятельность. «САФРА» по-прежнему намеревается увеличить добычу нефти в Нигерии с 2 млн. до 5 млн. т в год. Но в поли-

тическом плане ущерб, понесенный Францией в Нигерии, весьма значителен. Французская ориентация на Биафру будет сказываться длительное время.

США, как отмечал американский журнал «Тайм», «не выиграли и не проиграли»⁴⁶. Этот вывод верен лишь частично, если иметь в виду экономические интересы американского империализма. Политически же США также понесли урон из-за двойственности своей политики в отношении федеральной Нигерии, моральной и материальной поддержки Биафры на отдельных этапах войны.

Схватка империалистических держав в экономическом отношении на этот раз окончилась «вничью», но все они понесли политические потери. В результате общие позиции империализма в Нигерии ослабли.

Межимпериалистическая борьба за сырьевые ресурсы Африки приобретает все более отчетливый государственно-монополистический характер. Ее развитию способствует не только то обстоятельство, что на африканском континенте сосредоточены значительные уже разведанные, а также предполагаемые запасы минеральных богатств. После достижения колониями политической независимости иностранный капитал как бывших метрополий, так и их конкурентов все еще в значительной мере удерживает ключевые позиции в экономике молодых государств, тем более что ограничения его деятельности вводятся медленно, не достаточно-последовательно и лишь в некоторых странах (Гвинея, Мали, Алжир, АРЕ, Замбия).

Исходя из роли некоторых видов минерального сырья в производстве развитых капиталистических стран, а также принимая во внимание, что их собственные недра бедны этими полезными ископаемыми, а Африка по запасам и объему их добычи занимает первое или одно из первых мест в мире, можно предположить, что в ближайшие 10—20 лет основная борьба развернется вокруг источников урана, марганца, хромитов, меди, ванадия, сурьмы, литиевых минералов, колумбита, бериллия, монацитовых концентратов и, конечно, нефти. Следовательно, те африканские страны, на территории которых сосредоточены соответствующие месторождения, и явятся основными объектами межимпериалистического соперничества. Может возрасти роль в этом отношении и некоторых других стран в связи с открытием и освоением новых месторождений и детальным обследованием старых.

Борьба монополий за стратегическое сырье наносит существенный ущерб молодым африканским государствам. Примеры Конго (Киншаса), Нигерии, Габона показывают, что соперничество империалистов способствует разрастанию внутренних и внешних конфликтов. Кроме того, стимулируется рост компрадорской буржуазии. Законы конкуренции приводят и к тому, что многие месторождения разрабатываются хищническим образом, в первую очередь наиболее богатые и легкодоступные.

Компромиссы, к которым приходят империалистические державы в схватках за африканское сырье, не меняют того положения, что многие страны континента остаются владельцами своих ресурсов лишь номинально. Распоряжается ими по-прежнему иностранный капитал, в лучшем случае перегруппированный. Этим наносится дополнительный ущерб экономике молодой страны.

Но, вместе с тем, противоречия между капиталистическими державами ослабляют фронт империализма, вынуждают монополии идти на уступки освободившимся странам, что может быть использовано прогрессивными силами для преобразования и подъема национальной экономики. Политика правительств Алжира, Замбии, Гвинеи, принимающих определенные меры к тому, чтобы сырьевые ресурсы служили собственным интересам страны, и использующих при этом фактор межимпериалистической борьбы, показывает, какие возможности могут открываться в этом отношении перед развивающейся страной.

* *
*

Анализ экономических аспектов межимпериалистической борьбы в развивающихся странах Африки приводит к нескольким предварительным выводам.

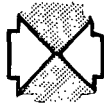
Наряду с тенденцией к монополистической интеграции усилий по эксплуатации освободившихся стран, сохранению контроля над их экономической жизнью, в лагере империализма все более отчетливо проявляются и процессы его дезинтеграции в сфере этих проблем. Сдвиги в мировом капиталистическом хозяйстве оживляют традиционные межимпериалистические противоречия, которые уже неоднократно приводили к войнам за передел территорий, рынков сбыта, сфер приложения капитала. Но кардинальные изменения в мире ставят теперь прегра-

ды такому разрешению противоречий. Поэтому борьба за передел африканского континента, контуры которой вырисовываются достаточно четко, ведется главным образом экономическими средствами. Обозначились уже и главные сферы интересов империалистических держав в Африке. Для Англии — это бывшая британская Африка, для Франции — страны зоны франка, для США, Японии и ФРГ — это в первую очередь страны, богатые минеральным сырьем и внутренний рынок которых перспективен для сбыта товарной продукции.

Причины усиленной экономической экспансии США на африканском континенте заключаются не только в защите интересов собственных монополий. Американский империализм руководствуется и соображениями глобальной борьбы против национально-освободительного движения и социализма, претендуя при этом на привилегированные условия в силу своего «вклада» в эту борьбу. Такие претензии порождают дополнительные разногласия в стане империалистов.

Империалистические державы, исходя из интересов мирового капитализма, проявляют сейчас определенную заинтересованность в ускоренном развитии освободившихся стран. Поэтому их экономическая стратегия предполагает определенные уступки этим странам, совместимые, естественно, с главными целями империализма. В сочетании с усилившейся конкуренцией между империалистическими державами за новые экономические позиции в Африке данное обстоятельство предоставляет африканским странам впервые за их историю реальные возможности использовать в своих интересах некоторые процессы и тенденции капиталистического мирового хозяйства.

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ МЕЖИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
В ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАНАХ АФРИКИ**

**ГЛАВА X. БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ
В СТРАНАХ СВОБОДНОЙ АФРИКИ**

Ограничение империалистического господства в Африке не свелось лишь к территориальным и экономическим факторам. Одновременно идет процесс сокращения практических возможностей империалистической политики в отношениях с освободившимися странами. В этих условиях, несмотря на то что внешнеполитические усилия империалистических держав сосредоточены на борьбе с главным противником — мировым социализмом, ожесточается и их соперничество в сужающейся сфере политического влияния на континенте.

До распада колониальной системы судьбы стран африканского континента определялись политикой метрополий. В настоящее время народы Африки все в большей степени становятся хозяевами своей судьбы. Правительства многих молодых государств стремятся ограничить деятельность иностранного капитала, ввести ее в определенные рамки. Заметное влияние оказывают освободившиеся страны и на международные отношения как самостоятельно, так и будучи важной составной частью нейтралистского афро-азиатского блока.

Однако принимаемые африканскими странами меры в сфере экономики и в политической области к достижению подлинного суверенитета, за исключением отдельных случаев, все еще оказываются недостаточно эффективными. Невозможно дать однозначное объяснение этому факту. Но среди множества причин, включающих и наследие колониального прошлого, и воздействие политики неокOLONиализма, следует выделить одну, основную. О ней

говорилось на международном Совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в 1969 г. Многие из молодых государств еще не выбрали путь развития, а в ряде стран власть захватили реакционные элементы, тесно связанные с империализмом. Именно это обстоятельство и предоставляет правительствам и монополиям капиталистических держав известную «свободу рук» и стимулирует их борьбу за политические позиции на африканском континенте.

Политический аспект межимпериалистической борьбы в Африке наиболее противоречив. Все западные державы заинтересованы в том, чтобы сохранить молодые государства в орбите империалистической политики. Вместе с тем каждая из держав стремится занять господствующее положение в общественно-политической жизни освободившейся страны.

Экономические процессы в значительной мере определяют формирование и осуществление империалистической внешней политики. Но в борьбе за политическое влияние в Африке играют роль не только экономические интересы. Англия вовлекла свои бывшие африканские колонии в систему Содружества и расценивает эту политическую структуру как важный фактор сохранения Великобританией «имперских» позиций. Франция, по словам министра обороны Мишеля Дебре, «превратила сотрудничество с молодыми независимыми государствами... в одну из главных сторон своей внешней политики»¹. Позицию США сформулировал помощник государственного секретаря по делам Африки Джозеф Пальмер: «Нам нужны африканские голоса в ООН. Мы располагаем военными установками и базами на континенте. Мы стараемся оказывать влияние на народы Африки, завоевывать их умы и сердца»².

С самого начала процесса ликвидации колониальных режимов США пытались, используя свои преимущества перед европейскими колониальными державами, добиться ведущей политической роли в Африке. К концу 50-х годов их позиции в политической жизни Западной Европы и Азии представлялись Вашингтону достаточно прочными, и лишь на африканском континенте, еще остававшемся под господством старых колонизаторов, возможности самостоятельных действий Америки были ограниченными. Крах колониализма снял формальные ограничения американской политической экспансии и породил

в правящих кругах США претензии на руководящую роль в будущей Африке.

Межимпериалистическая борьба за политическое влияние в свободной Африке имеет много аспектов. Рассмотрим лишь те, которые дают представление о наиболее важных сторонах этой борьбы, ее формах, методах и перспективах.

Африканские страны Содружества — объект политического соперничества империалистических держав. Еще в 1960 г. были три четко обозначенные зоны британского влияния в так называемом «третьем мире»: Юго-Восточная Азия, Ближний Восток и значительная часть Африки к югу от Сахары. К настоящему времени осталась лишь последняя зона. Англии удалось в значительном объеме сохранить экономические, политические, культурные и, в известной мере, военные связи в обширном районе, простирающемся от Кейптауна до Лусаки и от Найроби до Аккры. Кроме того, Англия сумела включить практически все свои бывшие колонии в Африке (за исключением ЮАР и Родезии) в Содружество, сохранить их в системе имперских преференций и стерлинговой зоны. Из 32 членов Содружества (включая Великобританию) 13 являются африканскими странами — Нигерия, Гана, Сьерра Леоне, Гамбия, Замбия, Малави, Кения, Уганда, Танзания, Ботсвана, Лесото, Свазиленд, Маврикий.

Отношения с Англией каждой из этих стран имеют существенные различия, однако все они принимают участие в многочисленных организациях сотрудничества в рамках Содружества; бывшая метрополия оказывает им основную финансовую и техническую «помощь», организует подготовку национальных кадров и т. д.

Вопрос о значении для Англии Содружества в целом и его африканской части подробно исследовался в ряде работ советских и зарубежных ученых. Там же были подвергнуты анализу противоречия этой политической структуры, тенденции развития и перспективы³. Поэтому рассмотрим лишь одну проблему — политическое соперничество империалистических держав, в первую очередь США и Англии, в некоторых основных странах бывшей британской Африки.

«Что касается Соединенных Штатов, то для них вторжение в англоязычные страны — задача значительно более легкая, чем доступ в районы, ранее зависевшие от

Франции»⁴, — указывает Р. Эмерсон. И действительно, общность языка, наличие «особых отношений», ставящих Лондон в зависимое от Вашингтона положение, глубокое проникновение американского капитала в экономику самой Англии существенно облегчают политическую экспансию США в африканские зоны влияния бывшей Британской империи. Эта экспансия встречает, однако, все усиливающееся сопротивление. Едва завуалированное англо-американское противоборство наблюдается повсеместно как по общим проблемам, так и в каждой отдельной стране. Еще в 1959 г. США отклонили продиктованное тактическими соображениями предложение Англии о согласовании англо-американской политики в Африке южнее Сахары. В свою очередь, Англия отвергла американский проект координации «помощи» африканским странам, усмотрев в нем попытку США установить контроль над английскими программами и обеспечить себе более выгодные рынки сбыта своей промышленной продукции.

В течение первых лет после достижения африканскими колониями Англии независимости Соединенные Штаты, несмотря на провозглашенную концепцию «заполнения вакуума», придерживались в отношении англоязычных стран Африки сдержанной политики. Осуществляя экономическое проникновение, они, тем не менее, в сфере политического влияния признавали приоритет своего европейского союзника.

У. Эттвуд вспоминает, как готовясь занять пост американского посла в Кении, он с удивлением узнал от сотрудников госдепартамента, работающих в Управлении по делам Африки, что политика США на континенте «заклучалась в том, чтобы приспособливаться к желаниям наших зачастую близоруких партнеров по НАТО»⁵. Но одновременно Эттвуду стало известно и другое. Его познакомили с докладом специальной рабочей группы по изучению политики США в Африке, созданной по указанию президента Дж. Кеннеди. «В докладе, — пишет Эттвуд, — отвергалась господствовавшая в то время в столицах западных стран идея Еврафрики, согласно которой континент по-прежнему рассматривался как полуколония Европы, в дела которого Америка не должна вмешиваться... Доклад подчеркивал, что наше вмешательство необходимо, но его следует осуществлять тихо и практично...»⁶.

Этот тезис и лег в основу всех последующих действий США, направленных на перехват каналов политического влияния в странах англоязычной Африки у своего «близорукого» партнера по НАТО.

Формулируя и осуществляя эту политику, Вашингтон исходил из нескольких предпосылок и обстоятельств. Во-первых, США подспудно всегда разделяли фальшивую идею колонизаторов о том, что африканские народы якобы не способны управлять своими делами самостоятельно, без помощи иностранных опекунов и наставников. Во-вторых, в связи с общим ослаблением Англии в правящих кругах Америки стала доминировать точка зрения, что роль такого «опекуна» Лондону уже не по плечу. В-третьих, взяв на себя миссию «ограждения» молодых государств от «проникновения коммунизма», США сочли, что лишь их политическое влияние в комбинации с экономическими и военными средствами способно решить эту задачу. Не уклоняясь от совместных мероприятий со своими союзниками, Вашингтон, однако, полностью им не доверяет, а главное — не уверен в их силах и возможностях активно выступать на антикоммунистическом поприще в «третьем мире». Между Францией и США, особенно с приходом де Голля в президентский дворец, обострились военно-политические разногласия. Англия, хотя и числится в силу «особых отношений» главным партнером США, все менее и менее рассматривается там как «надежная преграда» дальнейшему развитию на африканском континенте национально-освободительной революции. «Сейчас в Вашингтоне меньше, чем когда-либо прежде, склонны расценивать Англию как какой-то фактор силы...», — отмечала 20 января 1969 г. лондонская газета «Таймс».

Немалое значение приобрело и то обстоятельство, что во второй половине 60-х годов политические связи Англии с африканскими членами Содружества существенно ослабли — результат политики Лондона в отношении ЮАР и Южной Родезии. Если до ноября 1965 г. Содружество с политико-дипломатической точки зрения играло для африканских государств определенную роль (эта структура в известном смысле облегчала им выход на международную арену), то в последующий период многие обязательства, вытекающие из пребывания в Содружестве, стали для молодых стран обузой. Лишь экономическая зависимость от бывшей метрополии удерживала их от реализа-

ции неоднократно высказывавшихся угроз — «выйти из Содружества», «разорвать отношения» с Англией (что сделала Гана в 1965 г., оставшись, однако, в Содружестве) и т. д. В итоге, как отмечает А. Мазруи, «Содружество превратилось в англо-африканскую ассоциацию. Создались два самостоятельных центра влияния — Англия и Африка»⁷. Естественно, что мимо внимания США этот процесс не прошел.

И, наконец, в последние годы англо-американские отношения все более утрачивают их «особый» характер. Таким образом, устраняется главное препятствие политическому соперничеству обеих держав.

Напомним, что, устанавливая «особые отношения» с США, начало чему было положено печальной памяти речью Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г., правящие круги Англии преследовали вполне определенные цели. Они рассчитывали преодолеть с американской помощью послевоенные экономические трудности, затормозить национально-освободительное движение колониальных народов, восстановить позиции Великобритании на международной арене. Но главное — в «особых отношениях» с США Лондон усматривал средство локализации американских претензий на «британское наследство», возможность не допустить, по выражению Черчилля, чтобы американцы получили «опеку над Британской империей минус Великобритания»⁸. Для этого надо было поощрять экспансию США в те сферы и районы, где английские интересы незначительны или отсутствовали вовсе. Планы правящих кругов Великобритании включали и мобилизацию США для «крестового похода» против коммунизма. Это отмечал незадолго до своей кончины еще Рузвельт, говоря, что «англичане явно добиваются, чтобы Соединенные Штаты рано или поздно втянулись в войну с Россией»⁹. Лишь тогда, когда военная доктрина Англии пополнилась разделом о «незащитимости» Британских островов, в ее правящих кругах начали понимать возможные последствия этой провокационной тактики.

Фактически Великобритания не достигла ни одной из тех целей, которые преследовала, вступая в «особые отношения» с США.

В итоге к концу 60-х годов эти отношения стали для партнеров тормозом в развитии их собственной политики, что особенно проявилось в связи с намерением Англии вступить в «общий рынок». Государственный министр по

иностранным делам Англии лорд Чалфонт в октябре 1967 г. даже заявил, что «особых отношений» с США вообще больше не существует.

Чалфонт, исходя из тактических соображений, несколько преувеличил действительное положение, но кризис «особых отношений» остается фактом, что признается по обе стороны океана, а американскому империализму их ослабление в значительной мере развязывает руки в борьбе с английским соперником. Лондонская газета «Таймс» отмечала 20 января 1969 г., что, по американской мерке, «Англия — это весьма полезная второстепенная держава, экономически слабая, не изъявляющая особого желания сохранить свой нынешний уровень ответственности, несущая некоторые обязательства и обладающая рядом достоинств... Но мы выглядим абсурдно, облачаясь в одежды главы Содружества». С аналогичным заявлением выступила и другая влиятельная английская газета — «Обсервер», причем, видимо по неслучайному совпадению, в тот же день: «Не видя больше никакого смысла в сохранении аксессуаров маскарада, Америка стала проявлять нетерпение, сталкиваясь с нашими международными претензиями. Ее раздражают наши экономические неудачи и смехотворные фразы, которые так любят проносить английские политические деятели, о «взаимозависимости», о «партнерстве» и (что пахальнее всего) об «особых отношениях»¹⁰.

Если сопоставить высказывания о состоянии англо-американских «особых отношений», принадлежащие разным авторам, то можно обнаружить несколько характерных моментов. В первую очередь, речь идет об этих отношениях применительно к политике обеих держав в развивающихся странах, и в частности африканского континента. Смысл американских заявлений сводится к тому, что именно в этой сфере обнаружили противоречия, вызвавшие их кризис. «Особые отношения» уже давно переживают процесс интенсивного загнивания, — констатирует видный американский публицист Стюарт Олсоп, — этот процесс начался с необдуманной суэцкой авантюры англичан в 1956 г. и раздраженной, отнюдь не великодушной реакции американцев на эту авантюру»¹¹.

Английские высказывания менее категоричны и сводятся к тому, что Англия еще «понадобится» Соединенным Штатам. Причем это точка зрения не только политических обозревателей, но и ученых. Профессор Оксфорд-

ского университета М. Белов в опубликованном в 1969 г. исследовании «Будущее британской внешней политики» пишет, что именно США стали «естественным и неизбежным преемником Британии». Профессор, однако, считает, что, «по крайней мере до последнего времени, Соединенным Штатам было выгодно поддерживать мнение, что Великобритания все еще может играть свою прежнюю роль великой державы», и, по-видимому, Вашингтон будет придерживаться этой линии, поскольку не рискнет остаться без союзника «в гигантском идеологическом споре», а также в надежде на то, что «Англия и впредь будет нести свою долю расходов по совместной обороне и тем самым снимет часть этой ноши с плеч Америки»¹². Итак, речь уже не идет о «духовном альянсе», полном «взаимопонимании» и пр. Эмоции уступили место голому практицизму, или, как отметил «Обсервер», «сентиментальный кредит Англии в отношениях с Америкой давно исчерпан»¹³.

В этих условиях политическая экспансия США в африканские страны — члены Содружества, как, впрочем, и в другие традиционные зоны британских интересов, стала приобретать все более последовательный характер.

В действиях империалистических конкурентов можно выделить четыре главных тактических приема: проведение широкого комплекса различных мероприятий в сфере информации, идеологии, культуры, образования и т. д. с целью общего укрепления политического влияния в данной стране; создание опорных пунктов в правящей партии (или группировке) с целью ее раскола, изоляции сил, ориентирующихся на конкурирующую державу, и последующего закрепления за собой решающих политических позиций; организация новой партии (или воссоздание старой) во главе со своими «сторонниками» и привод ее к власти «демократическими» методами или путем государственного переворота; использование кризисных ситуаций в стране для попыток насаждения на ключевых постах проамерикански или проанглийски настроенных лиц.

Выбор того или иного приема (а чаще их комбинация) определяется конкретными условиями в каждой стране, прочностью позиций империалистического соперника, степенью стратегических интересов в данном районе. Важная черта американской политики в целом, которую необходимо особо учитывать при анализе, заключается в том,

что делается попытка использовать политические и социальные особенности молодых государств, трудности их роста. В первую очередь, США опираются на следующие, присущие многим африканским странам явления¹⁴:

— соперничество между отдельными политическими группами и партиями, их внутренние разногласия и борьбу за власть;

— экономическую слабость, проявившуюся после достижения политической независимости; разочарование отдельных слоев населения в темпах и результатах развития;

— нарушение в отдельных странах пришедшими к власти силами религиозных, патриархальных и прочих традиций, разобщенность групп населения, отсутствие единства, как результат этого — политическую слабость;

— развитие во многих африканских странах сепаратистских настроений, активизацию противоречий на этнической основе;

— рост национализма как реакцию на политику бывших метрополий, искоренявшую национальную традиционную культуру.

Естественно, что на эти же явления в значительной мере опирается политика и других империалистических держав, особенно Англии. Данное обстоятельство приводит к еще большему обострению политической обстановки в отдельных странах и придает межимпериалистической борьбе опасный для их судеб характер. Остановимся на некоторых наиболее типичных примерах англо-американского политического соперничества в странах Восточной и Западной Африки.

Борьбу за политическое влияние в Восточной Африке можно проследить на примере Кении — страны, рассматриваемой как США, так и Англией в качестве основного опорного пункта в этом регионе.

Экспансия Великобритании в Восточную Африку наряду с экономическими преследовала и политические цели. Для британского империализма это был район важного военно-стратегического значения. Раньше здесь перекрещивались морские и воздушные трассы, связывавшие метрополию с ее азиатскими владениями, прикрывался фланг стратегии «к Востоку от Суэца», находились своеобразные «ворота» в Центральную Африку. Кроме того, в Кении обосновалось значительное количество переселенцев из Англии, захвативших лучшие земли стра-

ны. Многие из этих факторов актуальны и по сей день, но к ним добавились и другие. Кения, а также Уганда и Танзания составляют ядро африканской части Содружества наций; географически примыкают к расистско-колониальному югу Африки, где сосредоточены значительные английские интересы; наконец, Кения во многих вопросах оказывает поддержку британскому империализму.

США, в свою очередь, также издавна проявляли интерес к Восточной Африке. Характерно, что первым дипломатическим представительством здесь было американское консульство, открытое на Занзибаре еще в 1833 г. Но вплоть до второй мировой войны и в первые послевоенные годы Англия держала свой «восточно-африканский заповедник» — так окрестил этот район бывший посол США в Кении У. Этвуд — на прочном замке.

Ситуация полностью изменилась с достижением странами Восточной Африки государственного суверенитета, а начало открытому политическому соперничеству США с Англией положил визит в Кению в 1961 г. помощника государственного секретаря по африканским делам М. Уильямса и его почти незавуалированные антианглийские выступления там: «Вашингтон усмотрел благоприятную возможность нажить политический капитал в этом районе, противопоставив себя Лондону»¹⁵.

Кения быстро заняла привилегированное место в африканской программе США. На нее был распространен режим наибольшего благоприятствования при получении «помощи», займов и пр. Экспансию США поощряли как твердый курс на капиталистическое развитие, взятый правительством Кении, так и принятые законы, гарантирующие капиталовложения и свободный вывоз прибылей. Однако США были вынуждены считаться с силой английских экономических позиций в стране, поэтому давление на соперника они организовали в тех сферах, где он был наиболее уязвим, — в области политики, идеологии и социальных мероприятий.

В Найроби был создан один из наиболее крупных центров ЮСИА (Информационного агентства США), в короткий срок распространивший свою деятельность на всю страну. Через министерство информации и туризма Кении этот центр наводнил местные библиотеки американскими пропагандистскими изданиями, а через министерство просвещения — школы и другие учебные заведения. Только в 1968 г. в сеть просвещения было бесплатно

передано 42 тыс. экземпляров книг, рекламирующих американский образ жизни. В кенийской правительственной радиослужбе «Войс оф Кения» заместителями редакторов всех редакций являются американцы, а служащие-кенийцы систематически проходят стажировку в США. Аналогичное положение — в местном телевидении. 60% времени передач закуплено американскими компаниями. Их программы, естественно, пропагандируют политику США и американский образ жизни.

«Американизация» чиновников государственного аппарата осуществляется в созданном на средства США Институте по подготовке административных работников. Ежегодно там проходит переподготовку около 500 человек. Работа среди молодежи ведется через «Национальную молодежную службу» и «Национальный союз кенийских студентов», почти полностью финансируемые из американских фондов. В глубинных районах проводниками политического и идеологического влияния США служат американские миссионерские группы, численность которых составляет около тысячи человек. Они содержат 40 средних школ, 12 колледжей, 48 амбулаторий, 12 госпиталей и располагают отрядом собственной медицинской авиации.

Важный метод укрепления политического влияния США в Кении — взаимные визиты государственных, общественных, профсоюзных и прочих деятелей. За последние годы США по специальным приглашениям посетили практически все кенийские министры, много крупных военных чинов, руководителей банков и других учреждений. Мало кто из них вернулся на родину с «неблагоприятными впечатлениями» от поездки. В свою очередь, с американской стороны начиная лишь с 1968 г. в Кении побывали бывший вице-президент Г. Хемфри; члены Верховного суда США — Маршалл, Дуглас и Стюарт; один из руководителей фонда Форда Херд, негр-сенатор Брук и, наконец, сам государственный секретарь США У. Роджерс. Все эти визиты были использованы для пропаганды политики США в Африке. Кроме того, в Найроби в 1968 г. американцами были проведены крупные идеологические мероприятия: конференция Международного института печати и «Первый афро-американский диалог», в котором приняли участие африканские и американские государственные деятели, члены парламентов, ученые, журналисты и пр.

В итоге США удалось в значительной мере укрепить в Кении свое политическое влияние, потеснив при этом Англию. Пример этому — положение в правящей партии страны КАНУ. Президент Кении Д. Кениата, выступая в апреле 1968 г. на заседании исполкома КАНУ, был вынужден заявить, что правящая партия утратила единство и раскололась на две соперничающие группы: КАНУА — проамериканской ориентации и КАНУ-Б — пробританской ориентации. В этой связи показательна судьба бывшего генерального секретаря КАНУ и министра экономического развития и планирования Кении Т. Мбойя, считавшегося лидером группировки КАНУ-А, убитого 5 июля 1969 г., причем организаторы террористического акта выявлены не были.

Т. Мбойя был одним из основных политических и государственных деятелей Кении и рассматривался как реальный преемник Д. Кениаты, то есть как будущий президент страны. Он практически не скрывал свою проамериканскую ориентацию и числился в правительстве «человеком США». В группировку Мбойи входили министры Д. Отиенде, Л. Сагини, Н. Мвенда, С. Айодо и Д. Няга. Противостоящая ей пробританская группировка включала вице-президента Даниэля арап Моя, министра обороны Н. Мунгая и генерального прокурора Ч. Нджонджо, осуществлявших вместе с Д. Кениатой руководство страной. Заметим, что США прилагали немало усилий к тому, чтобы склонить на свою сторону и Мунгаи. В 1967 г. ему была даже организована специальная двухнедельная поездка в Америку.

В последние годы Мбойя стал доставлять пробританской группировке много хлопот, а в Лондоне возникли серьезные опасения по поводу перспектив дальнейшего пребывания у власти своих кенийских «сторонников». Так, в январе 1968 г. Мбойя старался всячески помешать избранию на пост председателя найробийского отделения КАНУ Ч. Рубия — бывшего мэра Найроби, человека близкого к английскому посольству. Весной этого же года он пытался сохранить старую процедуру избрания президента (через национальное собрание), что резко снижало шансы лидеров пробританской группировки. Ему удалось создать с трудом ликвидированные Д. Кениатой группы КАНУ-А в крупных отделениях партии — в Момбасе, Мачакосе и других городах. Кроме того, Мбойя публично выступил за ликвидацию зависимости

Кении «от финансовой неустойчивости великих держав, таких как Англия»¹⁶, а в своей практической деятельности в качестве министра экономического развития и планирования стал укреплять экономические связи страны со Скандинавскими государствами, Италией, Японией, расширяя таким образом круг конкурентов Англии.

Тот факт, что в последние месяцы перед своей кончиной Мбойя внешне несколько ослабил связи с США и начал выступать в качестве чистого националиста, в лагере его противников было воспринято как тактический маневр в борьбе за президентское кресло.

Убийство Мбойи вызвало широкий резонанс не только в Кении, но и за границей. Английская печать выражала недоумение по поводу того, кому «мешал кенийский кронпринц»¹⁷. Газета «Нью-Йорк таймс» в июле 1969 г. сообщала, что Мбойя допускал возможность физической расправы с ним со стороны его политических противников. Своим нью-йоркским друзьям он якобы заявил, что «опасность возрастает, поскольку президент Кениата планирует проведение всеобщих выборов». Итальянский еженедельник «Ринашита» уточнил, кто такие нью-йоркские друзья Мбойи. Это — связанные с ЦРУ США политиканы и дельцы, которые сообщили американской печати, что в письме, написанном за несколько часов до смерти, Мбойя признал возможность «стать жертвой борьбы между группировками КАНУ». На основании анализа политической ситуации в Кении еженедельник пришел к вполне определенному выводу: «Том Мбойя был в глазах проанглийской группировки опасным кандидатом в преемники Кениаты главным образом не из-за своей принадлежности к племени луо, а потому, что пользовался полной поддержкой США»¹⁸.

Предметом англо-американского соперничества служат и вооруженные силы Кении, причем Лондон стремится сохранить в них свое влияние, а Вашингтон упорно пытается потеснить англичан. Характерен следующий пример. В июле 1967 г. состоялся обмен письмами между верховным комиссаром Англии в Найроби Эдвардом Пекком и министром обороны Кении Н. Мунгаи, подтвердивший соглашение о создании в Кении учебного подразделения английских вооруженных сил для помощи в «подготовке и развитии кенийской армии». Соглашение сохраняло за Англией полный приоритет в вопросах «оказания практической помощи командованиям сухопутных,

военно-морских и военно-воздушных сил Кении в исполнении их обязанностей по подготовке и развитию этих сил»¹⁹. Таким образом, кенийская армия обеспечивалась «квалифицированным руководством» и никакой нужды в чьей-либо еще «помощи» не испытывала.

Но Вашингтон придерживался другого мнения. Вскоре после указанного обмена письмами Н. Мунгаи пригласили в Соединенные Штаты и договорились с ним о направлении для обучения в Америку кенийских военнослужащих, в том числе летчиков. Затем в марте 1968 г. в Кению прибыла группа из 42 американских офицеров во главе с начальником Национального военного колледжа в Вашингтоне генералом Гудпейстером. В беседе с Мунгаи генерал вновь поднял вопрос об усилении кенийско-американского сотрудничества в области создания национальных ВВС Кении. Как отмечала 15 марта 1968 г. кенийская газета «Дейли нейшн», программа США предусматривала также «помощь в подготовке и обучении авиационных подразделений кенийской полиции в целях максимального использования персонала и оборудования».

Рост американского влияния в Кении демонстрирует тот факт, что за последние годы в кенийско-американских отношениях не было каких-либо серьезных конфликтов. Ни в печати, ни в заявлениях кенийских лидеров не встречалось прямой критики США в отличие от частых выпадов против Англии. Лондон, однако, отнюдь не смирился с политической экспансией соперника в зону своего некогда безраздельного влияния, и реакцию англичан можно охарактеризовать как пассивное сопротивление, сопровождаемое последовательной антиамериканской пропагандой: «...Первыми проповедниками антиамериканизма в Восточной Африке были белые поселенцы, которые систематически обвиняли Соединенные Штаты в том, что они нанесли удар в спину Британской империи»²⁰, — свидетельствует А. Мазруи. Контрмеры англичан имели успех. В Восточной Африке сейчас наблюдается менее враждебное отношение к бывшей метрополии, чем раньше.

В иных формах проявляется англо-американское политическое соперничество в Гане. Как показывает развитие событий за последние годы, здесь в различных комбинациях нашли применение методы государственного переворота и компрометации неугодных претендентов на

власть, создания новых партий и ликвидации старых, использования выборов и экономического нажима. В зависимости от обстановки между соперниками заключались временные перемирия и осуществлялась координация действий, а затем конкурентная борьба разгоралась с новой силой.

До февраля 1966 г. американское влияние в Гане, по сравнению с английским, было незначительным. Не проявлялось открыто и политическое соперничество обеих держав. Лишь в сфере экономики сталкивались интересы английских и американских монополий. Кваме Нкрума в равной мере не устраивал Англию и США, что вынуждало их к координации действий. Государственный переворот 24 февраля 1966 г. явился одним из результатов этой совместной тактики.

Было бы, естественно, упрощением рассматривать смену режима в Гане лишь в свете подрывной деятельности империалистических держав. Причины переворота многообразнее и глубже. Они в известной мере отражают сложные процессы, сопутствующие государственному становлению молодых, освободившихся от колониального гнета стран. Но не меньшая ошибка — не принимать в расчет при анализе этого события тактику империализма, его подрывные действия, использование сложившейся обстановки и обострение ее методами политической, экономической и идеологической диверсий. Как признает английский социолог Дэвид Горовиц, подрывные акции империализма в развивающихся странах не являются «случайным отклонением от официальной политики»²¹.

Государственный переворот в Гане был организован английскими и американскими спецслужбами, осуществившими отстранение от власти прогрессивных сил, возглавляемых Нкрумой, чья внутренняя и внешняя политика противоречила интересам империалистических держав и создавала опасный прецедент для других развивающихся стран. Как отмечает английский африканист Д. Роджерс, «политика Нкрумы была как бы гонкой, чтобы выиграть время, и к государственному перевороту прибегли именно потому, что существовала опасность ее успеха. Переворот не был реакцией на экономические неудачи. Это был политический акт, направленный на то, чтобы остановить экономический прогресс»²².

Для лучшего понимания смысла дальнейших событий следует отметить, что Англия развернула подрывную

деятельность против прогрессивных сил колонии Золотой Берег задолго до «предоставления» ей независимости. В движении, возглавлявшемся Нкрумой, англичане еще в конце 40-х годов увидели серьезную опасность имперским интересам, которую нельзя было устранить лишь применением санкций и репрессий. Поэтому начиная с 1949 г., с момента основания Народной партии конвента (НПК) — основной политической силы национально-освободительного движения страны, английские власти всячески пытались подорвать ее позиции и влияние. Действуя через своих контрагентов и следуя теории «перехвата» социальной революции, англичане стали в массовых масштабах организовывать в противовес НПК новые партии. Вскоре их насчитывалось более десяти. Однако ни одна из них не смогла составить сколь-нибудь серьезной конкуренции НПК. Тогда была создана так называемая Объединенная партия во главе с К. А. Бусиа. Но и ее попытки занять доминирующее положение в стране также не дали результатов. Партия была распущена, а Бусиа эмигрировал из Ганы.

Вероятно, Англия располагала достаточными возможностями к тому, чтобы в организации и проведении переворота 24 февраля обойтись без помощи США. Все высшее офицерство Ганы обучалось и воспитывалось в Англии и в основном сохранило тесные связи с английскими военными учреждениями. Английские офицеры занимали руководящие посты в армии Ганы до 1961 г. — руководители переворота в прошлом были их непосредственными подчиненными. Кроме того, как отмечала 27 февраля 1966 г. лондонская газета «Трибюн», «в Гане имелся наиболее ярко выраженный, по сравнению с любой другой британской колонией в Африке, класс средней буржуазии, воспитанный в английских традициях. Ганские учреждения были теснейшим образом связаны с британской государственной системой и представляли фактически копии соответствующих английских учреждений».

Необходимость координации действий с США определялась для Англии двумя обстоятельствами — наличием соглашений о «совместных антикоммунистических мероприятиях» и уже приобретенным США влиянием в полицейских силах Ганы — второго участника путча. В сообщениях американских информационных агентств о перевороте прямо говорилось о том, что он был организован английской разведкой Сикрит Интеллидженс сервис сов-

местно с Центральным разведывательным управлением США. Корреспондент агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл в Лондоне Линч опубликовал интервью с бывшим начальником разведывательной службы Ганы Амихия, который сообщил, что штаб-квартира заговорщиков расположена в Лондоне по адресу 75 Уэст Кромвел Роуд, а сам он является учеником ЦРУ США. Одновременно агентство Ассошиэтед Пресс передало заявление английского генерала Александера о том, что один из руководителей переворота генерал Д. Анкра «очень дружелюбно настроен по отношению к Англии».

Итогом переворота в Гане стала не только полная переориентация нового режима на Запад, что получило характеристику — «сбалансированный нейтралитет». Новый политический климат создал благоприятную среду и для межимпериалистической, в первую очередь англо-американской, борьбы за влияние. «Американское присутствие в Аккре, весьма незаметное во времена, когда вершителем судеб Республики Гана был д-р Кваме Нкрума, сегодня ощущается вполне явственно...»²³, — писал на страницах «Монд» специалист по Африке Филипп Декрен.

И действительно, в короткий срок резко увеличилась численность посольства США в Гане. В Аккре появились сотни различных американских специалистов, которые заняли должности советников и консультантов Национального совета освобождения и государственных учреждений страны. С 1966 по 1969 г. втрое возросло количество представителей «Корпуса мира». Участились визиты в Гану американских официальных лиц. Вашингтон объяснял свое усиленное внимание к этой стране тем, что исходит из «интересов» ее народов. Вице-президент США Г. Хэмфри, возвратившись из африканского турне, в ходе которого в январе 1968 г. он посетил и Гану, прямо заявил, что «африканцы не хотят быть вечно зависимыми от своих прежних метрополий. Поэтому они нуждаются в помощи других дружественных стран. Африканцы жаждут нашей дружбы, нашей поддержки и помощи»²⁴. Подкрепляя этот тезис, США предоставили новому режиму Ганы за первые два года его существования около 50 млн. долл. в виде займов, технической «помощи» и товаров. Американский посол Уильямс, покидавший Аккру в марте 1968 г., с удовлетворением отметил, что «отношения между Ганой и США находятся на высшей точке развития»²⁵.

Не только одни США выступили в качестве претендента на «ганское наследство» Англии. Благоприятную возможность укрепить свои позиции в Гане усмотрело в новой обстановке и правительство ФРГ. Вслед за Хэмфри в Аккру направился тогдашний министр иностранных дел ФРГ Вилли Брандт. Затем, в конце апреля 1968 г., с десятидневным визитом в Гану прибыла группа из 24 западногерманских бизнесменов. На встрече с ней вице-председатель Национального совета освобождения Д. Харли отметил, что «правительство Западной Германии проявило замечательное понимание проблем» Ганы. Немецкие специалисты обосновались в системе телевидения страны и в Национальном инвестиционном банке. Наряду с американским «Корпусом мира» в Гане начал действовать его западногерманский аналог — «служба развития».

Англия, однако, недвусмысленно рассчитывала, что в результате свержения Нкрумы «отбившийся от рук» участник Содружества наций возвратится под патронаж бывшей метрополии, и возросшая активность конкурентов насторожила и обеспокоила ее правящие круги. Контрмеры не заставили себя ждать. В первую очередь англичане приступили к укреплению старых и установлению новых связей с военными и деловыми кругами Ганы. С руководителями Национального совета освобождения была достигнута договоренность о возобновлении стажировки в Англии ганских военнослужащих. Затем группа английских армейских офицеров побывала в Аккре, где заключила соглашение об обмене воинскими подразделениями «в учебных целях». «Английские войска должны взять на себя функции сил безопасности в Гане, — отмечал в августе 1968 г. лондонский журнал «Африка энд уорлд». — Начальник полиции Харли, фактический хозяин Национального совета освобождения, приказал органам госбезопасности тщательно следить за армией». Ниже будет показано, что соперничество между армией и полицией Ганы также явилось одним из результатов ожесточенной борьбы империалистических держав за влияние в стране.

Одновременно через находящиеся под английским контролем органы печати Лондон начал вести осторожную, но настойчивую антиамериканскую кампанию. Появились статьи о расовой дискриминации в принадлежащих фирмам США ганских отелях; газета «Дейли грэ-

фик» разоблачила факт покупки американцами фармацевтической фабрики, построенной Венгрией; ряд опубликованных материалов, причем явно английского происхождения, был посвящен негритянским волнениям в США и т. д. Но основная борьба развернулась в высших сферах государственной, политической и общественной жизни Ганы, вокруг ключевых фигур.

Национальный совет освобождения Ганы сразу же после его создания стал объектом соперничества Англии и США, а также, хотя и в значительно меньшей степени, Франции и ФРГ. Первыми результатами этого соперничества явились последовательные кризисы внутри НСО и обострение отношений между армией и полицией. Дальнейшее развитие борьба империалистов за влияние в Гане получила в связи с декларацией НСО о планах перехода к гражданским формам правления, а кульминация конфликта совпала с проведением в Гане всеобщих парламентских выборов.

Напомним, что основную роль в подготовке и осуществлении переворота 24 февраля 1966 г. с ганской стороны сыграли генералы Э. К. Котока, А. Аффифа и генеральный инспектор полиции Дж. Харли. Двое первых были известны своей проанглийской ориентацией²⁶, а Харли поддерживал постоянные контакты с представителями США. Создав НСО, руководители переворота поставили во главе его компромиссную фигуру — генерала Д. Анкра, которого в тот период поддерживали англичане, причем не без оснований. Анкра — воспитанник английской миссионерской школы, служил в Королевских африканских пограничных войсках, обучался в военных учебных заведениях Англии, где в 1947 г. ему было присвоено первое офицерское звание. По рекомендации английского правительства он в 1960—1961 гг., уже будучи полковником, находился в составе «войск ООН» в Конго. Анкра неоднократно посещал Англию и поддерживал постоянные контакты с различными государственными учреждениями. Однако по мере того, как положение Анкра укреплялось и его стали рассматривать потенциальным кандидатом на пост президента страны в условиях гражданского правления, обнаружился заметный крен симпатий генерала в сторону США. Внешне это проявлялось в его частых встречах с американскими представителями, в той свободе рук, которую он предоставил им в стране и т. д. Французская газета «Монд» подметила, что сразу же после

поездки Анкра в США Вашингтон заметно активизировал свою деятельность в Гане²⁷.

Анкра был убран с политической арены в лучших английских традициях. В 1968 г. фирма «Джеафан, Лтд.», действовавшая на манер американского Института Гэл-лапа, зная о претензиях главы военно-полицейского режима на положение «отца нации», человека, стоящего «выше племенных и партийных разногласий», предложила ему свои услуги. По достигнутой договоренности, фирма эта не только регулярно публиковала в местной печати результаты опросов общественного мнения, из которых вытекало, что вся страна «приветствует» Анкра в качестве будущего президента, но и осуществляла поборы с иностранных компаний в Гане, а затем передавала собранные средства от имени Анкра потенциальным членам коллегии выборщиков президента.

Слухи о том, что Анкра тайно ведет свою личную избирательную кампанию, да еще в условиях запрета политической деятельности в стране, появились в апреле 1969 г. и послужили основанием для расследования этого дела. В итоге Анкра признался в «содеянном» специальной комиссии, включавшей членов НСО и Верховного суда, ушел в отставку, а председателем НСО стал А. Африфа. Путь англичанам для дальнейшего маневрирования был расчищен. Остается добавить, что фирма «Джеафан, Лтд.» зарегистрирована в Англии, но существовала на американские средства, формально возглавлялась нигерийцем из Биафры, женатым на швейцарской гражданке, и ни в каких других операциях, подобных этому делу, замешана не была.

В Аккре муссировались две версии разоблачения Анкра. Согласно первой, исходящей из посольства Англии, английская разведка в конце 1968 г. получила «информацию» от ряда английских фирм в Гане о том, что от них требуют денежные взносы для подготовки избрания Анкра президентом. Разведка рекомендовала этим фирмам в течение нескольких месяцев продолжать субсидирование, а затем сообщила об этом другим членам НСО. Анкра был смещен с занимаемого поста по настоянию Д. Харли, то есть с ведома и согласия его американских друзей. Вторая версия отличается от первой небольшой, но весьма существенной деталью: Сикрит Интеллидженс уведомила о махинациях Анкра не других членов НСО, а лично А. Африфа, который, вопреки попыткам Д. Харли

уладить инцидент, назначил комиссию по расследованию. Характерен и другой факт. Ганский еженедельник «Гардиан», контролируемый из Лондона, в номере от 3 апреля 1969 г., подготовленном еще до опубликования декрета НСО об отставке президента, выступил со статьей, в которой во всех подробностях и в весьма резкой форме излагались обвинения в адрес Анкра.

Но дело Анкра было лишь этапом межимпериалистического соперничества в Гане. Как отмечал английский африканист К. Лиджем, «борьба за власть разворачивается вокруг двух руководителей — бывшего лидера оппозиционной Объединенной партии профессора К. А. Бусиа и бывшего министра финансов К. Гбедема»²⁸. Оба возвратились в страну после переворота. По данным Лиджема, К. А. Бусиа пользовался поддержкой А. Африфа, а за спиной Гбедема стоял Д. Харли, являющийся к тому же его родственником. Позиции Гбедема, правда, были существенно ослаблены, поскольку он при Нкруме занимал пост министра финансов и, согласно постановлению НСО, подлежал так называемой дисквалификации — лишению права находиться на государственной службе в течение 15 лет. Однако усилиями Д. Харли была проведена полная реабилитация Гбедема, что вызвало негодование А. Африфа, предложившего в этой связи распустить комиссию по дисквалификации.

1 мая 1969 г. в Гане был отменен запрет на политические партии и началась подготовка к парламентским выборам. Немедленно в стране появилось около 20 партий. Однако средства для создания партийных аппаратов, аренды помещений, приобретения транспорта, а главное — для ведения избирательной кампании нашлись только у лидера Партии прогресса К. А. Бусиа и лидера Национального союза либералов Гбедема. После регистрации партий К. А. Бусиа посетил Лондон, а Гбедема — Женеву. В итоге этих поездок обе партийные кассы существенно пополнились. Как отмечалось в дипломатических кругах Аккры, американские и западногерманские представители были убеждены в победе на выборах партии Гбедема, а их английские и французские коллеги не сомневались в том, что верх возьмет Бусиа.

На состоявшихся 29 августа 1969 г. парламентских выборах в Гане большинство избирателей проголосовало за Партию прогресса во главе с К. А. Бусиа, получившую в итоге 105 парламентских мест из 140. Первое после 1966 г.

гражданское правительство Ганы возглавил К. А. Бусиа. Интересна биография нового премьер-министра. К. А. Бусиа родился в 1913 г. Получил среднее, а затем и высшее образование в английских миссионерских школах и колледжах. В 1939 г. заочно окончил исторический факультет Лондонского университета, после чего учился в Оксфордском университете в Англии, где ему были присвоены ученые степени магистра в области политики, философии и экономики и доктора филологии и антропологии. Будучи чиновником колониальной администрации, К. А. Бусиа занимался социологическими исследованиями и стал первым африканским профессором Университета Золотого Берега; с 1951 по 1959 г.—член Национальной ассамблеи Республики Ганы; в 1956—1959 гг.—лидер парламентской оппозиции, затем до 1966 г. пребывал в иммиграции.

Заслуживает внимания эпилог столкновения империалистических интересов в Гане. После парламентских выборов состав посольства США в Аккре был почти полностью сменен, а английская газета «Таймс» 25 октября 1969 г. с удовлетворением писала: «Демократическая Гана под реалистическим руководством Бусиа явно отвечает интересам Британии. Гана выступает с откровенно прозападных позиций и поддерживает сотрудничество стран Содружества». США, однако, не отказались от планов укрепления своего политического влияния в Гане за счет Англии. Аккра, через которую обычно проходят африканские маршруты представителей Вашингтона, была включена и в состоявшуюся в феврале 1970 г. поездку по Африке государственного секретаря Роджерса. Гана по-прежнему остается в списке «отобранных» Соединенными Штатами африканских стран. Значительно усилилась в стране деятельность американского «Корпуса мира», активизировалось проникновение в ее экономику частного капитала США.

Выше говорилось, что империалистические державы пытаются использовать для укрепления своего политического влияния кризисные ситуации в отдельных африканских странах. Наглядным примером этому могут служить события в Нигерии, некогда главном плацдарме британского империализма в Западной Африке. В главе IX нигерийский кризис анализировался с точки зрения борьбы монополий за источники стратегического сырья. Это, безусловно, основной аспект событий. Но в них, однако, бы-

ли вовлечены и серьезные политические интересы западных держав.

Уже после первого переворота в Нигерии (15 января 1966 г.) обнаружилось разногласия во взглядах на ее будущее политическое устройство между Англией, США и Францией. Вашингтон отдавал предпочтение унитарной системе, скорейшей ликвидации эмиратов на севере страны и феодальных отношений, быстрому капиталистическому развитию всех районов, поскольку рассчитывал, что в этих условиях неминуемо произойдет ослабление политического влияния Англии. К тому же американцам удалось установить к этому времени тесные связи в кругах местной буржуазии, а прибывшие из США советники и консультанты начали активно теснить своих английских коллег.

Лондон, в свою очередь, выступал категорически против идеи унитарного правительства. В английских планах Нигерия расчленялась на ряд территорий, управляемых «туземной администрацией», то есть в несколько измененных формах воссоздавалась система косвенного управления. Газета «Файнэншл таймс», например, предлагала вообще отказаться от какой-либо формы федерации и выделить области Нигерии в полностью автономные единицы.

Франция каких-либо серьезных политических позиций непосредственно в Нигерии не искала, однако по ряду причин была заинтересована в ее расколе. Во-первых, таким образом ликвидировался бы опасный экономический и политический конкурент стран французской ориентации в Западной Африке. Во-вторых, открывались перспективы распространения французского влияния на отдельные районы Нигерии, тем более что после январского переворота 1966 г. многие вожди и эмиры Северной области выступили против «господства ибо» и грозили выходом из федерации. Английский журнал «Форин рипорт» 16 июня 1966 г. писал в этой связи: «Сообщают, что деятели севера обратились к правительству соседней Республики Нигер, которая в прошлом принадлежала Франции, имея в виду какую-то форму политического союза... Другой план, который обсуждался, — это установление связи между севером Нигерии и Камеруном...». И, в-третьих, раскол Нигерии явился бы серьезным ударом по африканским позициям Англии, по Содружеству наций и принес бы Франции в ее политическом соперничестве с Великобри-

танией в Африке важные козыри — наглядную демонстрацию преимуществ французской политики на континенте.

Провозглашение «независимости» Биафры и вспыхнувшая в Нигерии гражданская война дали некоторым французским кругам реальные основания рассчитывать на успех своих планов. Таким образом, поддержка сепаратистов отвечала не только экономическим, но и политическим целям Парижа.

В Лондоне это отлично понимали. «Де Голль опасается, — писала 22 октября 1968 г. газета «Таймс», — что соседи Нигерии с населением, говорящим на французском языке, будут вовлечены в орбиту Лагоса, если Нигерия останется единой страной. Нигер уже неофициально информировал Нигерию, что стал бы тесно сотрудничать, если бы не полная зависимость от французских субсидий. Дагомея в аналогичном положении. Деголлевцы считают такие события явной „английской интригой“...».

Действия Англии и Франции в процессе нигерийских событий рельефно выявили их противоречия и борьбу за политическое влияние в Западной Африке. Поддержка Францией Биафры, фактическое признание ее Парижем, частично удавшиеся попытки обеспечить официальное признание сепаратистского режима странами франкоязычной Африки (БСК и Габон) — все это рассматривалось в Англии как элементы политики, ставящей целью «проникновение в бывшие английские владения»²⁹.

Анализ состояния и перспектив политики западных держав в отношении стран бывшей британской Африки, ныне включенных в систему Содружества независимых государств, показывает, что они останутся и впредь, кроме тех, которые не откажутся от капиталистической ориентации, объектом политического соперничества неокolonизаторов, в первую очередь США и Англии. Бывшая метрополия добровольно своих позиций не уступит и не пойдет на упразднение структуры, обеспечивающей английскому империализму существенные преимущества. Вашингтон, в планах которого Африка начинает занимать все более заметное место, безусловно, усилит политическую экспансию в англоязычные страны континента. Кроме того, политическим конкурентом Англии в Африке становятся ФРГ, Япония и ЮАР (в отношении таких стран, как Малави, Ботсвана, Лесото и Свазиленд), а также в известной мере Франция.

Что касается планов США, то ряд выводов можно сделать даже из анализа маршрута путешествия по Африке в феврале 1970 г. государственного секретаря У. Роджерса. Он посетил десять стран: Марокко, Тунис, Эфиопию, Кению, Замбию, Гану, Конго (Киншаса), Нигерию, Камерун и Либерию. Марокко и Тунис — это объекты как африканской, так и арабской ближневосточной политики США. С Эфиопией, Либерией и Конго (Киншаса) у Вашингтона давно построены «особые отношения». А из оставшихся пяти стран — четыре англоязычные, в которых США ведут борьбу за политическое влияние (Кения, Гана) или за источники сырья (Нигерия, Замбия). Таким образом, маршрут Роджерса в известной мере показывает первоочередность интересов США, а также то обстоятельство, что официально Вашингтон предпочитает держаться в стороне от стран социалистической ориентации, видимо, не рассчитывая там на успех «открытой» дипломатии. Отсутствие в маршруте Роджерса франкоязычных стран Тропической Африки (кроме Камеруна) некоторые органы американской печати пытались объяснить тем, что США якобы проявляют определенную сдержанность по отношению к зонам французского влияния. «В Вашингтоне знают, что Франция — в отличие от Англии и Бельгии — считает необычайно важным сохранить свои позиции в Африке. Кроме того, американцев по-прежнему сдерживает языковой барьер», — писал по этому поводу 23 февраля 1970 г. журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

С мнением журнала можно согласиться лишь в части «языкового барьера», поскольку, как будет показано ниже, планы приобретения решающего политического влияния во франкоязычной Африке также входят в программу Вашингтона.

Политическое противоборство империалистов во франкоязычной Африке. Основными участниками политического противоборства империалистических держав во франкоязычной Африке выступают Франция и США. Другие конкуренты французского империализма в этом районе — Англия, ФРГ, Италия и Япония — держатся пока на вторых и третьих ролях.

Внешнеполитический курс Франции при президентстве де Голля вызвал, как известно, существенное ухудшение франко-американских отношений в целом. Одним из результатов этого процесса явилось и дальнейшее обост-

рение противоречий обеих держав в странах Африки, бывших владениях Франции.

Если еще до недавнего времени, осуществляя политическую экспансию на континенте, США хотя бы делали вид, что «оглядываются» на Францию, особенно когда мероприятия затрагивали бывшие французские территории, то в 1966—1967 гг. американцы отказались от такой тактики и стали действовать решительно и откровенно в ущерб французским интересам. Была отброшена забота и о том, чтобы как-то завуалировать усиливающиеся противоречия. Наоборот, американская пропаганда активно развернула антифранцузскую кампанию в африканских странах.

Таким образом, скрытые противоречия между двумя атлантическими союзниками в Африке переросли в открытые, более того — в явное соперничество.

«Африка — это мир будущего. Поэтому здесь происходят столкновения великих держав, которые стремятся сохранить или создать свои базы и оказывать влияние на политику местных правительств», — писала в январе 1969 г. французская газета «Круа», орган католических кругов страны, подчеркивая при этом, что «в лагере западных стран существует сильнейшая конкуренция».

Соединенные Штаты в последние годы значительно усилили политическую и дипломатическую деятельность в странах бывшей французской Африки. В 1967 г. Северную Африку посетил заместитель госсекретаря по африканским делам Пальмер; в январе 1968 г. в Тунисе и БСК побывал вице-президент Хэмфри; в июне — июле того же года по десяти странам бывшей французской Африки (Сенегал, Камерун, Габон, БСК, Гвинея, Верхняя Вольта, Нигер, Чад, ЦАР) вновь проехал Пальмер; в 1970 г. государственный секретарь Роджерс посетил Марокко, Тунис и Камерун.

Вместе с тем в течение 1968—1969 гг. по специальным приглашениям нанесли официальные визиты в Вашингтон президенты Нигера, Камеруна, БСК, Туниса, король Марокко Хасан и ряд других государственных деятелей африканских стран, связанных соглашениями с Францией.

Дипломатическая активность США сочеталась с проведением мероприятий, прямо направленных на подрыв французского влияния. Так, например, исходя из того, что Общая Афро-Малагасийская организация (ОКАМ) явля-

ется одной из главных опор Франции в Африке, США неоднократно пытались расколоть эту организацию, ослабить в ней французское влияние. Американские политические наблюдатели, указывая на тесную связь Вашингтона с Мобуту, подчеркивали и тот факт, что США были причастны к созданию в начале 1968 г. Союза государств Центральной Африки (ЮЕАК) в составе Конго (Киншаса), Республики Чад и ЦАР. Этот союз своим появлением чуть было не подорвал выпестованный Францией Таможенный и экономический союз Центральной Африки (ЮДЕАК) и не нанес тем самым ущерб не только экономическим, но и политическим интересам Франции. «Ожидается, что новое объединение будет иметь близкие отношения с Вашингтоном»³⁰, — сообщал в этой связи корреспондент агентства ЮПИ из Форт Лами. Характерно, что вслед за созданием ЮЕАК конголезцы обратились именно к США с просьбой о помощи для осуществления региональных проектов нового союза.

США активно содействовали проведению в апреле 1968 г. Монровийской конференции 14 стран Западной Африки, надеясь на появление нового объединения в составе государств, говорящих не только на французском, но и на английском языке. По замыслу американцев, в подобном объединении можно было бы растворить ОКАМ и с помощью проамерикански настроенных представителей таких стран, как Либерия и Гана, бросить открытый вызов французскому влиянию в западной части континента.

С особым вниманием американцы следят за попытками создания так называемой «Франкофонии» — системы африканских стран, говорящих на французском языке, и исподволь принимают ряд мер для дискредитации этой идеи. «Для президента де Голля, — писала газета «Лос-Анджелес таймс», — призрак господства США угрожающе растет в Африке...». Используя этот тезис, официальный Вашингтон неоднократно утверждал, что лишь страх перед «призраком американского господства», «неприязнь» де Голля к «англосаксам» и стремление «возвеличить» Францию лежат в основе плана «Франкофонии». «Де Голль отказывает США в руководящей роли в мире, однако он не колеблясь возложил бы эту роль на Францию»³¹.

В пропагандистское наступление США на африканские позиции Франции были вовлечены и «специальные

средства». В 1968 г. в Нью-Йорке появилась книга бывшего американского посла в Габоне Дарлингтона «Африканское предательство»³², в которой резко критикуется «антиамериканская» политика Франции не только в Габоне, но и в других франкоязычных странах Африки. Автор посвятил этой проблеме две главы («Еще один шов на доктрине величия», «До Лавайетта еще далеко»).

Одновременно Соединенные Штаты усиливают нажим на те африканские правительства, которые «не прислушиваются к голосу Вашингтона». Свидетельство этому — развернутая в 1968 г. в американской печати кампания против габонского президента Бонго. Он открыто обвинялся в «полной зависимости» от бывшей метрополии, причем среди «доказательств» этой «зависимости» фигурировали, помимо факта высылки из Габона «Корпуса мира», также и голосование габонской делегации в ООН против Израиля в связи с ближневосточным кризисом, приглашение в Либревиль министра просвещения канадской провинции Квебек и т. д.

С целью дискредитации политики Франции в глазах африканского общественного мнения и обоснования «снижающейся популярности Парижа на континенте» американская пропаганда широко использует факты несовпадения позиций Франции и франкоязычных стран Африки по отдельным международным проблемам. Широко освещались в США, а затем ретранслировались по всем пропагандистским каналам в Африку, например, разногласия Франции и большинства ее африканских «друзей» в связи с агрессией Израиля, итоги голосования на Генеральной Ассамблее ООН проекта договора о нераспространении ядерного оружия, когда, в отличие от Франции, многие профранцузские страны Африки выступили за проект договора, и пр.

В американской пропаганде четко усматривается тенденция объяснять политическую нестабильность и экономические трудности в отдельных африканских странах их сохраняющейся зависимостью от Франции. Так, даже студенческие волнения в Дакаре в июне 1968 г. освещались в США как прямой результат тяжелого экономического положения Сенегала, вызванного лишь ориентацией сенегальской экономики на Францию.

Таким странам, как Сенегал, БСК, Малагасийская Республика, Габон, представителями США и прессой постоянно внушаются идеи о необходимости проведения

широкой «африканизации» среди государственных чиновников, в экономической, политической и идеологической сферах, везде, где еще до сих пор «заправляют» французы, являющиеся «препятствием» на пути «подлинного прогресса» и мешающие «дружеской помощи» этим странам «бескорыстных американских представительств».

В этой связи можно сослаться на опубликованную в газете «Вашингтон пост» в конце 1967 г. серию статей о Малагасийской Республике, в которых в резко критическом плане комментировались отношения этой страны с Францией. Эти статьи вызвали открытое возмущение даже у малагасийцев. «Вашингтон пост» была вынуждена поместить специальное письмо за подписью малагасийского посла в США. В письме осуждались «тон и содержание» статей, а также указывалось, что «саркастические замечания о французской помощи Малагасийской Республике являются по меньшей мере необоснованными»³³.

Как ни парадоксально, но наибольшее негодование в Соединенных Штатах вызывает... военное присутствие Франции на африканском континенте, осуществляемое в соответствии с соглашениями «о взаимной обороне». Без острой критики в американской печати и без «сожалений» со стороны официальных лиц не остается ни одно военное мероприятие Франции в Африке. В недоброжелательном для Франции тоне постоянно упоминаются поддержка французскими парашютистами габонского президента Мба в 1964 г., когда в стране был инспирирован проамериканский путч; направление Францией своих войск в ЦАР в ноябре 1967 г.; французские военные маневры в БСК с участием вновь созданной дивизии так называемых сил вторжения и пр. Показательно, что создание этой находящейся в постоянной боевой готовности воинской части оценивалось американской печатью как свидетельство решимости Франции любой ценой сохранить профранцузские режимы в ряде стран Африки и не допустить проникновения в них США.

Пропагандистские и практические мероприятия США, направленные на перехват у Франции каналов политического влияния во франкоязычной Африке, не оставались незамеченными в Париже и вызвали последовательное сопротивление. Необходимо подчеркнуть, что база для контрмероприятий у французского империализма в его бывших африканских владениях еще в достаточной мере прочная. По франко-африканским соглашениям, сопро-

вождавшим предоставление независимости и сохранившимся по сей день, стороны обязаны осуществлять постоянный обмен информацией по международным проблемам с целью координации внешнеполитических акций. Естественно, что на практике условие это носит односторонний характер и фактически ставит внешнюю политику молодых африканских государств под французский контроль. Кроме того, специальный пункт соглашения о сотрудничестве в области международной политики предусматривает, что представители соответствующих африканских стран в ООН будут находиться в постоянном контакте с представителем Франции, то есть выполнять его рекомендации при голосовании.

Однако по мере укрепления национальной государственности освободившихся стран и роста национального самосознания, а также в связи с давлением империалистических конкурентов правящие круги Франции стали ощущать недостаточность существовавших форм контроля над молодыми государствами. Именно в этой связи и появилась идея «Франкофонии». С начала 1967 г. различные политические, общественные и государственные деятели Франции настойчиво выступают за объединение франкоязычных стран Африки в общую организацию, возглавляемую Францией. План этот увязывается с необходимостью установления новых принципов франко-африканского сотрудничества. Эту идею поддерживают президент Сенегала Л. Сенгор, президент Нигера А. Диори и ряд других африканских лидеров. «Франкофония» в открытой и завуалированной форме пропагандируется контролируемой из Парижа африканской прессой. Апологеты этой идеи доказывают, что в ее основе лежат лишь стремление Франции максимально использовать сотрудничество с развивающимися странами в интересах последних, а также конструктивная альтернатива созданию региональных экономических группировок. Одновременно всячески подчеркивается «альтруизм» и «бескорыстие» Франции.

Бывший министр иностранных дел Франции М. Дебре (затем министр обороны) в статье, озаглавленной «Международный вклад генерала де Голля» писал: «...За несколько лет африканские государства и Мадагаскар получили независимость, причем большинство из них в условиях дружбы и радости.., без всякого труда появились новые, основанные на доверии отношения между быв-

шей метрополией и молодыми государствами». Вместе с тем Дебре подчеркнул, что среди возложенных на Францию ответственных задач важное место занимает «сохранение ее естественной и традиционной роли в Африке»³⁴. Но для сохранения этой «роли» необходимо преградить путь в бывшие колонии империалистическим конкурентам, закрепить пошатнувшиеся там позиции французского империализма. Новый вариант сообщества франкоязычных стран, по замыслу его авторов, в значительной мере отвечал этим целям.

Характерно, что, противодействуя развитию сотрудничества с африканскими странами государств социалистической системы, и в первую очередь Советского Союза, правящие круги Франции одновременно усматривают опасность своим интересам в экспансии атлантических союзников. Французская печать неоднократно подчеркивала, что эта опасность не должна недооцениваться. Газета «Монд» в серии статей, посвященных проблеме «Франция и Африка» и опубликованных в июне 1969 г., предупреждала, что, хотя «достаточно быть французом, чтобы пользоваться преимущественным влиянием на территории между Абиджаном и Браззавилем», и американцы повсюду «сломали себе шею», натолкнувшись на французского представителя, который «очень активно поддерживал контакты с местными руководителями», Францию должны настораживать усилия, которые прилагают Соединенные Штаты в отношении африканского континента. Франция «допускает ошибку, переоценивая свои ресурсы и недооценивая ресурсы наших конкурентов в Африке» — таков вывод газеты.

Французская пропаганда на Африку в целях подогревания антиамериканских настроений даже прибегает к «революционной фразе» и противопоставляет одни африканские страны другим. Комментируя поездку по континенту помощника государственного секретаря США по африканским делам Пальмера, орган деловых кругов Франции еженедельник «Марше тропико» 18 февраля 1967 г. с горечью отмечал, что, «в то время как Алжир осудил» визит Пальмера, усмотрев в нем «заговор против революционной Африки», в Мали американский представитель был принят «с многочисленными знаками внимания» и «вьетнамский вопрос в Бамако поднимался очень осторожно». Таким образом, ставя Алжир как бы «в пример» Мали, еженедельник рекомендовал малийцам за-

нять жесткую позицию по отношению к США, дабы не компрометировать себя в глазах революционной Африки.

Уход де Голля был воспринят с облегчением в столицах империалистических конкурентов Франции, поскольку ее противодействие натиску соперников там в первую очередь связывали с личностью бывшего президента. Но вместе с тем перемены во Франции были использованы и для подрыва в африканских странах доверия к политике нового режима. В американской, английской, западногерманской и даже швейцарской печати появились статьи, в которых утверждалось, что в африканскую политику Франции будут внесены существенные коррективы, эта политика станет «чисто прагматической» и франкоязычная Африка не должна возлагать прежних надежд на Париж. Ей надо срочно искать новых «союзников и партнеров». «Правительства франкоязычных государств Африки имели особые отношения с генералом де Голлем и сейчас очень тревожатся в связи с его уходом», — утверждал английский бюллетень «Форин рипорт». Давая собственную интерпретацию причин этой тревоги, бюллетень далее в категорической форме заявлял, что теперь Франция будет укреплять отношения лишь с теми африканскими странами, которые «имеют для нее определенное стратегическое или экономическое значение», а другим странам «рассчитывать не на что». «Даже такой голлист, как Помпиду, дважды подумает, прежде чем оказать помощь Республике Чад», и «весьма маловероятно, чтобы новый французский президент оказывал президенту Сенегала достаточную поддержку, чтобы тот мог выпутаться из сложившихся затруднений»³⁵. Таким образом, правительствам франкоязычных стран Африки внушалась мысль о необходимости отказа от ориентации на Францию.

Другой прием, применяемый империалистическими конкурентами Парижа, — попытки скомпрометировать африканскую политику Франции при де Голле, объяснить ее лишь эгоистическими интересами французских правящих кругов. Так, западногерманский журнал «Африка хойте» настаивает на нескольких тезисах. По мнению журнала, африканской политике Франции было «присуще нечто хищное», она не считалась «с идеологическими или расовыми границами в Экваториальной и Южной Африке». Ориентация на заморские территории «объясняется прежде всего стремлением Франции уцелеть на мировой политической арене» и добиться «с помощью замор-

ского влияния своей конечной цели — гегемонии в Европе». И последний тезис: «Духовным элементом» африканской политики Франции является «преданность национальным интересам». Никаких открытий журнал не сделал, поскольку внешняя политика любого буржуазного государства в первую очередь определяется его национальными интересами. Однако в данном случае преследуется цель доказать африканцам, что рассуждения Парижа о «франкоязычной культуре», «исторических традициях» во франко-африканских отношениях и тому подобное — все это лишь маскировка³⁶.

Агрессивный характер любого империализма — бесспорен. Но примечательно, что в данном случае обвинения выдвигает другой империалист, конкурент Франции в межимпериалистической борьбе за политическое влияние в Африке.

События последних лет показывают, что уход де Голля не охладил накал соперничества Франции с атлантическими партнерами за политическое влияние во франкоязычных странах Африки. В государствах же северной части континента противоречия империалистов даже обострились. Причины этому — ближневосточный кризис и приход к власти в Ливии революционных демократов, что существенно повлияло на расстановку сил империалистов в арабской Африке.

Франция, в отличие от США и Англии, с самого начала ближневосточного кризиса заняла в целом особую позицию, хотя с первых дней агрессии и наложила эмбарго на поставки оружия обеим воюющим сторонам. Эта позиция, в конечном счете, — не проарабская или антиизраильская. Она определяется только интересами французской монополистической буржуазии, ищущей новые рынки и стремящейся к расширению своей экспансии. Политические маневры Франции в связи с ближневосточным кризисом — прямое следствие проводимой ею в последние годы общей политики, направленной на ликвидацию экономической и военно-политической зависимости от США, на оттеснение во «второй эшелон» Англии и восстановление французской роли в Европе. События на Ближнем Востоке, непосредственно затронувшие интересы США и Англии и поставившие их в чрезвычайно сложное положение по отношению к арабскому миру, давали Франции дополнительный козырь в борьбе за влияние в Северной Африке, а следовательно, существен-

ные политические выгоды. Можно напомнить, что на пресс-конференции 27 ноября 1967 г. де Голль заявил: «...Мы возобновили по отношению к арабским народам ту самую политику дружбы и сотрудничества, которую Франция многие столетия проводила в этой части земного шара». Далее президент подчеркнул, что эта политика должна стать «одним из основных элементов» международной деятельности Франции. Преемники де Голля в основном продолжают проводить этот курс, который принес некоторые результаты. «Благодаря этой новой французской политике, — пишет профессор университета Св. Иосифа в Бейруте Хасан Сааб, — арабские государства начали более благосклонно относиться к культуре, технике, промышленной продукции и идеям, идущим из Франции»³⁷. Но вместе с тем еще более обострились противоречия Франции с ее союзниками. В Вашингтоне, Лондоне и Бонне действия Парижа расценивают как измену концепции Атлантического сообщества, противопоставление атлантической солидарности собственных эгоистических интересов.

Особые разногласия вызвали франко-ливийские переговоры о закупке Ливией самолетов «Мираж», совпавшие с решением нового ливийского правительства о ликвидации в стране американских и английских военных баз. Поскольку факт этот явился предметом острой политической дискуссии, остановимся на нем несколько подробнее.

«Продажи французского оружия Ливии... подорвали доверие к французскому правительству... Это угрожает открытым ухудшением франко-американских отношений», — писала газета «Нью-Йорк таймс» 24 января 1970 г. Основанием к такому заявлению послужило укрепившееся в руководящих кругах США мнение, что французы попросту вводят в этом вопросе американцев в заблуждение.

Сведения о переговорах в Париже, которые вела ливийская миссия по закупке оружия, впервые появились в указанной газете 19 декабря 1969 г., но французский посол в США Шарль Люсе немедленно опроверг это сообщение. Затем, однако, официальные лица в Париже признали, что вопрос о продаже Ливии 10 или 15 самолетов «Мираж» действительно обсуждался, но называемая цифра — 50 явно завышена. Американскому послу во Франции Шриверу в ответ на его неоднократные запросы ми-

нистерство иностранных дел Франции также заявляло, что сообщение о продаже Ливии 50 самолетов «Мираж» было преувеличением. Ясность внес министр обороны М. Дебре на заседании комиссии французского национального собрания по вопросам обороны 21 января 1970 г. Он был вынужден заявить, что все первоначальные сообщения были действительно неправильными. Предполагается продать Ливии не 50, а... 100 самолетов.

В Вашингтоне и Лондоне этому заявлению придали серьезнейшее значение. В конгрессе США и в английском парламенте немедленно раздались требования о применении к Франции чуть ли не санкций. В то же время французское правительство отнюдь не собиралось капитулировать. На заседании Совета министров Франции 30 января 1970 г. лидер центристов Жак Дюамель задал вопрос: «Необходимо ли — пусть даже не сразу — осуществлять военные поставки, чтобы заменить в Ливии вытесненных англичан и американцев?». Президент Ж. Помпиду в ответ заявил, что «Франция должна иметь средиземноморскую политику. Она должна присутствовать на Средиземном море как можно активнее. Этого требуют ее историческая роль, ее политика согласия с арабскими странами, наконец, вековая традиция»³⁸. Характерно, что как вопрос, так и ответ сформулированы в выражениях, не оставляющих сомнений в твердом намерении Франции укреплять свое влияние в Северной Африке, невзирая на возражения империалистических конкурентов.

Дальнейшее развитие франко-американо-английский диалог по проблеме политического влияния в Африке нашел в правительственном заявлении по внешней политике Франции, с которым 25 апреля 1970 г. выступил в национальном собрании министр иностранных дел М. Шуман.

Министр подчеркнул, что цель средиземноморской политики Франции — предотвратить превращение средиземноморского бассейна вновь в арену соперничества западных держав, а первое средство достижения этой цели — укрепление сотрудничества Франции со странами Северной Африки, то есть, другими словами, восстановление в этом районе преимущественного французского влияния. В заявлении прямо говорится, что помимо стран франкоязычной Африки, с которыми Францию «связывают узы особого характера», другие государства, куда направляется 95% французских учителей и 64% технических специалистов, — это Алжир, Марокко и Тунис.

Достигнутые ими успехи в хозяйственном развитии являются, по словам Шумана, результатом отношений, «которые они, в условиях полной независимости, хотят поддерживать в первую очередь с Францией». Таким образом, ответ конкурентам дается уже от имени самих африканских стран. Опираясь на этот довод, Шуман заявляет: «Мы готовы поддерживать и развивать это присутствие Франции, это французское влияние, которое в числе других положительных сторон характеризуется тем, что их желают. Они лежат в основе нашей средиземноморской политики».

Не обойден в заявлении вопрос и о франко-ливийских отношениях. Шуман представил их в несколько своеобразном свете. Он апеллировал к тому обстоятельству, что Ливия сама проявила инициативу, обратившись к Франции с предложением наладить сотрудничество, которое «уже распространяется и все больше и больше будет распространяться на экономическую и культурную область», а в этих условиях «ни одно французское правительство отказом не ответило бы».

Визит президента Франции Ж. Помпиду в Соединенные Штаты в феврале — марте 1970 г. вновь показал, что противоречия между обеими державами практически не ослабли. Несколько изменилась лишь география их проявления — из Европы они в значительной мере переместились в Африку, хотя Ж. Помпиду попытался объединить два континента, заявив, что «Средиземноморье — это чрево Европы»³⁹.

Проблема франко-американских отношений, спроецированная на африканский континент, заняла заметное место в заявлениях и выступлениях Ж. Помпиду во время пребывания в США. В речи на приеме в отеле «Уолдорф Астория» 2 марта 1970 г. он отметил, что, хотя «Франция и сохранила привилегированное положение в государствах, вышедших из ее бывшей империи, постепенно там возникает и начинает действовать конкуренция»⁴⁰. А на следующий день, отвечая во время пресс-конференции на вопрос о политике Франции в отношении Ливии, французский президент прибег к совершенно неожиданному приему — он заявил, что Франция отнюдь не стремилась продать Ливии самолеты, а лишь хотела «обеспечить свое присутствие в Ливии, поскольку там образовался вакуум (!), и, естественно, мы предпочли заполнить его сами»⁴¹. Показательная метаморфоза! Фран-

ция теперь использует в отношении конкурента его же оружие. Французский еженедельник «Франс Нувель» отмечает в этой связи, что «теория вакуума» была изобретена американским империализмом для того, «чтобы всякий раз, когда французский или английский колониализм терпел поражение в какой-либо части мира, заменять его американским присутствием. С этой точки зрения ливийская политика Помпиду повторяет американский опыт»⁴².

Мероприятия Франции, направленные и против американского проникновения в Северную Африку, включали примирение с Тунисом и Марокко, содействие урегулированию пограничных и других споров между Алжиром и Тунисом, Марокко и Мавританией, заключение соглашений с Ливией, предоставление кредитов Марокко и Алжиру и пр. В сочетании с рядом других акций такая тактика принесла Франции определенные политические дивиденды.

Соединенные Штаты, вероятно, пошли бы на то, чтобы хотя и с многочисленными оговорками, но признать «особую роль» Франции во франкоязычной и Северной Африке, однако лишь в обмен на полное присоединение Парижа к глобальной стратегии Вашингтона. Поскольку в обозримом будущем такой поворот во французской политике вряд ли возможен, то франко-американские противоречия, а следовательно, и борьба за политическое влияние в Африке не ослабнут.

В телевизионном интервью по возвращении из США 12 марта 1970 г. президент Ж. Помпиду на вопрос об итогах визита ответил: «Мы констатировали, что хотя политика Франции и политика США — это не одно и то же, но по существу наши отдаленные и общие цели очень близки. Если способ подхода к ним, точки зрения на вопросы не всегда одинаковы, в конечном счете достаточно объясниться, чтобы понять друг друга и, следовательно, либо поддерживать друг друга, либо по крайней мере — терпеть друг друга»⁴³. Заявление это, если его рассматривать по существу, свидетельствует о наличии глубоких разногласий между двумя державами, и вряд ли будет достаточно лишь объяснений, чтобы империалистические соперники постоянно «терпели друг друга» на африканском континенте.

Проведенный анализ некоторых аспектов межимпериалистической борьбы за политические позиции в освободившихся странах Африки позволяет прийти к следующим заключениям.

Во-первых, эта борьба показывает, что тенденции к политической интеграции и дезинтеграции внутри современного империализма не только сосуществуют, но и соперничают, причем в Африке часто верх берет вторая тенденция. Западноевропейские державы — бывшие метрополии, сочетая атлантизм и европеизм в своей политике, не склонны, однако, распространять это сочетание на «заморские» зоны своего традиционного влияния.

Во-вторых, факты политических столкновений империалистических держав в развивающихся странах говорят о том, что общеклассовую задачу формирования в этих странах государственно-политической структуры, отвечающей интересам империализма в целом, каждая держава стремится решать по-своему, в соответствии со своими интересами.

В-третьих, характер и уровень политического соперничества империалистических держав в различных районах Африки подчеркивают тот факт, что наиболее заметные формы это соперничество приобретает в странах, которые послушно следуют в русле капиталистической политики. В отношении молодых государств, избравших социалистическую ориентацию, империалистические силы выступают значительно более объединенным фронтом.

Политическое противоборство империалистических держав наносит несомненный ущерб молодым государствам, мешает их внутренней консолидации. Соперничая, империалисты опираются если даже и на конкурирующие, то, тем не менее, проимпериалистические силы, которые выступают против прогрессивных преобразований в соответствующих странах.

Перспективы межимпериалистической борьбы за политическое влияние в развивающихся странах зависят от того, в какой степени тенденция к интегрированию политики и проведению общей антисоциалистической стратегии окажется способной преодолевать те пределы, которые создают внутренние процессы империализма и общее соотношение сил в современном мире.

ГЛАВА XI. СОПЕРНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ИДЕОЛОГИИ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Борьба народов освободившихся стран Африки в настоящее время ведется в двух основных направлениях: против скрытых форм господства капиталистических держав, то есть неокOLONиализма, и против социальной и экономической отсталости. Поэтому центральной проблемой общественно-политической жизни свободной Африки стал выбор пути развития, а следовательно, и теоретический поиск идейного обоснования социально-политического и экономического строительства. Во многих странах континента идет активный процесс формирования политических идей, появляются новые и модифицируются старые идеологические течения, за которыми стоят широкие общественные слои¹. Важно отметить, что эти течения представляют своеобразный синтез заимствованных и местных идей, причем буржуазная идеология Запада оказывает сильнейшее воздействие на африканскую интеллигенцию, которая разрабатывает политические идеи.

В этих условиях империализм наряду с экономической и политической экспансией развернул на континенте массированное идеологическое наступление, основой которого служит антикоммунизм. Империалисты отдают себе отчет в том, что уже сама ликвидация колониального господства значительно расширила рамки мирового революционного процесса, подорвала международные позиции капитализма, способствовала изменению соотношения сил на международной арене в пользу социализма. Ясен им и тот факт, что национально-освободительное движение подошло к новым рубежам, что консолидируются силы, выступающие не только против империалистического господства и последствий колониализма, но и против капитализма как общественного строя. Поэтому идеологическая экспансия империализма в Африке направлена в первую очередь на ограждение молодых государств от влияния социалистических стран и идей социализма, на сохранение и дальнейшее насаждение в широких массах буржуазной идеологии, на внесение раскола в ряды прогрессивных сил, с тем чтобы не допустить перерастания национально-освободительных революций в социалистические.

На первый взгляд, в сфере идеологии империализм выступает единым фронтом. И действительно, в условиях

идеологической борьбы двух систем, с точки зрения глобальной стратегии империализма, ее конечных целей империалистические державы в этой сфере едины. Вместе с тем в силу специфических интересов государственно обособленных групп монополистического капитала между ними возникает острое соперничество и по проблемам идеологической экспансии в развивающихся странах. Происходит столкновение методов идеологического воздействия, призванного обеспечить в освободившейся стране решающее политическое влияние конкретного империалистического государства.

В задачу данной работы не входит подробный анализ идеологической экспансии империализма на африканском континенте, тем более что этой проблеме посвящен ряд обстоятельных трудов советских ученых². Предмет исследования автора — соперничество империалистических держав в идеологической сфере, рассмотрение методов, с помощью которых каждая из них пытается утвердить свой приоритет в той или иной стране или группе стран.

Общая идеологическая стратегия современного неокOLONиализма сводится к тому, чтобы убедить африканские страны в необходимости и целесообразности развиваться по примеру Запада. Однако под Западом почти любая из империалистических держав в первую очередь подразумевает себя, свой опыт развития. Поэтому между ними возникают острые противоречия. Это можно проследить даже на толковании буржуазными учеными разных государств таких модных концепций, как «взаимозависимость», «партнерство», «взаимовыгодность» и пр. Так, американские социологи и африканисты Г. Робертс, А. Берли, В. Маккей, Р. Эмерсон, У. Ростой и др. рассматривают концепцию «взаимозависимости» расширительно, распространяя ее на отношения освободившихся стран со всем капиталистическим миром. В то же время их европейские коллеги настаивают на неизбежной «взаимозависимости» стран Африки и бывших метрополий³. Эту теорию пропагандировали, в частности, французские социологи на международной встрече, организованной по инициативе Франции в городе Буаке (БСК) в 1962 г. Аналогичной точки зрения придерживается австрийский буржуазный публицист Г. Портиш, утверждающий, что судьба африканских стран неразрывно связана лишь с Европой, которая строила в Африке города, шоссейные и железные дороги, создавала горнорудную промышленность

и сельское хозяйство, «но никогда не господствовала над Африкой»⁴. Английский социолог Б. Крозье утверждает, что существует «вечная взаимозависимость» бывших английских колоний и Великобритании⁵.

В последнее время американская буржуазная идеология широко использует в экспансионистских целях обращенный на развивающиеся страны вариант теории конвергенции, пытаясь при этом решить две задачи. Во-первых, «конвергенционисты» Э. Фромм, П. Сорокин, Р. Хейльбруннер, О. Моргенштерн и др. утверждают, что, поскольку в результате «взаимопроникновения» и «растущего сходства» капитализм и социализм неизбежно «встретятся на полпути» к «единому индустриальному обществу», для освободившихся стран проблемы выбора пути развития фактически вообще не существует. Во-вторых, американские авторы, рекомендуя молодым государствам практику экономического развития капитализма, имеют в виду лишь опыт Соединенных Штатов. Политика США предусматривает, что процесс модернизации молодых африканских государств может осуществляться в различных формах, но при соблюдении одного главного условия — американского патронажа в важнейших звеньях экономики, политики и идеологии. Еще в 1962 г. профессор университета Линкольна (штат Миссури) О. Кокс в книге «Капитализм и американское лидерство» писал, что способность капиталистической системы выжить экономически «зависит от каждой пяди колониальных и полуколониальных территорий, начиная от глубинных районов каменного века в Бельгийском Конго и кончая залитыми кровью улицами французского Алжира и Кипра. Вследствие своей руководящей роли США венчают международную структуру, которая покоится на широкой основе отсталой экономики»⁶. Этот тезис нашел широкое развитие во многих последующих работах апологетов лидирующей роли США в процессе модернизации африканских государств и, особенно, в сфере идеологического воздействия на их народы. Если поначалу речь шла о том, что США стремятся лишь дополнить собственным влиянием ослабление влияния бывших метрополий, то есть компенсировать «идеологические потери» империалистических держав Европы в Африке, то к концу 60-х годов определилась тенденция к обеспечению идеологического преобладания Америки в освободившихся странах африканского континента. Эта тенденция также явилась од-

ним из результатов воздействия на политику Вашингтона решающего фактора современности — борьбы и соревнования двух мировых систем. Опираясь на тезис об «отпоре коммунистическому проникновению», США пытаются убедить не только африканские народы, но и своих западноевропейских союзников, что только «американский вариант» буржуазной идеологии способен поставить преграды распространению в Африке идей социализма, росту влияния Советского Союза и других государств социалистического содружества.

Руководящие круги других западных держав не разделяют эту точку зрения. Поэтому борьба империалистов за «идеологический приоритет» в Африке носит характер не теоретических дискуссий, а столкновений разнообразных практических мероприятий. Как Англия, так и особенно Франция, не доводя дело до серьезного взрыва межимпериалистических противоречий, тем не менее оказывают постоянное сопротивление притязаниям конкурента.

Великобритания, «предоставляя» независимость африканским колониям, сразу же принимала меры к тому, чтобы обеспечить себе решающий контроль в области идеологии и, соответственно, над средствами массовой информации молодых государств. В этом английские правящие круги усматривали важный метод сохранения и укрепления влияния и позиций британского империализма на территориях бывшей империи. Такая тактика была не временным явлением. Английский ежеквартальный журнал «Политикал куортерли» в статье «Будущие цели английской внешней политики» писал в 1970 г.: «Англия имеет в своем активе три значительных фактора — язык, университеты и информационные службы, включая прессу, издательства и Би-Би-Си... Благодаря этому голос английского правительства получает возможность быть услышанным на международной арене».

Проблемы политического влияния в стремлении Англии к сохранению контроля над идеологией освободившихся колоний тесно переплетаются со многими психологическими факторами, порожденными имперскими традициями. Англичане издавна считают себя, как отмечает, в частности, А. Мазруи⁷, «идеологическим лидером» человечества. Они пытались играть роль спасительных «греков» в отношении «римлян» — американцев, «спасать» Европу от «психологического краха». Даже желание Лон-

дона присоединиться к ЕЭС Макмиллан мотивировал в 1962 г. необходимостью дать Европе «морального лидера» — роль, предначертанная Англии судьбой, что обеспечит объединению европейских стран «духовную респектабельность». Естественно, что в первую очередь эти претензии распространяются на народы освободившихся стран, особенно на бывшие английские колонии в Африке. Но поскольку африканцам, по словам А. Мазруи, присущ «комплекс незнания», то между Англией и США началось соперничество за амплуа «учителя».

Ряд африканских ученых и политических лидеров, например А. Мазруи и Д. Ньерере, подчеркивают, что английская культура (в частности, литература) оказала значительное влияние на развитие политических идей в Африке. С этим утверждением в известной мере можно согласиться. Видимо, не случайно наиболее «политическая» пьеса Шекспира «Юлий Цезарь» была в начале 30-х годов переведена на язык зулу, а в 1963 г. Ньерере перевел ее на суахили. Но главным рычагом идеологического воздействия Англии на освободившиеся народы служит отнюдь не классическая литература, а арсенал средств массовой информации, и в этой сфере наиболее остро проявляется межимпериалистическое соперничество западных стран.

Для обеспечения контроля над органами пропаганды освободившихся африканских стран соответствующими английскими учреждениями и газетными монополиями были проведены мероприятия, которые условно можно разделить на три группы: создание новых органов, захват существующих, более активное использование тех, где англичане уже располагали влиянием.

В зависимости от конкретных условий в каждой отдельной африканской стране, а также в соответствии с международной обстановкой и текущими задачами английской политики идеологическая экспансия Лондона носит разную окраску. Но ее главное содержание — реабилитация прошлой колониальной политики, маскировка неокOLONИализма и укрепление политического влияния Англии, причем по мере усиления американского проникновения в бывшую британскую Африку деятельность контролируемого Лондоном пропагандистского аппарата приобретает заметные черты антиамериканизма. Это можно наблюдать в Кении, Гане, Замбии, Нигерии и даже в ЮАР и Родезии.

Франция еще в большей степени, чем Англия, стремится к сохранению своего приоритета в сфере идеологии стран бывшей французской Африки. «Сразу же после достижения африканскими странами независимости французы были главным образом заинтересованы в том, чтобы поддержать в них свое влияние»⁸, — констатирует английский историк Т. Хейтер.

Первой серией мероприятий в этом направлении было заключение соглашения о сотрудничестве в области культуры с каждой освободившейся страной. В этих соглашениях помимо перечисления взаимных обязательств особо подчеркивалась «моральная и интеллектуальная» солидарность африканских стран с Францией. Соглашения охватывают практически все области культуры, включая образование, просвещение, информацию, кино, радио, телевидение и т. д. Они предусматривают широкое распространение французского языка и культуры, а главное — насаждение профранцузских настроений, обеспечение французского влияния. «Франция не собирается скрывать то обстоятельство, что намеревается повсюду сохранить свое присутствие. Если мы уйдем, наше место займут другие»⁹, — заявлял в парламенте, еще будучи премьер-министром, Ж. Помпиду. Значение французской культуры для Африки неоднократно подчеркивалось различными учеными и публицистами Франции. Так, известный социолог А. Сови отмечал, что анализ французской «помощи» бывшим колониям обнаруживает тесное переплетение экономических и политических интересов с культурными, «нервом развития служат не деньги, как долгое время ошибочно считалось, а культура»¹⁰. А на страницах прогрессивной печати применительно к политике французских правящих кругов в Африке даже появился термин «культурный империализм».

Нельзя, однако, согласиться с утверждениями некоторых авторов, что усиленное насаждение Францией своей культуры в бывших колониях — чуть ли не самоцель, определяемая традицией и историческими связями. Идеологическая экспансия Парижа служит лишь средством достижения политических целей и оружием в межимпериалистической борьбе. Это подтверждается хотя бы тем фактом, что в рассуждениях идеологов французской политики в Африке о «сотрудничестве», «партнерстве» и т. п. настойчиво проводится одна мысль — только Франция способна и должна предложить освободившимся

странам особый, «третий» путь развития, отличающийся от капиталистического и от социалистического. Наиболее четко эта идея была сформулирована еще в 1964 г. в докладе созданной по указанию президента республики комиссии Жаннене¹¹, рекомендации которой легли в основу всей последующей французской политики «помощи и сотрудничества».

Конкуренты Франции отмечают в этой связи, что с точки зрения Парижа «солидарность, простирающаяся через заморские культурные границы», имеет более важное значение, чем западноевропейская солидарность, а, например, «противоречия между Великобританией и Францией... являются следствием определенной внешнеполитической концепции», в которой самый важный духовный элемент — франкоязычная культура¹².

Следуя тезису о том, что идеологические представления, не нашедшие своего выражения в каких-то институтах и организациях, бесплодны, французские правящие круги создали разветвленный механизм культурной экспансии в Африку. Во франкоязычных странах континента функционирует 78 культурных центров, около 700 библиотек и выставок и множество других пропагандистских органов. Их работой руководят специальные советники по культурным вопросам. Значительное внимание уделяется радиопропаганде и печати. Управление по сотрудничеству в области радиовещания на французском языке поддерживает постоянный контакт с местными радиостанциями, разрабатывает для них программы, снабжает оборудованием.

Франция занимает первое место среди западных держав по количеству периодических изданий, посвященных Африке. Только в Париже издается около 30 различных журналов, освещающих африканские проблемы и политику Франции на этом континенте. Кроме того, из Парижа осуществляется руководство примерно 35 газетами и другими изданиями, выходящими в самих африканских странах. Более 1/3 расходов всех западных стран на пропаганду и культурные мероприятия в Африке приходится на долю Франции.

В последние годы среди средств, обеспечивающих французское культурное влияние в Африке, видное место заняла упоминавшаяся выше концепция «Франкофонии». Один из авторов этой концепции президент Сенегала Л. Сенгор, выступая на церемонии по случаю присвоения

ему почетной степени доктора в Лавальском университете в Канаде 22 сентября 1966 г., так определил сущность «Франкофонии»: «Это определенный образ мыслей и действий, определенный способ выдвигать проблемы и искать пути их разрешения... «Франкофония» осуществляется посредством французского языка, через французскую цивилизацию, точнее — через дух этой цивилизации, через французскую культуру»¹³. Но главная задача «Франкофонии» в том, как интерпретирует ее Л. Сенгор, чтобы сообщество франкоязычных стран служило препятствием проникновению в Африку американского влияния, средством борьбы за утверждение французского «культурного присутствия».

Идея «Франкофонии» находит свое материальное воплощение. В феврале 1969 г. в Ниамее состоялась конференция, на которой был рассмотрен проект создания агентства франкоязычных стран по культурному и техническому сотрудничеству с ежегодным бюджетом в 30 млн. франков. Штаб агентства будет находиться в Париже. В январе того же года в Тунисе был проведен конгресс «Ассоциации молодежи, говорящей на французском языке», на котором присутствовали помимо наблюдателей официальные делегации 20 стран. По подсчетам западногерманского журнала «Африка хойте», число различных институтов «Франкофонии» (ассоциации, общества, фонды, центры и пр.) уже достигает 74. Франция, таким образом, подчеркивает журнал, «располагает средством внешней политики, которое недоступно для других стран», и сражается со своими конкурентами собственной «системой оружия»¹⁴. Несмотря на тот факт, что за «Франкофонией» в конечном итоге скрывается политика неокolonизма, идея эта вызывает сопротивление со стороны империалистических соперников Франции. Они усматривают в ней отказ от коллективной стратегии, тенденцию воплотить на практике лозунг — «Африка для французов».

Правящие круги Англии и Франции оценивают свои мероприятия и средства в системе идеологического воздействия на освободившиеся африканские страны как вполне достаточные для культивирования у африканских народов недоверия к социалистическим идеям, насаждения буржуазной идеологии и капиталистических отношений. Во всяком случае, Лондон и Париж убеждены, что могут справиться с решением данной задачи в своих быв-

ших владениях самостоятельно. Поэтому вторжение США и других конкурентов вчерашних метрополий в эту сферу порождает противоречия и борьбу.

Факты свидетельствуют о том, что в последние годы наряду с экспортом капитала идеологические мероприятия стали одним из основных инструментов американской экспансии в Африку. Руководящие круги США уже в середине 60-х годов пришли к выводу, что с учетом политических целей одна экономическая «помощь» африканским странам не приносит желаемых результатов. Дивиденды оказались ниже ожидавшихся. Поэтому среди американцев «усиливалось чувство неуверенности относительно того, какой способ оказания помощи является наиболее эффективным», и росло «разочарование поведением ряда африканских наций», — писал в 1969 г. на страницах журнала «Африка рипорт» главный редактор ежеквартальника «Форин афферс» Ф. Квигг. Пересмотр политики шел в направлении сокращения объема экономической «помощи» и перевода финансовых средств в идеологическую сферу. Первый официальный сигнал к этим изменениям прозвучал в речи президента Джонсона в мае 1966 г. перед африканскими послами, аккредитованными в Вашингтоне. Затем основные принципы «нового подхода» США к Африке были разработаны по поручению Белого дома бывшим послом США в Эфиопии Э. Корри в документе, получившем наименование «Доклад Корри». Максимальная отдача за минимальные деньги — такова его основная направленность. Вывод о необходимости всемерного расширения идеологической экспансии как наиболее эффективного средства для проникновения на африканский континент содержится и в последних американских документах, посвященных Африке, в частности в упоминавшемся выше докладе государственного секретаря США Роджерса «США и Африка в 70-х годах»¹⁵.

Для идеологического наступления на Африку в США создана разветвленная сеть организаций, которая постоянно расширяется и модифицируется в соответствии с изменяющейся на африканском континенте обстановкой. Система эта включает не только специализированные службы, как, например, Информационное агентство — ЮСИА и «Корпус мира», но и многочисленные частные организации и фонды, а также практически все без исключения учреждения страны, имеющие какое-либо касательство к внешнеполитической деятельности¹⁶.

На международном Совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в июне 1969 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил, что в наше время «империализм не может рассчитывать на успех, открыто провозглашая свои действительные цели. Он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений, усыпляющих бдительность народов»¹⁷. Среди новых мифов, создаваемых американской пропагандой для Африки, можно наблюдать и такие, которые имеют не только откровенно антикоммунистическое содержание, но одновременно служат целям межимпериалистической борьбы, утверждают гегемонию США в сфере идеологии и политики. Так, настойчиво повторяется тезис о том, что именно США являются «центром» современной цивилизации и «мировым моральным лидером», хотя на эту же роль в глазах освободившихся стран претендуют Англия, ФРГ и Франция. Народам бывших колоний европейских держав внушается мысль, что лишь Америка способна понять их текущие нужды и перспективные задачи. Вместе с тем американская пропаганда присваивает себе монопольное право на толкование и разъяснение процессов, происходящих в освободившихся странах, и даже сути деколонизации. Что же касается «методологических» основ идеологического вторжения США в зоны влияния своих европейских созников, то в последний период курс был взят на «позитивизм» — демонстрацию «бескорыстной», в отличие от бывших колонизаторов, заинтересованности Америки в судьбах освободившихся стран, ее готовности оказать им содействие в преодолении бедствий колониального периода. Таким образом, в завуалированной, но достаточно прозрачной форме США предлагают африканским народам «американскую альтернативу», противопоставляя ее не только, по терминологии Дж. Кеннеди, «коммунистической альтернативе», но и западноевропейскому тезису «взаимозависимой эволюции».

Наиболее полное воплощение эта тактика нашла в американском варианте «третьего пути» для африканских стран и «третьего мира» в целом, выдвинутом в известной мере в противовес аналогичной французской концепции. Обе концепции звучат идентично, но их существенное различие в том — кто будет руководить развивающимися странами на так называемом «третьем пути»? Бывший помощник государственного секретаря США по вопросам

просвещения и культуры, затем один из директоров фонда Форда Дж. Слейтер утверждает, например, что слабо развитые страны «не испытывают желания пуститься в путь по дороге, которой следовали в XX столетии европейские индустриальные государства». Поэтому американские идеологи предлагают другой вариант — США должны «обеспечивать третий путь развития данных стран»¹⁸. Это тем более «естественно», поскольку Америке, как заявляет бывший директор ЮСИА Э. Мерроу, «не раздражают перемены», она ни в коей мере «не стремится канонизировать статус-кво» и ей от рождения «принадлежит патент на изменения, на революцию»¹⁹.

Помимо распространения на африканском континенте информации, демонстрирующей «интерес» США к «модернизации» освободившихся стран и рекламирующей американскую рецептуру их развития, США усиленно пытаются насаждать там американскую культуру. В этой области Вашингтон также встречает сопротивление со стороны бывших метрополий, однако добивается некоторых успехов. «Ложным является представление о том, что влияние Америки на мировую культуру относится в основном к области политической идеологии. В действительности самый важный вклад Америки сделан в области народной культуры, — отмечает А. Мазруи. — Это наступление не проходит без сопротивления. Оно привело к возникновению особого рода антиамериканизма в области культуры, особенно характерного для союзников самой Америки в Западной Европе»²⁰. Вряд ли прав африканский профессор, провозглашая приоритет культуры над политикой в американской экспансии, однако остается фактом, что «культурное наступление» США на Африку также служит политическим целям и является важным средством идейно-духовной интоксикации масс. «Империализм, прежде чем перейти к вооруженному штурму, использует все средства, чтобы «подготовить» почву путем культурного проникновения», — отмечал 4 июля 1966 г. орган Демократической партии Гвинеи газета «Хоройя».

Если пропаганда концепций «развития» и прочих теоретических формул направлена в основном на руководящие круги африканских стран, то средства народной культуры предназначены рядовому африканцу. Этот метод полностью согласуется с американской доктриной «битвы за умы людей», победа в которой, по мнению ее

авторов, открывает перспективы политической гегемонии. Разработку этой темы можно найти в трудах многих идеологов американского империализма. Так, например, бывший директор «Корпуса мира» С. Шривер писал: «Источники всех политических процессов нужно искать в умах и сердцах людей. Именно в городах, деревнях, на фабриках, в профсоюзах и школах, где живут и работают, разговаривают и учатся люди, начинается мировая политика»²¹. Но путь к «умам и сердцам» африканцев пытаются прокладывать не только США. Не менее настойчиво в этом направлении действуют Англия, Франция и ФРГ, что порождает соперничество и борьбу.

География идеологической экспансии США в Африке показывает, что вторжение осуществляется главным образом в те страны, которые представляют наибольший интерес для бывших метрополий и где они сами располагают значительными возможностями идеологического воздействия. Так, главная ударная сила идеологических диверсий США — Информационное агентство на 1969 г. располагало в Африке 70 информационными центрами, но наибольшее число их, а также наиболее крупные размещены в Кении, Нигерии, Уганде, Гане, Марокко, Конго (Киншаса). В Аккре ЮСИА издает тиражом свыше 100 тыс. экз. ежемесячный журнал «Американ аутлук»; в Киншасе — на французском языке аналогичный журнал «Перспектив америкен»; в Нигерии и Уганде отделением ЮСИА выпускаются периодические публикации и брошюры, рассылаемые в адреса различных учреждений и отдельных лиц, и т. д. Кроме того, в Нигерии специально для студентов издается журнал «Найджириен америкен куотерли», а в Уганде даже создана «Угандийско-американская ассоциация культуры». Основные «общафриканские» издания ЮСИА — журналы «Топик», «Эбони», «Диалог» также распространяются главным образом в тех странах, где нет недостатка в соответствующих английских и французских изданиях.

Еще в 1963 г., выступая в подкомитете по африканским делам комиссии по иностранным делам палаты представителей конгресса США, тогдашний директор ЮСИА Э. Мэрроу следующим образом сформулировал основные цели ЮСИА в Африке²²:

— представлять Соединенные Штаты в качестве страны, относящейся с особой симпатией и пониманием к проблемам, стоящим перед африканцами;

— способствовать усвоению африканцами демократических основ американского общества и образа жизни;

— создавать выгодное представление у африканцев о прогрессе и достижениях негров в США и напоминать Африке, что 20 млн. американских граждан являются неграми;

— культивировать американский опыт развития общества как наиболее приемлемый в условиях Африки, причем под лозунгом: «в наших взаимных начинаниях мы — дети аналогичных революций».

Не трудно определить, что за этими целями ЮСИА скрыты чисто американские интересы, а некоторые пункты прямо направлены на подрыв влияния в Африке европейских союзников США.

Характерен в этом отношении пример деятельности одного из крупнейших отделений ЮСИА на континенте — в Лагосе (Нигерия). Этот центр практически осуществляет всю образовательную и культурную программу госдепартамента США в Нигерии; организует торгово-промышленные и прочие выставки, руководит работой нескольких библиотек и культурных центров, распространяет периодическую и прочую пропагандистскую литературу, кинофильмы, телевизионные программы и магнитофонные записи. Кроме того, издает ежеквартальный журнал «Интерлинк», который публикует пропагандистские материалы только о Соединенных Штатах, привлекая, как правило, для их написания нигерийских студентов, политических и общественных деятелей Нигерии, побывавших в США, и нередко выступает с критикой в адрес Англии. Примечательно, что вся эта деятельность ЮСИА разворачивается в африканской стране, за сохранение собственного влияния в которой британский империализм ведет особо настойчивую борьбу.

Один из основных инструментов ЮСИА — радиослужба «Голос Америки», вещающая на страны африканского континента по 120 часов в неделю на английском, французском и многих африканских языках. Передачи «Голоса Америки», по словам руководителей этой службы, направлены на то, чтобы войти важнейшей составной частью в духовную жизнь африканцев, то есть, другими словами, обеспечить идеологическое лидерство США. Цель их, как ее определил упоминавшийся выше Мэрроу, пропагандировать «путь, который правительство США предпочитает для Африки в интересах ее собственной

судьбы». Не удивительно в этой связи, что культурно-пропагандистские представительства Англии и Франции в странах континента начали снабжать африканцев радиоприемниками с постоянной настройкой лишь на их собственное радиовещание.

Острое соперничество между империалистическими конкурентами наблюдается в области африканского телевидения. Англия и Франция опередили США в организации телевизионных станций в ряде африканских стран, но за последние годы американское телевидение все активнее вторгается на континент, используя при этом новейшие технические достижения.

В 1964 г. на международной конференции в Вашингтоне был создан «Международный консорциум телекоммуникационных спутников» («ИНТЕЛСАТ»). В число его участников сейчас входит 14 африканских стран. Решающее влияние в консорциуме принадлежит США, поскольку 53% капитала и более половины голосов в нем находится в руках американской корпорации коммуникационных спутников («КОМСАТ»). В 1970 г. «ИНТЕЛСАТ» использовал четыре спутника связи — космические станции, из которых «Атлантик-2» предназначена для обслуживания Африки.

США придает спутникам связи большое значение в связи с активизацией своей идеологической экспансии в Африке. При «КОМСАТ» был даже создан специальный африканский отдел. С целью привлечения в «ИНТЕЛСАТ» африканских стран американцы резко снизили для них размер взноса. Например, для Нигерии взнос составляет всего 0,3% от общего фонда «ИНТЕЛСАТА» (200 млн. долл.). Значительно сокращена также стоимость организации наземных станций в Африке для связи с «Атлантик-2». В 1969 г. такие станции были сооружены в БСК, Марокко, Нигерии, Сенегале; в 1970 г. — в Камеруне, Кении, Эфиопии, Судане. В 1971 г. ожидалось завершение их строительства в Замбии, а в 1972 г. — в Алжире.

Значительная роль в утверждении идеологического приоритета США на африканском континенте отведена частным благотворительным фондам, тем более что европейские соперники такими мощными инструментами внешней политики не располагают. Используя огромные средства и поддержку правительственных учреждений США, эмиссары фондов развернули активную деятельность в ряде африканских стран.

Фонд Форда впервые появился в Африке в 1951 г. С тех пор на различные «африканские программы» ежегодно выделялось по 10 млн. долл. Основные средства направлялись на подготовку административного аппарата молодых африканских государств и прежде всего руководящих кадров. В отчете фонда за 1967 г. указывалось что «подготовка чиновников и студентов, способных к руководящей работе, — первоочередная задача»²³.

Кроме того, фонд израсходовал около 13 млн. долл. на изучение африканских проблем непосредственно в США. Он также субсидирует Международный африканский институт в Лондоне, Международный центр африканских исследований и ряд других организаций, придавая их деятельности выгодную для США ориентацию.

Фонд Форда неоднократно оказывал прямое противодействие мероприятиям бывших метрополий. Так, созданный в середине 60-х годов под эгидой английского правительства фонд Содружества наций²⁴ намеревался оказать финансовую помощь Нигерии для строительства в Ибадане сельскохозяйственного института. Фонд Форда, используя свои значительно более широкие финансовые ресурсы, перехватил инициативу, и в итоге этот институт был сооружен на американские ассигнования.

Характерно, что на африканском континенте фонд Форда уделяет основное внимание англоязычным странам, а «в странах, тесно связанных с Францией, проводит мероприятия в очень небольших масштабах»²⁵. Объясняется данный факт не только тем, что французы оказывают активности фонда значительно более сильное сопротивление, чем англичане. В этом сказываются и последствия французской колониальной системы, которая привела к значительно большей ассимиляции, чем английская. Поэтому Франция располагает в своих бывших колониях более прочными идеологическими позициями, чем Англия, что учитывают американские «благотворители».

В Лагосе и в Аккре фонд открыл постоянные представительства со штатом сотрудников. Наиболее крупный за последние годы проект фонда Форда — Международный институт тропического сельского хозяйства, который сооружается в Нигерии близ Ибадана. Стоимость его составит примерно 250 тыс. ф. ст. Институт будет введен в действие в 1972 г. Все мероприятия фонда Форда в Африке внешне выглядят как благотворительные, однако преследуют чисто политические цели. Проведение каждого ме-

роприятия сопровождается пропагандистской кампанией, подчеркивающей «бескорыстие» политики США, высокий уровень их развития, научно-техническое превосходство и т. д. Руководителем африканского отдела фонда является Уэйн Фредерикс, опытный дипломат, занимавший с 1961 по 1967 г. пост заместителя помощника государственного секретаря США по африканским делам.

Экспансия фонда Форда в Африке за последние годы расширяется и углубляется. Его программы начинают охватывать самые различные слои населения. В годовом отчете за 1969 г. о деятельности фонда Форда в Африке сказано: «Фонд Форда постепенно меняет свои первоочередные задачи, связанные с предоставлением помощи. Во многих странах поддержка первоначально оказывалась основным просветительным институтам и укреплению еще неопытных административных служб. Сейчас фонд распространяет помощь общественному развитию на более сложном этапе...»²⁶.

Симптоматично, что среди стран, чье «общественное развитие» интересуется фонд в первую очередь, значатся именно те государства Африки, которые отобраны США и зачислены в категорию «ключевых»: Нигерия, Гана, Кения, Эфиопия, Берег Слоновой Кости, Либерия, Конго (Киншаса). Да и за первый период деятельности фонда (1961—1966 гг.) наибольшие суммы получили Нигерия (20,3 млн. долл.) и Кения (2,2 млн. долл.).

О политической направленности деятельности фонда наглядно свидетельствует пример его отношения к Гане. Если при Нкруме фонд обходил Гану знаками внимания, хотя никакого противодействия со стороны ганских властей не встречал, то переворот 1966 г. ознаменовался широким направлением фондовых средств в эту страну. Уже в 1967 г. фонд выделил Гане около 1,5 млн. долл. Примечательны и финансируемые программы: оплата американских советников в ряде министерств Ганы, помощь административной школе при Ганском университете и пр.

Растет влияние в англоязычных странах Африки и других фондов монополистического капитала США. Так, фонд Рокфеллера ежегодно расходует в этих странах около 2 млн. долл. Он, в частности, уже несколько лет оказывает финансовую «помощь» колледжам и Университету Восточной Африки в Уганде. Специалисты фонда работают во многих учебных заведениях. Фонд Рокфеллера

назначает также свои стипендии американским ученым и отдельным университетам и колледжам, разрабатывающим проблемы Африки. Корпорация Карнеги еще в 1927 г. обратила внимание на Африку. Теперь она направляет свои средства (ежегодно около 800 тыс. долл.) в основном на те же цели, что и два вышеназванных фонда.

Важное место в арсенале средств духовной и идейной обработки африканцев занимают американские миссионеры, в адрес которых, по замечанию Р. Эмерсона, «из бывших метрополий постоянно идут обвинения в том, что миссионеры настраивают местных жителей против их европейских друзей»²⁷. Обвинения эти, видимо, не случайны. Американские религиозные организации накопили солидный опыт работы на африканском континенте, а после достижения большинством стран Африки независимости значительно активизировали в них свою деятельность. Если в 1945 г. в Африке насчитывалось примерно 3 тыс. американских миссионеров, то к 1965 г. их стало уже около 10 тыс., в том числе в Нигерии — 1,2 тыс., Конго (Киншаса) — 1,2, Эфиопии — 400, Либерии — 250, Танзании — 245; Гане — 114 тыс. и т. д. Католические и протестантские организации издают в Африке журналы и даже имеют в своем распоряжении радиостанции.

Прежде всего деятельность американских миссионеров в Африке подчинена задачам антикоммунизма, борьбе с распространением марксистско-ленинской идеологии. Но вместе с тем она направлена и против европейских конкурентов США, политику которых в Африке американские миссионеры исподволь дискредитируют. Располагая широкой аудиторией на континенте, они проповедают непричастность США, в отличие от европейских держав, к колониализму, их «человеколюбие», «понимание» африканской души и пр. Кроме того, миссионеры пытаются практически продемонстрировать смысл «американской концепции свободного общества» путем организации «на средства верующих граждан США — друзей Африки» больниц, школ, университетов и других объектов. Следует отметить, что, немало преуспев в этом направлении, США с каждым годом расширяют данную сферу своей деятельности в американских странах. По данным Национального совета церковью США, к 1964 г. американские протестанты имели в Африке 200 больниц около 6 тыс. школ, охватывающих свыше 500 тыс. детей, один университет, 10 колледжей и большое количество

разбросанных по всей Африке духовных семинарий. К 1970 г. число этих объектов возросло в целом примерно вдвое. Католические миссионеры, объединенные в «Общество африканских миссионеров», также контролируют деятельность около полутора тысяч больниц и медпунктов, колледжей, средних и начальных школ, в которых учится 1 млн. детей.

В последние годы американские миссионерские группы в Африке, приспособившая свою деятельность к требованиям времени, участвуют и в осуществлении отдельных сельскохозяйственных проектов, выступают инициаторами создания кооперативов, финансируют строительство дорог, различных мастерских и т. д.

Вторжение церкви в эту чисто мирскую сферу официально объясняется также задачами борьбы с коммунизмом. Видный американский церковник Томас Битан в книге «Христианство и новая Африка» пишет, что только путем участия в решении насущных проблем Африки можно якобы устранить условия, которые делают коммунистическую идеологию привлекательной в глазах африканцев²⁸. Однако на практике это «участие» оборачивается своей другой стороной. Пользуясь тем, что в большинстве стран Африки сельские районы, как правило, находятся в стороне от политической и общественной жизни и население их подчас даже не слышало слова «коммунизм», зато хорошо знакомо с понятием «английский или французский колонизатор», миссионеры открыто ведут среди местных жителей проамериканскую пропаганду, всячески противопоставляя США бывшим метрополиям.

Бывший посол Эттвуд, отдавая в своей книге дань деятельности американской церкви в Африке, вспоминает, как во время его поездки по Гвинее работающие там миссионеры с гордостью рассказывали, что в результате их проповедей гвинейцы «стали хорошо говорить об Америке»²⁹.

Не следует, естественно, придавать слишком большое значение соперничеству империалистических держав в вопросах идеологического воздействия на освободившиеся страны. В конечном итоге стратегическая цель у них общая, определяемая борьбой двух мировых систем. Но вместе с тем анализ и учет межимпериалистической конкуренции в этой сфере, характера столкновений методов идеологической экспансии, направленных на укрепление

политического влияния «национального» империализма в той или иной освободившейся стране, может облегчить прогрессивным силам выбор наиболее эффективных контрмероприятий, разработку антиимпериалистической контрстратегии.

ГЛАВА XII. ПОДГОТОВКА НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ КАК ОБЪЕКТ МЕЖИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Подготовка национальных кадров — одна из важнейших задач, стоящих перед освободившимися странами Африки на их пути к достижению подлинной самостоятельности и окончательной ликвидации последствий колониального господства.

Империалистические державы подходят к проблеме подготовки национальных кадров в Африке с нескольких позиций. Во-первых, будучи экономически заинтересованы в повышении роли освободившихся стран как источников прибылей, а следовательно, в их развитии, они вынуждены оказывать молодым государствам содействие в организации систем общего и специального образования, стремясь, однако, сохранить полный контроль над этим процессом за собой. Во-вторых, воздействие на формирование национальных кадров империалистические державы пытаются использовать для оказания общего идеологического влияния на широкие круги местной общественности. В-третьих, подготовка местных кадров рассматривается Западом как средство создания своей новой социальной опоры в освободившихся странах, проимпериалистической прослойки, которая выступала бы носителем буржуазных идей и способствовала бы решению главной задачи неокolonизма — сохранению развивающихся стран в системе капиталистического способа производства¹.

Таким образом, цели и задачи империалистических держав в этой сфере представляются едиными и оснований для противоречий как будто нет. Однако и здесь существует острое соперничество. Оно объясняется тем, что вопросы подготовки национальных кадров освободившихся стран неразрывно связаны и с перспективами политического влияния на них того капиталистического государства, которое осуществляет контроль над этим процессом.

Сами империалисты не скрывают того обстоятельства, что теперь речь идет об их национальных интересах, о том, какая из империалистических держав обеспечит себе решающее влияние в той или иной развивающейся стране. Особо ревностно отстаивают свой приоритет в подготовке национальных кадров бывшие метрополии, а их основными конкурентами выступают США и ФРГ.

Журнал «Политикал куортерли», в частности, указывая, что в университеты Англии течет постоянный поток людей со всех концов мира и этот поток «необходимо сохранять, несмотря ни на какие расходы, ложащиеся дополнительным бременем на финансирование системы образования», пришел к многозначительному выводу: «Утрата английскими университетами роли международных образовательных центров была бы для Англии такой же катастрофой, как, скажем, поражение в морской битве в те времена, когда наша морская мощь была определяющим фактором в истории»². Это объясняется тем, что в связи с крахом колониальной империи английские правящие круги приступили к созданию разветвленной системы привлечения в Англию студентов из бывших колоний с целью дать им образование в английском духе и «ненавязчиво» выработать мировоззрение, отвечающее интересам бывшей метрополии. Параллельно шло насыщение освободившихся стран английскими преподавателями. Подлинные задачи этих мероприятий раскрывает заявление бывшего государственного министра по делам военно-морских сил Англии Кристофера Мэйхью: «В битве за международное влияние мы, наконец, в полной мере пустим в ход наше самое могущественное оружие — английский язык... Потребность в учителях английского языка в мире будет бесконечной, а это предоставит Англии прекрасную возможность помогать развивающимся странам и завязывать с ними дружественные отношения»³. Английский министр ставит знак равенства между помощью в образовании развивающимся странам и «битвой за международное влияние». И это не случайно. Необходимость предоставления политической независимости колониям и подопечным территориям породила для английского империализма проблему создания в освободившихся странах новой «человеческой инфраструктуры», способной в изменившихся условиях охранять его позиции. Неоколониализм, как и любая политика, на что ука-

зывает В. И. Ленин, «ведется через людей». Пути к решению этой проблемы Лондон, как и другие западные державы, усматривал в специальной подготовке руководящих кадров для молодых государств, продвижении их на ключевые посты в государственном, партийном и профсоюзном аппаратах.

Среди английских методов создания новой социальной опоры в освободившихся странах основное место занимает подготовка так называемых «сторонников» Англии из различных слоев местного населения. С начала 60-х годов в руководящих кругах английской внешней политики и в обслуживающей эти круги политической науке стало расти понимание того очевидного факта, что в отношении молодых завоевавших политическую независимость государств уже неприменима военная сила, а средства экономического давления недостаточны. Появилась необходимость в других каналах прямого и косвенного политического влияния, иными словами — в людях на соответствующих постах в государственном аппарате, армии, карательных органах, политических партиях, профсоюзах, в сфере экономики и т. д., которые послушно действовали бы в соответствии с интересами английского империализма.

Задачу подготовки своих сторонников в молодых государствах Африки Англия решает многими способами, среди которых важное место занимает так называемая «англизация» отобранных лиц. Английский социолог Р. Харрис в своей книге «Независимость и ее результаты» утверждает, например, что в большинстве случаев представитель развивающейся страны, «вернувшись на родину после нескольких лет пребывания в учебных заведениях Англии, обнаруживает, что местный уровень жизни и культура... уже не отвечают его потребностям. Если он не принадлежит к редкой категории людей, способных в силу личных качеств ассимилировать в себе обе культуры, то неминуем процесс его англizations. Такой человек вряд ли будет принимать участие в борьбе против имперского руководства». Далее автор поясняет взаимосвязь метода «англizations» с обеспечением интересов Англии в освободившейся от колониального господства стране. «Когда с относительного согласия империи происходит предоставление независимости, к власти приходят люди, для которых единственно достойным подражанием примером является Англия. Суждения этих людей лишены уз-

конациональной окраски, и психологически они независимы от своей родины»⁴.

По словам Харриса, «англизированные лица, как и сформированные из них правительства, лишь формально выглядят независимыми. Прямое или косвенное господство Запада обеспечивается выбранными этими лицами союзниками, подписанными ими военными договорами и прочими факторами»⁵. Автор, конечно, преувеличивает роль предлагаемого им метода. Далеко не все представители освободившихся стран — бывших колоний Англии поддаются «англизации». Однако Лондон прилагает существенные усилия к тому, чтобы сохранить контроль над подготовкой кадров, особенно для стран англоязычной Африки, за собой.

Отметим попутно, что теория «англизации» — отнюдь не изобретение Харриса. Ученый лишь облек в наукообразную форму тезис, который был выдвинут еще А. Иденом в бытность его премьер-министром Англии. В связи с проведением мероприятий по сохранению английского влияния на Кипре Иден указывал министру по делам колоний, что «многого можно достигнуть, предусмотрев организацию институтов со статусом университета, связанных с нашими университетами. Это поможет вырвать киприотов из-под культурного влияния Афин»⁶.

Практические мероприятия Англии выразились прежде всего в том, что перед студентами из молодых государств были широко открыты двери английских университетов и других учебных заведений. В 1963 г. в Англии обучалось более 45 тыс. представителей освободившихся государств. В 1967 г. количество иностранных студентов этой категории уже достигло 53 700 (из них от стран — членов Содружества — 44 411), а в 1969 г. — более 70 000, из которых примерно 11 000 составляли африканцы. Одновременно усилился поток командируемых в освободившиеся страны английских преподавателей. С 1964 г. их количество там увеличивается примерно на 1500 человек в год.

Значение, которое правящие круги Англии придают подготовке национальных кадров, иллюстрируется хотя бы тем фактом, что при общей нехватке мест в английских учебных заведениях студентам из развивающихся стран предоставлено 8% мест в университетах и 9% мест в технических колледжах.

Решая задачи подготовки и воспитания в развивающихся странах «англизированных» кадров методом «кон-

тролируемого» университетского образования, английские правящие круги постоянно совершенствуют необходимые для этой цели органы координации и управления. Еще в 1948 г. была учреждена «Ассоциация университетов Британского содружества», переименованная в 1963 г. в «Ассоциацию университетов Содружества». Она координирует и контролирует деятельность 143 высших учебных заведений в 18 странах. Руководящий орган — Совет включает президента, вице-президента, генерального секретаря, почетного казначея и 16 выборных членов. Рабочий аппарат состоит из 50 человек.

На годичном совещании членов Ассоциации в 1965 г. ее генеральный секретарь Д. Фостер следующим образом определил задачи этой организации: «Мы стараемся держать открытыми двери университетов всех членов Содружества для свободного обмена информацией, людьми и идеями. Мы выступаем также в качестве административного центра всех входящих в Ассоциацию университетов по любым вопросам, которые возникают у них в Лондоне»⁷.

Ассоциация ежегодно командировывает в заморские университеты примерно по 150 профессоров и преподавателей для проведения «согласованной политики в области высшего образования», то есть такой политики, которая отвечает интересам бывшей метрополии. Кроме того, действуя в тесном контакте с Британским советом, Ассоциация регулирует поток в английские университеты студентов из освободившихся стран. В 1964—1965 гг. рассматривалось предложение о создании в Лондоне специального университета для студентов из стран Содружества. Но идея эта была отвергнута из тех соображений, что для воспитания цветных студентов в проанглийском духе более целесообразно распылять их по всем английским учебным заведениям. «Я не думаю, чтобы члены Совета поддержали идею создания единого Университета Содружества,— заявлял по этому поводу Фостер.— Мы полагаем, что все наши университеты должны быть университетами Содружества в смысле их готовности принимать студентов из других стран. Мы считаем, что было бы большой ошибкой концентрировать студентов из стран Содружества, приезжающих на учебу в Англию, в одном специальном учебном заведении»⁸.

Усиление межимпериалистического соперничества в сфере подготовки национальных кадров африканских

стран, а также рост влияния в этой области государств социалистического содружества вынудили правящие круги Англии осуществить в 1970 г. новые организационные мероприятия.

Цель их — еще большая централизация руководства и контроля над системами образования освободившихся стран.

1 апреля 1970 г. в Лондоне начал функционировать новый Центр по развитию образования в заморских территориях, созданный министерством развития заморских территорий. В задачи центра входит обеспечение «информацией, советами и другими видами помощи всех учреждений, связанных с совершенствованием всех видов образования»⁹. Центр действует в тесном контакте с Британским советом. Его представители в развивающихся странах будут одновременно и представителями центра. Среди практических функций нового органа — создание местных образовательных центров и систем в развивающихся странах, организация подготовки в Англии и на местах кадров преподавателей и руководителей учебных заведений, внедрение новых методов обучения, включая радио и телевидение.

Характерно, что деятельность этого учреждения распространяется не только на страны Содружества. Его представители находятся, например, в Эфиопии и ряде других африканских стран.

Франция также незамедлительно приняла меры по ограждению зоны своих интересов на африканском континенте от идеологической экспансии США и других конкурентов. Перед французами стояла в этом отношении более легкая задача, чем перед англичанами, поскольку применявшаяся Францией система прямого управления колониями заблаговременно позволила ей решить многие кадровые вопросы в зависимых странах. Затем по соглашениям о сотрудничестве в области образования, заключенным с бывшими колониями, система их школ, средних и высших учебных заведений была полностью поставлена под контроль Парижа. Преподавание велось только на французском языке, по французским программам и французскими преподавателями. «Французы в значительно большей степени, чем англичане, стремились к тому, чтобы довести стандарты системы образования африканцев до уровня, принятого в метрополии... Это было необходимо для подготовки их к занятию высоких постов»¹⁰, —

отмечает профессор истории университета в Абердине (США) Д. Харгривс.

В соответствии с разработанным курсом французское правительство сразу же после завоевания независимости африканскими колониями приступило к интенсивному направлению туда преподавательских кадров. В 1968 г. в странах франкоязычной Африки находилось примерно 28 тыс. французских учителей и 1260 преподавателей высших и средних учебных заведений. Там же функционирует несколько десятков чисто французских школ и множество стационарных лекториев институтского типа.

Для руководства этой разветвленной системой в Париже были созданы специальные органы управления во главе с Государственным секретариатом по делам заморских департаментов и территорий и Государственным секретариатом по иностранным делам, ведающим вопросами сотрудничества со странами Тропической Африки. К числу основных учреждений Франции, занимающихся вопросами подготовки и переподготовки национальных кадров, относятся Университетская ассоциация борьбы за развитие просвещения и культуры в Африке и на Мадагаскаре, Комитет по развитию научного обмена между университетами, ведущими преподавание на французском языке, Фонд высшего образования в Центральной Африке, Международный институт государственной администрации, Международный институт права франкоязычных стран и ряд других. В целом в этой сфере занято около 260 различных организаций.

Особое внимание Париж уделяет военным кадрам франкоязычных стран Африки. По заключенным соглашениям эти кадры должны обучаться только во Франции. В 1968—1969 гг. во французских военных учебных заведениях проходили курс подготовки 2600 африканских военнослужащих, в том числе 673 алжирца. Кроме того, для «помощи на месте» в строительстве вооруженных сил африканских стран там постоянно находятся французские инструкторы и специальные миссии. В 1969 г. таких миссий насчитывалось 18, общей численностью около 2500 офицеров и унтер-офицеров.

В ряде африканских стран с помощью Франции были созданы и укомплектованы французским преподавательским составом университеты в Дакаре, Тананариве, Абиджане, Яунде, Порто-Ново и центр высшего образования в Браззавиле. Французские власти ревностно следят за

тем, чтобы в эти университеты без их санкции не проник ни один преподаватель из какой-либо другой страны.

Постоянно увеличивается и число обучающихся во Франции африканских студентов. В 1959/60 учебном году их насчитывалось около 3 тыс., а в 1968/69 г. — свыше 6 тыс., или 15% общего числа обучающихся во французских вузах иностранных студентов. Характерно, что подавляющее большинство африканцев обучается на гуманитарных факультетах. В этом проявляется тенденция французских правящих кругов к обеспечению в первую очередь политического и культурного влияния бывшей метрополии в молодых государствах. Этой цели служит и деятельность созданной в 1960 г. под эгидой министерства иностранных дел Франции, министерства финансов и экономики и ряда частных учреждений Ассоциации по приему и стажировке технических кадров заморских территорий. Ассоциация обеспечивает не только специальную подготовку стажеров, но и их идеологическое воспитание в профранцузском духе. С каждым стажером работа ведется по индивидуальному плану на протяжении всего его пребывания во Франции, а после отъезда контакт с ним поддерживается путем переписки. Эта система «офранцузивания» — прямое продолжение системы ассимиляции представителей развивающихся стран — призвана формировать из них социальную опору французского империализма.

В 1963 г. во Франции в противовес американскому «Корпусу мира» была создана Ассоциация «добровольцев прогресса», руководящий комитет которой возглавил статс-секретарь по иностранным делам. Основной контингент «добровольцев» — это освобожденные от несения воинской повинности призывники. После специальной подготовки их направляют в африканские страны в качестве учителей, инструкторов по ведению сельского хозяйства, оказанию медицинской помощи и т. д. «Добровольцы прогресса» появляются, как правило, в тех пунктах, куда прибывают американские волонтеры. Фактически основная задача «добровольцев» — опередить или вытеснить своих заокеанских коллег.

Свидетельством значения, которое правящие круги Франции придают подготовке национальных кадров для своих бывших африканских колоний, может служить тот факт, что эта проблема поднята на уровень государственной политики и входит в прерогативу министерства ино-

странных дел страны. Оно несет прямую ответственность за внедрение в развивающихся странах французского языка и «помощь» им в подготовке национальных кадров.

Естественно, что усилия Лондона и Парижа, направленные на сохранение за собой контроля над подготовкой национальных кадров для своих бывших владений, определяются не только фактором межимпериалистической борьбы, необходимостью противодействовать соперничеству конкурентов. Это одновременно и важный элемент стратегии английского и французского неокOLONИализма в целом, попытка регулировать дальнейший рост национального самосознания в освободившихся странах и, наконец, форма сопротивления усилению идеологического влияния на эти страны со стороны государств социалистической системы. Однако политика империалистических конкурентов в этой области, и в первую очередь США, в немалой степени стимулирует контрдействия как Англии, так и Франции, в чем нетрудно убедиться, если рассмотреть заявления и практические мероприятия американцев, относящиеся к проблеме африканских кадров.

В докладе государственного секретаря США Роджерса президенту Никсону «Соединенные Штаты и Африка в 70-х годах», опубликованном 29 марта 1970 г.¹¹, недвусмысленно утверждается, что именно Соединенные Штаты «служат политическим источником вдохновения для африканцев», многие из которых обучались в Америке, а затем стали «руководителями движения за независимость своих стран». Отмечая далее, что во многих африканских странах правительства возглавляют молодые руководители, Роджерс предлагает уделить особое внимание программам «сотрудничества» с молодыми африканцами, с тем чтобы «подготовить их к нынешним и будущим обязанностям». Он определяет и главные сферы такого сотрудничества — это просвещение, техническое обучение и «поддержка» в рамках «Корпуса мира». В принципе эти идеи не новы. Еще бывший директор «Корпуса мира» С. Шривер заявлял, что корпсмены готовят «новые поколения национальных лидеров», которые в дальнейшем должны ориентироваться на США. Важность воспитания африканской молодежи под американским контролем подчеркивал, например, профессор Станфордского университета В. Ле Вин в своей книге «Политическое руководство в Африке»¹². В отличие от

расплывчатых формулировок Роджерса специалисты по «американизации» африканской молодежи применяют точные дефиниции, заявляя, что речь идет о создании в Африке широкой прослойки «сторонников» США, то есть опоры американского империализма.

Практическая деятельность Вашингтона в сфере подготовки африканских кадров убедительно демонстрирует тот факт, что социальная экспансия становится в настоящее время не только одним из важнейших средств классового влияния международного капитала на процесс становления и развития освободившихся стран. Это и оружие укрепления позиций отдельных империалистических держав. Характерно, например, что больше половины подготовляемых при помощи США африканцев составляют государственные чиновники, работники идеологического сектора, учителя, специалисты в области кооперативного движения и т. п. Еще в 1965 г. во время слушания в конгрессе США вопроса об обучении африканских студентов отмечалось: «Политические перемены происходят неожиданно, и их последствия нам дорого обойдутся, если не принять основательные и своевременные меры по подготовке квалифицированных и способных руководителей»¹³.

Американские правящие круги приняли эти меры. Только государственные расходы США на подготовку кадров для молодых государств выросли за последние 15 лет в одиннадцать раз и превысили 200 млн. долл. в год. Увеличения ассигнований были связаны с программами Дж. Кеннеди (в 1961 г.) и Л. Джонсона (в 1967 г.). К «высшим приоритетам» подготовка кадров отнесена и в африканской программе Р. Никсона. Так, масштабы подготовки африканских студентов в американских высших учебных заведениях в 1969 г. по программе «АСПАУ» существенно расширились, а ассигнования на эти цели вдвое превысили бюджет 1968 г. Кроме того, помимо обучения студентов США проводят стажировку молодых национальных специалистов. Например, в Кембридже (Массачусетс) частной консультативной компанией «Артур Д. Литтл» организованы 10-месячные курсы для бизнесменов из африканских стран. Примечателен и тот факт, что в самой Африке 77% национальных выпускников регулярно используется миссиями УМР на выполнении отдельных заданий, то есть американцы обеспечивают работой значительный процент молодых специалистов,

подготовленных с помощью США, что также преследует цель популяризировать эту помощь.

Система образования в странах Африки с момента их освобождения стала привлекать пристальное внимание США и быстро превратилась в предмет межимпериалистического соперничества. Если в 1954—1955 гг. число обучающихся в США африканцев составило 1234 человека, или 3,6% общего количества иностранных студентов, то в 1964—1968 гг. их уже было 6865 (8%), а в 1968—1969 гг. — примерно 15 000 (18%). Причем рост в основном произошел за счет англоязычных стран Африки, то есть бывших владений Англии. Например, в 1965 г. в США обучалось: из Нигерии — 1382 человека, Танзании — 305, Ганы — 282, Кении — 774, Уганды — 223, ЮАР — 390 и Южной Родезии — 203. Далее следуют Либерия и Эфиопия, направившие 581 студента. Франкоязычная Африка была представлена лишь Гвинеей и Конго (Киншаса) — примерно по сто человек. В последующие годы существенных изменений в этом соотношении не произошло.

С 1960 г. в США начала функционировать программа «АСПАУ», своеобразная патронажная система обучения африканцев, объединившая более 200 американских колледжей и университетов. В 1967—1968 гг. по этой программе в Америке обучалось 1306 африканских студентов. И в этом случае основной упор был сделан на англоязычные страны Восточной и Западной Африки. В 1961 г. американцы даже создали своеобразный «воздушный мост» Кения — США, по которому было перебросено несколько сот кенийских и других студентов.

Небезынтересно, что американцы уделяют значительное внимание проблеме обучения африканцев — выходцев из Южной Африки, большей частью политических эмигрантов. Афро-американский институт построил для них ряд специальных школ в Танзании и Замбии. В США этим вопросом занимается организация, именуемая «САСП», учрежденная госдепартаментом. В 1965 г. по этой программе в США обучалось уже 339 южноафриканских студентов, а затем ежегодно их число увеличивалось на 120 человек. Эта программа — дань политике дальнего прицела, вклад в будущую борьбу за влияние на юге континента. Фактически таким образом готовятся нужные для перспективных планов США южноафриканские кадры, которые, как отмечает Р. Эмерсон, «возьмут на свои плечи ответственность, когда рано или поздно эти страны

станут самостоятельными»¹⁴. Характер и цели данного мероприятия раскрывают и официальные лица. Помощник государственного секретаря США заявил по этому поводу в сенате: «Образование, которое эти студенты получают здесь, поможет им подготовиться к внесению ответственного и конструктивного вклада в развитие Африки и обеспечить грамотное и демократическое руководство своими народами»¹⁵. Из Лондона неоднократно раздавались голоса, протестующие против американских мероприятий в отношении эмигрантов из ЮАР и особенно Родезии, которая формально сохраняла статус английской колонии.

Американцы пытаются потеснить англичан и из объектов, в которых Англия особенно настойчиво укрепляет свои позиции. Например, из средств УМР и фонда Форда «помощь» получают Восточноафриканский университет, университеты Ботсваны и Лесото. Особенно активно экспансия США осуществляется в сферу образования стран Восточной Африки. Характерная особенность американской «помощи» Кении состоит в том, что она в основном идет на расширение системы общего и специального образования. Главное внимание уделяется подготовке административных работников, кадров для армии и полиции, строительству молодежных центров и школ по обучению современным методам ведения сельского хозяйства, расширению университетского образования. Возглавляют эти программы и мероприятия специалисты из Соединенных Штатов Америки.

Эта тактика — результат заблаговременного планирования. Об этом говорит тот факт, что сразу же после провозглашения независимости Кении США приступили к строительству там 17 школ, 6 колледжей, 19 фермерских учебных центров, административного института, медицинского училища и т. д. 11 декабря 1968 г. был открыт новый корпус инженерного факультета, построенный на американские средства. В 1969 г. по линии УМР в Кении работало 33 преподавателя учительских колледжей и 133 учителя средних школ. В Уганде с помощью США построен институт по подготовке административных кадров и ряд других учебных заведений. Была принята и осуществляется специальная программа «Учителя для Восточной Африки».

Из числа африканских студентов, обучающихся в настоящее время в США, свыше 80% составляют представи-

тели англоязычной, и в основном Восточной, Африки. Такая активность уже начинает давать результаты. «Масштабы обучения африканцев в Соединенных Штатах растут с каждым годом как в абсолютном, так и в относительном исчислении,— пишет Али А. Мазруи,— и навыки, приобретаемые студентами в процессе их обучения в США, оказывают своего рода кумулятивное влияние на определенные аспекты национальной жизни в их странах»¹⁶.

Образование — не та сфера, где межимпериалистические противоречия разрешаются в форме острых столкновений. Сопrotивление конкуренту в этой области осуществляется подспудно, но последовательно. «Английские государственные чиновники, перешедшие на службу к правительству Кении, часто противодействовали попыткам американцев ввести реформы в бюрократические порядки,— вспоминает бывший посол США в Кении У. Эттвуд,— например, профессионально-технические курсы по сельскому хозяйству были введены только по нашему настоянию и вопреки решительным возражениям со стороны англичан»¹⁷. Улаживание возникающих конфликтов было, по свидетельству Эттвуда, «не легкой задачей». Предметом разногласий является, естественно, не метод преподавания и не «бюрократический порядок». Недовольство англичан вызывали отнюдь не процесс или характер обучения, а политические последствия вторжения США в контролируемую Англией сферу. «Я видел, что нам предстоит еще много работы в области общественной информации, чтобы рассеять недоразумения и довести до минимума трения с нашими английскими коллегами»,— пишет в этой связи У. Эттвуд.

Для правящих кругов США одним из важных инструментов захвата контроля над подготовкой национальных кадров служит «Корпус мира». Образование — основная сфера его деятельности, на «ниве просвещения» подвизается около 80% волонтеров. «Корпусу мира» посвящена не одна страница советской научной и публицистической литературы. Ученые и публицисты подробно останавливались на истории возникновения этой организации, разоблачали скрытую в ней опасность для судеб молодых государств. Но «Корпус мира» — это и американское орудие в борьбе с империалистическими конкурентами за политическое влияние в освободившихся странах, и в первую очередь в области образования.

Создание «Корпуса мира» непосредственно связано с трансформацией внешней политики США в отношении развивающихся стран, явившейся результатом существенных изменений общей международной обстановки. В условиях роста могущества мировой социалистической системы, укрепления ее влияния в развивающихся странах Соединенным Штатам пришлось искать новые уточненные методы навязывания им своего политического господства. «Корпус мира» был призван стать как бы символом отношений США с освободившимися странами, строящихся в противовес бывшим метрополиям под вывесками «антиколониализма», «бескорыстного» стремления помочь развитию, «индифферентности» к внутривнутриполитическим процессам. Отправная идеологическая платформа «Корпуса мира» — антикоммунизм. Это не скрывают и сами его организаторы. Но закономерность истории такова, что, хотя политическая и идеологическая экспансия «Корпуса мира» направлена против социалистических идей и национально-освободительного движения, его жертвами становятся и союзники американского империализма. Анализ практической деятельности «Корпуса» показывает, что она направлена, особенно в сфере образования, на то, чтобы многочисленными нитями привязать развивающиеся страны к политической и экономической системе США, убедить народы этих стран в «преимуществах» американского образа жизни. В школах, колледжах и университетах преподаватели-корпсмены исподволь готовят из своих учеников и слушателей проамерикански настроенную прослойку. В министерствах и ведомствах консультанты «Корпуса мира» пропагандируют американскую систему частного предпринимательства, дают советы, отвечающие интересам США. В сельскохозяйственных учебных заведениях африканцев обучают ведению хозяйства по американскому образцу, управлению американской сельскохозяйственной техникой, пользованию американскими химикатами; в строительство внедряются американские машины, оборудование и технология; будущих медиков приучают к американским рецептуре и медикаментам и т. д.

Все это, естественно, учитывается и империалистическими конкурентами Соединенных Штатов Америки. Франция, например, в тех странах франкоязычной Африки, где располагает соответствующими возможностями, пытается всячески препятствовать деятельности

«Корпуса мира», вплоть до инспирирования высылки волонтеров.

Деятельность «Корпуса мира» распространяется на все бывшие африканские владения Великобритании и на часть стран французской ориентации. Одно из объяснений этому — языковой барьер. Но главная причина заключается в том, что Франция оказывает значительно большее сопротивление американской «образовательной экспансии», чем Англия. Из 3296 волонтеров «Корпуса мира», находившихся в Африке в 1968 г., на франкоязычные страны пришлось лишь 839 человек, то есть около 26%, причем $\frac{2}{3}$ из них находятся в Тунисе, БСК, Марокко и Сенегале. Во главе списка англоязычных стран стоят Кения, Гана, Сьерра Леоне и Малави. Если к этому перечню добавить Эфиопию и Либерию, где находится наибольшее по сравнению со всеми африканскими странами число волонтеров, то становится ясным, что в задачи «Корпуса мира» входит не только «прикрытие нейтрального массива от советского влияния»¹⁸, но и оттеснение империалистических союзников США. Симптоматично в этой связи, что, например, в Кении, правительство которой с 1966 г. резко ограничило контакты с Советским Союзом, количество добровольцев «Корпуса мира» продолжает расти. В 1968 г. их было там 261, а в 1969 г. прибыло еще 132, причем около 300 корпсменов занимаются преподавательской деятельностью.

Уже сейчас системы школьного образования в Тунисе, Марокко, Либерии, Гане, Малави в значительной степени находятся под американским влиянием. В Эфиопии $\frac{3}{4}$ школ следуют американской системе обучения, пользуются учебными пособиями США.

Тот факт, что деятельность «Корпуса мира» преследует в первую очередь политические цели, с неохотой признается и в самих США. Проведенный в 1968 г. опрос среди волонтеров показал, что 30% опрошенных ответило утвердительно на вопрос: «Считаете ли вы, что «Корпус мира» больше занимается рекламированием США, чем оказанием действительной помощи развивающимся странам?»¹⁹. Этот тезис косвенно подтвердили бывший директор «Корпуса» Д. Вон, заявивший в Колумбийском университете в Нью-Йорке, что «Корпус мира» — «инструмент внешней политики США»²⁰, а также сам государственный секретарь Роджерс в речи во время визита в штаб-квартиру «Корпуса» в январе 1969 г.

Если в первый период после достижения африканскими странами независимости сопротивление бывших метрополий вторжению США в сферу подготовки национальных кадров носило характер пассивного сопротивления и в основном сводилось к проведению мероприятий, опережающих соответствующие акции американцев, то по мере усиления экспансии конкурента Англия и особенно Франция стали оказывать ему прямое противодействие.

В Западной Африке отношение французских представителей к американским стало носить откровенно враждебный характер. Забила тревогу и французская печать, сетуя на то, что правительство «проглядело» усиление активности США. «Вплоть до 1958 г. США плохо знали «черный мир», к которому их не подпускали Лондон и Париж,— констатировала в июне 1969 г. газета «Монд»,— но затем усилия, которые прилагали Соединенные Штаты для того, чтобы подготовить эффективных специалистов по Африке, должны были заставить нас занять иную позицию». Особое недовольство Парижа вызвало распространение активности «Корпуса мира» на франкоязычные страны континента — в 1967—1968 гг. американцам удалось подписать соглашения о направлении волонтеров в Чад, Верхнюю Вольту и Дагомею, а также увеличить число корпусменов в Габоне и Нигере. Занятая в связи с этим Францией иная позиция была воспринята в Вашингтоне с нескрываемым раздражением. По поводу высылки из Габона в январе 1968 г. всей группы волонтеров «Корпуса мира» газета «Вашингтон пост» 14 февраля 1968 г. в статье под заголовком «В выдворении из Габона «Корпуса мира» видна рука де Голля» писала: «В официальных кругах Вашингтона подозревают, что французский президент предпринял очередной антиамериканский маневр». В марте 1968 г. угроза выдворения нависла и над корпусменами в Нигере. Лишь поездка туда директора «Корпуса мира» Вона привела к отмене решения А. Диори. Действия Франции, однако, принесли некоторые результаты. В феврале 1968 г. США были вынуждены официально объявить, что деятельность «Корпуса мира» по распространению английского языка будет прекращена во всех франкоязычных странах Африки.

Уход де Голля не изменил курса Франции на сохранение своего приоритета в подготовке кадров для африканских стран. В упоминавшемся выше выступлении в национальном собрании 25 апреля 1970 г. министр иностран-

ных дел М. Шуман прямо заявил, что Франция не может «безразлично относиться, например, к тому, что число молодых алжирцев, изучающих французский язык, стало сейчас в пять раз больше, чем это было десять лет назад, и французский язык — это обязательный предмет, который преподают тунисцам с 6—7-летнего возраста».

Борьба империалистических держав в сфере подготовки африканских кадров будет продолжаться до тех пор, пока сами освободившиеся страны не возьмут в свои руки полный контроль над этой важнейшей для их дальнейшего развития социальной проблемой. Речь не идет о том, что молодые государства должны обходиться в этом вопросе без помощи извне. Такой подход не реален, и в Африке нет для этого ни базы, ни условий. Но кадры — это классовая проблема. Либо освободившиеся страны путем соответствующего законодательства и других мер обеспечат формирование новых социальных сил, способных ускорить их национальное, антиимпериалистическое развитие, либо будет создана социальная опора империализма, не только облегчающая закрепление этих стран в системе мирового капиталистического хозяйства, но и связывающая их или с бывшими метрополиями, или с их империалистическими конкурентами.

Нельзя забывать и о том, что возрастающая помощь Советского Союза и других социалистических стран народам Африки в экономическом и культурном строительстве, важнейшую часть которой составляет подготовка африканских кадров, заставляет империалистические державы активизировать свою деятельность в этой сфере, обостряет межимпериалистическую борьбу за сужающиеся зоны влияния. Но вместе с тем вклад социалистического содружества в дело полного социального освобождения африканских стран в огромной мере облегчает им борьбу за подлинный национальный прогресс.

ГЛАВА XIII. ПОПЫТКА ЗАХВАТА КОНТРОЛЯ НАД ПРОФСОЮЗНЫМ ДВИЖЕНИЕМ

В контроле над профсоюзами в Африке империалистические державы усматривают важное и перспективное средство усиления идеологического и политического влияния на широкие круги африканцев. Поэтому борьба вокруг профсоюзного движения в африканских странах за-

нимает существенное место в общем комплексе политического соперничества империалистических держав.

Африканские профсоюзы создавались в ходе развития национально-освободительного движения. В ряде стран они принимали активное участие в политической борьбе, выступали против тяжелых условий труда на предприятиях иностранных компаний — основного работодателя в Африке. После завоевания африканскими странами независимости роль профсоюзов в значительной мере усилилась, что предопределяет отношение к ним империалистических государств. Кроме того, в большинстве освободившихся стран профсоюзы являются общенациональными институтами, действующими вне границ этнических общностей и административных районов. Они занимают важное место в экономике, поскольку охватывают трудящихся именно тех отраслей, от которых зависит экономическое развитие. Наконец, профсоюзное движение связано с международными организациями и имеет тенденцию к региональному и субрегиональному объединению. Все эти факторы создают для профсоюзов Африки возможность стать крупной политической силой и одновременно превращают их в объект межимпериалистического соперничества.

Еще в колониальный период Англия, Франция и Бельгия уделяли профсоюзному движению в колониях значительное внимание. Африканские профсоюзы создавались под непосредственной опекой профсоюзов метрополий, заимствуя у них как организационную структуру, так и программы, причем колониальные власти стремились к абсолютному контролю над их деятельностью. В некоторых колониях Франции профсоюзы были вообще запрещены. Исследователь профсоюзного движения на африканском континенте английский социолог А. Дейвис в опубликованной в 1966 г. книге «Профсоюзы Африки»¹ указывает, что в английских колониях все профсоюзы должны были регистрироваться и получать одобрение властей. Колониальная администрация или жестоко преследовала выходящие из-под контроля профсоюзные организации, как это, например, было в Кении, или создавала полностью послушные профсоюзы, руководимые «неполитическими» службами типа Совета труда в Сьерра Леоне. В тех французских колониях, где профсоюзная деятельность была разрешена, до 1944 г. членом профсоюза мог быть лишь умевший читать по-французски. Бель-

гийские колониальные власти установили полный диктат над объединениями конголезских трудящихся. Для членства в профсоюзе требовалось достижение 18-летнего возраста, 6-летнее образование и 3-летний производственный стаж. Всякая политическая деятельность профсоюзов была запрещена, и от политических партий их старались изолировать.

Однако, несмотря на такой режим, в ряде стран, особенно в годы второй мировой войны, активность профсоюзов возрастала. В Нигерии, Гане, Гвинее, БСК, Тунисе, Танганьике и некоторых других африканских странах быстро росла численность профсоюзных организаций. В послевоенные годы они стали, в частности в Кении, Мали, Тунисе, важной силой национально-освободительного движения.

Бурный рост национально-освободительной борьбы африканских народов в 50-х годах был тесно связан с развитием рабочего движения, с увеличением численности рабочего класса, выступавшего в ряде стран в авангарде антиколониальных сил. Примером этому могут служить крупные забастовки горняков Северной Родезии (Замбия) в 1955—1956 гг., стачка рабочих Сьерра Леоне в 1955 г., забастовки на плантациях Танганьики в 1957—1960 гг.² и т. д. В 1952 г. профсоюзы организовали всеобщую забастовку во всех странах французской Западной Африки.

Примерно с середины 50-х годов метрополии, особенно Великобритания, стали обращать на профсоюзное движение в африканских странах самое серьезное внимание. Английские правящие круги и тред-юнионистское руководство стремились направить его по испытанному в Англии реформистскому пути. Дальнейшее развитие получила политика «строительства профсоюзов в колониях», причем одним из инструментов этой политики выступали специально созданные в африканских странах «департаменты труда», через которые «местные правительства оказывали помощь и давали полезные советы профсоюзам»³.

Цель этих мероприятий была четко обрисованной — поставить профсоюзное движение в освобождающихся колониях под английский контроль, предотвратить создание боевых организаций рабочих, способных возглавить борьбу африканских трудящихся за достижение полной независимости. Можно напомнить в этой связи, что имен-

но английские тред-юнионистские деятели, поддерживавшие постоянные контакты с африканскими профсоюзами, использовались правящими кругами Англии для оказания влияния на африканскую общественность. Эти деятели, например, активно убеждали лидеров национально-освободительного движения в Нигерии, Родезии, Уганде, Кении и других странах в необходимости согласия с неокOLONИАЛИСТскими конституциями и другими псевдодемократическими реформами, которые Лондон навязывал освобождающимся колониям. Тактика эта, как известно, долговременных результатов английскому империализму не принесла. Однако выигрыш времени, необходимого для перевода колониальной политики на неокOLONИАЛИСТские рельсы, был достигнут.

В новых условиях, сложившихся в африканских странах после освобождения от колониального господства, проблема руководства социальным развитием приобрела для бывших метрополий еще большее значение, поскольку к внутреннему фронту добавился внешний — экспансия империалистических конкурентов. Лондон и Париж были вынуждены принимать дополнительные меры к тому, чтобы контроль над профсоюзным движением в бывшей британской и французской Африке не был перехвачен их динамичными соперниками. Как Англия, так и Франция имели в этом вопросе определенные преимущества над конкурентами. Молодые национальные правительства стран Африки получили в наследство от колониальной администрации аппарат, позволяющий контролировать деятельность профсоюзов, и африканские правительства играют важную роль в профсоюзных делах. Таким образом, располагая влиянием на соответствующие правительства, бывшие метрополии обеспечивают себе возможности косвенного контроля и над профсоюзами.

Еще в 1961 г., приветствуя премьер-министров освобождающихся стран англоязычной Африки, Генеральный совет британских тред-юнионов высказывал уверенность в том, что профсоюзы этих стран сохранят свои связи с Англией и будут играть «достойную» роль в условиях независимости. В последующие годы как исполком лейбористской партии Великобритании, так и Генеральный совет тред-юнионов постоянно принимали меры к усилению влияния на профсоюзное движение освободившихся колоний.

Особое внимание в этой связи уделялось конференциям тред-юнионов стран Содружества, в которые включались все новые члены — добывавшиеся политической независимости колонии. В июне 1962 г. на тринадцатой ежегодной конференции, собравшей рекордное число участников из 15 стран Содружества, английские делегаты настойчиво пропагандировали тезис о том, что происходит не распад колониальной империи под ударами национально-освободительной борьбы, а «сознательно подготовленный» Англией процесс ее трансформации в «свободное Содружество наций» и профсоюзы должны всячески способствовать консолидации этого Содружества. Одновременно Генеральный совет британских тред-юнионов объявил, что в целях «лучшего взаимопонимания» при решении стоящих задач им принято предложение консерваторов о расширении сотрудничества с английским правительством и с Федерацией заморских предпринимателей во всех сферах профсоюзного движения стран Содружества.

Такой шаг Генерального совета объяснялся не только необходимостью объединения усилий правого руководства тред-юнионов с союзом монополий и государства в борьбе — теперь уже на неокOLONИАЛИСТСКОЙ основе — против дальнейшего роста национально-освободительного движения в освободившихся странах. Важным фактором этого и других аналогичных мероприятий послужили попытки империалистических конкурентов Англии, и в первую очередь Соединенных Штатов Америки, поставить под свой контроль профсоюзы бывших владений Великобритании в Африке.

Франция избрала несколько иной вариант обороны своих позиций в профсоюзном движении освободившихся стран. Не имея возможности использовать в полной мере собственные профсоюзы в силу влияния в них коммунистов, французские правящие круги действуют главным образом через национальные правительства, опираясь на соглашения о сотрудничестве, сопровождавшие предоставление колониям независимости. Связанные этими соглашениями, многие правительства категорически отклоняют лозунги отдельных профсоюзов о революционной борьбе против неокOLONИАЛИЗМА и капитализма (в значительной мере направленные против Франции) и сводят роль профсоюзов к чисто производственным функциям, например в Сенегале и БСК. Изоляция профсоюзов от политических

проблем способствует и локализации внешнего влияния на них, в том числе американского.

В общих планах экспансии США на африканском континенте и в их борьбе с бывшими метрополиями за политическое влияние с самого начала важная роль отводилась захвату контроля над профсоюзным движением. Американское объединение АФТ—КПП, ранее всячески стремившееся установить связи с профсоюзами бывших английских колоний, перенесло свою деятельность с начала 60-х годов и на франкоязычные страны Африки, а правительство США стало рассматривать профсоюзы как один из основных инструментов своей африканской политики. «Поскольку самые блестящие и энергичные молодые люди Африки, — пояснял в июле 1961 г. журнал «Тайм», — являются обычно рабочими лидерами, тот, кто контролирует сегодня африканские профсоюзы, получает серьезный шанс завтра контролировать весь континент».

Как и в других областях экспансии американского империализма, наступление началось под флагом борьбы с «коммунистическим проникновением». А. Дейвис напоминает в своей книге, что, когда представители африканского профсоюзного движения появились на заседаниях Всемирной федерации профсоюзов в 1945 г., монополии «не столько думали об укреплении профсоюзного движения, сколько о наборе воинов для крестового похода против коммунизма»⁴. Но после раскола ВПФ в 1949 г. и создания Международной конференции свободных профсоюзов (МКСП), ставшей по существу инструментом внешней политики США, деятельность американских профсоюзов в Африке активизировалась и приобрела не только антикоммунистическую направленность. Хотя антикоммунизм был и остается главной целью внешней политики американских профсоюзов (не случайно их международный отдел возглавил Лавстоун, ренегат Коммунистической партии США, после исключения из партии — «профессиональный антикоммунист, один из активнейших агентов ЦРУ») ⁵, борьба с империалистическими конкурентами занимает существенное место в программах АФТ—КПП.

Начиная с 1960 г. правительство США стало ассигновать на международную деятельность профсоюзов по 13 млн. долл. в год. В американских посольствах в развивающихся странах появилось более сотни атташе по труду и советников по продвижению.

Характерно, что первыми объектами «профсоюзной» экспансии США в Африке стали именно те страны, в которых американская дипломатия пыталась укрепить позиции США и оттеснить бывшие метрополии. Так, особую активность профсоюзные лидеры США развернули в Кении, Нигерии, Уганде и Гане. В Найроби была построена штаб-квартира для Кенийской федерации профсоюзов, а ее тогдашний руководитель Том Мбоя был приглашен на 2 месяца в Америку для стажировки. Вернувшись из-за океана, Мбоя пытался превратить КФП в послушный филиал АФТ—КПП, заявляя, что профсоюзы — это производственная, а не идеологическая сила и американский опыт значительно превосходит опыт британских тред-юнионов. В Кампале (Уганда) американцы еще в 1958 году создали под эгидой МКСП профшколу, затем аналогичные школы появились в Конго (Киншаса) и в Гане. На американские средства в Тель-Авиве был организован Афро-азиатский рабочий институт с целью «подготовки профсоюзных кадров» для стран Африки и Азии. Характерно, что школу, открытую в Кампале, власти Уганды неоднократно обвиняли во вмешательстве во внутренние дела страны, а из Лондона советовали ее «национализировать».

Не остались в стороне от этого направления политики и официальные представители США. Посетивший африканский континент в 1957 году Р. Никсон отдал долг американским профсоюзам за «активную поддержку» ими «свободного профсоюзного движения в Африке»⁶.

В целях дальнейшего расширения своей деятельности в Африке АФТ—КПП в 1965 г. создало в Нью-Йорке так называемый Африкано-американский рабочий центр (ААРЦ), который возглавил Ирвинг Браун, идейный сторонник Лавстоуна. АФТ—КПП ежегодно выделяет центру на административные расходы 100 тыс. долл. Кроме того, 500 тыс. долл. поступает от Управления международного развития и миллионные суммы из всевозможных скрытых источников, в том числе из ЦРУ⁷.

В бюллетене ААРЦ «Репортер» указывалось, что задача Африкано-американского рабочего центра заключается в «поддержке и укреплении свободного профсоюзного движения в Африке путем осуществления экономических и социальных проектов в следующих областях: образование, кооперативы, повышение квалификации рабочих, здравоохранение и жилищное строительство»⁸.

Центр, по официальным данным, осуществляет 34 программы «помощи» профсоюзам в 16 африканских странах, причем основная направленность этих программ — проамериканская пропаганда, активно одобренная антикоммунизмом.

В 1966 г. ААРЦ создал в Нигерии Институт обучения тред-юнионизму, который к началу 1968 г. окончили свыше 70 африканских профсоюзных деятелей. Для средних и низших профработников в Киншасе (Конго) на деньги ААРЦ функционирует Школа подготовки профсоюзных кадров. Аналогичные школы построены в Сьерра Леоне и Дагомее. По инициативе центра в число «добровольцев» «Корпуса мира», направляемых в страны Африки, включается все большее количество специалистов по профсоюзному движению. Усилился поток африканских профсоюзных работников, приглашаемых ежегодно в США, где они, по мере возможности, подвергаются «американизации».

Опираясь на свое влияние в МКСП, Соединенные Штаты пытались использовать и эту организацию для захвата контроля над профсоюзным движением в Африке. Еще в 1957 г. по инициативе американских профсоюзов МКСП основала так называемый «фонд солидарности», стремясь тем самым сосредоточить в своих руках оказание «помощи» профсоюзному движению Африки. Затея эта, однако, провалилась. Крупнейшие африканские профсоюзные объединения вышли из МКСП, а американцы, «разочаровавшись в международной конфедерации свободных профсоюзов как посреднике в своей деятельности, все в большей степени используют для достижения своих целей в Африке отраслевые международные профсоюзы»⁹. Этот вариант «профсоюзной» экспансии США дает им определенные тактические преимущества перед конкурентами. Дело в том, что, хотя многие африканские профсоюзные центры и вышли из МКСП, их промышленные профсоюзы сохранили свое членство в международных отраслевых профсоюзах. Последние, в свою очередь, зачастую действуют в контакте с американскими профсоюзами и зависят от их финансовой поддержки, а также от займов из «фонда солидарности» МКСП. Таким образом, влияние США на международные отраслевые профсоюзы обеспечивается по двум каналам.

В борьбе за контроль над африканским профсоюзным движением американцы широко применяют и метод пря-

мого подкупа профсоюзных деятелей Африки. Подтверждение этому можно найти в ряде зарубежных источников. В. Маккей писал, например, что деньги «на политические цели» вручались из рук АФТ—КПП Т. Мбойе¹⁰. Газета «Ивнинг ньюс» указывала 16 декабря 1963 г. на аналогичные операции посольства США в Уганде в отношении местных профсоюзов. А английский прогрессивный африканист Дж. Уоддис прямо констатирует, что «явные подкупы за доллары лидеров африканских профсоюзов приобрели настолько скандальный характер, что США пришлось изыскивать косвенные методы для продолжения подобной практики»¹¹.

К числу таких косвенных методов установления финансовой зависимости африканских профсоюзов от США можно отнести достигнутую договоренность о прямой финансовой поддержке американским правительством через УМР деятельности АФТ—КПП в развивающихся странах, в первую очередь африканского континента. УМР взяло на себя, в частности, 90% расходов, которые АФТ—КПП несет по содержанию Афро-Американского рабочего центра.

Усилены руководство и координация внешнеполитической деятельности американских профсоюзов со стороны госдепартамента США. В этих целях создан специальный Совещательный комитет по труду в вопросах иностранной помощи. В него вошли представители руководства АФТ—КПП, видные чиновники госдепартамента, УМР и министерства труда.

В борьбе с США за контроль над африканским профсоюзным движением Англия и Франция, а в последнее время и ФРГ пытаются использовать оружие, которым американцы не располагают, — социал-демократизм.

Со стороны руководства английской и французской социал-демократии еще в конце 50-х — начале 60-х годов предпринимались попытки вмешательства в политическую и профсоюзную жизнь Африки в целях захвата инициативы в свои руки. Были использованы старые связи английских лейбористов и французских социалистов в африканских колониях, проложены новые каналы к политическим и профсоюзным организациям. Французская социалистическая партия даже объединила свои местные отделения в Африке в так называемое Африканское социалистическое движение, а исполком лейбористов вел упорную работу по распространению своего влияния в

Кении, Танзании, Уганде и Замбии. Большого успеха, однако, ни тем, ни другим добиться не удалось. Европейские социал-демократы захватили некоторые позиции лишь в Сенегале, а также в Малагасийской Республике (к власти пришла партия, созданная на базе местного отделения французской социалистической партии) и на острове Маврикий (правит опекаемая английскими лейбористами партия аналогичного наименования).

Среди многих причин того, что социал-демократизм организационно слабо прививается на африканской почве, можно выделить главную — его стовор с империализмом против национально-освободительного движения. Примером этому может служить позиция английских лейбористов на конгрессе Социалистического интернационала в мае 1966 г., в повестку дня которого был включен пункт «Социалистическая мысль и действие в новых странах». На конгрессе присутствовали представители национально-освободительных движений ряда африканских стран, но, когда они пожелали высказаться по основным проблемам своих движений, их лишили слова. Этого категорически потребовали английские лейбористы, испугавшиеся публичного осуждения соглашательской политики правительства Г. Вильсона в отношении родезийских расистов.

Социал-демократы, особенно английские лейбористы и правое руководство тред-юнионов, продолжают, однако, свою деятельность в Африке. В настоящее время, например, их интересует Гана. «Конгресс профсоюзов Ганы, — писал 13 декабря 1969 г. в этой связи журнал «Уэст Африка», — может стать ядром новой лейбористской партии, построенной по английскому образцу...». Одновременно журнал выразил сожаление, что в рядах профсоюзов еще мало представителей правящей партии.

Межимпериалистическое соперничество за контроль над профсоюзным движением Африки, как и объединенное давление на него АФТ—КПП, МКСП и Британского конгресса тред-юнионов, наносит этому движению существенный ущерб. Его продолжают разъедать разногласия. Но, тем не менее, борьба африканских трудящихся за свои права и поддержка, оказываемая им со стороны Всемирной федерации профсоюзов, приносят результаты. Африканское профсоюзное движение будет развиваться по мере роста численности рабочего класса Африки и укрепления его классового самосознания. Перспективы

межимпериалистической конкуренции за контроль над африканскими профсоюзами в значительной мере зависят от позиций последних. Усиление антикапиталистических и антиимпериалистических тенденций в их деятельности, последовательная борьба за континентальное единство и полное высвобождение из-под иностранного влияния могут ослабить межимпериалистическое соперничество и вынудить империалистов к поискам компромисса. В то же время следование в реформистском русле профбюрократии Запада будет создавать почву для дальнейшего соперничества империалистических держав. Важное значение имеет и то обстоятельство, как будут складываться отношения профсоюзов с правящими партиями.

ГЛАВА XIV. ПРОТИВОРЕЧИЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ В ВОПРОСАХ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА АФРИКАНСКИХ СТРАН

Одним из способов ускорения экономического развития освободившихся стран африканского континента может служить их региональное сотрудничество. В последние годы эта идея получает все большее признание в Африке, и ее реализация на подлинно демократической и научно разработанной основе могла бы принести африканским народам значительный выигрыш, причем не только экономический, но и политический.

Стремление к антиколониальному единству — одна из характерных черт национально-освободительного движения в Африке. Попытки к объединению предпринимались рядом стран сразу же после освобождения. Можно напомнить, что, например, еще в 1958 г. Ганой и Гвинеей был создан Союз независимых стран Африки, к которому в 1960 г. присоединилась Мали. В апреле 1960 г. была образована Федерация Мали в составе Мали и Сенегала, вскоре распавшаяся. Затем создается Совет Согласия — союз Берега Слоновой Кости, Дагомеи, Нигера и Верхней Вольты и ряд других группировок.

Нежизненность многих появившихся в Африке региональных организаций объясняется не только тем, что африканские лидеры по-разному трактуют проблему единства. Участники организации при разном уровне экономического развития имели примерно однотипную структуру внешней торговли, в результате чего объедине-

ние не устраняло конкуренцию. В развале ряда группировок повинны и империалистические державы, опасавшиеся образования в Африке сильных государственных союзов, поскольку, во-первых, такие союзы, имея антиимпериалистическую основу, могли стать препятствием политике неокOLONиализма, а во-вторых, ослабляли влияние бывших метрополий на отдельные страны.

Если тенденции регионализма в Африке конца 50-х — начала 60-х годов определялись главным образом политическими факторами, то во второй половине 60-х годов выявилась их новая характерная черта — объединения создаются в основном на экономической базе и в интересах экономического развития. Так, в 1967—1970 гг. были созданы Восточноафриканское экономическое сообщество, Союз государств Центральной Африки, Экономическое сообщество Западной Африки и некоторые другие региональные группировки.

Экономическая направленность интеграционных тенденций, а также дальнейшее совершенствование тактики неокOLONиализма, приспособление ее к требованиям обстановки внесли существенные коррективы в позиции империалистических держав. Они, исходя из политических и экономических соображений, уже не могли противодействовать стремлению африканских стран к региональному сотрудничеству и стали прилагать усилия к тому, чтобы использовать процессы интеграции в своих интересах.

Поддерживая в принципе тенденции экономической интеграции, империалистические державы рассчитывают получить возможность комплексного влияния на целые группы африканских стран. Этот фактор и определяет в целом позитивный подход Запада к новым формам регионального сотрудничества. Однако отношение Англии, Франции, США и ФРГ к конкретным интеграционным процессам не однозначно. Поэтому вокруг проблемы региональных объединений в Африке между различными империалистическими группами и отдельными державами наблюдается ожесточенная борьба.

С особой остротой выступают в этой сфере противоречия между США и ФРГ, с одной стороны, и Францией и Англией — с другой, а также соперничество между бывшими метрополиями за влияние в существующих и складывающихся группировках. Главный предмет разногласий — на какой основе должны создаваться региональные объединения. США активно поддержали инициативу ЭКА

в организации на континенте четырех экономических субрегионов и приветствовали подписание протокола об учреждении экономического сообщества Восточной Африки. Но, как известно, практически было создано, причем не без воздействия Англии, Восточноафриканское сообщество в составе лишь Кении, Танзании и Уганды, то есть стран бывшей британской Восточной Африки. Основные рычаги влияния в этом сообществе остались в руках Лондона. Не были реализованы и другие предложения ЭКА. Тогда США в соавторстве с ФРГ разработали собственную схему субрегионального экономического сотрудничества в Африке, направленную на отстранение Англии и Франции с их господствующих позиций на континенте.

В свою очередь, Франция и Англия, сохранившие относительно прочные экономические связи с большинством освободившихся стран — своих бывших колоний, отклоняют идеи субрегионального сотрудничества и поддерживают интеграцию, но лишь в рамках, охватывающих территории бывшей британской или бывшей французской Африки. Одновременно они выступают против «смешанных» группировок, в которых могут встретиться конкуренция других империалистических держав.

Наиболее ревниво относится к проблеме регионализма Франция. Выше уже говорилось о мерах, принятых Парижем в связи с выходом в начале 1968 г. Республики Чад и Центральноафриканской Республики из ЮДЕАК и созданием ими совместно с Конго (Киншаса) новой организации — ЮЕАК. Опасаясь усиления американского влияния в этом районе Африки, Франция добилась возвращения ЦАР в ЮДЕАК, развалив тем самым новую группировку. Тщательно следит Париж за тем, чтобы центробежные тенденции не возникали в ОКАМ, куда входит подавляющее большинство стран — бывших французских колоний, а также за положением в других объединениях, где господствует французское влияние.

Один из недавних успешных маневров Франции в этом направлении — создание в мае 1970 г. на базе Таможенного союза государств Западной Африки (ЮДЕАО) новой региональной организации, получившей наименование Экономическое сообщество Западной Африки (СЕАО). В него вошло семь франкоязычных стран: Сенегал, Верхняя Вольта, Берег Слоновой Кости, Мавритания, Дагомея, Нигер и Мали. Гвинея, также получившая приглашение, воздержалась, однако, от этого шага.

Новая группировка имеет несколько характерных особенностей. Во-первых, в ней участвует Мали, которую Франция неоднократно, но безуспешно (до ноябрьского переворота 1968 г.) пыталась втянуть в ОКАМ. Орган французских деловых кругов еженедельник «Марше тропико» с удовлетворением отметил в этой связи, что произошло «отчетливое возвращение Мали во франкоязычный ансамбль Западной Африки»¹. Во-вторых, СЕАО объединила две ранее существовавшие региональные организации — Организацию государств бассейна реки Сенегал (ОЕРС) и Совет Согласия, в которых Франция имела решающее политическое влияние.

Фактически СЕАО выступает как альтернатива американскому плану создания экономического субрегиона в Западной Африке. В принципе новая группировка может стать одним из крупнейших региональных экономических объединений на континенте. Территория входящих в нее стран составляет 4271 тыс. кв. км, а население — 25 300 тыс. человек. В этом районе сосредоточены значительные запасы полезных ископаемых, производится разнообразная сельскохозяйственная продукция, относительно развито животноводство, а также текстильная и пищевая промышленность.

Англия всячески оберегает Восточноафриканское сообщество, тем более что оно было создано на базе сохранившейся еще с колониальных времен Восточноафриканской организации общих служб. Расширение сообщества — с просьбами о присоединении к нему обратились Эфиопия, Замбия, Сомали, Бурунди и Свазиленд — явно не в интересах Лондона, что, видимо, служит одной из причин затяжки с рассмотрением заявлений претендентов.

Однако, несмотря на сопротивление бывших метрополий, США и ФРГ, опираясь на интеграционные процессы в Африке, стремятся перекроить сферы влияния Англии и Франции. Особого внимания заслуживает в этом вопросе позиция США, поскольку Вашингтон наиболее последовательно пытается использовать идею регионализма как средство межимпериалистической борьбы.

США впервые заявили о своей поддержке регионального сотрудничества в Африке еще в 1966 г. Их отношение к этой проблеме сформулировал помощник руководителя Бюро по делам Африки УМР Э. Хатчинсон, выступая 23 марта 1966 г. в комиссии палаты представителей по

вопросу о помощи США Африке. Напомним кратко содержание этого выступления, поскольку в нем были заложены важные основы дальнейшей политики США на африканском континенте.

Намерение американского правительства сконцентрировать внимание на региональных организациях, региональных методах развития и региональных каналах «помощи» Хатчинсон мотивировал, в первую очередь, интересами самих Соединенных Штатов. Он заявил, что, поскольку заинтересованность других западных стран в оказании «помощи» Африке не ослабевает, создалось положение, при котором США, выступая в роли «активного партнера», не играют, однако, доминирующей роли в деле «помощи» континенту в целом. В этой связи интересы США заставляют (выделено мной. — *Е. Т.*) правительство сосредоточить усилия на нескольких африканских странах, а также поддерживать региональные тенденции. Все попутные рассуждения Хатчинсона о пользе, которую региональные объединения могут принести самим африканским странам, явились лишь вынужденной дипломатической маскировкой главного обстоятельства — стремления к приобретению Соединенными Штатами «доминирующей роли» в Африке, к оттеснению бывших метрополий, так как именно они подразумевались под «другими западными странами». Этот тезис получил в его выступлении дальнейшее развитие. Хатчинсон прямо заявил, что УМР примет меры к тому, чтобы реализация региональной «помощи» осуществлялась под непосредственным руководством США, причем в такой степени и такими темпами, которые будут отвечать «общим американским интересам».

Откровенный прагматизм этого выступления и его явная направленность против европейских партнеров вызвали отрицательную реакцию в Лондоне и Париже, что вынудило Вашингтон дать «теоретическое» обоснование своим претензиям. Миссию эту взял на себя Уолт Ростоу, в то время специальный помощник президента. «Для Соединенных Штатов движение к регионализму имеет особое значение, — говорил он. — Нам была навязана общемировая ответственность после второй мировой войны, определявшаяся необходимостью заполнить вакуумы силы... Регионализм для США — это путь, позволяющий отойти от чрезмерных двусторонних отношений... Регионализм — не возврат к изоляции, а предоставление странам различ-

ных районов возможности сделать для себя максимум, а в перспективе и еще больше, сохраняя одновременно узлы взаимозависимости»². Вновь возвращаясь к тезисам о «глобальной ответственности» США, необходимости заполнения «вакуума» и пр., Ростоу делает, однако, уступку европейским партнерам, о чем говорит его ссылка на сохранение принципа «взаимозависимости» и возможность «отхода» США от «чрезмерных» двусторонних отношений с развивающимися странами. Но правящие круги Англии и Франции не столько прислушивались к голосу Вашингтона, сколько внимательно следили за его практическими действиями. Комментируя создание ЮЕАК, французский еженедельник «Нувель обсерватер» с раздражением отмечал, что эта группировка возникла по «горячим следам» визита в Африку вице-президента Г. Хэмфри и ее следует рассматривать как попытку США подорвать французское влияние в этом районе континента³. Франция в ответ на американский «поворот» к региональным организациям в Африке приняла ряд конкретных контрмер, в частности срочно предоставила некоторым из них дополнительные финансовые средства с тем, чтобы французский патронаж был сохранен.

Для правильного понимания сущности межимпериалистических противоречий в вопросах регионализма необходимо прежде всего определить — почему интеграционные процессы в Африке привлекли внимание США и стали «соответствовать их национальным интересам», что особо подчеркнул государственный секретарь Роджерс в докладе президенту Никсону «Соединенные Штаты и Африка в 70-х годах», а ушедший с политической сцены У. Ростоу даже заявил, что именно США «добились возникновения такого положения, когда африканцы все больше берут свою судьбу в свои руки с помощью региональных и других институтов более мелкого масштаба»⁴.

В известной степени преградой экспансии американского частного капитала в Африку служит слабое экономическое развитие основной части континента, отсутствие у большинства стран возможностей со значительной выгодой для заокеанских монополий использовать капиталовложения. Другие преграды — преференциальные барьеры, установленные теперь уже 21 страной (результат их ассоциации с ЕЭС), а также традиционные связи континента с бывшими метрополиями. Регионализм в предлагаемом США варианте пробивает брешь в этих прегра-

дах. Таким образом, США приветствуют регионализм, исходя отнюдь не из интересов африканских стран, а лишь потому, что открываются дополнительные возможности для американских монополий, облегчается передел рынков и сфер влияния на новой основе, в соответствии с существующим соотношением сил в капиталистическом мировом хозяйстве. Характерно, что поддержка Соединенными Штатами регионализма осуществляется на этот раз под флагом «экономического антиколониализма» — термин, введенный недавно в обиход и активно декларируемый американскими авторами У. Болдуином, Дж. Капланом и др., и против которого резко возражают англичане, например бывший посол У. Хейтер.

Основной источник противоречий в том, что существующая система африканского рынка в целом соответствует интересам бывших метрополий, однако для США, ФРГ, Японии она мало приемлема, поскольку ограничивает возможности торговли и приложения капиталов. Поэтому, концентрируя «помощь» на ограниченном количестве отобранных стран, Соединенные Штаты одновременно поощряют регионализм, с тем чтобы не допустить падения влияния американского капитала на экономическую и социальную жизнь остальных африканских государств. Этим и объясняется тот факт, что на региональные цели в Африке США в расходах не скупятся. Ими полностью учтены основные положения «Доклада Корри», в котором указывалось, что американская «помощь» Африке «должна в первую очередь осуществляться путем региональных и многосторонних проектов и программ, а также использования таких методов и каналов, которые вовлекают более чем одного участника»⁵. Руководствуясь этим тезисом, США пытаются использовать для расширения экспансии многочисленные региональные группировки в Африке — от Восточноафриканского сообщества до Совета Согласия. Такая тактика порождает новые противоречия с бывшими метрополиями, занимающими в региональных объединениях африканских стран ключевые позиции.

Поощряя регионализм, США стремятся ликвидировать и еще одно противоречие — косвенные выгоды, которые извлекают из американской «помощи» африканским странам Англия, Франция и Бельгия. В «Докладе Корри» эта мысль высказана в несколько завуалированной, но, тем не менее, достаточно определенной форме: «Раз-

мер американской помощи Африке должен увеличиваться постепенно, по мере роста африканских общественных институтов...»⁶, другими словами — по мере ослабления влияния бывших метрополий.

Практическая реализация поддержки Соединенными Штатами процессов интеграции в Африке свелась к сокращению программ двусторонней «помощи» африканским странам и одновременному расширению поддержки региональных проектов. В 1967 г. США оказывали на двусторонней основе «помощь» 35 странам континента, в 1968 г. — 33, а в 1969 г. — 21. В то же время доля средств, выделяемых из общей суммы американской помощи Африке на региональные цели, возросла с 16% в 1967 г. до 40% в 1969 г.

Поддерживая мероприятия ЭКА по созданию крупных экономических субрегионов, США одновременно принимают меры к приобретению возможностей влияния в существующих группировках. Так, Вашингтон предоставил займы и субсидии Восточноафриканскому сообществу, выразил пожелание содействовать в осуществлении региональных проектов Совету Согласия в дополнение к оказываемой его членам, особенно Берегу Слоновой Кости, значительной финансовой и технической «помощи», пытается завоевать расположение ОКАМ и т. д.

Характерный пример — попытки включения в механизм региональной политики США в Африке Африканского банка развития, в котором, согласно его уставу, не может принимать участия капитал неафриканских стран. С учетом этого обстоятельства США действуют по двум каналам — через УМР и МБРР. В первом варианте предлагается совместное выполнение проектов, во втором — оказание «помощи» в их выборе и оценке. Таким совместным проектом явилось, например, дорожное строительство в Кении и Уганде, на которое АфБР предоставил 2,3 млн. долл., а УМР — 3,7 млн. долл. Предварительно УМР оплатило услуги эксперта этого проекта, «подарив» ему 2 тыс. долл.

Межимпериалистическая борьба вокруг проблем интеграции на африканском континенте характеризуется столкновениями не только отдельных держав, но и группировок капиталистических стран. Появились новые формы борьбы — коллективные, когда отдельным государствам противостоит блок конкурирующих стран. Наиболее отчетливо этот аспект межимпериалистических противоре-

чий проявляется во взаимоотношениях США и Англии, с одной стороны, и ЕЭС («общий рынок») — с другой, в связи с созданием ассоциации «ЕЭС — Африка».

Политика ЕЭС в отношении развивающихся стран, прежде всего африканского континента, детально исследована рядом советских ученых, в частности авторами коллективной монографии «Экономические группировки в Западной Европе»⁷. В ней показана неокOLONиалистская сущность Еврафрики, раскрыт механизм новых форм эксплуатации ассоциированных с ЕЭС африканских стран, изложена история возникновения и развития этой структуры. Поэтому остановимся лишь на двух вопросах: противоречиях на африканском континенте между ЕЭС, США и Англией, а также между самими участниками «общего рынка»⁸.

Инициатором ассоциации африканских стран с ЕЭС выступила Франция еще в 1957 г. Цель этой инициативы заключалась в том, чтобы в новых условиях сохранить позиции французских монополий в колониях, хотя такой шаг и вел к некоторому дележу сферы влияния с другими участниками «общего рынка». Однако, по мнению Парижа, это было меньшим злом, чем допустить во франкоязычную Африку Соединенные Штаты. Кроме того, Франция рассчитывала использовать в целях своей африканской политики капитал западноевропейских партнеров. Бельгия руководствовалась аналогичными соображениями, в то время как ФРГ, Италия и Голландия усматривали в ассоциации «ЕЭС—Африка» возможность проникновения в находившуюся накануне краха французскую колониальную империю и тем самым восполнить свои утраты в других развивающихся регионах. Таким образом, противоречия между самими членами «общего рынка», получившие затем дальнейшее развитие, существовали с самого начала создания ассоциации. Однако главным аспектом межимпериалистического соперничества в вопросе ассоциации африканских стран с ЕЭС стало основное межимпериалистическое противоречие в современных условиях — между США и «общим рынком» в целом.

Как сам «общий рынок», так и его африканская ветвь не могли устроить Вашингтон, отстаивавший идею глобальной интеграции во главе с США на базе «атлантической солидарности». Кроме того, ассоциация возводила прямые тарифные и прочие барьеры экспансии американ-

ских монополий на значительной части африканского континента⁹. «Ассоциация ЕЭС и африканских стран, — писал, отражая взгляды США, один из руководителей секретариата ЮНКТАД С. Делл, — нельзя считать здоровым явлением... Помощь Западной Европы Африке следует приветствовать, но ставить ее в зависимость от ассоциации с ЕЭС нет оснований»¹⁰. В итоге США развернули фронтальное наступление против африканской политики ЕЭС.

Характерно, что примерно до 1957 г. Вашингтон, считая свои позиции в Европе достаточно прочными, поддерживал некоторые «еврафриканские» мероприятия, которые проводились в условиях еще сохранявшихся колониальных режимов. Тогда речь шла о «единой Европе» и связанной с ней Африке как о звеньях системы «атлантического партнерства», возглавляемой США. Но когда обширный район Африки оказался огражденным от американских монополий «ассоциационными» барьерами, а «Еврафрика» стала эволюционировать в сторону замкнутого рынка западноевропейских стран, правящие круги Америки резко изменили курс. В январе 1957 г. госдепартамент предостерегающе заявил, что готовность США содействовать укреплению политической и экономической силы стран Западной Европы определяется рамками «все расширяющегося Атлантического союза»¹¹. На сессии Генеральной Ассамблеи ООН в конце 1957 г. американские представители настаивали на том, чтобы «сотрудничество» с Африкой осуществлялось под эгидой не ЕЭС, а Европейского совета и ОЕЭС, то есть фактически органов НАТО. В 1961 г. в связи с созданием ОЭСР Соединенные Штаты Америки предлагали поручить «развитие» Африки этой организации.

Вашингтон, однако, не ограничивался призывами, а предпринимал против ассоциации конкретные контрмеры. Американские представители в Брюсселе, используя механизм ГАТТ, последовательно добивались выравнивания тарифов ЕЭС на продукцию ассоциированных и остальных стран Африки, обесценивая таким образом привилегии первых и подрывая основы ассоциации. Правительство США несколько раз вручало странам ЕЭС специальные меморандумы, содержавшие требование о ликвидации режима преференций и таможенных ограничений, что, надо заметить, вызывало серьезное недовольство ассоциированных стран Африки.

Некоторых результатов американцам добиться удалось. Под давлением Вашингтона ЕЭС пошло на определенное снижение таможенных пошлин на продукцию «неассоциированных» стран, были пробиты бреши и для товаров американских монополий на «ассоциированном» африканском рынке. Но борьба США с ассоциацией «ЕЭС—Африка» не прекратилась. Она продолжается, находясь в тесной зависимости от противоречий между США и «общим рынком» в целом, а противоречия эти продолжают углубляться. В интервью журналу «Лайф» Жорж Помпиду специально остановился на этом вопросе и даже попытался «образумить» партнера: «Может быть, непосредственный интерес США состоит в том, чтобы противиться развитию Европейского экономического сообщества, так как оно создает более сильного конкурента на торговом и промышленном фронте, — заявил он. — Но не этот непосредственный интерес, а конечный интерес должен приниматься в расчет великой державой¹².

Отношение Англии к операциям ЕЭС в Африке во многом определялось тем обстоятельством, что, во-первых, в 1961 г. Лондон решил сам присоединиться к «общему рынку», а, во-вторых, зона английских интересов на африканском континенте поначалу не затрагивалась. Вскоре, однако, выяснилось, что экспансия группировки нацелена не только на бывшие колониальные владения ее участниц. Руководители ЕЭС стремились втянуть в Евр-африку другие африканские страны, в том числе входящие в Содружество. «У членов ЕЭС, вовлеченных во все переплетения мировой торговой политики, — речь идет прежде всего о ФРГ и Голландии — возник интерес к охвату сетью договорных отношений и бывших английских владений», — заявлял 9 декабря 1965 г. западногерманский журнал «Фольксвирт». Естественно, что в политических и деловых кругах Англии, несмотря на специфику ее собственного отношения к «общему рынку», подобные тенденции вызвали беспокойство и раздражение. «В недалеком будущем, по-видимому, Сообщество приобретет в Африке такое влияние, какого не имели там ни Британия, ни Франция», — 12 августа 1963 г. писала «Файнэншл таймс». И Англия начала оказывать ЕЭС упорное сопротивление.

Особенно ожесточенная борьба развернулась в связи с обращением к «общему рынку» в 1963 г. Нигерии, а затем Кении, Уганды и Танзании с предложением об уре-

гулировании экономических отношений, то есть об ассоциации. Англия, поддержанная США, оказывала на Нигерию сильнейшее давление с целью заставить ее отказаться от принятого решения. США направили в июле 1965 г. странам ЕЭС очередной меморандум, в котором высказались против попыток «малой Европы» втянуть в свою орбиту Нигерию, а правительству этой страны Лондон и Вашингтон угрожали прекращением «помощи». Тем не менее, пришедшее к власти в Нигерии в результате январского переворота 1965 г. правительство Иронси подписало 16 июля 1966 г. соглашение о частичной ассоциации Нигерии с ЕЭС¹³. Просуществовало это соглашение, однако, немногим более двух недель. Произошел новый переворот и правительство Говона приостановило действие соглашения. Создавалось впечатление, что Англия и США выиграли схватку, однако их победа носила временный характер. Лондон был вынужден отступить, поскольку сам подал в мае 1967 г. заявление с просьбой о принятии в Сообщество, и в январе 1968 г. Лагос все же ратифицировал соглашение¹⁴. Эта акция не только нанесла удар по англо-американским позициям в Западной Африке, но и вызвала среди африканских членов Содружества своеобразную цепную реакцию.

26 июля 1968 г. завершились продолжавшиеся с 1964 г. переговоры «общего рынка» со странами Восточной Африки — Кения, Уганда и Танзания подписали конвенцию об ассоциации с ЕЭС сроком по 31 мая 1969 г. И в данном случае контрманиевры Англии, а также США успехом не увенчались. Не подействовал и последующий протест Лондона, направившего Комиссии европейских сообществ и правительствам стран «шестерки» официальную ноту с предупреждением, что Англия будет оспаривать конвенцию в рамках ГАТТ. 21 сентября 1969 г. представители Восточноафриканского сообщества и «общего рынка» подписали в Аруши протокол, возобновлявший действие конвенции до 31 января 1975 г. По заключенному соглашению, продукция восточноафриканских стран (за исключением гвоздики, кофе и консервированных ананасов) будет вывозиться на рынки «шестерки» без пошлин и количественных ограничений. Страны ЕЭС, в свою очередь, получили тарифные уступки на 58 важнейших видов экспортных товаров в размере от 2 до 9%. Таким образом, был осуществлен план руководителей «малой Европы» — втянуть страны Восточной Африки в

ассоциацию на принципах зоны свободной торговли, предоставляя уступки на основе взаимности. По сообщениям прессы, Англия прилагала усилия к тому, чтобы не допустить заключения нового соглашения, однако, находясь сама в приемной «общего рынка», на открытый конфликт идти не могла.

Режим дискриминации, введенный ЕЭС в отношении неприсоединившихся к нему африканских стран, заставляет последние, как это произошло в случае с Нигерией, Кенией, Угандой и Танзанией, устанавливать с «общим рынком» «особые отношения» и заключать соглашения об ассоциации. Члены «общего рынка», в первую очередь ФРГ и Франция, используют эти соглашения как средства межимпериалистической борьбы за передел на региональной основе сфер влияния в Африке. Тем самым против конкуренции США применяется тактика активной обороны, а на позиции Англии ведется прямое наступление.

В многообразии противоречий современного империалистического мира существенное место занимают противоречия между «национальными» империализмами, участвующими в одних и тех же экономических блоках. Взаимоотношения партнеров по ЕЭС в сфере Еврафрики наглядно подтверждают этот тезис. В «общем рынке» объединены империалистические страны — Франция, ФРГ, Италия, издавна враждовавшие друг с другом не только на европейском, но и на африканском континенте. Теперь их традиционные противоречия дополнены разногласиями, возникающими в результате совместного пребывания в ЕЭС.

Выше отмечалось, что, соглашаясь на создание ассоциации «ЕЭС—Африка», участники «шестерки» руководствовались различными мотивами. Это предопределило дальнейшее развитие противоречий, а также тот факт, что их экспансия в Африку осуществляется в основном на национальной, а не на коллективной основе.

Главное противоречие в ЕЭС — это соперничество между ФРГ и Францией. Западная Германия рассматривает ассоциацию с африканскими странами не только как средство проникновения в бывшую колониальную империю Франции, но и как возможность за счет расширения ассоциации лишить Париж его привилегированного положения во франкоязычной Африке. «Партнеры по Европейскому экономическому сообществу сетуют на за-

силе французских фирм и французского персонала в ассоциированных с ЕЭС странах, значительно превышающее долю участия Франции в финансовых расходах этой «организации», — отмечал в 1965 г. западногерманский журнал «Африка хойте». Но партнеры не столько сетуют, сколько принимают практические меры по ограничению влияния Франции в ассоциированной зоне. Под давлением ФРГ началась ликвидация системы так называемых «сверхцен», которые привязывали группу африканских государств к Франции и тормозили развитие их торговли с другими участниками «общего рынка»¹⁵.

Можно также напомнить, что еще в период действия I фонда развития ассоциированных стран (с 1958 г. по 1962 г.) ФРГ всячески препятствовала экспорту на свой рынок их товаров, поскольку в этом экспорте были заинтересованы главным образом французские компании. Выравнивание таможенно-тарифных условий для всех участников «общего рынка» в африканских странах ФРГ использует, опираясь на свое экономическое превосходство в ЕЭС, для широкой экспансии западногерманского капитала в Африку и оттеснения партнеров.

Несколько особую позицию в своей политике по отношению к африканским странам занимает Голландия. Во-первых, ее интересы сосредоточены не столько в Африке, сколько в Азии; а, во-вторых, Голландия, несмотря на пребывание в «общем рынке», тесно связана с Англией и США и во многих вопросах придерживается скорее англосаксонской, чем европейской, ориентации, вступая в конфликты и с Францией, и с ФРГ. Так, в ходе переговоров по второй Яундской конвенции Голландия настаивала на отмене взаимных преференций, что не принесло бы никакой выгоды ни ассоциированным странам, ни членам «шестерки», но зато резко расширяло бы возможности англо-американских экспортеров, повысив конкурентоспособность их товаров.

Один из африканских узлов противоречий стран «шестерки» — Магриб. Поскольку к моменту подписания Римского договора Тунис и Марокко уже добились политической независимости, обе эти страны остались вне конвенции об ассоциации (автоматически подпал под ее действие лишь Алжир, который считался в то время «территорией» Франции). Франция, однако, сумела добиться подписания специального протокола, обеспечившего сохранение ее экономических отношений с Тунисом и Ма-

рокко, установившихся в колониальный период¹⁶. У других участников ЕЭС такая ситуация, естественно, вызывала возражения, тем более что часть экспортных товаров Магриба конкурировала с их собственной продукцией. Началась продолжавшаяся почти десять лет борьба, в первую очередь между Парижем и Бонном, причем Франция стремилась сохранить свои особые отношения с Марокко и Тунисом, а ФРГ — их подорвать. В итоге длительных переговоров в марте 1969 г. с Тунисом и Марокко были подписаны соглашения о частичной ассоциации с ЕЭС сроком на пять лет, по которым на других участников «шестерки» распространились преференции на $\frac{3}{4}$ товаров из французского списка льготного режима. Взамен Тунис и Марокко получили тарифные контингенты на некоторые из своих экспортных товаров. Алжир, проводящий политику сотрудничества с социалистическими странами, отказался от ассоциации с ЕЭС, сохранив, однако, тесные двусторонние экономические связи с Францией.

Ассоциация «ЕЭС—Африка» — весьма опасный инструмент неоколониалистской политики «малой Европы» в африканских странах, а межимпериалистическая борьба, развертывающаяся вокруг ассоциации, наносит молодым государствам дополнительный ущерб, поскольку попытки разрешать противоречия осуществляются главным образом за их счет.

Интеграционные процессы в Африке, вытекающие из закономерностей мирового капиталистического и всемирного хозяйства, несомненно, получают дальнейшее развитие как одна из реальных возможностей ликвидации последствий раздробления континента колонизаторами и его экономической отсталости. Однако империалистические планы регионального экономического сотрудничества африканских стран не могут служить этому демократической альтернативой. В основе таких планов, в каких бы вариантах они ни разрабатывались, заложены интересы не африканских государств, а соответствующей империалистической державы или блока капиталистических стран. Империалистическая интеграция в любом ее варианте направлена на новый раздел сфер влияния в Африке. Поэтому вокруг региональных проблем и происходит ожесточенная межимпериалистическая борьба.

Проблема регионального сотрудничества африканских стран может быть решена в их интересах лишь ими самими, без вмешательства и патронажа империалистов. Но

если освободившиеся страны не возьмут в свои руки руководство интеграционными процессами на континенте, то интеграция может осуществиться под эгидой того или иного империалистического государства. Остается острой с точки зрения дальнейших перспектив и проблема ассоциации африканских стран с основной европейской экономической группировкой — ЕЭС. Уже есть примеры (НРК, Мавритания), показывающие, что африканская страна может проводить в значительной мере самостоятельную политику, не отказываясь и от экономических связей с «шестеркой». Все дело в том, как справедливо отмечает польский экономист-международник А. Гжегорек, на каких условиях сотрудничать¹⁷. В борьбе за свои интересы молодые государства всегда могут рассчитывать на помощь социалистического содружества, последовательно выступающего против любой дискриминации в международных экономических отношениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге можно сделать вывод о том, насколько многообразен и сложен комплекс проблем межимпериалистической борьбы на современном этапе развития государственно-монополистического капитализма. Эта борьба — результат внутренних противоречий империализма и воздействия противоборства двух мировых систем, острых столкновений центробежных тенденций в капиталистическом мире и специфических национально-государственных интересов отдельных капиталистических стран, достижений научно-технического прогресса и ограничений в практических возможностях их реализации, бурного подъема международного рабочего и национально-освободительного движений и пределов общей внешнеполитической стратегии империализма в отношении молодых государств.

Анализ рассмотренных процессов показывает, что изменения в экономике современного капитализма, возникновение новых форм международного разделения труда, дальнейшая интернационализация производительных сил и экономической жизни не устраняют противоречий между странами капитала, а в отдельных случаях становятся основой новых антагонизмов. Важным фактором обострения противоречий между этими странами по-прежнему выступает неравномерность их экономического и политического развития. Неизбежным результатом борьбы двух мировых систем является усиление консолидации сил империализма, которое в основном распространяется на военную и политическую области и в меньшей степени на сферу экономики. Удельный вес экономического соперничества в общей системе межимпериалистических противоречий за последнее десятилетие возрос. В итоге борьба между империалистическими державами за передел сфер господства и внешние рынки не ослабевает, носит многообразный характер, приобретает новые

черты и направления, все шире распространяется на бывшие колониальные и зависимые страны.

Разногласия между западными державами в развивающихся странах — это не временные и не случайные эпизоды. Они, безусловно, имеют исторические корни. Межимпериалистические противоречия в колониальных вопросах нарастали на протяжении всех военных и послевоенных лет, что и обусловило дальнейшее развитие этих противоречий в освободившихся странах.

Распад колониальных режимов обострил антагонизм между классовыми интересами монополистической буржуазии в целом и своекорыстными интересами отдельных ее отрядов. Если до краха колониальных империй метрополии осуществляли на подвластных им территориях безраздельный контроль, а неравномерность развития и изменяющееся в этой связи соотношение сил в империалистическом лагере не оказывали существенного влияния на их позиции в колониях, то после ликвидации колониальных барьеров сложилось совершенно иное положение.

Общность классовых целей вынуждает империалистов к определенному единству действий в отношении молодых государств, чему служит политика неоколониализма. Однако в современных условиях сам неоколониализм стал выступать как фактор углубления межимпериалистических противоречий. Практически во всех своих аспектах политика неоколониализма прежде всего защищает интересы конкретной империалистической державы. Для бывших метрополий неоколониализм — средство сохранить позиции в бывших колониях, для их империалистических конкурентов — орудие передела сфер влияния. Различие в близлежащих целях порождает противоречия и соперничество.

Анализ политики империалистических держав в отношении развивающихся стран африканского континента дает возможность прийти к заключению, что тенденция к согласованию действий не усиливается. Все более активную роль начинает играть принцип собственной выгоды. Ликвидация возможностей для капитализма опираться в своем развитии на колониальное господство метрополий и постепенная утрата последними средств, позволяющих определять основные направления хозяйственной и политической жизни бывших колоний, активизируют центробежные тенденции в лагере империалистов. Это ведет к обострению межимпериалистической

борьбы в освободившихся странах за передел старых и захват новых сфер влияния.

Таким образом, во взаимоотношениях империалистических держав на африканском континенте четко проявляется неустрашимый антагонизм между общей внешнеполитической стратегией, которую они пытаются применить к молодым государствам, и разъединяющими империалистов специфическими национально-государственными интересами.

В результате исследования можно также сделать вывод о том, что наряду с экономической конкуренцией империалистических держав усиливается их соперничество за решающее политическое и идеологическое влияние в освободившихся странах. Это явление новое и определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в современных мировых условиях военные методы борьбы с конкурентом уступают место политическим средствам. Во-вторых, изменившаяся обстановка во многих освободившихся странах ставит достижение экономических целей в прямую взаимосвязь с политическим и идеологическим влиянием. И, в-третьих, последовательная утрата империализмом возможностей реально предотвращать развитие национально-освободительного движения в сторону социализма порождает в среде империалистов взаимное недоверие и неуверенность в эффективности контрмер союзника.

Рассмотрение эволюции межимпериалистических противоречий в освободившихся странах африканского континента позволяет констатировать, что при всем разнообразии комбинаций соперничающих сил, множественности двусторонних и многосторонних разногласий противоречия эти в определенной мере сводятся к проблеме американо-западноевропейских отношений. 60-е годы показали, что сложившаяся обстановка в Европе и во всем мире привела к обострению империалистических антагонизмов между США и западноевропейскими государствами, к падению престижа и влияния США, причем эти тенденции приобрели долговременный характер. Кроме того, в отличие от первого послевоенного периода, характеризовавшегося полной гегемонией американского империализма в капиталистическом мире, в 60-х годах достаточно четко определился ряд новых центров экономики и политики империализма. Это — группировка ЕЭС, Франция с ее системой франко-африканских соглашений,

Англия, сохраняющая Содружество наций, и Япония. В политике этих центров в отношении Африки обнаруживаются существенные расхождения, однако в той или иной мере все они конкурируют с США. Исходя из этого, наиболее вероятной представляется такая модель межимпериалистических отношений на африканском континенте, в которой доля «актива» западноевропейских стран, в первую очередь Англии, Франции и ФРГ, и также Японии, увеличивается, а Соединенных Штатов Америки, несмотря на прилагаемые ими усилия, — сокращается.

Оценивая перспективы межимпериалистических противоречий в Африке, необходимо в полной мере учитывать воздействие на них обстановки на самом континенте. Рост сплоченности африканских стран на базе общности их интересов в борьбе с империализмом, колониализмом и неоколониализмом выступает как фактор, локализирующий межимпериалистические противоречия. Однако объективно существующие во всех африканских странах, независимо от избранных путей социально-экономического развития, антиимпериалистические тенденции развиваются еще в замедленных темпах. В 70-х годах свойственная большинству стран Африки внутренняя и внешнеполитическая нестабильность, вероятно, сохранится, что может облегчить империалистическим державам свободу маневра.

Вместе с тем следует принимать во внимание другое важное обстоятельство — последовательное сокращение сферы влияния империализма на африканском континенте. Здесь растет число стран социалистической ориентации. Многие африканские правительства осуществляют мероприятия по ограничению деятельности иностранного капитала. И, наконец, главное — идея некапиталистического пути развития находит все большее признание в широких кругах общественности. В этих условиях империалистические державы, придерживаясь единой стратегии в отношении молодых государств, применяют, однако, различную тактику. Свои интересы они нередко пытаются отстаивать за счет капиталистического партнера. Этот фактор в большей или меньшей степени влияет на межимпериалистические отношения в Африке, способствует углублению противоречий.

Общие итоги исследования позволяют сделать вполне обоснованный вывод, что освободившимся странам Африки предоставляется в настоящее время реальная воз-

возможность использовать в своих интересах усилившуюся борьбу между империалистическими державами за экономические позиции, сферы приложения капитала и политическое влияние на континенте. Империализм уже идет на определенные экономические уступки этим странам. Его вынуждает к этому давление национально-демократических сил, соперничество конкурентов, а также необходимость в какой-то мере содействовать развитию экономики молодых государств с целью укрепления там своих позиций. Использование межимпериалистических противоречий освободившимися странами облегчается и тем важнейшим обстоятельством, что их политическое, социально-экономическое и культурное становление происходит в рамках общего мирового развития, в условиях противоборства двух мировых систем, дальнейшей активизации антиимпериалистического и национально-освободительного движений, при помощи и поддержке со стороны Советского Союза.

В «Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы» указано: «Продолжать развитие устойчивых внешнеэкономических и научно-технических связей с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки на условиях взаимной выгоды и в интересах укрепления их экономической независимости»¹.

В. И. Ленин учил, что освободившийся народ в своей внешней и внутренней политике должен постоянно учитывать соотношение сил в стане империалистов, использовать империалистические антагонизмы. В декабре 1920 г. Ленин писал, что молодая Советская власть могла побеждать «только благодаря глубочайшим раздорам среди империалистических держав и только благодаря тому, что эти раздоры не были случайными партийными внутренними раздорами, а что это глубочайшая неискоренимая рознь экономических интересов между империалистическими странами»². И далее В. И. Ленин особо подчеркивал: «...Отсюда наша политика — использовать рознь империалистических держав, чтобы затруднить соглашение или по возможности сделать его временно невозможным»³.

За прошедшие пятьдесят лет обстановка в мире изменилась коренным образом. Сейчас главный фактор поддержки национально-освободительной борьбы — наличие мировой социалистической системы. И, тем не менее, для

недавно сбросивших колониальный гнет народов эти ленинские положения сохраняют свою актуальность.

Ряд африканских государств уже использует в своих интересах конкурентную борьбу империалистических держав, в частности, в вопросах предоставления займов, кредитов или различных видов «помощи». Опасения, что соперник опередит, нередко заставляют капиталистические правительства и монополии идти на уступки молодым государствам. Дальнейшее изменение соотношения сил в мире в пользу социализма создаст в этом направлении еще большее разнообразие возможностей.

Научный анализ и учет противоречий империалистических держав, особенностей межимпериалистической борьбы не перестанет в обозримом будущем являться актуальной задачей всех революционных сил современности. Такой анализ поможет еще более гибко, разносторонне и настойчиво вести наступление на империализм.

Каковы же перспективы дальнейшей эволюции межимпериалистических противоречий в развивающихся странах Африки? Однозначный ответ на этот вопрос дать невозможно, как и предусмотреть все варианты соотношений внутренних и внешних факторов, воздействующих на развитие центростремительных и центробежных тенденций в империалистическом лагере. Вместе с тем проведенное исследование позволяет высказать некоторые соображения.

Главным узлом межимпериалистических противоречий в освободившихся странах Африки в ближайшем будущем, по всем данным, останутся отношения между бывшими метрополиями — Францией, Англией и Бельгией, с одной стороны, и основными претендентами на их наследство — США, ФРГ и Японией — с другой. Это противоречие будет развиваться в сочетании с многочисленными двусторонними противоречиями — между Англией и Францией, ФРГ и США и т. д. Наибольшего обострения борьбы следует, видимо, ожидать между США и группировкой «общего рынка» с главным акцентом на противоречия США и Франции.

Очагами особого накала соперничества и конкуренции, вероятнее всего, будут три группы стран — обладающие запасами дефицитного сырья, занимающие ключевое положение в политическом плане и имеющие стратегическое значение. В странах социалистической ориентации, в отличие от избравших капиталистический путь развития,

межимпериалистическая борьба будет вестись в приглушенных и замаскированных формах.

Экономический комплекс по-прежнему сохранит в 70-х годах доминирующее положение в общей системе конкуренции и соперничества империалистических держав. Попытки экономического передела африканского континента активизируются.

Среди средств экономической экспансии должна резко возрасти роль экспорта частного капитала. В пользу этого вывода говорит значение его новых функций, а также тот факт, что основные империалистические державы намерены в 70-х годах активизировать инвестиционную деятельность в Африке и проводят в этих целях широкие организационные мероприятия. Удельный вес империалистической «помощи» в средствах межимпериалистической борьбы, видимо, уменьшится. Это связано с валютно-финансовыми затруднениями «доноров», а также с их разочарованием достигнутыми результатами. Противоречия в сфере торговли на африканском континенте в 70-х годах, вероятно, усилятся, поскольку проблема сбыта в империалистических государствах постоянно усугубляется, а африканский рынок, даже при его определенной ограниченности, сохранит свое значение для капиталистических экспортеров.

В 70-х годах не ослабнет и борьба империалистических держав за африканские источники сырья. Этому будет способствовать ряд факторов. При продолжающемся относительном сокращении потребления естественного сырья абсолютный спрос на него в связи с ростом производства будет увеличиваться, особенно со стороны тех стран, на территориях которых запасы отсутствуют или истощены, — Япония, Англия, ФРГ и ряд других. В связи с дальнейшей милитаризацией экономики империалистических держав по-прежнему большое внимание будет уделяться накоплению и складированию отдельных видов сырья. Несомненно дальнейшее и, видимо, еще более бурное развитие новых отраслей промышленности — атомно-ядерной, ракетно-космической, электроники, нефтехимической и др. Это повысит спрос на исходное сырье, запасы которого имеются в Африке, — редкоземельные и цветные металлы, нефть и пр. Существенную роль в обострении борьбы монополий вокруг источников сырья будут играть дальнейшие меры по ограничению деятельности иностранного капитала со стороны африканских

правительств. Оттеснение капиталистических монополий усилит их конкуренцию на сужающихся плацдармах.

Одним из основных объектов межимпериалистических противоречий на африканском континенте в 70-х годах будет, как можно полагать, комплекс проблем, связанных с процессами экономической интеграции. Эти процессы, вытекающие из закономерностей мирового капиталистического и всемирного хозяйства, получают в Африке дальнейшее развитие. Предметом разногласий останется принцип интеграции. Бывшие метрополии, видимо, по-прежнему будут отстаивать идею регионального сотрудничества лишь в рамках своих бывших колониальных владений. Их конкуренты не откажутся от варианта субрегиональных объединений или смешанных группировок, в которых Англия и Франция были бы лишены решающего влияния.

Перспективы соперничества империалистических держав в вопросах политического влияния в освободившихся странах Африки зависят от многих обстоятельств — эволюции отношений между этими державами, уровня антиимпериалистической борьбы африканских народов, характера развития главного противоречия эпохи — между двумя мировыми системами. Поэтому возможна оценка лишь тех тенденций, долговременный характер которых в основном определился.

В 70-х годах можно ожидать дальнейшего обострения американо-французского соперничества в странах франкоязычной Африки. Катализатором послужит возрастающий интерес США к этим странам в экономическом и торговом плане, что неминуемо сопряжено и с борьбой за политическое влияние. В целом не ослабнет соперничество империалистических держав за приоритет в контроле над подготовкой национальных кадров, армией, профсоюзным движением, средствами массовой информации. Соединенным Штатам, видимо, удастся еще существенно потеснить Англию в системах образования африканских членов Содружества. Наиболее острая борьба за контроль над развивающимся профсоюзным движением в Африке также, видимо, развернется в англоязычных странах континента Африки, поскольку профсоюзные организации этих стран — главный объект экспансии американского объединения АФТ—КПП. Вместе с тем общие перспективы межимпериалистической борьбы в этой сфере в значительной мере зависят от эволюции позиций самих профсоюзов. Усиление антикапиталистической и

антиимпериалистической направленности в их деятельности ослабит соперничество империалистов.

Анализ тенденций, конкретных мероприятий и перспективных планов идеологической экспансии в Африке главных империалистических держав позволяет сделать вывод, что в 70-х годах их отношения в этой области будут испытывать все возрастающее воздействие идеологической борьбы двух мировых систем.

По мере того как марксистско-ленинская идеология будет завоевывать все более обширные позиции в развивающихся странах, — а это процесс необратимый, — и буржуазная идеология будет вынуждена отступать, перед империалистическими державами еще с большей остротой встанет проблема — совместно или порознь отстаивать сужающиеся идеологические плацдармы. Нельзя полагать, что верх безоговорочно возьмет тенденция совместных действий, поскольку при современном соотношении сил это означало бы приоритет курса, диктуемого Вашингтоном, то есть объединение империалистических сил, но при подчинении интересов западноевропейских стран американским планам захвата в освободившихся странах командных высот. Поэтому со стороны отдельных западных государств можно ожидать и самостоятельных действий в идеологической сфере, поиска компромисса с новыми социальными силами, что будет порождать новые формы межимпериалистического соперничества. Фактически в Африке уже намечаются пределы общей внешнеполитической стратегии империализма, отдельных империалистических держав и группировок в отношении молодых государств.

Анализ проблем, эволюции и перспектив межимпериалистической борьбы в развивающихся странах в конечном итоге показывает, что и в этой борьбе проявляется стремление империализма приспособиться к современной обстановке, продлить свое существование. Поэтому постоянно изменяются формы столкновений, происходит перегруппировка конкурирующих сил. Острые разногласия и политико-дипломатические конфликты чередуются с единством действий империалистических держав против народов освободившихся стран. Империализм бессилен, однако, вернуть утраченную им историческую инициативу, как и избавиться от присущих капиталистическому обществу внутренних и внешних противоречий. Они исчезнут лишь с гибелью капитализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 15.
- ² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 735.
- ³ Н. Иноземцев, Особенности современного империализма и его основные противоречия, «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 5, стр. 14.
- ⁴ «International Commerce», March 21, 1968, p. 8.
- ⁵ «Business International Research Report. 1985/Corporate Planning Today for Tomorrow's Market», N. Y., 1967, p. 90.
- ⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 248.
- ⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 408.
- ⁸ Имеется в виду ассоциация африканских стран с «общим рынком».
- ⁹ Grant Hugo, Britain in tomorrow's World, L., 1969, p. 66.
- ¹⁰ «Revue de Defense National», août — sept. 1970.
- ¹¹ «World Today», June 1970.
- ¹² «Der Spiegel», 1969, No 51.
- ¹³ «Japan Press», May 2, 1970.

Глава I

- ¹ См. L. Woodward, British Foreign Policy in the Second World War, L., 1962, p. 75.
- ² Э. Рузвельт, Его глазами, М., 1947, стр. 56.
- ³ W. H. McNeill, America, Britain and Russia, L., 1953, p. 319.
- ⁴ «The Parliamentary Debates. Fifth Series. House of Commons», vol. 374, col. 69; R. Oliver. A. Atmore, Africa Since 1800. Cambridge University Press, 1967, p. 211.
- ⁵ R. B. Russel, A History of the United Nations Charter. The Role of the United States. 1940—1945. Wash., 1958, p. 40.
- ⁶ Э. Рузвельт, Его глазами, стр. 41, 51.
- ⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 67.
- ⁸ W. Langer and S. Gleason, Challenge to Isolation 1937—1940, N. Y., 1952, pp. 2—3.
- ⁹ Э. Рузвельт, Его глазами, стр. 52.
- ¹⁰ Там же, стр. 84.
- ¹¹ W. Root, The Secret History of the Second World War, vol. III, N. Y., 1946, pp. 192, 450—451.
- ¹² Э. Рузвельт, Его глазами, стр. 83.
- ¹³ Там же, стр. 98.
- ¹⁴ Charles de Gaulle, Mémoires de guerre, L'Unite, P., 1956, pp. 23—24.
- ¹⁵ W. Langer, Our Wichy Gamble, N. Y., 1947, p. 299
- ¹⁶ W. Wilkie, One World, N. Y., 1943, p. 182.
- ¹⁷ «The Times», March 8, 1943.

- ¹⁸ W. S. Churchill, *The End of the Beginning, War Speeches*, Boston, 1943, p. 268; "Keesing's contemporary archives. Weekly diary of World — Events, 1940—1943", Nov. 7—14, 1942, p. 5450. Эллиот Рузвельт пишет, что отец приводил ему эти слова Черчилля еще в августе 1941 г. (до встречи в бухте Арджентея) как сказанные в одном из разговоров по трансатлантическому телефону (Э. Рузвельт, *Его глазами*, стр. 41).
- ¹⁹ R. Sherwood, *The White House Papers of Harry L. Hopkins*, vol. I—II, L., 1948—1949, pp. 515—517, 535—536.
- ²⁰ *Ibid.*, p. 854.
- ²¹ C. Hull, *Memoirs*, vol. II, N. Y., 1948, p. 1476.
- ²² R. B. Russell, *A History of the United Nations Charter. The Role of the United States, 1940—1945*, 1958, pp. 84—91.
- ²³ "Foreign Relations of the United States, 1943" vol. I, p. 666.
- ²⁴ R. Emerson, *Africa and United States Policy*, Englewood Cliffs (N. Y.) 1967, p. 18.
- ²⁵ "Address by Henry S. Villard, Assistance Chief of the Division of Near Eastern Affairs of the Department of State" (Aug. 19, 1943), Department of State Press Release No 345, Aug., 18, 1943.
- ²⁶ См. А. А. Санталов, *Империалистическая борьба за источники сырья*, М., 1954.
- ²⁷ Catroux, *Dans la bataille de Méditerranée*, P., 1944, p. 88.
- ²⁸ Charles de Gaulle, *Mémoires de guerre, L'Unité*, pp. 23—24.

Глава II

- ¹ См. C. Hull, *The Memoirs*, vol. II, p. 1235.
- ² E. Cassirer, *The Myth of the State*, N. Y., 1946.
- ³ W. Rostow, *View from the Seventh Floor*, N. Y., 1964, p. 116.
- ⁴ G. L. Beer, *African Question at the Paris Peace Conference*, N. Y., 1923, p. 264.
- ⁵ См. L. E. Gelfand, *The Inquiry: American Preparations for the Peace, 1917—1919*, New Haven, Yale University, 1963.
- ⁶ R. Emerson, *Africa and United States Policy*, p. 16.
- ⁷ R. B. Russell, *A History of the United Nations Charter. The Role of the United States, 1940—1945*, p. 75.
- ⁸ *Ibid.*, p. 83.
- ⁹ Подробно оценку проекта США см. В. Г. Трухановский, *Внешняя политика Англии в период второй мировой войны*, М., 1965, стр. 470—473.
- ¹⁰ "Foreign Relations of the United States, 1943", vol. I, General, Wash., 1963, p. 748.
- ¹¹ R. Emerson, *Africa and United States Policy* p. 15.
- ¹² *Ibid.*, p. 21.
- ¹³ "United States Department of State Press Release", No 605, Oct. 30, 1953.
- ¹⁴ "Department of State Bulletin", XXII, June 19, 1950, pp. 999—1002.
- ¹⁵ Ch. Bowles, *Africa's Challenge to the United States*, Berkley and Los Angeles, 1956, pp. 96—97.
- ¹⁶ "Department of State Press Release", No 298, May 1, 1959.
- ¹⁷ Vernon McKay, *Africa in World Politics*, N. Y., 1963, pp. 322—323.
- ¹⁸ "Kennedy and Africa", ed. by Robert A. Marschall, N. Y., 1967, pp. 15—21.

- ¹⁹ R. Emerson, *Africa and United States Policy*, p. 24.
²⁰ A. Burns, *In Defence of Colonies*, L., 1957, p. 129.
²¹ W. Attwood, *The Reds and the Blacks*, L., 1967, p. 168.
²² "Report of the Special Study Mission to Africa, South and East of the Sahara by Honourable Frances P. Bolton, Ranking Minority Member of the Subcommittee of the Near East and Africa of the Committee on Foreign Affairs" Wash., 1956, p. 12.
²³ W. Attwood, *The Reds and the Blacks*, p. 15.
²⁴ "Kennedy and Africa", ed. Robert A. Marschall, p. 16.
²⁵ Под таким названием в 1962 г. был издан сборник речей и выступлений Кеннеди ("To turn the Tide", N. Y., 1962).
²⁶ R. Emerson, *Africa and United States Policy*, p. 5.
²⁷ "Nation", July 24, 1964.
²⁸ "Aussenpolitik", 1968, No 7, S. 434.
²⁹ "Africa Report", 1969, No 1.
³⁰ "Nation", March 3, 1969.
³¹ "Africa Report", 1969, No 1.
³² *Ibid.*, p. 9.

Глава III

- ¹ Ch. Hains, *Africa Today*, Baltimore, 1955, pp. 441—442.
² Цит. по Я. Эттингер, *Бонн рвется в Африку*, М., 1960, стр. 23.
³ "Aussenpolitik", 1968, No 7, S. 429.
⁴ S. Hempstone, *The New Africa*, L., 1961, p. 49.
⁵ Eugene V. Rostow, *Europa und USA — Partner aus Notwendigkeit*, "Aussenpolitik", 1968, No 7, SS. 390—391.
⁶ "Annual Register of World Events for the Year 1952", L., 1953, pp. 4—5.
⁷ "Daily Mail", July 27, 1956.
⁸ "Parliamentary Debates, House of Commons", Aug. 2, 1956, col. 1955—1965.
⁹ Dwight D. Eisenhower, *The White House Years 1956—1961*, L., 1966, pp. 75—78.
¹⁰ "The Memoirs of Sir Anthony Eden", L., 1960, pp. 525—528.
¹¹ «Правда», 6 сентября 1956 г.
¹² F. S. Northedge, *British Foreign Policy*, L., 1962, p. 237.
¹³ "Parliamentary Debates, House of Commons", Dec. 5—6, 1956.
¹⁴ "The Memoirs of Sir Anthony Eden", p. 336.
¹⁵ "The New York Times", Oct. 3, 1956.
¹⁶ Terence Robertson, *Crisis*, L., 1965, p. 177.
¹⁷ См. R. Emerson, *Africa and United States Policy*, pp. 109—110.
¹⁸ "Africa", Department of State Publication 7546, African Series 34, p. 3.

Глава IV

- ¹ "Le Monde", 10 mai 1952.
² *Ibid.*
³ Подробно см. И. М. Лемин, *Англо-американские противоречия после второй мировой войны*, М., 1955.
⁴ В 1950 г. Английский банк продал англо-бельгийской группе 1678 тыс. акций «Танганьика консешнз». Группа, в свою очередь, перепродала 750 тыс. акций американским банкам «Ладенбург — Тельман энд компани» и «Лазар бразерс энд компани оф Нью-Йорк». Таким образом, США обеспечили себе 8% капитала,

- 19% голосов и два места в наблюдательном совете «Танганьика консешнз» (см. «Политика Англии в Африке», М., 1967, стр. 187).
- ⁵ Цит. по «Углубление кризиса колониальной системы империализма», М., 1953, стр. 576.
 - ⁶ "Documents of International Affairs: 1952", Royal Institute of International Affairs, Oxford University press, 1956, pp. 47, 52.
 - ⁷ Подробно см. Я. Э т и н г е р, Бонн рвется в Африку, М., 1960.
 - ⁸ "Deutsche Aussenpolitik", 1956, No 3, S. 257.
 - ⁹ "Mois an Afrique", nov. 1967.
 - ¹⁰ "The Parliamentary Debates". Fifth Series. House of Commons", vol. 446, col. 398.
 - ¹¹ Подробно по этому вопросу см. «Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов», М., 1953; Л. В. Г о н ч а р о в, Империалистическая эксплуатация английских колоний в Африке, М., 1961; «Политика Англии в Африке», М., 1967 и др.
 - ¹² "The Economist", June 28, 1952, p. 870.
 - ¹³ "Survey of British and Commonwealth Affairs", 1967, vol. I, No 20, p. 994.
 - ¹⁴ "The Times", Jan. 23, 1948.
 - ¹⁵ Подробно о политике Франции в Африке в 1945—1960 гг. см. «Международные отношения после второй мировой войны», тт. I—II—III, М., 1962—1965 гг.; Р. М. А в а к о в, Французский монополистический капитал в Северной Африке, М., 1958; Н. Н. М о л ч а н о в, Внешняя политика Франции, 1944—1954 гг., М., 1959.; Н. И. Г а в р и л о в, Западная Африка под гнетом Франции, М., 1961.
 - ¹⁶ "The United States in World Affairs, 1958", N. Y., 1959, p. 240.
 - ¹⁷ Подробно о франко-американских противоречиях этого периода см. Л. А. С а л ы ч е в а, США и Франция. Проблемы империалистического союза в 1945—1958 гг., М., 1970.
 - ¹⁸ "Overseas Quarterly", March 1958, p. 1.
 - ¹⁹ Цит. по Г. Е. С к о р о в, Французский империализм в Западной Африке, М., 1956, стр. 57.
 - ²⁰ R. E m e r s o n, Africa and United States Policy, p. 35.
 - ²¹ "Keesing's Contemporary Archives", 1961, p. 18266.
 - ²² "Department of States Bulletin", Apr. 12, 1965.
 - ²³ "The Times", Apr. 23, 1956.
 - ²⁴ Цит. по «Правда», 9 декабря 1959.
 - ²⁵ "Foreign Affairs", Apr. — July 1965.
 - ²⁶ A. C o h e n, British Policy in Changing Africa, L., 1959, pp. 113, 115, 116.
 - ²⁷ "Africa Digest", 1955, No 4, pp. 21—22. Цит. по A l i A. M a z r u i, The Anglo-African Commonwealth, L., 1967, p. 33.
 - ²⁸ "Der Spiegel", 1966, No 32, S. 55.
 - ²⁹ "The Times", July 25, 1962.
 - ³⁰ В 1969 г. в Яунде была заключена новая конвенция со сроком действия до 31 января 1975 г.

Глава V

- ¹ В. И. Л е н и н, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 361, 397.
- ² В. И. Л е н и н, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 95.
- ³ В. И. Л е н и н, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 360.

- ⁴ Там же, стр. 421—422.
- ⁵ См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 124.
- ⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 368.
- ⁷ "U. S. News and World Report", Nov. 20, 1967.
- ⁸ Американский экономист Ф. Т. Острандер утверждает, например, что США почти не получают прибыли от своих капиталовложений в Черной Африке, на их платежный баланс они не оказывают существенного влияния, тем более что «роль Соединенных Штатов в Африке в области капиталовложений сравнительно новая» и для того, чтобы инвестиции «стали приносить прибыль, потребуется значительное время» ("Africa Report", No 1, 1969).
- ⁹ R. E m e r s o n, Africa and United States Policy, p. 34.
- ¹⁰ "East African Standard", July 4, 1968.
- ¹¹ "Le Figaro", 30 mai, 1969.
- ¹² "Le Figaro", 18—19 juil 1970.
- ¹³ I b i d.
- ¹⁴ Только за 1961—1966 гг. сумма капиталов французских фирм, направленных в страны Тропической Африки, возросла на 70%, достигнув почти 500 млн. франков ("Le Monde", 19 mars 1968).
- ¹⁵ "Japan Press", May 2, 1970.
- ¹⁶ I b i d.
- ¹⁷ I b i d.
- ¹⁸ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», М., 1969, стр. 296.
- ¹⁹ По этому вопросу подробно см. «Политическая экономия современного монополистического капитализма», М., 1970, т. 2, стр. 131—134.
- ²⁰ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 242.
- ²¹ В. Г. С о л о д о в н и к о в, Африка выбирает путь, М., 1970, стр. 103.

Глава VI

- ¹ "Internationales Africa-Forum", Aug. 1967.
- ² John D. Montgomery, Foreign Aid in International Politics. America's Role in World Affairs Series, N. Y., 1967, p. 7.
- ³ D. Baldwin, Foreign Aid and American Foreign Policy, N. Y., 1966, p. 97.
- ⁴ D. Crozier, Neo-Colonialism. A Background Book, L., 1964, p. 110.
- ⁵ "Marchés tropicaux et méditerranéens". 25 fév, 1967.
- ⁶ "Internationales Africa-Forum", Aug. 1967.
- ⁷ К. Н. Брутенц, Новая форма порабощения народов, М., 1969, стр. 73.
- ⁸ "The Financial Times", July 7, 1970.
- ⁹ "What is Aid", by W. Clark, University at East Africa conferences on public policy. Dar es Salam, "Foreign Aid", Sept. 22—26, p. 3.
- ¹⁰ "Why Foreign Aid?", Chi., 1963, p. 74.
- ¹¹ Цит. по В. Фетов, Долларом, мечом, дурманом, М., 1969, стр. 159.
- ¹² M. Guernier, La Dernière Chance du tiers monde. P., 1968, p. 98.
- ¹³ "Internationales Africa-Forum", Aug. 1967.
- ¹⁴ "British Aid-I, Survey and Comment", L., 1963, p. 13.
- ¹⁵ "The New Statesmen", Nov. 13, 1963.
- ¹⁶ Цит. по «Тропическая Африка: проблемы развития», М., 1970, стр. 33.
- ¹⁷ "Economie et politique", avr. — mai 1969.

- ¹⁸ «Помощь» Тунису была сокращена раньше, поскольку отношения обеих стран резко ухудшились еще в 1961 г. в результате налета французской авиации на Бизерту.
- ¹⁹ "Le Monde", 26 oct. 1968.
- ²⁰ "Der Deutsche Bundestag", 5 Wahlperiode, 124 Sitzung, 11 Okt. 1967, S. 6246.
- ²¹ R. Emerson, Africa and United States Policy, p. 35.
- ²² "The Scope and Distribution of U. S. Military and Economic Assistance Programs", Report to the President of the USA from Committee to Strengthen the Security of the Free World, March 20, 1963.
- ²³ R. Emerson, Africa and United States Policy, p. 41.
- ²⁴ Charles Wolf, Jr., United States Policy and the third World, Boston, 1967, p. 16.
- ²⁵ M. O'Leary, The politics of American Foreign Aid, N. Y., 1967, pp. 18—19.
- ²⁶ R. Emerson, Africa and United States Policy, pp. 41, 42.
- ²⁷ "Efforts et Politiques d'Aide au Developpement, Examen, 1966", p. 140.
- ²⁸ "Foreign Aid. Message from the President of the United States transmitting Proposals to redirect our Efforts in Foreign Aid. House of Representatives 91st Congress. 1st Session", Doc. No 91—122.
- ²⁹ D. Baldwin, Foreign Aid and American Foreign Policy, N. Y., 1966, p. 3.

Глава VII

- ¹ Цит. по «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран», приложение к «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 8, стр. 64.
- ² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 412.
- ³ "US and Africa in the 70-th".
- ⁴ "Le Monde", 26 avr., 1970.
- ⁵ Цит. по Д. И. Костюхин, Внешнеэкономическая политика США, М., 1968, стр. 173.
- ⁶ "US and Africa in the 70-th".
- ⁷ "Board of Trade Journal", March 1969.
- ⁸ "Bulletin des Presse und Informationsamtes der Bundesregierung", Bonn, 1 Juli, 1969, No 86.
- ⁹ "Japan Press", May 2, 1970.

Глава VIII

- ¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 421—422.
- ² "Washington Post", June 7, 1961.
- ³ Р. Капо-Рей, Французская Сахара, М., 1958, стр. 377.
- ⁴ По оценкам буржуазных источников, запасы золота в Африке составляют 40% мировых, а алмазов — 98% ("Marktinformation für Industrie und Aussenhandel", 1966, No 3, SS. 1—3).
- ⁵ Подсчитано по «Минеральные ресурсы стран капиталистического мира», М., 1968; национальная статистика.

Глава IX

- ¹ "Fortune", Dec. 1962.
- ² "Le Monde", 2—3 fév. 1964.
- ³ "The Times", Dec. 2, 1965.

- 4 "Times of Zambia", March 6, 1970.
- 5 Цит. по «Политика Англии в Африке», М., 1967, стр. 188.
- 6 Конор О'Брайен, В Катангу и обратно, М., 1963.
- 7 Конор О'Брайен охарактеризовал эту политику как «приближающуюся к афро-азиатской линии («единство Конго») и отдаляющуюся от англо-французско-бельгийской линии» («порядок в Катанге»).
- 8 "Security Council", Doc. S/4973.
- 9 «Documents on International Affairs», Royal Institute of International Affairs, L., 1961, p. 770.
- 10 "New York Herald Tribune", July 24, 1962.
- 11 "Les Echos", 2 Jan. 1963.
- 12 "The New York Times", Jan. 4, 1963.
- 13 "Rand daily mail", Jan. 24, 1969.
- 14 "African World", Apr. 1968.
- 15 "Marnés tropicaux et méditerranéens", 28 juil, 1968.
- 16 "Le Monde diplomatique", Dec. 1968.
- 17 "African World", Apr. 1968.
- 18 "Africa Confidential", May 9, 1969.
- 19 Уран содержится также в фосфоритовых месторождениях Туниса, Марокко, Алжира и Сенегала. В промышленных масштабах добыча пока еще не ведется.
- 20 "Foreign Report", Jan. 2, 1969.
- 21 Ibid.
- 22 Ibid.
- 23 Ibid.
- 24 "Journal de Genève", 16 mai, 1969.
- 25 Ibid.
- 26 W. Attwood, The Reds and the Blacks, pp. 26, 124.
- 27 Ibid., p. 129.
- 28 "Bergbau", 1967, No 6, pp. 159—160. Возможные запасы, как правило, существенно превышают достоверные, цифры которых приведены в таблице 12.
- 29 Подробно см. И. А. Генин, Империалистическая борьба за Сахару, М., 1962.
- 30 "Financial Times", May 31, 1967.
- 31 "Daily Telegraph", Oct. 31, 1967.
- 32 "Financial Times", May 31, 1967.
- 33 Позднее этот факт настойчиво отрицался в США и в Биафре.
- 34 "Sun", Oct. 3, 1968.
- 35 "The Times", Oct. 22, 1968.
- 36 "Tribune", Aug. 2, 1968.
- 37 "Daily mirror", Oct. 9, 1968.
- 38 "L'Aurore", 19 août 1968.
- 39 "Le Monde", 21 août 1968.
- 40 "La Tribune des nation", 23 oct. 1968.
- 41 "Peoples World", Aug. 7, 1968.
- 42 "The New York Times", Jan. 21, 1969.
- 43 "Le Monde", 13 jan. 1970.
- 44 "The New York Times", Jan. 23, 1970.
- 45 "Sunday Express", Jan. 25, 1970.
- 46 "Time", Jan. 27, 1970, p. 28.

- ¹ "Le Monde", 29 mai 1969.
- ² Цит. по В. Г. Солодовников, Африка выбирает путь, стр. 94.
- ³ См., например, «Распад Британской империи», М., 1964; «Международные отношения после второй мировой войны», тт. I—III, М., 1965; Н. А. Ерофеев, Закат Британской империи, М., 1967; Е. А. Тарабрин, Стратегия и тактика неоколониализма Англии, М., 1969; Ali A. Mazrui, The Anglo-African Commonwealth, L., 1967.
- ⁴ R. Emerson, Africa and United States Policy, p. 60.
- ⁵ W. Attwood, The Reds and the Blacks, p. 16.
- ⁶ Ibid., p. 15.
- ⁷ Ali A. Mazrui, The Anglo-African Commonwealth, p. 27.
- ⁸ W. S. Churchill, The Second World War, vol. 2. Their finest hour, Boston, 1949, p. 128.
- ⁹ "Forrestal Diaries", N. Y., 1951, p. 37.
- ¹⁰ "Observer", Jan. 20, 1969.
- ¹¹ "Newsweek", Jan. 6, 1969.
- ¹² M. Beloff, The Future of British Foreign Policy, 1969, p. 14.
- ¹³ "Observer", Jan. 20, 1969.
- ¹⁴ Подробно о некоторых внутренних проблемах независимых стран Африки см. В. Г. Солодовников, Африка выбирает путь.
- ¹⁵ Donald Maclean, British Foreign Policy since Suez, L., 1970, p. 70.
- ¹⁶ "African World", June 1969.
- ¹⁷ "Daily Telegraph", July 6, 1969.
- ¹⁸ "Rinascita", Jan. 2, 1970.
- ¹⁹ "Exchange of Letters between Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of Kenya establishing a British Training Team in Kenya to assist in the training and development of the Armed Forces of Kenya". Treaty Series No 33 (1968), L., 1968.
- ²⁰ "Africa Report", 1969, No 1.
- ²¹ D. Horowitz, The Free World Colossus, L., 1965, p. 212.
- ²² "Africa and World", Sept. 1966.
- ²³ "Le Monde", 4 jan. 1968.
- ²⁴ "The Department of State Newsletter", Febr. 1968.
- ²⁵ "The New York Times", March 27, 1968.
- ²⁶ Э. К. Котока с 1947 г. служил в королевских западноафриканских пограничных войсках, затем окончил в Англии военное училище Итон-Холл, получил офицерское звание и продолжал службу в английских частях в ФРГ. В 1956 г. вновь обучался на военных курсах в Англии, и ему был присвоен чин майора. После ухода англичан с командных постов в ганской армии он был рекомендован на руководящую штабную работу. Котока был убит в апреле 1967 г. во время неудавшейся попытки группы офицеров совершить государственный переворот. А. Африфа с 1957 по 1960 г. обучался в Англии в Королевской военной академии в Сандхерсте, затем с частями ганской армии находился в Конго (Киншаса). В написанной им книге «Переворот в Гане» он не скупится на комплименты в адрес Англии, а военную академию называет «лучшим учебным заведением в мире» ("West-Africa", June 12, 1969).
- ²⁷ "Le Monde", 4 Jan. 1969.
- ²⁸ "Observer", Febr. 11, 1968.

- 29 "Daily Mirror", Oct. 9, 1968.
 30 "The New York Times", Febr. 4, 1968. Как показано в главе IX, Парижу удалось сорвать планы Вашингтона.
 31 "Los Angeles Times", march 24, 1968.
 32 Charles Darlington, African betrayal, N. Y., 1968.
 33 "Washington Post", Dec. 7, 1967.
 34 "Le Monde", 29 mai 1969.
 35 "Foreign Report", May 1, 1969.
 36 "Afrika heute", 1969, No 2—3.
 37 "Le Monde", 24—25 sept. 1967.
 38 "Paris-Match", 31 jan. 1970.
 39 "France Nouvelle", 4 mars 1970.
 40 "Le Monde", 3 mars 1970.
 41 "France Nouvelle", 11 mars 1970.
 42 Ibid.
 43 "Le Monde", 13 mars 1970.

Глава XI

- 1 См. по этому вопросу «Идейные течения в Тропической Африке», сборник под ред. Л. Д. Яблочкова и К. С. Кремень, М., 1969.
 2 См., например, Е. Д. Модржинская, Распад колониальной системы и идеология империализма, М., 1965; В. Фетов, Долларом, мечом, дурманом; К. Н. Брутенц. Политика империализма США в развивающихся странах и др.
 3 См., например, "Tradition et modernisme en Afrique Noire", P., 1965.
 4 H. Portisch, Augenzeuge der Weltpolitik, Munchen, 1964, S. 273.
 5 B. Crozier, Neo-Colonialism. A Background Book.
 6 Oliver C. Cox, Capitalism and American Leadership, N. Y., 1962, pp. XVI—XVII.
 7 A. Mazrui, The Anglo-African Commonwealth, p. 82.
 8 T. Hayter, French Aid, L., 1966, p. 176.
 9 M. G. Pompidou, Premier Ministre: declaration devant L'Assemblée Nationale le 10 juin 1964, "Nation", 12 juin 1964.
 10 "Le Monde", 12 mars 1964.
 11 "La politique de coopération avec les pays en voie de développement. Rapport de la Commission d'Etude de Janneny", P., 1964.
 12 "Afrika heute", 1969, No 2—3.
 13 "Afrika heute", 1969, No 1—2.
 14 Ibid.
 15 Подробно оценку доклада см. Е. Тарабрин, Африканская дипломатия Роджерса, «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 7.
 16 Об американском аппарате идеологической диверсии в Африке см., например, В. Фетов, Долларом, мечом, дурманом.
 17 «Коммунист», 1969 г., № 9, стр. 69.
 18 "Education and Training in the Developing Countries. The Role of U. S. Foreign Aid", ed. by W. Y. Elliott, N. Y., — Wash. — L., 1966, pp. 338—339.
 19 Y. T. Grown and G. P. Penty, Kennedy in Power, N. Y., 1961, p. 67.
 20 "Africa Report", 1969, No 1.
 21 S. S. Sriver, Point of Lance, N. Y., 1964, p. 8.

- ²² "Hearings before the Subcommittee on International Organizations and Movements of the Committee on Foreign Affairs", House of Representatives, 88th Congress, First Session, 1963.
- ²³ "The Ford Foundation, Annual Report", 1967, p. 46.
- ²⁴ Создание этого фонда было вызвано стремлением английского правительства противопоставить американским «благотворительным» организациям собственные аналогичные службы.
- ²⁵ "West Africa", Juni 13, 1970.
- ²⁶ "The Ford Foundation, Annual Report", 1969.
- ²⁷ R. Emerson, Africa and United States Policy, p. 50.
- ²⁸ Thomas Beethan, Christianity and the New Africa, N. Y., 1967.
- ²⁹ W. Attwood, The Reds and the Blacks, p. 82.

Глава XII

- ¹ Об отношении империалистических держав к проблеме подготовки национальных кадров развивающихся стран см., например, «Дипломатия и кадры», М., 1968.
- ² "Political quarterly", 1970, No 1.
- ³ "The Sun", Jan. 24, 1968.
- ⁴ R. Harris, Independence and After. L., 1962, p. 30.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ "The Memoirs of Sir Anthony Eden", p. 398.
- ⁷ "Commonwealth Journal", 1965, vol. 8, No 3, p. 114.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ "Survey of British and Commonwealth Affairs", 1970, vol. 4, No 9, p. 435.
- ¹⁰ John D. Hargreaves, West Africa: the former French States, Prentice-Hall Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, U. S., 1967, p. 151.
- ¹¹ "US... in the 70-th", Wash., 1970.
- ¹² Victor Le Vine, Political leadership in Africa, Stanford University, 1967.
- ¹³ "African Students and Study Programms in the United States. Report and Hearings of the Subcommittee on Africa Committee on Foreign Affairs House of Representatives", Wash., 1965, p. 8.
- ¹⁴ N. Emerson, Africa and United States Policy, p. 48.
- ¹⁵ "Statement by G. Mennen Williams before the Senate Judiciary Committee's Subcommittee on Refugees and Escapes", Wash., Jan. 21, 1965.
- ¹⁶ "Africa Report", 1969, No 1.
- ¹⁷ W. Attwood, The Red and the Blacks, p. 169.
- ¹⁸ "Eastern World", Sept. 1961, pp. 13—14.
- ¹⁹ "Peace Corps Volunteer", July-Aug. 1968.
- ²⁰ "Peace Corps Volunteer", Apr. 1968.

Глава XIII

- ¹ T. Devis, African Trade Unions, L., 1966.
- ² В 1955 г. в Танганьике состоялась 21 забастовка, охватившая 4 тыс. человек, а в 1958 г. было уже 76 забастовок, в которых участвовало свыше 51 тыс. рабочих (см. J. Woodis, Africa. The Lion Awakes, L., 1961, p. 123).
- ³ "Labour's Colonial Policy, Economic Aid", L., 1957, p. 32.
- ⁴ J. Davis, African Trade Unions, p. 190.

⁵ Ibid., p. 201.

⁶ "The Emergence of Africa", Report to the President by Vice-President Nixon on his trip to Africa, Febr. 1957, p. 5.

⁷ В 1967 г. ААРЦ был разоблачен независимыми профсоюзными лидерами США как орган, примыкающий к ЦРУ. Сообщалось, что в нем проходят подготовку лица, отобранные и завербованные в развивающихся странах американской разведкой.

⁸ "Reporter", 1966, No 2.

⁹ J. Davis, African Trade Unions.

¹⁰ Vernon McKay, Africa in World Politics, N. Y., 1963, p. 262.

¹¹ "New Africa", March 1964.

Глава XIV

¹ "Marchés tropicaux et méditerranéens", 27 mai 1970.

² "The Great Transition", A Lecture By Walt W. Rostow, Special Assistant to the President, Febr. 23, 1967, United States Policy Statement Series — 1967, pp. 17, 21—23.

³ "Nouvel Observateur", June 3—7, 1968, Suppl. No 177.

⁴ "The New York Times", Jan. 5, 1969.

⁵ "Proposed Foreign Aid Program. FY 1969. Aid Summary presentations to the Congress", 1968, p. 202; "US Foreign Aid in Afrika", AID, Wash., 1967, p. 3.

⁶ Ibid.

⁷ «Экономические группировки в Западной Европе», М., 1969; Л. Г. Гук а с я н - Г а н д з а к е ц и, Сущность «еврафриканского сообщества», М., 1959.

⁸ О межимпериалистических противоречиях в целом в связи с созданием ЕЭС см. М. К. Б у н к и н а, Центры мирового империализма: итоги развития и расстановка сил, М., 1970.

⁹ По режиму ассоциации африканские страны открывают на свои рынки свободный доступ товарам членов ЕЭС, преграждая дорогу экспорту других государств высокими пошлинами. Кроме того, ассоциированные страны обязаны консультироваться с «шестеркой» перед любыми торгово-политическими переговорами с третьими странами и следовать полученным рекомендациям.

¹⁰ S. Dell, Trade block's and Common Markets, L., 1963, p. 14.

¹¹ Цит. по Л. Г. Г у к а с я н - Г а н д з а к е ц и, Сущность «еврафриканского сообщества», стр. 41.

¹² "Life", Febr. 20, 1970.

¹³ Нигерия не присоединилась к Яундской конвенции, а подписала отдельное соглашение, по которому предоставила «шестерке» режим наибольшего благоприятствования в отношении услуг, движения капиталов, права открывать филиалы фирм и учреждать новые предприятия и компании на ее территории.

¹⁴ Лагосское соглашение, однако, так и не вступило в силу из-за осложнения отношений Нигерии с Францией, оказывавшей помощь «Биафре». Париж в отличие от других членов «шестерки» до истечения срока соглашения — 31 мая 1969 г. — не ратифицировал его.

¹⁵ Эта система применялась Францией в торговле с зоной франка. Взаимные закупки товаров осуществлялись по более высоким ценам, чем мировые.

- ¹⁶ 90% французского экспорта в Марокко не облагается пошлинами. За Тунисом и Марокко сохранялось право поставлять во Францию товары по ценам в три раза выше мировых («Еuropean Community», febr. 1967).
- ¹⁷ См. А. Гжегорек, «Общий рынок» и ассоциированные страны, «Международная жизнь», 1970 г., № 8.

Заключение

- ¹ «Правда», 11 апреля 1971 г.
- ² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 94.
- ³ Там же, стр. 95.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
<i>Введение.</i> Противоречие современного империализма и Африка	3
Часть первая	
Нарастание противоречий и соперничества	
Глава I. Колониальные проблемы в системе отношений западных союзников в годы второй мировой войны	21
Глава II. Идеологическая завеса претензий на передел сфер колониального господства	34
Глава III. Теория «вакуума» и практика экспансии	48
Глава IV. «Второй фронт» колониальных держав	58
Часть вторая	
Экономические аспекты межимпериалистической борьбы в освободившихся странах Африки	
Глава V. Столкновения иностранных частных капиталов	83
Глава VI. Государственная «помощь» как средство конкурентной борьбы	107
Глава VII. Торговая война в скрытых и открытых формах	130
Глава VIII. Сырьевые ресурсы Африки и научно-техническая революция	149
Глава IX. Борьба монополий за источники стратегического сырья	165
Часть третья	
Социально-политические и идеологические аспекты межимпериалистической борьбы в освободившихся странах Африки	
Глава X. Борьба за политическое влияние в странах свободной Африки	200
Глава XI. Соперничество в области идеологии и средства массовой информации	238
Глава XII. Подготовка национальных кадров как объект межимпериалистической борьбы	256
Глава XIII. Попытка захвата контроля над профсоюзным движением	272
Глава XIV. Противоречия империалистических держав в вопросах регионального сотрудничества африканских стран	282
<i>Заключение.</i>	298

Евгений Анатольевич Тарабрин

НОВАЯ СХВАТКА ЗА АФРИКУ

Редактор В. А. Шленская

Оформление художника О. Н. Коняхина

Художественный редактор Г. Ф. Скачков

Технический редактор Т. С. Ковалева

Корректор Л. Ф. Крылова

А-08494. Сдано в набор 9/VIII 1971 г. Подписано в печать 10/XI 1971 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,86. Тираж 5000 экз. Изд. № 99-И

Издательство «Международные отношения». Москва, И-90, Мещанская, 7. Зак. № 585. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 1 р. 44 к.